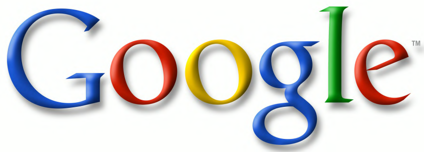
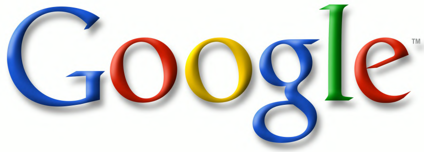

ЛЕКЦІИ

ПО

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. И. СОБОЛЕВСКАГО,

ординарнаго профессора ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

съ измѣненіями и дополненіями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Хромолитографія **А. Траншель**, Стремянная ул., д. № 12.

Телефонъ № 243.

1891.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран:	*Строка*:	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ читать*:
2	15 снизу	иногда и *э*	иногда и *е*
25	8 сверху	1260	1266
34	15 снизу	Супральской	Супрасльской
61	16 сверху	1492	1392
125	17 »	V кіевская	кіевская
149	13 »	XVI в.	XIV в.
195	6 снизу	кяяжья	княжья
215	16 сверху	радовати	радоватися

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Уже давно у насъ чувствуется недостатокъ въ руководствѣ по исторіи русскаго языка. Единственный трудъ, посвященный этому предмету, — „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе“, покойнаго М. А. Колосова, — почти десять лѣтъ назадъ вышелъ изъ продажи и въ настоящее время не можетъ быть пріобрѣтаемъ даже антикварнымъ путемъ; сверхъ того, этотъ трудъ, даже при самомъ появленіи своемъ въ печати, не отличался ни полнотою, ни достоинствомъ историческаго матеріала. Въ виду этого мы рѣшились издать свои лекціи по исторіи русскаго языка, въ томъ видѣ, какъ онѣ были читаны въ Университетѣ св. Владимира въ 1887—1888 академическомъ году. Несомнѣнная цѣнность находящихся въ нихъ данныхъ, въ большинствѣ случаевъ извлеченныхъ изъ первоисточниковъ и являющихся въ свѣтъ впервые, по нашему мнѣнію, достаточно оправдываетъ нашу рѣшимость.

Кіевъ.
1888 г.

I. Введеніе.

Русскій народъ какъ въ антропологическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи представляетъ единое цѣлое.

Инородческая, финнская кровь, входившая въ обиліи въ теченіе многихъ вѣковъ и входящая даже доселѣ въ сѣверо-восточную отрасль русскаго народа—въ великорусское племя, не сдѣлала русскихъ сѣверянъ ни финнами, ни финно-руссами, какъ увѣряютъ даже въ наши дни, со словъ печальной памяти Духинскаго, мало знающіе русскій народъ и русскій языкъ иностранцы въ родѣ Карла Абеля. Она не внесла ничего въ русскій антропологическій типъ; она не оказала ни малѣйшаго вліянія на единство русскаго языка. Кромѣ нѣсколькихъ словъ, существующихъ въ окраинныхъ сѣверныхъ и восточныхъ великорусскихъ говорахъ и чуждыхъ русскому литературному языку, финны не внесли въ русскій языкъ ничего. Когда-то думали, что мы обязаны финнамъ полногласіемъ и а́каньемъ, но этого мнѣнія теперь уже едва ли кто держится, въ виду его очевидной неосновательности: полногласіе существуетъ вездѣ, гдѣ живетъ русскій народъ, между прочимъ за Карпатами и передъ Карпатами, гдѣ исторія не знаетъ финнскихъ поселеній даже въ самыя древнія времена, а а́канье отсутствуетъ именно у тѣхъ русскихъ, въ которыхъ течетъ особенно много финнской крови,—у сѣверныхъ великоруссовъ.

Исторія русскаго языка, отличающагося вообще значительнымъ консерватизмомъ (сравните исторію языковъ чешскаго и болгарскаго), за много вѣковъ не дала ничего такого, что разрушило бы единство русскаго языка. Онъ дѣлился на говоры издавна,

съ тѣхъ временъ, когда у насъ еще не существовало никакой письменности; онъ дѣлится на нарѣчія и говоры теперь, подобно тому какъ дѣлится на нихъ всякій языкъ, имѣющій сколько-нибудь значительную территорію; но эти нарѣчія и говоры, имѣя другъ отъ друга отличія въ фонетикѣ, морфологіи и лексикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ такое множество общихъ чертъ, что русскій типъ языка вполнѣ сохраняется въ каждомъ изъ нихъ; онъ выступаетъ въ нихъ настолько ясно, что не можетъ быть вопроса относительно ни одного изъ нихъ, не слѣдуетъ ли его считать говоромъ не русскимъ, а напримѣръ, польскимъ или словацкимъ. Кое-кто изъ ученыхъ дѣлитъ русскій языкъ на два языка, хотя и близко родственные между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по ихъ мнѣнію, рѣзко отличные другъ отъ друга,—великорусскій и малорусскій, при чемъ одни причисляютъ бѣлорусское нарѣчіе къ первому, другіе—ко второму. Эти лица дѣлаютъ крупную ошибку. Они берутъ для сравненія, на которомъ потомъ строятъ выводы, съ одной стороны тотъ великорусскій говоръ, который по звукамъ наиболѣе отличенъ отъ говоровъ малорусскихъ,—а́кающій московскій, и съ другой—тѣ малорусскіе, которые наиболѣе удалены отъ великорусскихъ, —украинскій и галицкій, часто имѣющіе *і* на мѣстѣ великорусскихъ *о* и *е*. Значительная часть малорусскихъ говоровъ, говоры, имѣющіе *у*, *уо* на мѣстѣ великорусскихъ *о* и *е*, а иногда и *э* на мѣстѣ *ѣ*, оставляются ими безъ вниманія; а между тѣмъ эти говоры по своимъ фонетическимъ особенностямъ очень близки къ великорусскимъ о́кающимъ говорамъ, болѣе близки къ нимъ, чѣмъ къ другимъ малорусскимъ—къ украинскому, галицкому. Въ этомъ можетъ безъ труда убѣдиться всякій: стоитъ только сравнить сѣверно-малорусскія 1) в*у*лъ, в*уо*лъ, 2) в*ю*лъ, в*юо*лъ съ одной стороны—съ великорусскими 1) в*о*лъ, 2) в*ё*лъ, съ другой—съ украинско-галицкимъ в*і*лъ. Если мы возьмемъ всю массу великорусскихъ говоровъ (со включеніемъ сюда и бѣлорусскихъ, такъ какъ бѣлорусское нарѣчіе есть, конечно, часть великорусскаго нарѣчія) и сопоставимъ ихъ со всею массою малорусскихъ говоровъ, то обстоятельное сравненіе особенностей тѣхъ и другихъ не дастъ намъ основанія видѣть въ каждой группѣ особый, самостоятельный *языкъ*.

Если есть полное основаніе видѣть въ современномъ русскомъ языкѣ одинъ языкъ, то о единствѣ древне-русскаго языка, напримѣръ, XI вѣка, когда различіе между русскими говорами, какъ будетъ показано ниже, не было сколько-нибудь значительно,— не можетъ быть даже и вопроса.

Вслѣдствіе этого мы излагаемъ не исторію отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ, а исторію всего русскаго языка.

Наблюдая исторію языка, мы замѣчаемъ, что онъ съ теченіемъ времени измѣняется въ звукахъ. При этомъ, на основаніи собственнаго опыта, мы удостовѣряемся, что говорящіе вовсе не хотятъ измѣнять своего языка и что всѣ измѣненія въ немъ происходятъ помимо ихъ воли. При изслѣдованіи этихъ измѣненій намъ становится ясно, 1) что не имѣя намѣренія передѣлывать свой языкъ, мы тѣмъ не менѣе стараемся приспособиться къ наиболѣе легкому и удобному для насъ произношенію звуковъ и образованію словъ и формъ и такимъ образомъ измѣняемъ какъ тѣ, такъ и другія незамѣтно для самихъ себя, и 2) что измѣненія звуковъ въ языкѣ бываютъ двоякаго характера.

Въ однихъ случаяхъ звуки измѣняются постепенно, переходя изъ одного оттѣнка въ другой, въ строгой зависимости отъ измѣненій въ положеніи органовъ рѣчи. Это естественныя измѣненія въ языкѣ, измѣненія физіологическаго характера. Къ числу ихъ принадлежитъ измѣненіе *е* въ *о* въ словѣ *мёдъ*: въ древности здѣсь слышался звукъ *е*; теперь въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ здѣсь слышится *о*. Къ нимъ принадлежитъ измѣненіе мягкаго *ж* въ твердое въ словѣ *жиръ*: нѣкогда оно звучало съ *и* послѣ *ж*; теперь въ великорусскомъ нарѣчіи оно звучитъ ж*ы*ръ, и т. п.

Въ другихъ случаяхъ измѣненія обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи, вліянію однихъ словъ и формъ на другія, и состоятъ въ простой замѣнѣ однихъ звуковъ или звуковыхъ сочетаній въ словѣ другими. Такъ, напримѣръ, въ словѣ *гортань* въ настоящее время гласный звукъ, *о*, произносится передъ *р*, но въ древнюю эпоху предокъ этого *о*, глухой *ъ*, находился послѣ плавнаго, такъ что слово звучало *грътань*; это написаніе мы

находимъ неизмѣнно въ нашихъ памятникахъ до XIII вѣка (Апостолъ 1220 г.: г*ър*тань 21; Житіе Нифонта 1219 г.: г*ър*тань 43 об.; Псалтырь 1296 г.: г*ор*тань 7, 38 об. и др.). Измѣненіе въ расположеніи звуковъ этого слова, или замѣна сочетанія *ръ*, *ро* сочетаніемъ *ър*, *ор*, произошло благодаря вліянію на данное слово близкаго по звукамъ и значенію слова *гърло*, *горло*. Форма повелительнаго наклоненія *пеки* образовалась изъ болѣе древней формы *пьци* подъ вліяніемъ формъ *пеку*, *пекутъ* и другихъ, гдѣ слышался и слышится звукъ *к*. Измѣненія звуковъ посредствомъ аналогіи находятся въ зависимости не отъ органовъ рѣчи, а отъ дѣятельности ума, и такимъ образомъ имѣютъ психологическій характеръ.

Измѣненія перваго рода въ значительномъ большинствѣ имѣютъ мѣсто во всей массѣ тожественныхъ явленій; такъ, мы находимъ измѣненіе *е* въ *о* не въ одномъ великорусско-бѣлорусскомъ м*е́*дъ, а во всѣхъ словахъ великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, въ которыхъ *е* слышалось подъ удареніемъ передъ послѣдующимъ твердымъ согласнымъ. Такимъ образомъ большинство измѣненій физіологическаго характера подчинено законамъ. Меньшинство этихъ измѣненій наблюдается лишь въ той или другой части тожественныхъ явленій и отличается случайностью; такъ, мы видимъ замѣну *р* черезъ *л* при такъ называемой диссимиляціи плавныхъ въ про*л*убь, но не встрѣчаемъ ея въ тожественномъ случаѣ въ про*р*ѣзь.

Измѣненія втораго рода отличаются полною случайностью, хотя иногда мы наблюдаемъ ихъ въ очень значительномъ количествѣ тожественныхъ явленій. Аналогія препятствуетъ дѣйствію звуковыхъ законовъ и производитъ исключенія изъ этихъ законовъ. Такъ, *а* подъ удареніемъ во всемъ русскомъ языкѣ сохраняется, но благодаря дѣйствію аналогіи мы наблюдаемъ появленіе ударяемаго *о* вмѣсто *а* въ великорусскихъ пло́титъ, со́дитъ. Здѣсь передъ нами вліяніе чередованія неударяемаго *а* (изъ *о*) съ ударяемымъ *о* (вск*а*чу́—вско́читъ) на другое сходное чередованіе — *а* неударяемаго съ *а* ударяемымъ (пл*а*чу́ — пл*а́*титъ), приведшее второе чередованіе къ полному тожеству съ первымъ, т. е. къ замѣнѣ ударяемаго *а* втораго чередованія черезъ ударяемое же *о*.

Должно замѣтить, что законы измѣненія звуковъ въ одномъ и томъ же языкѣ, нарѣчіи, говорѣ могутъ быть различны (до извѣстныхъ предѣловъ) въ различныя эпохи жизни этого языка, нарѣчія, говора. Такъ, мы наблюдаемъ въ древнѣйшую общеславянскую эпоху законъ смягченія *т* въ русское *ч* (свѣ*ч*а), а въ эпоху болѣе позднюю, въ области бѣлорусскаго нарѣчія, законъ смягченія того же *т* въ *ц* (свѣ*ц*и*ц*ь).

II. Источники.

Мы имѣемъ огромное количество источниковъ для исторіи русскаго языка: однихъ рукописныхъ книгъ и грамотъ отъ XI по XIV в. включительно до насъ дошло около 500. Главныя хранилища древнихъ русскихъ рукописныхъ книгъ — С.-Петербургская Императорская Публичная Библіотека, Московскій Публичный и Румянцевскій Музей, Московская Синодальная Библіотека и Московская Типографская Библіотека. Коллекціи рукописей Публичной Библіотеки и Румянцевскаго Музея составились изъ случайныхъ пожертвованій и покупокъ отъ частныхъ лицъ: поэтому въ этихъ учрежденіяхъ мы находимъ древнія рукописи изъ разныхъ концовъ Россіи. Въ основу Синодальной и Типографской Библіотекъ легло то собраніе рукописей, которое было составлено патріархомъ Никономъ предъ началомъ исправленія богослужебныхъ книгъ; тогда было прислано къ патріарху изъ церквей и монастырей московской Руси большое количество находившихся въ нихъ древнихъ списковъ богослужебныхъ и иныхъ книгъ, изъ которыхъ одни попали въ Типографскую, другіе въ Синодальную Библіотеку. Сверхъ этихъ главныхъ хранилищъ рукописей, есть еще нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ. Это — библіотеки Духовныхъ Академій: С.-Петербургской, Московской, Казанской и Кіевской. Библіотека рукописей С.-Петербургской Духовной Академіи состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ коллекцій: 1) новгородскаго Софійскаго собора и 2) Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; огромная часть находящихся здѣсь рукописей писана или въ Новгородѣ, или на новгородскомъ сѣверѣ, такъ что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сравнительно однообразнымъ

матеріаломъ. Библіотека Московской Духовной Академіи заключаетъ въ себѣ рукописи Іосифова Волоколамскаго монастыря, по большей части позднія, XVI—XVII в., и Троицкой Духовной Семинаріи, куда они были взяты изъ Троицкой Лавры. Библіотека Казанской Духовной Академіи состоитъ изъ рукописей Соловецкаго монастыря; древнихъ рукописей здѣсь также почти нѣтъ. Что касается Кіевской Академіи, то находящіяся въ состоящемъ при ней Церковно-Археологическомъ Музеѣ рукописи пріобрѣтены въ разное время различными путями и между ними очень немного такихъ, которыя бы имѣли цѣну для лингвиста. Немало рукописей хранится въ библіотекахъ Виленской Публичной, Троицко-Сергіевой Лавры, Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ), Успенскаго собора въ Москвѣ, Чудова монастыря въ Москвѣ, Никольскаго Единовѣрческаго монастыря также въ Москвѣ (послѣднему принадлежитъ собраніе рукописей купца Хлудова), Архіерейскаго Дома (Спасо-Преображенскаго монастыря) въ Ярославлѣ, Академіи Наукъ, Московскаго Общества исторіи и древностей, Московскаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, Московскаго Университета, Общества древней письменности въ С.-Петербургѣ, Ростовскаго Музея церковныхъ древностей, Тверскаго Музея и др. и между ними есть очень цѣнныя. Отдѣльныя древнія рукописи хранятся въ разныхъ церквахъ и монастыряхъ, по большей части мало доступныхъ или даже вовсе недоступныхъ для ученыхъ; такъ, въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ хранится Мстиславово Евангеліе начала XII в.; ярославскій Успенскій соборъ владѣетъ Евангеліемъ начала XIII в. Наконецъ нѣкоторыя собранія рукописей составляютъ собственность частныхъ лицъ: таковы собранія графа Уварова, г. Вахромеева и др. Что касается до грамотъ, то главными хранилищами ихъ служатъ Московскій Архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ находятся почти всѣ древнѣйшіе государственные и дипломатическіе акты московскіе и новгородскіе, и Московскій Архивъ Министерства юстиціи, гдѣ находится значительное количество актовъ юридическихъ. Сверхъ того, нѣкоторое количество грамотъ находится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, въ Рижскомъ городскомъ Архивѣ, въ Виленскомъ и Кіевскомъ Центральныхъ Архивахъ и въ Археографической Коммиссіи въ Петербургѣ.

Изъ указанныхъ собраній рукописей не всѣ имѣютъ печатные каталоги. Хорошіе каталоги имѣетъ Московскій Публичный и Румянцевскій Музей; они для румянцевской коллекціи составлены Востоковымъ [1]), для другихъ коллекцій составлены или изданы Викторовымъ [2]). Синодальная Библіотека имѣетъ: 1) краткій указатель, составленный архимандритомъ Саввою [3]), и 2) подробное ученое описаніе, не оконченное, принадлежащее Горскому и Невоструеву (пять томовъ) [4]). Каталогъ той половины библіотеки Московской Духовной Академіи, которая поступила въ нее изъ Іосифова монастыря, составленъ іеромонахомъ Іосифомъ [5]), а о другой половинѣ, перешедшей въ Академію изъ Троицкой Семинаріи, сообщены свѣдѣнія архимандритомъ Леонидомъ [6]). Рукописи Соловецкой библіотеки, принадлежащія теперь Казанской Духовной Академіи, частію уже описаны, частію описываются (вышло уже два тома) [7]). Каталогъ рукописей кіевскаго Церковно-Археологическаго Музея составленъ Петровымъ [8]). Рукописи Виленской Публичной Библіотеки описаны Добрянскимъ [9]), Троицко-Сергіевой Лавры—іеромонахомъ Арсеніемъ [10]), Воскресенскаго монастыря—архимандритомъ Леонидомъ [11]), Никольскаго Единовѣрческаго монастыря (=собранія Хлудова) — Поповымъ [12]), Археографической Коммиссіи — Барсуковымъ [13]). Сверхъ того, имѣются печатныя свѣдѣнія о рукописяхъ библіотекъ: Императорской Публичной [14]), Академіи Наукъ [15]), Общества исторіи и древностей [16]), Чудова монастыря [17]), ярославскаго Архіерейскаго Дома [18]), Ростовскаго Музея [19]), Тверскаго Музея [20]), г. Вахромеева [21]).

Описаніе грамотъ одной изъ коллекцій Румянцевскаго Музея сдѣлано Лебедевымъ [22]); свѣдѣнія о грамотахъ Архива Министерства юстиціи сообщены Мейчикомъ [23]).

[1]) „Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музея“, Спб. 1842.—[2]) „Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго“. М. 1870.—„Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Д. В. Пискарева“, М. 1871.—„Собраніе рукописей П. В. Севастьянова“, М. 1881.—„Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева“. М. 1881.—Свѣдѣнія о другихъ коллекціяхъ и отдѣльныхъ рукописяхъ, поступившихъ въ Музей, находятся въ „Отчетахъ“ Музея.—[3]) „Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной)

ризницы и библіотеки", М. 1858.—[4]) „Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки", М. 1855—1869.—[5]) „Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библіотеки Іосифова монастыря въ библіотеку Московской Духовной Академіи". Чтенія Московскаго Общества исторіи и древн., 1881 г., кн. 4.—[6]) „Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища свято-Троицкой Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой Духовной Семинаріи въ 1747 г.". Чтенія 1883 г., кн. 1, 1884 г., кн. 3 и 4, 1885 г., кн. 1.—[7]) „Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи". Казань, 1881—86.—[8]) „Описаніе рукописей Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи". Три выпуска. Кіевъ, 1875—79.—Свѣдѣнія о рукописяхъ, поступившихъ въ Музей послѣ 1879 г., находятся въ „Отчетахъ" Церковно-Археологическаго Общества („Труды Кіевской Духовной Академіи", и отд.).—[9]) „Описаніе рукописей Виленской Публичной Библіотеки, церковнославянскихъ и русскихъ". Вильна, 1882 г.—[10]) „Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки свято-Троицкой Сергіевой Лавры". Чтенія 1878 г., кн. 2 и 4; 1879, кн. 2. Дополненіе (описаніе рукописей, хранящихся въ ризницѣ Лавры) въ Чтеніяхъ 1880 г., кн. 4.—[11]) „Описаніе славяно-русскихъ рукописей книгохранилища Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря". Чтенія 1872 г., кн. 1. Другое описаніе той же библіотеки принадлежитъ арх. Амфилохію: „Описаніе Воскресенской Ново-Іерусалимской библіотеки. Съ приложеніемъ снимковъ". М. 1876.—[12]) „Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова". М. 1872. „Первое прибавленіе", М. 1875.—[13]) „Рукописи Археографической Коммиссіи". Спб. 1882.—[14]) Находящееся въ Публичной Библіотекѣ собраніе рукописей графа Толстого описано въ книгѣ: „Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстого. Издали К. Калайдовичъ и П. Строевъ". М. 1825. „Первое прибавленіе... Издалъ П. Строевъ". М. 1825. „Второе прибавленіе... Издалъ П. Строевъ". М. 1827.—Сборники коллекцій Погодина описаны Бычковымъ: „Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки", Спб. 1882.—Свѣдѣнія о поступившихъ въ Библіотеку коллекціяхъ и отдѣльныхъ рукописяхъ можно найти, сверхъ того, въ ежегодныхъ „Отчетахъ" Библіотеки.—[15]) „Каталогъ обстоятельный россійскимъ рукописнымъ книгамъ, къ россійской исторіи и географіи принадлежащимъ и въ академической библіотекѣ находящимся, сдѣланный ст. сов. Соколовымъ", Спб. 1818.—„Каталогъ обстоятельный рукописнымъ книгамъ, священнаго писанія... касающимся, въ библіо-

текѣ Академіи Наукъ хранящимся, сдѣланный ст. сов. Соколовымъ", Спб. 1818.—Описаніе нѣкоторыхъ рукописей академической библіотеки сдѣлано Востоковымъ: „Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова", Спб. 1865.—[16]) „Библіотека Имп. Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Составилъ П. Строевъ". М. 1845.—[17]) „Памятники древней письменности" 1879 г. вып. 4.—[18]) „Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, что нынѣ Архіерейскій Домъ. Составилъ ризничій іеромонахъ Владиміръ". М. 1881.—[19]) „Описаніе рукописей Ростовскаго Музея церковныхъ древностей. Составилъ А. Титовъ". Яр., 1886—89.—[20]) „Описаніе Тверскаго Музея. Археологическій отдѣлъ. Составилъ А. Жизневскій". М. 1888.—[21]) „Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахромееву. Описалъ А. Титовъ". М. 1888. [22]) „Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева". М. 1882.—[23]) „Грамоты XIV и XV вв. Московскаго Архива Министерства юстиціи. Изслѣдованіе". М. 1883.

Наибольшее значеніе при изученіи исторіи русскаго языка принадлежитъ рукописямъ съ XI по XIV ст. включительно, которыхъ, какъ уже было сказано, до насъ дошло около 500. Изъ нихъ огромная часть—списки богослужебныхъ книгъ: евангелія, апостолы, псалтыри, минеи, тріоди и т. п. Далѣе, довольно значительное количество древнихъ рукописей—списки житій и твореній св. отцовъ. Лѣтописи сохранились только въ двухъ древнихъ рукописяхъ: въ Лаврентьевскомъ лѣтописномъ сводѣ 1377 года (лѣтописи Несторова, кіевская и суздальская) и въ синодальномъ спискѣ XIV в. (1-я новгородская лѣтопись). Русская Правда дошла до насъ въ одномъ спискѣ конца XIII вѣка и въ другомъ XIV—XV вѣка. Затѣмъ мы имѣемъ нѣкоторое количество грамотъ XII—XIV стол., увеличивающееся по мѣрѣ приближенія къ концу XIV в.: къ XII в. относятся только двѣ грамоты, къ XIII—около 15, къ XIV в.—болѣе 50.

При столь значительномъ количествѣ матеріала, изслѣдователь исторіи русскаго языка находится въ затруднительномъ положеніи. Большая часть рукописей XI—XIV вв.—списки богослужебныхъ книгъ, твореній св. отцовъ и т. п. произведеній, переведенныхъ съ греческаго на церковно-славянскій, или древне-болгарскій языкъ, ведущіе свое начало отъ южно-славянскихъ оригиналовъ, привезенныхъ въ Россію въ разное время. Такимъ

образомъ въ этихъ рукописяхъ мы имѣемъ дѣло не съ русскимъ языкомъ, а съ церковно-славянскимъ, измѣненнымъ русскими переписчиками, которые внесли въ него въ большемъ или меньшемъ количествѣ особенности роднаго языка. Вслѣдствіе этого количество заключающагося въ такихъ рукописяхъ матеріала для исторіи русскаго языка сравнительно незначительно, иногда даже ничтожно; сверхъ того, часто бываетъ трудно отдѣлить въ нихъ то, что принадлежитъ русскимъ переписчикамъ, отъ того, что находилось въ ихъ южно-славянскихъ подлинникахъ. Затѣмъ, огромная часть рукописей не имѣетъ никакихъ датъ, такъ что приходится опредѣлять время ихъ написанія по палеографическимъ даннымъ, которыя не даютъ точныхъ рѣшеній и позволяютъ дѣлать крупныя ошибки. На основаніи этихъ данныхъ мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что такая-то рукопись относится къ XI в.: почерки рукописей XI в. и рукописей XII в. (особенно первой половины XII в.) до того схожи, что между ними невозможно положить никакой границы; приходится говорить, что рукопись относится къ XI или XII в.; точно также приходится опредѣлять рукописи XII или XIII вѣкомъ, XIII или XIV и т. д. Что касается мѣста написанія рукописей, то при отсутствіи прямыхъ указаній мы можемъ опредѣлять его только на основаніи данныхъ языка. Но эти данныя таковы, что изъ массы рукописей, дошедшихъ до насъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и не имѣющихъ датъ, мы можемъ съ полною увѣренностью сказать только о сравнительно немногихъ, что они написаны въ томъ или другомъ городѣ, въ той или другой области; въ большинствѣ же случаевъ относительно рукописей безъ датъ мы только можемъ догадываться, откуда ведутъ они свое происхожденіе. Сверхъ того, данныя языка рукописей иногда бываютъ совершенно безцвѣтны и не позволяютъ дѣлать никакихъ выводовъ; иногда онѣ представляютъ странную смѣсь. Писцы, переписывая рукописи, нерѣдко старались сохранить текстъ подлинника въ цѣлости, и поэтому сѣверно-русскій писецъ, списывая съ южно-русскаго оригинала, сохранялъ въ своемъ спискѣ южно-русскія особенности подлинника; южно-русскій писецъ въ свою очередь сохранялъ сѣверно-русскія особенности, внося вмѣстѣ съ тѣмъ и свои мѣстныя, и т. д.; отсюда смѣшеніе въ одной и той же рукописи

различныхъ данныхъ и невозможность разобраться въ нихъ. Что касается до грамотъ написанныхъ почти всегда на чистомъ русскомъ языкѣ, безъ примѣси церковно-славянскаго элемента,— то хотя до насъ дошло ихъ порядочное количество, особенно отъ XIV вѣка, онѣ имѣютъ сравнительно мало цѣны, ибо по большей части онѣ или очень невелики по объему, или представляютъ матеріалъ болѣе или менѣе однообразный; многія изъ нихъ чрезвычайно сходны другъ съ другомъ и, имѣя незначительныя отличія, заключаютъ въ себѣ одни и тѣ же слова, одни и тѣ же выраженія.

Изъ древне-русскихъ рукописей особенно важны слѣдующія:

XI вѣка. Остромирово Евангеліе, написанное въ Новгородѣ въ 1056—57 годахъ дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира (Публичн. Библ.) [1]; два Сборника Святославовыхъ, написанныхъ въ Кіевѣ для великаго князя Святослава, одинъ въ 1073 г. (Синод. Библ.) [2], другой въ 1076 г. (Публичн. Библ.) [3]; Архангельское Евангеліе 1092 года, названное такъ потому, что найдено въ Архангельской губерніи (Румянц. Муз.); три новгородскія Минеи 1095, 1096 и 1097 гг. (Типографск. Библ.) [4].

Къ этому столѣтію или началу слѣдующаго можно также относить Пандекты Антіоха, писанные едва ли не въ Кіевѣ (библ. Воскресенскаго монастыря), 13 словъ Григорія Богослова (Публичн. Библ.) [5], отрывокъ Туровскаго Евангелія (Виленская Публ. Библ.) [6], кирилловскую часть Реймскаго Евангелія (библіотека г. Реймса) [7], Путятину Минею (Спб. Дух. Ак.) и Поученія Кирилла Іерусалимскаго (Синод. Библ.).

Сверхъ того, сохранились коротенькія надписи — нѣсколько на монетахъ Владиміра Св., Святополка и Ярослава I [8]) и одна на такъ называемомъ Тмутороканскомъ камнѣ, найденномъ около Керчи; послѣдняя относится къ 1068 году [9]).

[1]) „Остромирово Евангеліе 1056—1057 г. Съ приложеніемъ греческаго текста евангелій и грамматическими объясненіями". Спб. 1843.—„Остромирово Евангеліе 1056—57 года, хранящееся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Иждивеніемъ С.-Петербургскаго купца Ильи Савинкова". 1-ое изданіе, Спб. 1883. 2-ое изданіе, Спб. 1889.—[2]) „Изборникъ великаго князя Святослава

Ярославича 1073 года. Изданіе Общества древней письменности". Спб. 1880. Неточности этого изданія указаны Шахматовымъ въ Archiv für slav. Philologie, VII.—[3]) Издано (дурно) Шимановскимъ: „Къ исторіи древне-русскихъ. говоровъ. Изслѣдованіе, съ приложеніемъ полнаго текста Сборника Святослава 1076 г." Варш. 1887.—[4]) „Служебныя Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь въ церковно-славянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича". Спб. 1886.—[5]) Изданы (не вполнѣ удовлетворительно) Будиловичемъ: „XIII словъ Григорія Богослова въ древне-славянскомъ переводѣ по рукописи Имп. Публичной Библіотеки XI в.". Спб. 1875.—[6]) Изданъ Срезневскимъ въ его „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ", № XLV, Спб. 1873.—[7]) Издана въ литографированномъ снимкѣ: „Evangelia slavice, vulgo Texte du Sacre. Edidit Silvestre", Paris, 1845.—[8]) Снимки въ трудѣ графа Толстого: „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кіевскаго. Нумизматическій опытъ". Спб. 1882.—[9]) Снимокъ въ приложеніи къ 1-му изданію труда Срезневскаго: „Древніе русскіе памятники языка и письма", Спб. 1863.

XII вѣка. Мстиславово Евангеліе около 1115 г., названное такъ потому, что написано для Мономахова сына Мстислава (московск. Архангельскій соборъ); Юрьевское Евангеліе около 1120 г., написанное—вѣроятно, въ Кіевѣ — для новгородскаго Юрьева монастыря (Синодальная Библіотека); Галицкое Евангеліе 1144 г. (Синод. Библ.) и Добрилово Евангеліе 1164 г. (Рум. Муз.) [1]); изъ двухъ послѣднихъ, написанныхъ, надо думать, въ Галиціи или на Волыни, первое имѣетъ свое названіе потому, что нѣкогда хранилось въ Крылосѣ, около Галича (южнаго), второе—потому, что написано попомъ Добриломъ; два новгородскихъ Стихираря: 1157 г. (Синод. Библ.) и около 1163 г. (между 1156 и 1163 г. Спб. Дух. Ак.).

Къ XII или къ XIII столѣтію относятся также: Успенскій Сборникъ, заключающій въ себѣ, между прочимъ, житіе Θеодосія Печерскаго и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (моск. Успенскій соборъ) [2]), галицко-волынскій Выголексинскій Сборникъ (Румянц. Музей) [3]), гал.-волынск. Типографское Евангеліе № 6 (Типографская Библ.) [4]), Слово св. Ипполита объ антихристѣ (моск. Чудовъ монастырь) [5]), Тріодь, написанная Моисеемъ кіевляниномъ (Тип.

Библ.), Учительное Евангеліе Константина Болгарскаго (Синод. Библ.) и Пантелеймоново Евангеліе (Спб. Дух. Ак.).

Изъ грамотъ къ XII в. относится кіевская грамота великаго князя Мстислава Владиміровича 1130 г. и новгородская св. Варлаама Хутынскаго [6]); сверхъ того, мы имѣемъ надписи на новгородскомъ Стерженскомъ крестѣ 1133 г. [7]), на чарѣ, вѣроятно, черниговскаго князя Владимира Давыдовича, до 1151 г. [8]), на крестѣ св. Евфросиніи Полоцкой 1161 г. (эта надпись сдѣлана галицко-волынскимъ уроженцемъ) [9]) и на западно-русскомъ Рогволодовомъ камнѣ 1171 г. [10]).

[1]) Описаніе этого памятника въ нашихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка". Кіевъ, 1884.—[2]) Изъ этого Сборника Житіе Өеодосія издано въ „Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей" 1879 г., кн. I, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ—тамъ же, 1870 г., кн. I, нѣсколько другихъ статей—въ „Библіографическихъ матеріалахъ" Попова (тамъ же, 1879 г., кн. I, и отд.). Неточности и ошибки въ изданіи Житія Өеодосія указаны Шахматовымъ въ Archiv für slav. Philologie, V.—[3]) Описаніе сдѣлано нами въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ" 1884 г. № 3.—[4]) Описаніе въ нашихъ „Очеркахъ".—[5]) Одна часть издана Невоструевымъ: „Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII вѣка", М. 1868, другая—Срезневскимъ: „Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ". Спб. 1874.—[6]) Изданы въ снимкахъ въ приложеніи къ 1-му изданію „Древнихъ памятниковъ" Срезневскаго.—[7]) Издана въ „Описаніи Тверскаго Музея", Жизневскаго, М. 1888.—[8]) Издана Бычковымъ въ „Запискахъ" Имп. Археологич. Общества, т. III.—[9]) Издана въ брошюрѣ: „Историческія свѣдѣнія о жизни преп. Евфросиніи княжны Полоцкой", Спб. 1841.—[10]) Издана въ книгѣ Батюшкова: „Бѣлоруссія и Литва , Спб. 1890 г.

XIII вѣка. Новгородское Милятино Евангеліе 1215 г. (Публ. Библ.); ростовское Житіе Нифонта 1219 г. (Троицкая Лавра); ростовскій Апостолъ 1220 г. (Синод. Библ.); новгородская Тріодь Саввина до 1226 г. (Спб. Дух. Ак.); новгородскій Трефолой 1260 г. (Синод. Библ.); новгородскій Прологъ 1262 г. (Хлудова=Никольск. мон.); галицко-волынское Галицкое Евангеліе около 1266 года. (Публ. Библ.) [1]); новгородское Евангеліе 1270 г. (Румянц. Музей); новгородскій Паремейникъ 1271 г. (Публ.

Библ.); новгородская Кормчая, съ приложеніемъ Русской Правды и другихъ русскихъ статей, около 1282 г. (Синод. Библ.) [2]); рязанская Кормчая 1284 г. (Публ. Библ.); Псалтырь 1296 года, кажется, западно-русская (Синод. Библ.); новгородскіе (или псковскіе) Пандекты Никона Черногорца 1296 г. (Синод. Библ.).

Къ этому же столѣтію или къ началу слѣдующаго можно относить также три галицко-волынскіе памятника — Архивскую Лѣствицу (Архивъ Мин. иностр. дѣлъ) [3]), Холмское Евангеліе (Румянц. Музей) [4]) и Житіе Саввы Освященнаго (Общ. др. письм.); и кромѣ нихъ,—Толстовскій Сборникъ (Публ. Библ. q. I. 17).

Изъ грамотъ къ этому вѣку относятся два договора смоленскихъ князей съ Ригою, одинъ 1229 года (дошелъ въ двухъ экземплярахъ), другой около 1230 г., нѣсколько мелкихъ смоленскихъ и рижскихъ грамотъ, договоры новгородцевъ съ нѣмцами и грамоты ихъ къ нѣмцамъ [5]), первые договоры новгородцевъ съ тверскими князьями [6]) и духовная новгородца Климента [7]).

[1]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“.—[2]) Палеографическій снимокъ текста Русской Правды по новгородской Кормчей книгѣ XIII вѣка. Скопированный съ подлинника... подъ руководствомъ И. И. Срезневскаго“. Спб. 1888. [3]) Описана нами въ „Русскомъ Филологическ. Вѣстникѣ“ 1884 г. № 3.—[4]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“.—[5]) Эти документы изданы (почти всѣ) въ „Русско-Ливонскихъ Актахъ, собранныхъ К. Е. Напьерскимъ“. Спб. 1868.—[6]) Новѣйшее изданіе этихъ договоровъ у Шахматова: „Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка“, Спб. 1886.—[7]) Издана Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ“, № XXXV, Спб. 1867.

XIV вѣка. Галицко-волынское Поликарпово Евангеліе 1307 года (Синод. Библ.) [1]); два псковскихъ Апостола, одинъ 1307 г., другой 1306—1312 г. (тамъ же) [2]); новгородская Тріодь 1311 г. (тамъ же); Евангеліе 1317 года, можетъ быть, западно-русское (Академія Наукъ); Ев. 1323 г., сѣверно-русское (Хлудова=Никольск. мон.); Стихирарь 1331 года, писанный въ московской области (Троицкая Лавра); Лѣствица 1334 г. (тамъ же); московское Евангеліе 1339 г. (Антоніевъ-Сійскій монастырь); Евангеліе 1354 г., писанное въ московской области (Синод. Библ.); новгородское Еванг. 1355 г. (Синод. Библ.); новгородскій Прологъ 1356 г. (Типогр. Библ.); Евангеліе 1357 года, писанное въ сѣверномъ

Галичѣ (Синод. Библ.); Евангеліе 1358 года, писанное въ московской области (тамъ же); новгородское Евангеліе до 1362 года (Типогр. Библ.); переяславскій списокъ словъ Ефрема Сирина 1377 г. (Академія Наукъ); суздальскій такъ наз. Лаврентьевскій списокъ лѣтописей 1377 г. (Публичн. Библ.) [3]; Паремейникъ 1378 г., вѣроятно, московскій (Публ. Муз.); два псковскихъ Параклитика, одинъ 1369 г., другой 1386 г. (Синод. Библ.); псковскій Прологъ 1383 г. (Типографск. Библ.) [4]; московское Евангеліе 1393 г. (Публ. Библ.); оно принадлежитъ тому же писцу, которымъ написана кіевская Псалтырь 1397 года (Общ. древней письменности); новгородскій Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г., списанный съ средне-болгарскаго оригинала (Публ. Библ.); Евангеліе 1399 года писанное, вѣроятно, въ московской области (Типогр. Библ.); новгородскій Служебникъ 1400 года (Синод. Библ.). Изъ памятниковъ, не отмѣченныхъ годомъ, относятся къ XIV столѣтію: синодальный списокъ Новгородской лѣтописи (Синод. Библ.) [5]; галицко-волынское Луцкое Евангеліе (Румянц. Муз.) [6]; галицко-волынское Путенское Евангеліе (монастырь Путна, въ Буковинѣ) [7]; Мстижское Евангеліе (Виленская Публ. Библ.); новгородскій Требникъ гр. Шереметева (Общ. древней письменности) [8].

Изъ грамотъ этого столѣтія значительная часть приходится на долю Новгорода; они тянутся чрезъ все столѣтіе [9]; за ними слѣдуютъ грамоты: одна рязанская (князя Олега послѣ 1356 г.) [10], двинскія [11], полоцкія, смоленскія, рижскія [12], московскія (древнѣйшая—духовная Ивана Калиты около 1327 года, въ двухъ экземплярахъ) [13]; со второй половины XIV в. начинаются грамоты и акты южно-русскіе [14], западно-русскіе (послѣдніе выданы литовскими князьями и польскими королями и писаны на бѣлорусскомъ нарѣчіи) [15] и молдавскіе (съ южно-русскою примѣсью въ языкѣ) [16].

[1]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ"—[2]) Описаны тамъ же. [3]) Новѣйшее изданіе сдѣлано Археографическою Коммиссіею: „Лѣтопись по Лаврентьевскому списку", Спб. 1872.—[4]) Эти три псковскихъ рукописи описаны въ нашихъ „Очеркахъ".—[5]) Одно изданіе Археографической Коммиссіи исполнено посредствомъ фотолитографіи: „Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку", Спб. 1875.—[6]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ".—[7]) Издано Ка-

лужнядкимъ: „Monumenta linguae palaeoslovenicae. I. Evangelium Putnanum“, Vindobonae, 1888.—[8]) Изданъ посредствомъ фотолитографіи Обществомъ древней письменности.—[9]) Изданы одни въ „Русско-Ливонскихъ Актахъ“, другіе у Шахматова.—[10]) Издана Срезневскимъ въ 1-мъ изданіи „Древнихъ памятниковъ русскаго языка и письма“.—[11]) Акты юридическіе, т. I. Спб. 1838.—[12]) Русско-Ливонскіе Акты.—[13]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I. М. 1813.—[14]) Описаны въ нашихъ „Очеркахъ“.—[15]) Акты относящіеся къ исторіи Западной Россіи, тт. I, II. Спб. 1846—48. [16]) Изданы Уляницкимъ въ „Матеріалахъ для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи... въ XIV — XVI вѣкахъ“. М. 1887.

Если мы теперь обратимся къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ писаны рукописи XI—XIV в., то увидимъ, что по нимъ достаточно характеризуется только одинъ новгородскій говоръ, памятники котораго непрерывно тянутся съ половины XI в. до конца XIV и далѣе. Достовѣрные памятники кіевскаго говора, дающіе впрочемъ очень мало матеріала, имѣются только за XI и отчасти за XII вѣкъ; далѣе мы почти теряемъ слѣды этого говора. Галицко-волынскій говоръ имѣетъ памятники съ половины XII в. до конца XIV в. Смоленскій и полоцкій говоры имѣютъ небольшое количество грамотъ за XIII и XIV в. и затѣмъ теряются для изслѣдователя. Для западно-русскаго (=бѣлорусскаго) говора вполнѣ достовѣрныя данныя начинаются только съ XIV в. Для характеристики средне-русскихъ говоровъ мы имѣемъ матеріалъ отъ начала XIII в. (въ частности для московскаго говора—отъ первой половины XIV в.). Псковъ и двинская земля оставили намъ по небольшому количеству памятниковъ, первый отъ начала, вторая—отъ второй половины XIV в. Для говора тмуторокансвой земли всѣ данныя заключаются въ маленькой надписи на Тмутороканскомъ камнѣ. Что касается до говоровъ Чернигова и Переяславля южнаго, то мы не имѣемъ съ XI по XIV в. никакого ни достовѣрнаго, ни недостовѣрнаго матеріала для ихъ характеристики (кромѣ надписи на чарѣ, вѣроятно, черниговскаго князя Владимира Давыдовича).

Изъ памятниковъ позднѣе XIV вѣка можно отмѣтить какъ важные: коломенскую Палею 1406 г., списанную едва ли не съ новгородскаго оригинала (Троицкая Лавра), псковское Лукино Ев. 1409 г. (Синод. Библ.; описано въ нашихъ „Очеркахъ“), галицко-

волынскій списокъ поученій Ефрема Сирина 1492 г. (Публ. Библ.; описанъ тамъ же), западно-русскую Четью 1489 г. (кіевскій Церковно-Археолог. Музей; описана Карпинскимъ въ Р. Филол. Вѣстн. 1889 г. № 1); Ипатскій списокъ лѣтописей XV в., новгородскій списокъ съ галицко-волынскаго оригинала (изданъ Археографическою Коммиссіею, Спб. 1871), печатную западно-русскую Библію Скорины 1517—1519 гг., печатный зап.-русскій Лютеранскій Катихизисъ 1562 г., печатный зап.-русскій Литовскій Статутъ 1588 г., печатное зап.-русское Евангеліе, такъ наз. Евангеліе Тяпинскаго, на живомъ, замѣчательно чистомъ зап.-русскомъ языкѣ; зап.-русскую Псалтырь XVI в., на довольно чистомъ зап.-русскомъ языкѣ (Рум. Муз. № 335); южно-русское Пересопницкое Евангеліе 1561 г., южно-русскую передѣлку зап.-русскаго текста, находящагося въ Евангеліи Тяпинскаго (библ. Переяславской Дух. Семинаріи; описано и частію издано Житецкимъ въ „Трудахъ 3-го Археологическаго Съѣзда“ и отдѣльно: „Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в.,“ Кіевъ, 1876); московскій Судебникъ 1550 г. (изданъ Калайдовичемъ и Строевымъ, М. 1819), Домострой по списку Общества исторіи и древностей XVI в. (изданъ въ „Чтеніяхъ“ 1881 г., кн. 2) и Повѣствованіе о Россіи Котошихина, второй половины XVII в. (издано Археографическою Коммиссіею, 2-е изданіе, Спб. 1859).

Ссылки изъ поименованныхъ выше памятниковъ—на Остромирово Евангеліе сдѣланы нами по изданію Савинкова, на Сборникъ 1073 г. — по изданію Общества др. письм., на Минеи 1095—1097 гг.—по изданію Ягича, на Реймское Евангеліе—по изд. Сильвестра, на Житіе Ѳеодосія Печ. и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ—по изд. Попова и Бодянскаго, на Слово Ипполита—по изд. Невоструева и Срезневскаго, на Путенское Евангеліе—по изд. Калужняцкаго, на Требникъ гр. Шереметева—по изд. Общества др. письм., на Русскую Правду—по изд. подъ руководствомъ Срезневскаго, на Лаврентьевскій и Ипатскій списки лѣтописей—по *печатнымъ* изданіямъ Археографической Коммиссіи, на Новгородскую лѣтопись—по фото-литографированному изд. той же Коммиссіи, на грамоты и надписи (кромѣ духовныхъ московскихъ князей и молдавскихъ)—по названнымъ ранѣе печатнымъ изданіямъ, на молдавскіе документы—по изданію Уляницкаго. *Здѣсь цифра при ссылкѣ означаетъ страницу изданія.*

Ссылки на другіе памятники (если не указанъ печатный источникъ) сдѣланы нами по оригиналамъ. *Здѣсь цифра означаетъ листъ рукописи.*

III. Главныя звуковыя особенности русскаго языка.

Отношеніе русскаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ въ ту отдаленную эпоху, отъ которой дошли до насъ первые письменные памятники русскаго языка, было не таково, какъ въ настоящее время. Хотя и теперь для русскаго болѣе или менѣе понятна рѣчь серба, словака, поляка, однако онъ встрѣчаетъ у нихъ много формъ, много словъ для него неясныхъ; рѣчь же чеха, лужичанина можетъ считаться для русскаго почти совсѣмъ непонятною. Но въ половинѣ XI вѣка русскій языкъ былъ настолько близокъ къ другимъ славянскимъ языкамъ, что русскій могъ свободно пользоваться болгарскими книгами, говорить съ полякомъ и сербомъ. Тѣмъ не менѣе русская рѣчь уже въ XI вѣкѣ имѣла свои характеристическія особенности. Онѣ слѣдующія.

Отсутствіе носовыхъ гласныхъ. На мѣстѣ церковно-славянскаго ѫ въ русскомъ языкѣ мы видимъ *у* (*ю*), которое является также въ языкахъ сербскомъ и чешскомъ; въ польскомъ языкѣ этому юсу соотвѣтствуютъ носовые звуки *ę* и *ą*. Церковно-славянскій ѧ имѣетъ соотвѣтствіе себѣ въ русскомъ языкѣ въ *а* (*я*); въ польскомъ языкѣ ему соотвѣтствуютъ *ę* и *ą* съ предъидущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ; въ чешскомъ языкѣ церковно-славянскому ѧ въ настоящее время соотвѣтствуетъ нѣсколько звуковъ, но въ древности ему соотвѣтствовало *а* съ предъидущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ; въ сербскомъ языкѣ юсу малому соотвѣтствуетъ *е*. Не слѣдуетъ однако думать, что отсутствіе но-

совыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ есть явленіе исконное. Въ половинѣ XI вѣка носовыхъ звуковъ дѣйствительно уже не было, но раньше, когда начались у насъ сношенія съ жителями Скандинавіи, съ варягами, когда началось вліяніе на русскій языкъ языка скандинавскаго, въ то время носовые звуки еще существовали въ русскомъ языкѣ. Въ этомъ мы убѣдимся, если сопоставимъ нѣсколько русскихъ словъ, ведущихъ начало отъ скандинавскихъ, съ этими послѣдними: *варягъ*=старо-сканд. varingr, греч. βάραγγος; *кълбягъ* (названіе народа)=старо-скандин. kylfingr, греческое κούλπιγγος; *Судъ* (названіе пристани въ Константинополѣ, Золотой Рогъ)=современное скандинавское sund; *якорь*=старо-скандинавское akkeri; *ябетьникъ*—сравни старо-скандинавское ambätti (служанка). Если бы въ древне-русскомъ языкѣ, когда начались сношенія русскихъ съ скандинавами, не было носовыхъ гласныхъ, то мы имѣли бы не *варягъ* (изъ *варѧгъ*), *судъ* (изъ *сѫдъ*), а *варенгъ*, *сундъ* и т. п. Данныя, извлеченныя изъ сопоставленія русскихъ словъ съ скандинавскими, находятъ себѣ подтвержденіе въ сопоставленіи греческаго, латинскаго и нѣмецкаго названій мадьяръ съ ихъ русскимъ названіемъ—въ сопоставленіи греч. οὔγγαροι, οὔγγροι, латинск. ungari, hungari, нѣмецк. ungarn съ русск. *угре* (имен. п. ед. *угринъ*). Названіе *угре* могло явиться въ русскомъ языкѣ приблизительно въ началѣ IX в., когда русскіе славяне впервые встрѣтились съ мадьярами; очевидно, тогда въ русскомъ языкѣ еще существовалъ носовой звукъ и слово угре произносилось *ѫгре*. Въ концѣ X в. носовыхъ гласныхъ, повидимому, уже не было. Константинъ Багрянородный, писавшій въ это время свое сочиненіе „Объ управленіи государствомъ“, приводитъ въ числѣ названій днѣпровскихъ пороговъ слова Νεασήτ=*неясыть* (церк.-слав. *неѩсыть*), Ναπρεζή=*напрязи* (церк.-слав. *напрѧзи*), Βερούτζη=*вѣручи* (церк.-слав. *вьрѫшти*, прич. наст. вр. женск. р.), гдѣ мы уже находимъ чистые гласные звуки. Что въ половинѣ XI вѣка носовыхъ звуковъ уже не было, въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній: Остромирово Ев. представляетъ довольно значительное число случаевъ замѣны церк.-слав. ѫ и ѧ черезъ *у*, *ю*, *а*, *я* и на оборотъ (вин. ед. вод*у*, вѣр*у*, им. мн. овьц*а*, *род. ед. воля, дат. ед.* сѣдѧщѫ, род. ед. морѧ и др.), которая

показываетъ, что писецъ Остромирова Евангелія не имѣлъ никакого понятія о носовомъ произношеніи какихъ-либо гласныхъ звуковъ. Въ другихъ памятникахъ XI вѣка мы находимъ еще большее смѣшеніе церк.-славянскихъ юсовъ съ *у*, *ю*, *а*, *я*; въ памятникахъ же XII в. ѫ-са уже почти совсѣмъ не встрѣчаемъ, а ѩ по значенію нисколько не отличается отъ ꙗ.

Смягченіе зубныхъ согласныхъ въ *ж* и *ч*. 1. Между тѣмъ какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ изъ *дj* образовалось *жд*, а изъ *тj* и изъ группы: гортанный+мягкое *т* — *шт*, въ русскомъ языкѣ этимъ *жд*, *шт* соотвѣтствуютъ *ж* и *ч*, при западно-славянскихъ z (dz) и c. Примѣры: церк.-слав. ви*жд*ѫ (*жд* изъ *дj*)=древне-русск. ви*ж*ю=польск. wi*dz*ę; церк.-слав. хо*шт*ѫ= русск. хо*ч*ю= польск. ch*c*ę; церк.-слав. пе*шт*ь=русск. пе*ч*ь= польск. pe*c*. Такимъ образомъ русскій языкъ отличается отъ церковно-славянскаго и западно-славянскихъ тѣмъ, что употребляетъ 1) *ж* вм. *жд*, *з* и 2) *ч* вм. *шт*, *ц*. Изъ этого правила есть нѣсколько исключеній; именно, русскій языкъ имѣетъ небольшое количество словъ не съ русскимъ *ж*, а съ церк.-славянскимъ *жд*. Они встрѣчаются преимущественно въ народномъ языкѣ, но нѣкоторыя изъ нихъ не чужды и языку литературному: доса*жд*ать (рядомъ съ доса*ж*ать), оби*жд*ать, прохла*ждаться*, приго*жд*аться, уро*жд*ай; подобныя слова съ *жд* вм. *ж* встрѣчаются какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ нарѣчіи. Древность ихъ подлежитъ сомнѣнію. Отъ этихъ словъ, вполнѣ русскихъ, слѣдуетъ отличать тѣ слова съ *жд* вм. *ж* и съ *щ* вм. *ч*, которыя во множествѣ вошли въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго: оде*жд*а, наде*жд*а, во*жд*ь, знаю*щ*ій, похи*щ*ать, пи*щ*а и т. п. Церковно-славянскій языкъ смягчалъ зубные не только передъ *j*, но и передъ *рj*, *вj*: умѫ*жд*ряти, изо*шт*ряти, ухы*шт*ряти, умь*шт*вляти. Русскій языкъ въ подобныхъ словахъ не знаетъ смягченія. По крайней мѣрѣ въ древнихъ памятникахъ мы не находимъ достовѣрныхъ примѣровъ (уму*ж*ряеть, ухы*ш*ряѥть Арх. Лѣств. XIII в. 24 об., 36 об., изъо*ч*рѣніе паче меча Румянц. Сб. XV в. № 406 31 об. не внушаютъ довѣрія), а современный языкъ имѣетъ *д* и *т*: уму*д*рять, ухи*т*ряться. Современныя литературныя: изо*щ*рять, ухи*щ*реніе, умер*щ*влять— *заимствованы* изъ церк.-славянскаго языка.

2. На мѣстѣ церковно-славянскаго *жд*, образовавшагося изъ болѣе древнихъ *зд* и *зг*, въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ: а) въ серединѣ словъ въ большинствѣ случаевъ *жж*, въ меньшинствѣ *жч*; въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ мы находимъ обыкновенно: въ чешскомъ *žď*, въ польскомъ *ždž*, рѣже: въ чешскомъ *šč*, *šť*, въ польскомъ *szcz* (*щ*); б) при соединеніи словъ съ префиксами и предлогами въ древнѣйшихъ памятникахъ—*ж*; старопольскіе памятники здѣсь имѣютъ *ždž*. На мѣстѣ церковно-славянскаго *шт*, образовавшагося изъ болѣе древнихъ *ст* или *ск*, въ русскомъ языкѣ является какъ въ серединѣ словъ, такъ и при соединеніи словъ съ префиксами и предлогами—*щ* (=*шч*, *шш*), при чемъ мы находимъ въ чешскомъ *šč*, *šť*, въ польскомъ *szcz*. Примѣры: а) церк.-слав. я*жд*ѫ я*жд*ати=русск. ѣ*жж*ю, ѣ*жж*ать'=польск. je*ždž*ę, чешск. jí*žď*ěti; церк.-слав. мо*жд*ити (при мо*зг*ъ)=русск. мо*жж*ить, мо*жж*ечокъ=польск. mó*ždž*ek; церк.-слав. пу*шт*ѫ=русск. пу*шч*ю=польск. pu*szcz*ę; церк.-слав. дъ*жд*ь, бѣлорусское и малорусское до*жч*ь или до*щ*ь, древне-чешское d*šč*íti дождить (въ Виттембергской Псалтыри XIV в.), de*šť* дождь (въ одномъ изъ отрывковъ старо-чешской Александреиды), польск. de*szcz*; б) ц.-слав. и*жд*ити=др.-русск. и*ж*ити=ст.-пол. *ždž*yć; ц.-слав. бе-*жд*ьзла (безъ жезла)=др.-русск. бе-*жь*-зла (Слова Григ. Бог. XI в. 345 об.). Изъ древне-русскаго *жж* уже на русской почвѣ возникли *жг* и *жд*: др.-новгородск. пригво*жг*енъ, Минея 1095 г. 128, 130; Ипатскій сп. лѣт.: ѣ*жд*ю 320, 347, 420, соврем. сѣв.-малорусск. одъі*жд*яти и т. п., сѣв.-вел.-русск. во*жд*яться (Зап. Р. Геогр. Общ. по о. этн. IV), симбирск. уѣ*жд*ять (Мотовиловъ, Симб. молвь). Что до *зж* въ соврем. ѣ*зж*ать, по*зж*е, во*зж*и и т. п., то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ неправильностью нашего правописанія.

Мягкое *л* послѣ губныхъ вмѣсто *j*. При такъ называемомъ смягченіи губныхъ въ русскомъ языкѣ изъ *j* постоянно образуется мягкое *л*, которое почти всегда отсутствуетъ въ западно-славянскихъ языкахъ и не всегда находится въ церк.-славянскомъ языкѣ; примѣръ: русск. люб*л*ю, польское lu*b*ię, церк.-слав. люб*л*ѭ и люб*ь*ѭ, люб*ѭ*. Впрочемъ должно замѣтить, что глаголы уязв*л*яю и умерщв*л*яю съ своими производными въ русскихъ памятни-

кахъ до XV в., списанныхъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ, очень часто являются безъ *л*: уязвяю, умьрщвяю.

Отсутствіе *д* передъ *л* и *н*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ *д* и *т* передъ *л* выпадаютъ: мо*л*ити изъ мо*дл*ити, шь*л*ъ изъ шь*дл*ъ, пле*л*ъ изъ пле*тл*ъ, вѫнѫти изъ вѫднѫти. То же мы видимъ въ русскомъ языкѣ, но въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ *д* удерживается: польск. mo*dl*ić, чешск. mo*dl*iti, польск. sze*dl*, wió*dl*, pló*tl*, чешск. pa*dl*, ple*tl*, če*tl*, (но še*l*, š*l*a), чешск. va*dn*ůti, pa*dn*ůti и т. п.

Первое полногласіе. Однимъ изъ видныхъ отличій русскаго языка отъ другихъ славянскихъ языковъ является сочетаніе гласныхъ съ плавными согласными. Мы считаемъ установленнымъ, что русскій языкъ имѣетъ два вида полногласія—такъ называемое первое полногласіе и второе полногласіе. То полногласіе, которое называютъ обыкновенно первымъ, имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ явленіяхъ.

1. Когда въ обще-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовала звуковая группа *ăр* или *ăл*, за которою находился еще согласный звукъ (согласный+*ăр*, *ăл*+-согласный), то это *ăр*, *ăл* въ церк.-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ языкахъ является въ видѣ *ра*, *ла*, въ польскомъ языкѣ въ видѣ *ро*, *ло*, въ русскомъ въ видѣ *оро*, *оло*. Примѣры: обще-слав. б*ăр*да (сравни нѣмецк. b*ar*t) дало въ церк.-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ б*ра*да, въ польскомъ b*ro*da, въ русскомъ б*оро*да; обще-славянск. г*ăл*ва (сравни литовск. g*al*wa) дало въ церк.–славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ г*ла*ва, въ польскомъ g*ło*wa, въ русскомъ г*оло*ва.

Приведенное правило соотвѣтствія звуковъ имѣетъ въ русскомъ языкѣ нѣсколько исключеній. Мы имѣемъ церк.-слав. вокализацію въ русск. *мразъ* (нѣчто малое и скверное), рядомъ съ м*оро*зъ, м*ер*зокъ и т. п.; сравни церк.-славянск. м*ра*зити ненавидѣть, м*ра*зитисѧ быть ненавистнымъ (вельрѣчивыи фарисѣи ом*ра*зися похваливъся; Стихирарь XII в. Типогр. Библ. № 305, л. 24). Другія слова съ церк.-слав. вокализаціею въ родѣ м*ла*дъ при м*оло*дъ, с*ла*докъ, с*ла*стёна при с*оло*дъ, с*оло*дковатый, н*ра*въ, нд*ра*въ при н*оро*въ—болѣе или менѣе несомнѣнныя заимствованія изъ церк.-славянскаго языка. Далѣе мы имѣемъ нѣсколько

словъ съ польскимъ сочетаніемъ звуковъ, т. е. съ *ро* и *ло* вмѣсто ожидаемыхъ *оро*, *оло*: таковы слова: ст*ро*гъ,—сравни церковно-славянск. *сра*гъ, польск. s*ro*gi; п*ло*хъ,—сравни церк.-славянск. п*ла*хъ, п*ла*шитисѧ (Жит. Саввы Освящ. XIII в. 61 об.), польское p*ło*chi; рядомъ съ послѣднимъ и съ близко родственными оп*ло*шность, п*ло*шать, поп*ло*шитися испугаться (Срезневскій, Св. и зам., № LXXXIV, стр. 132), въ русскомъ языкѣ находятся слова съ полногласіемъ: п*оло*шить (Новгородск. лѣтопись XIV в.: поп*оло*шишася людьѥ, 38), переп*оло*хъ, чертоп*оло*хъ, сн*оло*хнуть и друг. Кромѣ словъ съ церк.-славянскимъ и польскимъ звуковыми сочетаніями, мы имѣемъ небольшое количество словъ съ смѣшаннымъ сочетаніемъ звуковъ. Это—слова кук*ора*чь, к*ора*чки, ок*ора*ка, сравни церк.-слав. о-к*ра*къ (идяше отъ ок*ра*ку ѥго кръвь Жит. Ниф. 1219 г. 107), ново-болгарск. и сербск. к*ра*к нога, польск. k*ro*k); можетъ быть, съ ними родственно слово к*оря*читься, гдѣ *р* мягко; полногласная форма въ существит. ок*оро*къ. Это—слово г*ола*вль (названіе рыбы); рядомъ г*оло*вль, г*оло*ва. Это—глаголы въ родѣ пов*ора*чивать, вык*ола*чивать. Они не встрѣчались намъ въ древне-русскихъ памятникахъ. Въ польскомъ языкѣ имъ соотвѣтствуютъ глаголы съ *ra* (не *ro*): w*ra*cać и т. п.

2) Когда въ обще-славянскомъ яз. за согласнымъ звукомъ слѣдовало *ер*, за которымъ находился еще согласный (согл.+*ер*+согл.), то въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ изъ *ер* получилось *рѣ*, въ польскомъ *ре*, въ русскомъ *ере*; примѣръ: обще-славянское б*ер*гъ (сравни нѣмецк. b*er*g) дало въ церк.-славянскомъ б*рѣ*гъ, въ сербск. б*риј*ег, въ чешск. b*re*h, въ польск. b*rze*g, въ русск. б*ере*гъ.

Это правило также имѣетъ нѣсколько исключеній. Къ нимъ принадлежатъ слова: т*рѣ*звъ, рядомъ съ которымъ находимъ т*ере*звъ, т*ере*звиться (прот*ере*звился, Осиповъ, Энеида на изнанку), тв*ерё*зъ (съ перестановкой звуковъ); напримѣръ, въ Сборникѣ Святославовомъ 1076 г. мы читаемъ: по ист*ере*звении 75 об.; т*рѣ*бовати, пот*рѣ*бный (галицк. грамота 1409 г.: потр*ѣ*бизна; галицк. грам. 1421 г.: потр*и*бно; новгор. Тактиконъ Ник. Черн. 1397 г.: потр*и*бно 20, потр*и*ба 22) — сравни церк.-славянск. *трѣбовати, трѣбити, польск.* t*rze*ba надо, t*rze*bić теребить, очи-

щать лѣсъ, чешск. tříbiti; въ русскомъ языкѣ встрѣчается полногласіе въ родственныхъ глаголахъ прет*ере*бовати (Пандекты Никона Черногорца XIII в.) и т*ере*бити и существительномъ прит*ере*бъ (двинская купчая XIV в.: съ прит*ере*бы); древне-русск. *срѣ*бро (встрѣчается нерѣдко въ древнѣйшихъ памятникахъ; на монетахъ вел. кн. Владимира св., въ Минеѣ 1096 года, стр. 188, въ Стихирарѣ 1157 г., 40 об., въ Житіи Нифонта 1219 года, 125 об. и др., въ Галицкомъ Евангеліи около 1260 года и др., современное малорусское *срі*бро или *срі*бло; сравни чешск. stříbro (изъ *срѣ*бро); рядомъ съ нимъ мы имѣемъ полногласное *сере*бро. Словъ съ польскимъ сочетаніемъ звуковъ можно указать два: в*ре*мя (Сборникъ Святославовъ 1076 г.: в*ре*мѧ, 86,222,229 об.); сравни церк.-славянск. в*рѣ*мѧ, сербск. вр*ије*ме; при формѣ в*ре*мя мы находимъ въ смоленскомъ договорѣ 1229 года: в*ъре*мьнемь (дат. п. мн. ч.), въ Псалтыри 1296 года: в*ерѣ*мена 221, въ Архивской Лѣствицѣ XIII—XIV в.: в*ере*мя, въ Лѣствицѣ 1334 г.: в*ере*мя 32, въ западно-русской грамотѣ 1387 г.: в*ере*менемъ, въ Новгородской лѣтописи XIV в.: изв*ере*менивъше 137, соврем. малорусск. и бѣлор. в*ере*мя; — уп*ре*къ, уп*ре*кать; сравни церк.-славянск. п*рѣ*кы, чешск. naprříč (напротивъ); рядомъ съ уп*ре*къ и проч. мы имѣемъ съ правильнымъ полногласіемъ: древн.-русск. п*ере*кы (Ипат. сп. л. 251,252), соврем. поп*ере*къ, п*ере*чить и т. п.

3. Въ томъ случаѣ, когда въ обще-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовала группа *ел*, за которою находился еще согласный звукъ (согл.+*ел*+согл.), изъ этого *ел* въ церковно-славянскомъ языкѣ обыкновенно является *лѣ*, въ сербскомъ *ље*, *лије*, въ чешскомъ двѣ группы *la* и *lé* (*лѣ*), въ польск. *ło* и *le*; въ русскомъ языкѣ въ этомъ случаѣ является или *ело*, или *еле*, или наконецъ *оло*. Мы находимъ русское *ело* изъ обще-славянск. *ел* исключительно послѣ шипящихъ: въ ж*ело*бъ (общеслав. ж*ел*бъ, церк.-слав. ж*лѣ*бъ, сербск. ж*лије*б, чешск. ž*la*b и ž*le*b, польск. ž*ło*b); въ ш*ело*мъ (сравни церковно-славянск. ш*лѣ*мъ); въ ш*ело*мя холмъ (сравни церк.-славянское с*лѣ*мѧ). Мы находимъ русское *еле* изъ обще-славянск. *ел* въ словахъ ж*еле*за, ж*елё*зка (сравни церк.-слав. ж*лѣ*за, сербск. ж*лије*зда, чешск. ž*lá*za и ž*le*za), ш*еле*мъ шлемъ, см. Требникъ Шереметева XIV в. л. 53 (сравни церк.-слав. ш*лѣ*мъ); ж*еле*биться (3-е л. ед. ч.

*желе́*бится); сравни *желоб*ъ (и *желеб*ъ? фамилія Ж*е́ле*бовъ, церк.-слав. *жлѣ*бъ); *селе*зень (сравни польск. ś*li*zien'); *селе*зенка (сравни польск. ś*le*dziona, чешск. s*le*zena); п*еле́*ва (при п*оло*ва, п*оло*велъ; сравни церк.-слав. п*лѣ*ва, п*лѣ*велъ, чешск. p*lí*va и p*le*va, пол. p*ło*wa) и, вѣроятно, б*еле*на (сравни старо-чешск. b*le*n, совр. чешск. b*lí* n, гдѣ *í* изъ *ѣ*).

Что до *оло*, то эта группа является въ русскомъ языкѣ исключительно послѣ не-шипящихъ: въ п*оло*ва, п*оло*велъ; въ в*оло*ку (1 л. ед.; церк.-слав. в*лѣ*кѫ, чешск. v*le*ku, пол. w*ło*kię); въ д*оло*то (сербск. д*луј*ето, чешск. d*lá*to, пол. d*ło*́to); въ м*оло*ко (церк.-слав. м*лѣ*ко, сербск. м*лиј*еко, чеш. m*le*ko, пол. m*le*ko и m*ło*kos изъ m*ło*kosъsъ=молокососъ); въ п*оло*нъ (церк.-слав. п*лѣ*нъ, чеш. p*le*n, пол. p*ło*n изъ p*le*n).

4) Въ самой тѣсной связи съ первымъ полногласіемъ находятся явленія, имѣвшія мѣсто тогда, когда въ обще-славянскомъ языкѣ въ началѣ словъ были гласные *ă* и *е*, за которыми слѣдовалъ плавный звукъ+другой согласный (*ă*, *е*+плавн.+согл.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обще-славянскомъ языкѣ были въ началѣ словъ группы *ăр* и *ăл*, въ церк.-славянскомъ и сербскомъ явились *ра*, *ла*, въ польскомъ и чешскомъ—*ro*, *lo*, въ русскомъ также *ро*, *ло*. Примѣры: при церк.-слав. *ла*дии, рядомъ съ которымъ встрѣчается *ал*дии лодка, мы находимъ въ чешскомъ языкѣ *lo*d', въ польскомъ *ło*dź, въ русскомъ *ло*дья, *ло*дка; при церковно-славянскомъ *ра*вьнъ мы имѣемъ чешск. *ro*vný, польск. *ró*wny, русск. *ро*вный; церк.-слав. префиксу *раз* соотвѣтствуетъ чешск. и польск. *roz*, русскій *роз*. Надо замѣтить, что когда мы пишемъ этотъ префиксъ (точно также какъ и слова *ра*кита, *ра*бота, *ра*сти и производныя) чрезъ *а*, то употребляемъ не русское, а церковно-славянское правописаніе. Въ древнихъ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ мы всегда находимъ *роз*, а не *раз*; то же мы видимъ въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ окающихъ говорахъ и въ малорусскомъ нарѣчіи; въ самомъ нашемъ литературномъ языкѣ мы слышимъ *о* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда префиксъ находится подъ удареніемъ (*ро́скошь*, *ро́здыхъ*, *ро́звальни*, *ро́спись*). Великорусск. *ра́з*умъ едва ли можно считать исключеніемъ въ виду малорусск. и бѣлорусск. *роз*умъ (въ ст.-чешск. также *roz*um); вѣроятно, оно вошло въ народный языкъ изъ книгъ.

Изъ правила о соотвѣтствіи русск. *ро*, *ло* церк.-славянскому *ра*, *ла* изъ *ăр*, *ăл* для русскаго языка почти нѣтъ исключеній; можно упомянуть только объ рѣдкомъ древне-русск. *ол*кати (Евангеліе 1354 г.: *ол*чать 35 об.; Евангеліе XIV в. Троицко-Сергіевой Лавры № 5: *ол*чють 31), о существительныхъ *ра*ло, *ра*тай (сравни литовск. *ar*klas плугъ, *ar*tojis пахарь) при тожественныхъ польскихъ *ra*dło, *ra*taj съ одной стороны и древн.-русск. *ро*лья съ другой, о прилагательномъ *ла*комъ и родственныхъ, при польск. *ła*czny, чешск. *la*čný, объ нарѣчіи *развѣ*, которое, впрочемъ, можетъ быть, вовсе не родственно съ префиксомъ *раз* и совершенно отлично отъ него по образованію (сравни ц.-слав. *розвѣ* въ Супрасл. рук. и въ Словѣ Ипполита XII в.).

Первое полногласіе въ главной части своихъ явленій (б*оро*да, б*ере*гъ) свойственно исключительно русскому языку и составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ его особенностей. То немногое, что нѣсколько напоминаетъ его въ другихъ славянскихъ языкахъ (напримѣръ, ц.-слав. *золъ*то Синайск. Псалт. 150, словацк. č*ere*py, č*ere*va, č*ere*šňa, Bartoš, Dialektologie Moravská, I, 41) представляетъ съ нимъ лишь случайное сходство и не находится съ нимъ ни въ какой связи.

Второе полногласіе. Это полногласіе, имѣющее мѣсто не только въ русскомъ языкѣ, но и въ языкахъ польскомъ и верхнелужицкомъ, состоитъ въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ церк.-славянскомъ языкѣ были въ древнѣйшую эпоху группы *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл*, а въ болѣе позднюю, въ эпоху написанія дошедшихъ до насъ церк.-славянскихъ памятниковъ, — гласные плавные, или *ръ*, *лъ* съ предыдущимъ и послѣдующимъ согласнымъ звукомъ (т. е., сперва согласный+*ър*, *ъл*, *ьр*, *ьл*+согласный, потомъ согласный+*ръ*, *лъ*+согласный), въ русскомъ языкѣ *иногда* могутъ являться группы *ъръ*, *ьрь*, *ълъ*, *ьль* и въ рѣдкихъ случаяхъ—*ьръ*, образовавшіяся вслѣдствіе возникновенія паразитнаго глухаго звука между плавнымъ и слѣдующимъ за нимъ согласнымъ. Слова со 2-мъ полногласіемъ мы видимъ уже въ самыхъ древнихъ русскихъ памятникахъ, и въ сѣверно-, и въ южно-русскихъ; такъ, въ Остромировомъ Ев. мы читаемъ: **мълънии, скърьбь, мълъвѧще, тълъцѣте, напълънкна, съмьрьть; вьрьгѫ, зьрьно, испьрьва** и т. п., **мьрътвъ, дьрзати, пьрсть**,

Минея 1095 года имѣетъ: ст*ълъ*пъ, к*ър*ъмити, исп*ълъ*няя, г*ър*ъдыню, п*ърь*вые, д*ър*ьзость, във*ърь*женъ, ч*ър*ьтогъ, в*ър*ьста и т. п., ж*ър*ътву, ч*ър*ътания, п*ър*ъстъмъ, м*ър*ътвыхъ. Надо замѣтить, что эти два памятника, какъ и многіе другіе, имѣющіе слова со вторымъ полногласіемъ, не знаютъ употребленія *ъ* и *ь* тамъ, гдѣ эти буквы не находятъ себѣ объясненія изъ древне-русской фонетики, вслѣдствіе чего присутствіе въ этихъ словахъ *ъ* и *ь* послѣ *р* и *л* не можетъ быть объясняемо какъ особенность правописанія, а не какъ особенность языка. Въ памятникахъ XII, XIII, XIV в. какъ сѣверно-, такъ и южно-русскихъ подобныя написанія встрѣчаются въ однихъ, старшихъ, очень часто, въ другихъ, младшихъ,—что вполнѣ естественно—рѣже или даже совсѣмъ рѣдко, причемъ въ послѣднихъ—что также вполнѣ естественно—слова съ *ъръ*, *ълъ*, *ьръ* встрѣчаются несравненно рѣже, чѣмъ слова съ *ьрь, ерь*, гдѣ второй *ь*, конечно, означаетъ уже не особый гласный звукъ, а только мягкость *р* (Евангеліе 1355 г.: отв*ерь*зу, ц*ерь*ковь; Евангеліе 1357 г.: ц*ерь*ковь, поч*ерь*пала, п*ерь*стень; Путенское Евангеліе XIV в.: отв*ерь*гуся, раст*ерь*гнуть, т*ерь*плю и др.). Между прочимъ, слова со вторымъ полногласіемъ встрѣчаются также въ тѣхъ рукописяхъ XII и XIII вв., въ которыхъ текстъ богослужебныхъ пѣснопѣній снабженъ нотами для пѣнія, такъ что для каждой гласной буквы имѣется (надъ нею) особый нотный знакъ. Такъ, мы читаемъ: въ Стихирарѣ 1157 года: об*ълъ*ценъ 7, исп*ълъ*няя 181, п*ърь*сть 184; въ Стихирарѣ ок. 1163 г. постоянно: в*ълъ*хвъ; въ третьемъ Стихирарѣ XII в. (Синод. Библ. № 279): м*ълъ*чаньну 38 об., об*ълъ*клъ 42, п*ърь*вая 120, п*ъръ*стъмь 31 об.; въ Тріоди XII в. (Синод. Библ. № 319): м*ълъ*ния 8 об., в*ълъ*ною 10 об., по д*ълъ*гу 32, п*ърь*вууму 7, ч*ърь*ньци 26, ж*ълъ*чи 66; въ Кондакарѣ XII—XIII в. (Публ. Библ. q. 32): ц*ьърьъ*кы=ц*ърь*кы 32, и др. Здѣсь какъ надъ первымъ *ъ, ь*, такъ и надъ вторымъ неизмѣнно находятся нотные знаки—доказательство, что эти буквы произносились при пѣніи. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIII—XIV вѣковъ и болѣе позднихъ мы встрѣчаемъ на мѣстѣ древнѣйшихъ *ъръ, ълъ, ьрь*—группы *оро*, *оло*, *ере*. Мы читаемъ: въ новгородскомъ Прологѣ 1262 г.: ч*ьре*нцемъ 14, безм*оло*вия 124 об.; *въ новгородскомъ* Паремейникѣ 1271 г.: в*ере*бныя недѣлѣ, за-

пись; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г. (галицко-волынскомъ): ум*ере*твия 37; въ псковскомъ Ирмолоѣ 1344 г.: в ч*ере*мнѣмь мори 14 об.; въ Евангеліи 1357 г.: м*оло*нья 124, м*оло*нии 154 об., 164; въ новгородской Минеѣ 1370 г.: д*оло*жьнующе; въ Евангеліи 1393 г.: м*оло*нии 182 об.; въ кіевской Псалтыри 1397 г.: м*оло*нья 20 об., 105; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописей: м*оло*нья 144, 145; въ Новгородской лѣтописи по синод. сп.: съ Т*оро*жку 168, къ Т*оро*жку 167, новот*оро*жьскыи 160, Т*ъро*жку 161, 175, Пов*оло*жьѥ 168, к над*оло*бомъ 243, ц*ере*ньцемъ 35, въ ч*ере*ньцихъ 216, ц*ъре*нци 235; въ галицко-вол. Путенскомъ Евангеліи XIV в.: ум*ере*твья 233; въ Тріоди Публ. Библ. XIV в., новгородскаго происхожденія (f. I. 30): т*оро*жествуемъ; въ новгородскомъ Прологѣ 1400 г. (Синод. Библ.): ц*ере*нцю 9; въ Ипатскомъ спискѣ лѣт.: б*оро*здо=борзо 380.

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи слова со 2-мъ полногласіемъ неособенная рѣдкость; въ нихъ на мѣстѣ древнихъ *ъ*, *ь* слышится *о, е:* великорусск. м*оло*нья (Остромирово Ев.: м*ълъ*нии), пос*оло*нь (Остромирово Ев.: с*ълъ*ньце), с*оло*новоротъ, ст*оло́*бъ, к*оло*бокъ (нѣчто въ родѣ лепешки), б*ере*вно и б*ре*вно (Остром. Ев.: б*ърь*вьно), в*ерё*вка, см*ерё*тушка, ч*ерё*мный рыжій. Рядомъ съ этими словами, въ которыхъ слышится гласный послѣ плавнаго, въ великорусскомъ нарѣчіи есть цѣлый рядъ словъ, гдѣ гласнаго послѣ плавнаго уже не слышно, но гдѣ остался отъ него слѣдъ въ видѣ мягкости плавнаго: в*ерь*хъ, ц*ерь*ковь, п*ерь*вый, с*ерь*пъ, ст*ерь*ва и т. п. Остатки и слѣды 2-го полногласія существуютъ также въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, хотя въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ великорусскомъ. Гуцулы говорятъ д*оло*бати, г*оро*бокъ; первое слово родственно съ нашимъ д*ол*бить, второе съ г*ор*бъ; въ Галиціи слышится в*ере*вка, в*ерь*хъ, ц*ерь*ковъ; въ бѣлорусскомъ нарѣчіи мы слышимъ м*ала*ння, м*ала*нка, в*яро*вка, см*яро*тный=см*ерё*тный, смертный. Малорусское нарѣчіе, кромѣ того, имѣетъ слово г*ле*къ горшокъ=церк.-слав. г*лъ*къ, старое сѣверно-русск. г*ол*къ; современная форма этого слова образовалась изъ болѣе древней г*ълъ*къ, съ особымъ видомъ 2-го полногласія (*ълъ* вмѣсто *ъл*` или *лъ*), существованіе которой засвидѣтельствовано древними галицко-волынскими памятниками—Добриловымъ Ев. 1164 г., Галицкимъ Ев. ок.

1266 г., Луцкимъ Ев. XIV в. и нѣсколькими не галицко-волынскими—Пантелеймоновымъ Евангеліемъ XII—XIII в., Ев. XII—XIII в. Румянц. Муз. № 104, Ев. Яросл. Архіерейскаго Дома XIII в. № 1 и др.

Съ явленіями русскаго 2-го полногласія близко родственны: употребленіе мягкаго *р* (rz) въ польскомъ: w*ierz*ch (=в*ерь*хъ), w*ierz*ba (=в*ерь*ба), w*ierz*gać (сравни в*ърь*гн Остром. Ев.); употребленіе группы *ere*, *ire* въ древне-польск. c*ere*kew и c*ire*kew (Флоріанская Псалтырь XIV в.), гдѣ *е* послѣ *r* изъ *ъ* (сравни др.-русск. ц*ьрь*кы), и наконецъ употребленіе мягкаго *р* (*r'*) въ верхне-лужицкомъ: vje*r'*ch, vje*r'*ba.

Глухіе *ъ* и *ь* передъ плавными. Въ тѣхъ случаяхъ, когда церковно-славянскій языкъ древнѣйшей эпохи имѣлъ группы *ър*, *ъл*, болѣе поздней—гласные *р* и *л* (т. е. *ръ*, *лъ* церк.-славянскихъ памятниковъ) съ послѣдующимъ согласнымъ, въ сербскомъ языкѣ мы находимъ плавный гласный *р* и *у* (которое образовалось изъ гласнаго *л*), въ чешскомъ—плавные гласные *r*, *l*, въ польскомъ—*ar*, *eł*, *oł*; но русскій языкъ (если въ немъ не развилось 2-е полногласіе) сохранилъ здѣсь *ър*, *ъл*, которыя перешли потомъ въ *ор*, *ол*. Примѣры: церк.-слав. т*ър*гъ, в*ъл*на, п*ъл*нъ= сербск. т*р*г, в*у*на, п*у*н=чешск. t*r*h, v*l*na, p*l*ný=польск. t*ar*g, w*eł*na, p*eł*ny=русск. т*ър*гъ, в*ъл*на, п*ъл*нъ, откуда т*ор*гъ, в*ол*на, п*ол*нъ. Кромѣ того, церковно-славянскимъ группамъ *ър*, *ъл* иногда соотвѣтствуютъ въ чешскомъ (второй группѣ)—группа *lu* и даже *lo*, въ польскомъ — *ru*, *łu*, *ił*: чешск. p*lu*k, m*lu*viti, k*lo*basa, польск. m*ru*gać, d*łu*gi, t*łu*sty, w*il*k, m*il*czeć; сравни русск. м*ор*гать, к*ол*баса, м*ол*вить, в*ол*къ. Церковно-славянская группа *ьр* съ послѣдующимъ согласнымъ, откуда въ церковно-славянскихъ памятникахъ *рь*, имѣетъ себѣ соотвѣтствіе въ сербскомъ языкѣ въ плавномъ гласномъ *р*, въ чешскомъ—въ гласномъ *r* и (рѣдко) въ группахъ *ru*, *ri*, въ польскомъ—въ группахъ *er*, *ar*, *ir*; но русскій языкъ имѣетъ здѣсь постоянно *ьр*, откуда *ер*. Примѣры: церк.-слав. в*ьр*хъ; сербск. в*р*х; чешск. v*r*ch, z*r*no, tep*ru*v, tep*ří*v; польское s*ier*p, z*iar*no, m*ar*twy, w*ir*ch; русское в*ьр*хъ, з*ьр*но, м*ьр*твыи, откуда в*ер*хъ, з*ер*но, м*ё*ртвый. Церковно-славянская группа *ьл* съ послѣдующимъ согласнымъ (въ церк.-славянскихъ памятникахъ *лъ*), соотвѣтствуя сербск. *у*, польск. *eł* (откуда *oł*,

ôł), въ чешск. *l* и (рѣдко) *lu*,—сохраняется въ русскомъ языкѣ: церк.-слав. *жьл*тъ, сербск. *жу*ти, польск. *żół*ty, чешск. *žlu*tý— русск. *жел*тъ.

Большая часть указанныхъ здѣсь отличій русскаго языка отъ другихъ славянскихъ языковъ развились уже въ историческое время, но нѣкоторыя (русск. *ъл*, *ьл* при чешск. *lu*, польск. *łu*, *ił*; русск. *ър* при польск. *ar*, *ir*), вѣроятно, принадлежатъ къ числу очень древнихъ.

Сверхъ этихъ крупныхъ звуковыхъ особенностей русскаго языка, можно отмѣтить нѣсколько другихъ мелкихъ. Это:

1) Смягченіе гортанныхъ передъ *вѣ*, *ви*, *вь* въ свистящіе, свойственное русскому языку вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ, сербскимъ и словинскимъ: *ц*вѣтъ, *ц*вёлъ (изъ *ц*вьлъ), *з*вѣзда, *с*вистать и т. п. Западно-славянскія нарѣчія здѣсь сохраняютъ гортанные: польск. *k*wiat, чешск. *k*vět, пол. *g*wiazda, чешск. *h*vězda, *ch*vístati. Впрочемъ рядомъ съ *ц* мы имѣемъ и *к*: малорусск. *к*вітъ, *к*вітка, *к*вілити (церк.-слав. и древн.-русск. *ц*вѣлити, Слово о полку игор.), великор. *к*велить, *к*вёлкій, *х*вистъ;

2) отсутствіе *г* передъ *н*, свойственное главнымъ образомъ русскому языку: тро*н*уть (при тро*г*ать), дви*н*уть (при дви*г*ать), тя*н*уть; срв. ц.-сл. двиг*н*ѫти, тѧг*н*ѫти, пол. dzwi*g*nąć, cią*g*nąć, чешск. dvi*h*nůti, tá*h*nůti и т. п. (всегда съ *г*). Оно теперь является только въ нѣсколькихъ глаголахъ на *нуть*, но нѣкогда было распространено значительно шире: раз*н*ѣвавъся Святосл. Сборн. 1073 г. 145 об., Житіе Саввы Освящ. XIII в. 78, раж*н*ѣвахъся Свят. Сборн. 1073 г. 99, раж*н*ѣвася Архангельское Ев. 1092 г. 44 об., Златоструй XII в. 72 об.= раз*гн*ѣв- (*ж* изъ *з*: срв. и*ж* него). То же въ польскомъ: roz*n*iewać или roż*n*iewać Шарошпатацкая Библія, соврем. roz*n*iecać = роз*гн*-. Но обыкновенно *г* передъ *н* сохраняется: *гн*ѣвъ, *гн*ой, *гн*усный, сте*гн*о, дро*гн*уть, пры*гн*уть, прися*гн*уть;

3) переходъ группы *сх* (*с* принадлежитъ предлогу—префиксу) не только въ *ш*, какъ въ церковно-славянскомъ яз., но изрѣдка также въ *щ*: и*щ*ьдъше Остромир. Ев. 65 об., и*щ*ьдъше 99, ра*щ*ибе Минея XII в. (Ягичъ, 20), и*щ*ьлъ, и*щ*ьдыи Толстовскій Сборникъ XIII в. 50, 190.

4) близость звука *ъ* къ *о* (въ с*ъ*нъ, с*ъ*тъ и т. п.), свойственная русскому языку вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ: *со*нъ ц.-слав. Ассеманово Ев. Въ сербскомъ языкѣ *ъ* (и слившійся съ нимъ *ь*) былъ по произношенію близокъ къ *а* (сербск. *са*н); въ западно-славянскихъ—къ твердому *е* (чешское и польское s*e*n);

5) мягкость *з* изъ *г*: др.-русск. къня*зь*, пѣня*зь*, колодя*зь*, сть*зя*, соврем. кня*зь* и т. д. Она была свойственна всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ; но въ историческое время церк.-славянскій языкъ утратилъ ее почти совсѣмъ (въ церк.-славянскихъ памятникахъ мы обыкновенно читаемъ кънѧѕь, кнѧ*зь*, род. кнѧ*за*, стьѕа, сть*за*, поль*ѕа*, поль*за*, истѧѕ*а*ти, истѧ*за*ти), сербскій, польскій и чешскій совсѣмъ (сербск. кне*з*, род. кне*за*, польск. ksią*dz*, род. ksią*dza*, чешск. kne*z*, род. kne*za*). Древнія и современныя русскія слова съ твердымъ *з:* поль*за* (при великор. поль*га*, малор. піль*га*), тър*за*ти (при ис-тър*г*ати), истя*за*ти (при тя*г*ать) и т. п.—заимствованія изъ церк.-славянскаго языка;

6) болѣе частое употребленіе *ст*, чѣмъ *сц*, изъ *ск*. Мы не знаемъ ни одного случая употребленія *сц* изъ *ск* въ корнѣ (всегда *ст*: бли*ст*ати, ри*ст*ати). Случаи употребленія *сц* въ окончаніяхъ сравнительно рѣдки; они болѣе свойственны южно-русскимъ (кіевскимъ и галицко-волынскимъ) памятникамъ, чѣмъ сѣвернымъ, и встрѣчаются въ первыхъ даже въ XV в.: галицкая грамота 1422 г.: старци Лавровь*сц*ии и крилошане Самборь*сц*ии; молдавскія грамоты 1404 г. и 1454 г., съ малорусскимъ элементомъ въ языкѣ: бояре молдав*сц*іи, панове ру*сц*и; сравни въ Новгородской лѣтописи XIV в.: новгородь*ст*ии, заморь*ст*ии, рязань*ст*ии, рус*ст*ии и т. п.

Русское начальное *о* **= церк.-слав.** *ѥ*. Таковы главныя и древнія особенности русскаго языка. Одни изъ нихъ свойственны исключительно русскому языку, другія— какъ русскому, такъ и нѣкоторымъ другимъ славянскимъ языкамъ. Число особенностей русскаго языка, отличающихъ его отъ другихъ славянскихъ языковъ, всѣхъ или нѣкоторыхъ, въ историческую эпоху, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, все увеличивалось и теперь уже гораздо болѣе значительно, чѣмъ прежде. Слѣдующая особенность русскаго языка—мнимая особенность, о которой при-

ходится намъ упомянуть только потому, что нѣкоторые ученые придаютъ ей большое значеніе и ставятъ ее рядомъ съ такими особенностями, какъ *ж* изъ *д* и полногласіе. Дѣло касается начальнаго *о* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ церк.-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ стоитъ *е*, въ такихъ словахъ, какъ *о*динъ, церк.-слав. ѥдинъ, сербск. ј*е*дан, польск. ј*e*den; *о*зеро, церк.-слав. ѥзеро, польск. ј*e*zioro; *о*лень, церк.-слав. ѥлень, сербск. ј*е*лен; *о*сень, церк.-слав. ѥсень, сербск. ј*е*сен; древне-русск. *о*дъва (при которомъ *е*два), церк.-слав. ѥдъва; древне-русск. *о*жь, *о*жикъ (у Скорины), малорусск. *о*жина, при русск. *ё*жъ, великорусск. *е*жевика, новоболг. ј*е*ж, словинск. и польск. ј*e*ž; древне-русск. *о*ще (современн. *о*що, *е*що), церк.-слав. ѥште, польск. ј*e*szcze, и т. д. Надо замѣтить, что *о* въ такихъ словахъ не принадлежитъ исключительно русскому языку; если мы пороемся въ современныхъ славянскихъ говорахъ, то найдемъ въ нихъ почти всѣ эти слова не только съ *е*, но и съ *о*: такъ, въ ново-болгарскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ *о*дин, *о*ште; одно озеро въ нынѣшней Греціи, гдѣ нѣкогда жили славяне, называется μικρά Ὄζερος; въ чешскомъ есть слово *о*seň, въ словинскомъ — *о*dvaj; самый церк.-славянскій языкъ имѣетъ слово *ал*нии олень, гдѣ *ал* образовалось, вѣроятно, изъ *ӑл*. Если мы обратимся къ родственнымъ языкамъ, то найдемъ соотвѣтствія: для нашего *о*лень—въ латышскомъ *a*lnis (церк.-славянскому ѥлень соотвѣтствуетъ литовское *e*lnis); для нашего *о*зеро—въ прусскомъ *a*zaran (церк.-славянскому ѥзеро соотвѣтствуетъ литовск. *e*žeras); для нашего *о*сень—въ готскомъ *a*sans и въ прусскомъ *a*sanis. Такимъ образомъ мы увидимъ, что мнимая особенность русскаго языка восходитъ къ глубокой, до-славянской древности. Должно замѣтить, что начальное *е* (безъ *j*) у насъ сохранилось безъ перехода въ *о*: *э*то, *э*во, *э*дакъ, бѣлор. г*э*то и т. п. Сравн. сербск. *е*то, *е*во и т. п.

Въ связи съ нею нѣкоторые ученые указываютъ, какъ на особенность русскаго языка древнѣйшей эпохи,—на переходъ начальнаго неіотированнаго *е* въ *о* въ цѣломъ рядѣ словъ взятыхъ нами изъ греческаго языка: въ личныхъ именахъ *О*вдотья (=Евдокія), *О*всей (Евсевій), *О*станъ (Евстафій), *О*встратъ

(Евстратій), *О*лпатъ (Евпатій), *О*лферъ (Елевѳерій), *О*лена (Елена); въ названіи города *О*лешье (Лаврент. сп., = Ἑλισσός, соврем. Алешки); въ нарицательныхъ: *о*хидна (ἔχιδνα), *о*питемья (ἐπιτιμία), *о*ксамитъ (ἐξαμῖτος) и друг. Они начинаютъ попадаться въ русскихъ памятникахъ уже въ XI вѣкѣ: Пандекты Антіоха XI вѣка: *о*клисиастъ 79 об.; Уставъ церковный XI—XII в. (Типогр. Б. № 285): *о*ктения 2; Юрьевское Ев. около 1120 г.: племена *о*хиднова 57 об.; надпись на крестѣ 1161 г.: *О*фросинья; Добрилово Ев. 1164 года: *О*вьгенья 250 об.; Стихирарь XII в. Акад. Наукъ: *О*лены 139 об., *О*лисѣя 160 об.; Кормчая XII в. (Синод. Б. № 227): *О*френе, зват. п., приписки; Праздники XII в. (Типогр. Библ. № 330): *О*встафие 19 об.; Кондакарь XII—XIII в. Публ. Библ.: *О*рино 41 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: *О*левъферия 103 об.; Паремейникъ 1271 г.: *О*луферев, им. ед., запись, *О*лисѣя 206; Кормчая ок. 1282 г.: *о*питемья, *о*ктения, *О*вдокимъ и друг. Но 1) здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особенностью не только русскаго, но также церк.-славянскаго и средне-болгарскаго языковъ: употребленіе *о* на мѣстѣ классич. греческаго ε мы встрѣчаемъ въ памятникахъ церк.-славянскихъ и въ такихъ изъ средне-болгарскихъ, которые не могутъ считаться списанными съ русскихъ оригиналовъ: въ церк.-слав. Супральской рукописи: *О*ѵктімонъ 104 (при *Е*ѵктимонъ; сравни въ Рязанской Кормчей 1284 г.: *О*ѵтиха, род. ед. =*Е*втиха); въ церк.-слав. Синайской Псалтыри: землѧ *о*ръмунъскы (=*е*рмон—); въ Болонской Псалтыри конца XII или начала XIII в.: *о*ѳиопъскъ; въ Охридскомъ Апостолѣ XII в.: *О*риминии (Ерміонія); въ Македонскомъ Апостолѣ XIII в.: *О*рьмини; въ Берлинскомъ сборникѣ XIII в. (Starine, V, 53): *о*питемиѩ; сравни ново-болгарск. *о*хтик=ἐκτική; 2) *о* на мѣстѣ греческ. ε, кажется, должно считать возникшимъ не на славянской, а на греческой почвѣ; по крайней мѣрѣ въ ново-греческомъ языкѣ мы находимъ нѣкоторое количество словъ съ начальнымъ *о* вмѣсто ε (особенно передъ *в*): *о*vrjós (ἑβραῖος), *о*mnostjá (εὐνοστία), *ó*morfos (εὔμορφος), *ó*fkeros (εὔκαιρος), *о*lévtheros (ἐλευθερός), *о*rminevgo (ἑρμηνεύω), *о*rminja, *ó*timos (ἕτοιμος), *о*xjá (ἔχις) и т. п. Подобныя слова мы видимъ и въ средне-греческихъ па-

мятникахъ, напримѣръ, въ Кипрской средневѣковой хроникѣ: ὀρπίδαν (ἐλπίδα), Ὄχτορ (Ἕχτωρ), ὀχτρούς (ἐχθρούς) и т. п. Достойно замѣчанія, что какъ въ русскомъ, такъ и въ ново-греческомъ *о* вмѣсто ε всего чаще является передъ *в* и что русское и болгарское *о* иногда вполнѣ совпадаетъ съ греческимъ *о*: *О*лферъ (Елевθерій) — *о*lévtheros, *о*хидна — *о*xjá, *О*рьминия (Ерміонія) — *о*rminja. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ права смотрѣть на *о*=греческ. ε какъ на отличительную черту русскаго языка.

IV. Главныя звуковыя особенности древне-русскихъ говоровъ.

Русскій языкъ въ древнѣйшій періодъ своей исторіи не представлялъ полнаго звуковаго однообразія и въ однихъ мѣстахъ имѣлъ однѣ особенности, въ другихъ—другія; иначе говоря, онъ раздѣлялся на нѣсколько говоровъ. Замѣчательно, что дѣленіе древне-русскаго языка на говоры, сколько мы можемъ судить о послѣднихъ по дошедшимъ до насъ памятникамъ, до нѣкоторой степени совпадаетъ съ тѣмъ дѣленіемъ русскаго народа на племена, которое сохранила намъ Несторова лѣтопись.

Отдѣльную группу говоровъ составляли говоры кривичей или словѣнъ; это—говоры новгородскій, псковскій и полоцко-смоленскій (вѣроятно, полоцко-смоленско-витебскій); послѣднимъ говорили тѣ кривичи, которые жили по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины и Волги. Общая особенность кривичскихъ говоровъ состояла въ томъ, что въ нихъ могли мѣняться, т. е. замѣнять другъ друга, звуки *ц* и *ч*. Ее мы находимъ въ древнѣйшихъ новгородскихъ памятникахъ и, напримѣръ, читаемъ въ Минеѣ 1095 года: *ц*рево (чрево), влады*ц*и*ч*е, вься*ц*ьская, *ч*вѣтъ, конь*ч*ь, пали*ч*ею и т. п. Она—обычное явленіе въ псковскихъ памятникахъ, въ родѣ Апостола 1307 г., гдѣ мы видимъ: съкон*ц*ашася, на*ц*алника, темни*ц*ьнымъ, стар*ч*и, рь*ч*и, не*ч*ии. Она замѣчается въ смоленской грамотѣ около 1230 г.: нѣмьчи*ц*ь вмѣсто нѣмьчи*ч*ь, при Романови*ц*і, сули*ч*ами вмѣсто сули*ц*ами, куноемь*ч*и вм. -емь*ц*и. Въ полоцкой грамотѣ начала XV в. есть написанія

въ родѣ немечьскии вмѣсто нѣмецьскии, по розничи вмѣсто по розници.

При этой общей особенности, отсутствовавшей въ другихъ говорахъ, говоры кривичей имѣли нѣкоторыя отличія другъ отъ друга; такъ, новгородскій и псковскій говоры, на мѣстѣ церковнославянскаго *жд* и современнаго литературнаго русскаго *жж*, имѣли *жг* (откуда соврем. сѣв.-в.-р. *жд*): новгородская Минея 1095 года: дъ*жг*ь 84, одъ*жг*и 115; Минея 1096 года: дъ*жг*ь 215, одъ*жг*акть 84, пригва*жг*акма 92; Стихирарь 1157 года: одъ*жг*ивыи 80 об.; Тріодь 1311 г.: пригво*жг*ьнаго 23; Евангеліе до 1362 г.: до*жг*ь 30, до*жг*ить 26 об., ро*жг*ьѥ (=церк.-слав. ро*жд*иѥ) 21 об.; Новгородская лѣтопись: дъ*жг*ь 45, 46, 49 и др., дъ*жг*емь 63, дъ*жг*ево 125; псковскій Апостолъ 1307 г.: до*жг*ь, надъ*жг*ити, пригво*жг*ьше, ро*жг*ья; псковскій Параклитикъ 1369 г.: до*жг*я, пригва*жг*яя. Сравни въ современномъ пермскомъ говорѣ во*жг*аться=возжаться. Въ полоцко-смоленскомъ говорѣ этой особенности, кажется, не было. Затѣмъ, въ новгородскомъ говорѣ мы находимъ болѣе или менѣе часто замѣну *ѣ* черезъ *и*, по преимуществу въ концѣ словъ и въ слогахъ передъ послѣдующими мягкими согласными. Минея 1096 г.: лицем*и*рьствовавъ 68, търьп*и*ниѥ 78, претьрьп*и*лъ ѥси 125, нев*и*дѣния 165; Пантелеймоново Ев. XII в.: вьсь самариньску 101, гроби нев*і*доми 107 об.; Евангеліе 1355 г.: кол*и*нома 60, запр*и*чая 62, кол*и*блемы 64, челов*и*чьскыи 64 об., 123, челов*и*чь 81, 127 об., челов*и*комъ 105, 120, имамъ ти н*и*что рещи 65, на мѣстѣ н*и*коѥмь 70, им*и*ния 71, жел*и*зными 72, пропов*и*дь, вн*и*шнеѥ 73, оскуд*и*ѥмо 85, лицем*и*ри 121 об., уб*и*жите 122 об., т*и*ло моѥ 126 об., см*и*шенъ 141, см*и*шениѥ 143 об., прегр*и*шении 152 об., при вечер*и* 3, при пояс*и* 51 об., к жен*и* 59 об., по ланит*и* 103 об., в закон*и* 122, узр*и* (=узрѣ) 59 об., исцѣл*и* (=исцѣлѣ) 74 об., вид*и* (=видѣ) 93 об., 126, и друг.; Новгородская лѣтопись: обон*и*жаномъ 320; Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г. (очень часто). Эта особенность была, кажется, и въ псковскомъ говорѣ; по крайней мѣрѣ въ Прологѣ 1383 г. мы читаемъ: свир*и*лникъ, свир*и*ли, им*и*нию (и въ Пандектахъ 1296 г., можетъ быть, псковскихъ: од*и*яла 78, къ Кесарии фи-

липов*и* 79 об., т*и*хъ=тѣхъ 84, рядомъ съ изв*ѣ*тиѥ словесъ 106 об., об*ѣ*таѥть 109, чьрнориз*ѣ*ца, им. ед., 160). Сравни въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, въ однихъ чаще, въ другихъ рѣже: стр*и*ча, св*и*ча, д*и*лятъ, медв*и*дь, полет*и*ли, на стол*и* и т. п. Этой особенности повидимому не было въ полоцко-смоленскомъ говорѣ. Далѣе, старый новгородскій говоръ иногда опускалъ *в* передъ мягкимъ *л*. Мы читаемъ въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1270 г.: приста*л*ивати (=приставливати), въ договорѣ 1314 г.: Жидьсла*л*ичь (=Жидьславличь), въ Новгородской лѣтописи: на Яросла*ли* дворѣ, ис Переясла*ля*, въ Переясла*ль*, Мьстисла*л*ицѣ, на Яко*ли* улици; въ Ипатскомъ спискѣ лѣт.: Изяславу Мьстисла*л*ичю 263, 264, Ивана Радьсла*л*ича 358 и др. Та же особенность, въ современныхъ русскихъ говорахъ не существующая, была свойственна псковскому говору: запись Параклитика 1369 г.: испра*л*ивающя (=исправливаюче); запись Пролога 1425 г.: испра*ль*ваюче; зап. Трефолоя 1446 г.: испра*л*ивая, но повидимому неизвѣстна полоцко-смоленскому.

Псковскій говоръ отъ новгородскаго и смоленско-полоцкаго, а также и ото всѣхъ другихъ русскихъ говоровъ, отличался тѣмъ, что мѣнялъ взаимно *ж* и *з*, *ш* и *с*: Апостолъ 1307 г.: *з*дати (=ждати), кого*з*до, *з*ѣланиѥ; смѣ*ш*илъ (=смѣсилъ), иску*ш*ьна; Параклитикъ 1369 г.: прилѣ*з*но, *з*еланиѥ, о*з*иве; сте*ж*ю (=стезю), про*ж*ябе, кладя*ж*и; укра*с*ениѥ, съгре*с*ихъ, *с*ествия (=шествия); доне*ш*и (=донеси), в*ш*ю силу, по*ш*иси (=носиши), и т. п.; Параклитикъ 1386 г.: но*ж*е (=нозѣ), пора*ж*и (=порази); ко*з*я (=кожа), по*з*ру (=пожру); ве*ш*ь (=весь), до *ш*его дне (=до сего дне); въпро*с*яти (=въпрошати), ва*с*и (=ваши), несо*с*я (=несоша) и т. п.

Изъ кривичскихъ говоровъ сохранился только говоръ новгородскій, который слышится въ настоящее время не только въ Новгородѣ и прежней новгородской области, но и въ новгородскихъ колоніяхъ, т. е. почти во всей сѣверной полосѣ Россіи; сверхъ того, онъ вытѣснилъ собою и псковскій говоръ, который едва ли не исчезъ уже безслѣдно. Впрочемъ есть свѣдѣніе (Извѣстія Академіи Наукъ, IV, 112), что въ сѣверной части Бѣлоруссіи, въ Псковской, въ нѣкоторыхъ частяхъ С.-Петербургской

и Смоленской губерній и теперь *ш* и *ж* произносятся иногда какъ *с* и *з*. Полоцко-смоленскій говоръ сохранился до нашего времени въ скудныхъ остаткахъ въ Себежскомъ уѣздѣ Витебской губ., Порѣцкомъ Смоленской губ. и Ржевскомъ Тверской губ.; въ другихъ мѣстахъ онъ вытѣсненъ сосѣдними бѣлорусскими говорами. Его древняя особенность—взаимная мѣна *ц* и *ч*—сохраняется и до нынѣ.

Старый западно-русскій, или бѣлорусскій говоръ – говоръ древнихъ дрягвичей, родоначальникъ современнаго бѣлорусскаго нарѣчія. Онъ не имѣлъ рѣзкихъ особенностей и нѣкогда былъ чрезвычайно близокъ къ средне-русскому, или великорусскому говору. Одною изъ старыхъ его особенностей, впрочемъ очень мелкою, должно считать употребленіе *жч* тамъ, гдѣ въ церк.-славянскомъ языкѣ мы видимъ *жд*, а въ литературномъ русскомъ слышится *жж*. Въ грамотахъ литовскихъ князей мы находимъ: наѣ*ждч*ати, пріѣ*ждч*алъ; въ Литовскомъ Статутѣ 1588 года: прие*жъдч*ые, прие*ждч*аючи, нас*ждч*алъ и т. п. Въ Псалтыри 1296 года, памятникѣ, вѣроятно, также западно-русскомъ, есть слово дъ*жч*ѣвнымъ 288. Библія Скорины однажды представляетъ, на мѣстѣ *жч*,—букву *щ*: зави*щ*ить песъ, Исходъ, 23. Сравни современн. бѣлорусск. до*жч*икъ, до*щ*икъ.

Что касается до средне-русскаго говора—говора древнихъ вятичей и радимичей и ихъ колонистовъ на обѣихъ берегахъ верхней Волги, отъ котораго ведетъ начало та часть великорусскаго нарѣчія, которая не знаетъ мѣны *ц* и *ч*,—то онъ, какъ можно заключать на основаніи ростовскихъ памятниковъ первой четверти XIII в., рязанской Кормчей 1284 г., галицкаго (Костромск. губ.) Ев. 1357 г., переяславскаго списка Поученій Ефрема Сирина 1377 г., Лаврентьевскаго списка лѣтописей и друг., не имѣлъ въ древности никакихъ рѣзкихъ особенностей и отличался отъ другихъ говоровъ только тѣмъ, что въ немъ отсутствовали тѣ особенности, которыя отличали эти говоры. Въ настоящее время потомки древняго говора вятичей дѣлятся на почти тожественные говоры о́кающіе (сохраняющіе неударяемое *о*): владимирскій, ярославско-костромской и др., и на говоры а́кающіе: тверской, московско-рязанскій, калужско-тульскій, курскій и др.

Галицко-волынскій говоръ — говоръ дулѣбовъ-волынянъ, предокъ современнаго малорусскаго нарѣчія — въ древнѣйшую эпоху отличался также немногими особенностями: въ немъ мы находимъ то же *жч* на мѣстѣ великорусскаго *жж*, что и въ западно-русскомъ. Въ Галицкомъ Ев. 1144 г. мы читаемъ: дъ*жч*ь 15, и*жч*енуться (=ижженуться) 16, въ*жч*елѣшя (церк.-слав. въжделѣшѧ) 28 об., ро*жч*ьѥ 215 и друг.; въ Галицкомъ Ев. около 1266 г.: до*жч*ь, бездо*жь*чьк, и*жч*ену, въ*жь*челаѥте и друг.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: ро*жч*ьѥ и друг. Сравни современное малорусск. до*щ*ь, род. до*щ*я, рі*щ*я (=церк.-слав. рождиѥ), ви*щ*яти и т. п. Сверхъ того, этотъ говоръ очень любилъ ассимиляцію *г* съ послѣдующимъ *и*: Добрилово Евангеліе 1164 г.: въпросят*и* и (=въпросять и), осудят*и* и, имут*и* и, съкрушит*и* и, моляхут*и* и, и т. п., которая существовала и въ другихъ говорахъ, особенно въ кіевскомъ (смотри Святославовъ Сборникъ 1073 г.) и отчасти въ смоленско-полоцкомъ (смоленская грамота ок. 1230 г.: въсхочет*и* и казнити).

О древне-кіевскомъ говорѣ, говорѣ полянъ, мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія. Самые авторитетные памятники этого говора — Мстиславова грамота 1130 г., два Сборника Святославовыхъ 1073 г. и 1076 г. и Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII в. Можно думать, что этотъ говоръ имѣлъ изрѣдка замѣну *ѣ* чрезъ *и*; по крайней мѣрѣ въ Сборникѣ 1073 г. мы читаемъ: н*и*ции вмѣсто н*ѣ*ции, въ вѣр*и* вм. въ вѣр*ѣ*, исц*и*ли вм. исц*ѣ*ли; но всѣ эти примѣры свободно можно считать описками, происшедшими отъ небрежности переписчика.

Объ особенностяхъ древняго переяславско-черниговскаго говора, говора сѣверянъ, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Можно только упомянуть, что авторъ Начальной лѣтописи видѣлъ въ нихъ племя родственное съ новгородскими кривичами („Сѣверъ — отъ словенъ").

Съ теченіемъ времени, при постепенныхъ измѣненіяхъ въ звукахъ, говоры русскаго языка пріобрѣли новыя особенности, которыя уже несравненно болѣе прежняго обособили ихъ другъ отъ друга.

V. Звуки древне-русскаго языка.

Попробуемъ опредѣлить, каковы были звуки русскаго языка въ началѣ его историческаго существованія, и укажемъ, какими буквами они означались въ нашемъ старомъ алфавитѣ.

Гласные. Звукъ *а* былъ звукомъ чистымъ и довольно рѣзкимъ, открытымъ. Онъ означался послѣ твердыхъ согласныхъ черезъ *а*, послѣ мягкихъ согласныхъ и *j* — отчасти черезъ ꙗ, отчасти черезъ ѧ. Въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ эти буквы употребляются безразлично, но въ большинствѣ—ꙗ употребляется послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ, для означенія *ja*, а ѧ только послѣ согласныхъ.

Звукъ *о* былъ звукомъ открытымъ, т. е. довольно близкимъ къ звуку *а*; вслѣдствіе этого въ иностранныхъ словахъ, перешедшихъ въ русскій языкъ, на мѣстѣ иностраннаго *а* иногда является *о*: *О*р'када=Аркадія Остр. Ев.; *О*ндроникъ, *О*ѳонасии Стихирарь XII в. Акад. Наукъ 32, 137 об.; о родѣ саракиньстѣ *о*гаринѣхъ Кормчая XII в. (Синод. Б. № 227) 13 об.; *О*лькъсандрию Житіе Нифонта 1219 г., *О*лексию запись; *О*нания, *о*кровустия=ἀκροβυστία Апостолъ 1220 г. 3, 19 и др., а на мѣстѣ иностраннаго закрытаго *о* (особенно долгаго) встрѣчается *у*: ті*у*нъ= старо-сканд. þi*ó*n, Р*у*альдъ (договоры Олега и Игоря)=ст.-сканд. Hr*ó*aldr, Т*у*ръбернъ (договоръ Игоря)=ст.-сканд. Þ*о*rbjörn. Онъ передавался на письмѣ буквою *о*, рѣдко буквою ѡ.

Звукъ *е*, обыкновенно изображавшійся буквою *е* послѣ согласныхъ и ѥ послѣ *j*, звучалъ приблизительно такъ, какъ онъ

теперь звучитъ въ великорусскомъ нарѣчіи, т. е. довольно мягко, смягчая предъидущій согласный; вслѣдствіе этого въ рукописяхъ, какъ сѣверно-, такъ и южно-русскихъ, въ древнѣйшихъ чаще, въ болѣе позднихъ рѣдко, попадаются случаи употребленія, вмѣсто буквы *е*,—буквы ѥ: Остромирово Ев.: гнѥтѫть 100, Святославовъ Сборникъ 1073 г.: клѥвета 29 об., умножитѥ 35 об., о именѥ 247 об.; Минея 1095 г.: камѥни 24, весѥлися 70, словесѥ 89, вьсѥвиньноѥ 111, вьседержитѥлеви 165; Минея 1096 г.: сѥ 11, равьночьстьнѥ 84, богатѥ 140, будѥть 159, спасѥния 210; Слова Григорія Богослова XI в.: гнѥтуться 167 об.; Путятина Минея XI в.: апостолѥ 31, 35, дѣлѥсемь 34, възлѥгъ 37 об. и др.; Добрилово Ев. 1164 г.: облѥщь, възлѥже, погыбнѥть, станѥть, знамѥньѥ, будѥть; Луцкое Ев. XIV в.: Филипѥ (зват. пад.), тебѥ, всѥю. Нѣкоторыя рукописи, напр. Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII в., имѣютъ ѥ вмѣсто *е* послѣ согласныхъ очень часто. Въ началѣ словъ *е* обыкновенно имѣло передъ собою *j*, но въ нѣкоторыхъ словахъ оно произносилось безъ *j*, т. е. такъ, какъ произносится *е* въ нашихъ *э*то, *э*дакъ. Эти слова, какъ показываютъ рукописи, строго различающія *е* и ѥ (Юрьевское Ев. около 1120 г. и друг.),—слова *е*теръ, *е*да, *е*дъва, *е*ще, *е*зеро, *е*и (да).

Звукъ *ѣ* былъ очень близокъ къ звуку *е* по своимъ качествамъ, хотя, вѣроятно, былъ звукомъ болѣе закрытымъ, но отличался отъ него своей долготою; это, какъ кажется, былъ единственный долгій звукъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшаго періода. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ онъ изрѣдка смѣшивается съ *е*. Остромирово Ев.: н*е*сть л. 26; Святославовъ Сборникъ 1073 г.: в*е*руѫ, руц*е*, о господин*е*, съвѣд*е*тель; Минея 1095 г.: обр*е*тъ 50, прѣм*е*нно 132; Минея 1097 г.: на тѣл*е* 305, посред*е* 317, възлет*е*ла 335, въ утроб*е* 381. Въ нотныхъ кондакаряхъ, гдѣ буквы въ словахъ повторяются согласно тому, какъ они должны были повторяться или протягиваться въ пѣніи, мы находимъ такія написанія, какъ гр*ѣее*ховъ (Кондакарь XII в. Троицкой Лавры, л. 4). Кромѣ буквы *ѣ*, въ одномъ памятникѣ—Сборникѣ Святославовомъ 1073 г.—употребляется јотированный

ѣ=*jѣ*, въ другихъ же для означенія *jѣ* пишется или простой *ѣ*, или ѥ: Архангельское Ев.: ѥждь=ѣжь, ѥсти=ѣсти.

Звукъ *у* звучалъ такъ же, какъ онъ звучитъ теперь. Онъ изображался послѣ твердыхъ согласныхъ всего чаще черезъ *оу*, ꙋ, т. е. такъ же какъ и въ греческомъ, и въ церковно-славянскомъ алфавитахъ, рѣдко (въ древнѣйшихъ памятникахъ) черезъ *ѫ*. Послѣ мягкихъ согласнымъ и *j* для означенія *у* употреблялись буквы *ю*, ѭ и у (т. е. *ѵ*, ижица). Послѣднюю букву, какъ знакъ отличный по значенію отъ *у*, мы находимъ только въ древнѣйшихъ рукописяхъ: Минея 1096 г.: л*ѵ*бъвьныи 7; Архангельское Ев. 1092 г.: вьс*ѵ* Галилѣю 27; Путятина Минея XI в.: княз*ѵ* 31 об., зар*ѵ* 39, 43, пустын*ѵ* 58, земл*ѵ* 55 и др.; Добрилово Ев. 1164 г.: сътвор*ѵ*, узр*ѵ*, мор*ѵ*; погодинское Ев. XIII в. (Публ. Библ. № 13): пустын*ѵ*, глагол*ѵ*, л*ѵ*тѣ, изгон*ѵ*, л*ѵ*бодѣи 33 об., 34, 36 об. и т. п.

Звукъ *ъ* въ доисторическій періодъ русскаго языка произносился какъ краткое закрытое *о*, близкое къ *у*. У греческихъ писателей онъ передается иногда черезъ ου, и, напримѣръ у Константина Багрянороднаго (во 2-й половинѣ X вѣка) мы находимъ названіе одного днѣпровскаго порога Νεσσουπή= наше не с*ъ*пи. Иностранныя слова, перешедшія въ русскій языкъ задолго до начала нашей исторіи, имѣютъ иногда *ъ* вм. *у*; сравни названія народа—русское г*ъ*те и латинское g*u*thones. Но по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ историческому времени, звукъ *ъ* въ однихъ случаяхъ все болѣе подходитъ къ звуку *о*, въ другихъ становится все короче и короче и приближается къ исчезновенію. Въ памятникахъ XI в. мы, кажется, иногда уже имѣемъ дѣло съ *ъ*, какъ съ буквою, не означающею никакого звука; такъ, напр., въ словѣ народ*ъ* (Остром. Ев.) *ъ* не что иное, какъ графическій знакъ безъ звуковаго значенія.

Звукъ *ь* въ доисторическую эпоху русскаго языка произносился какъ краткое закрытое *е*, близкое къ *и*, но рано сталъ въ однихъ случаяхъ приближаться къ звуку *е*, въ другихъ близиться къ исчезновенію. Звукъ *ь* у Константина Багрянороднаго или передается буквою ε: названіе днѣпровскаго порога Βερούτζη= βράσμα νεροῦ кипѣніе воды=наше в*ь*ручи=церковно-славянское

вьрѫшти, имен. ед. причастія женск. р. отъ глагола *вьрѣти* кипѣть; или совсѣмъ опускается: Νεασήτ=неясыть, что указываетъ на краткость и слабость произношенія конечнаго *ь*. Въ памятникахъ русскаго языка, начиная съ половины XI в., буква *ь* повидимому иногда уже не обозначаетъ звука и есть только графическій знакъ, указывающій на мягкость предшествующаго согласнаго.

Звукъ *и* въ древности произносился такъ же, какъ и теперь. Въ доисторическую эпоху, находясь послѣ гласныхъ и *j*, особенно въ концѣ словъ, онъ иногда былъ довольно кратокъ и близокъ къ исчезновенію, которое послѣдовало, вѣроятно, одновременно съ исчезновеніемъ *ъ* и *ь*; такимъ образомъ, въ словѣ, напримѣръ, благы*и* Остромирово Ев., *и* какъ гласный звукъ, можетъ быть, уже не существовало, а буква *и* означала *j*, который нѣкогда находился передъ *и*: иначе говоря, благы*и* звучало не благыј*и*, какъ въ до-историческое время, а благыј. Вопросъ о томъ, всегда ли въ періодъ написанія первыхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ *и* въ началѣ словъ имѣло передъ собою *j*, или не всегда, по отсутствію данныхъ, неразрѣшимъ. Случаи замѣны *и* черезъ *ы* въ словахъ съ префиксами въ родѣ възыграся (Архангельское Ев. 1092 г. 126 об.; тамъ же: в*ы* истину 1 об., в*ы* имя 7, 33, в*ы* истиньнѣмь 66), на нашъ взглядъ, ничего не доказываютъ и *ы* въ нихъ можетъ вести свое происхожденіе изъ *ъи*;—*ы* послѣ предлоговъ, въ родѣ к *ы*ному царю въ Пантелеймоновомъ Ев. XII в. 114 об.; в *ы*нѣхъ областьхъ въ Кормчей XII в. (Син. Б. № 227) 22; из *ы*стлѣния въ Праздникахъ XII—XIII в. (Типогр. Б. № 331) л. 74 об.; в *ы*ную землю въ смоленскомъ договорѣ ок. 1230 г.; в *ы*номъ манастыри въ Прологѣ 1356 г. 31, в *ы*нъ грѣхъ тамъ же 41, в *Ы*ндѣи 35; в *ы*справу въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1368—1371 г.; с *ы*ною въ договорѣ 1371 г.; с *ы*ви=съ ивы въ двинской грамотѣ XIV в.; из *ы*стьбы въ Новгородской лѣтописи 11, с *ы*нѣми 192; в *ы*ныхъ въ Измарагдѣ XIV в. (Румянц. Муз.), какъ будто указывающее на произношеніе начальнаго *и* безъ јотаціи,—относится ко времени не ранѣе второй половины

XIII в. и не даетъ никакого права дѣлать заключенія о болѣе древней эпохѣ. Звукъ *и* передавался на письмѣ буквами *и* и *і*, которыя употреблялись съ одинаковымъ значеніемъ.

Звукъ *ы* произносился такъ же, какъ онъ произносится теперь въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ и въ польскомъ языкѣ, и не смѣшивался съ звукомъ *и*, хотя и былъ близокъ къ нему. Въ нотныхъ кондакаряхъ, гдѣ буквы повторяются согласно съ ихъ потвореніемъ при пѣніи, весьма обычны написанія въ родѣ н*ыиги*ня, ѥдином*ыиги*сльно (Кондакарь XII в. Троицкой Лавры). Онъ означался буквами ъı и ы; изъ нихъ послѣдняя употребляется рѣдко, въ немногихъ древнѣйшихъ памятникахъ (Святославовъ Сборникъ 1073 г., Пандекты Антіоха XI в., Реймское Евангеліе XI в.).

Согласные. Согласные звуки произносились большею частію такъ же, какъ мы произносимъ ихъ теперь, и означались тѣми же буквами, которыми означаются теперь.

Звукъ *г* произносился первоначально по-великорусски, т. е. какъ латинское g, а не какъ h. Это видно изъ того, что иностранныя слова, имѣвшія h, при передачѣ ихъ по-русски, теряли это h: др.-сканд. *H*alfdanr, въ латинской формѣ *H*aldanus—въ договорѣ Игоря съ греками *А*лданъ; древне-сканд. *H*akun—въ томъ же договорѣ *А*кунъ, *Я*кунъ; *H*allvardhr, въ латинской формѣ *H*alvardus—въ томъ же договорѣ *А*лвадъ. Сравни съ одной стороны др.-сканд. *G*rimr и *Г*римъ, *G*unarr и *Г*унарь и т. п., съ другой—подобное же ощущеніе h въ сѣверно-русскихъ актахъ: новгородская грамота въ Ригу 1301 г.: *И*нчя *О*лчять=*H*inze *H*oltzatus (*ч* по-новгородски—вмѣсто *ц*).—Когда появилось h—что случилось не ранѣе XII вѣка—и такимъ образомъ стали существовать два звука g и h, во всѣхъ памятникахъ сѣверной, московской Руси и въ книгахъ юго-западной, литовской Руси ихъ не различали на письмѣ и изображали одною и тою же буквою *г*; но въ грамотахъ литовскихъ и польскихъ королей и въ разнаго рода актахъ и памятникахъ западно-русскаго законодательства для h сохранили букву *г*, а g стали передавать сочетаніемъ *кг*: *кг*дѣ,

литовская грамота 1375 года, *Ягедроитьскии князи*, грамота 1392 года.

Звукъ ѕ=дз въ русскомъ языкѣ старшей исторической эпохи не существовалъ, и буква ѕ, употреблявшаяся впрочемъ рѣдко (обыкновенное ея употребленіе—съ числительнымъ, а не съ звуковымъ значеніемъ), всегда означала звукъ *з*.

Шипящіе *ж* и *ш* и свистящій *ц* первоначально произносились, вѣроятно, всегда мягко; т. е. такъ, какъ они произносятся у насъ въ до*жжи*, ѣ*жж*ю, пу*шш*ю, *шш*явель и въ малорусскихъ вули*ц*я, Гри*ц*ь; вслѣдствіе этого буквы *ж*, *ш*, *ц* въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ нерѣдко сочетаются не только съ буквою *ю*, какъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ, но и съ буквою *я*, даже съ ѥ. Такъ, въ Галицкомъ Ев. 1144 г. и въ Ев. нач. XIII в. Ярославск. Архіерейскаго Дома постоянно послѣ шипящихъ и *ц* пишется *я*, въ синодальномъ спискѣ Новгородской лѣтописи XIV в.—очень часто; а въ Минеяхъ 1095—1097 гг. мы находимъ: приложѥнию, въ нихъ жѥ, сажѥния, душѥвьныя, удицѥю и т. п.

Звукъ *ч* звучалъ мягко, вѣроятно, такъ же, какъ теперь въ литературномъ русскомъ языкѣ; вслѣдствіе чего послѣ *ч* мы находимъ въ старшихъ памятникахъ какъ *ю*, такъ и *я*, ѥ.

Сложный звукъ *щ* не звучалъ у насъ никогда какъ *шт* и состоялъ или изъ *шч*, или изъ *шш*. Въ Словахъ Григорія Богослова XI в. мы находимъ написанія им*жч*е, отвѣ*шч*а и т. п.; тамъ же есть написаніе дро*щ*и = соврем. великор. дро*жж*и, малор. дрі*щ*і, гдѣ *щ*=*шч* (или *жч*? словинск. drošči); въ грамотѣ Витовта ок. 1392 г.: лови*шч*а, у лови*шч*ехъ. Современныя великорусск. пер*ч*атка изъ пер*шч*атка (*шч*, *щ* изъ *ст*), *ч*анъ изъ дъ*щ*анъ (отъ дъска), *ч*ехвалъ изъ тъ*щ*ехвалъ (Писемскій) также указываютъ на существовавшее нѣкогда въ русскомъ языкѣ (въ великорусскомъ нарѣчіи) произношеніе *щ* какъ *шч*. Рядомъ мы имѣемъ: и*щ*ьдъше (=из-ш-) Остром. Ев. 99, и*щ*ьлъ, и*щ*ьдыи Толстовскій Сборн. XIII в. 50, 190 и т. п.; здѣсь *щ* должно быть=*шш*. Сравни въ Пандектахъ 1296 г. употребленіе буквы *ш* вмѣсто *щ* и на оборотъ: видя*ш*ихъ 28 об., быв*щ*ихъ 36 об., иску*щ*аѥш и 58об. (вѣроятно, слѣдствіе твердаго произношенія звука *щ*).

Звукъ *ф* существовалъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшей эпохи только въ иностранныхъ словахъ: греческихъ, скандинавскихъ; при этомъ въ греческихъ словахъ (можетъ быть, согласно съ греческимъ простонароднымъ произношеніемъ того времени) вмѣсто него звучалъ иногда звукъ *п*: *п*арусъ φᾶρος. Звукъ *ф* передавался не только буквою *ф*, но и буквою *ѳ*, такъ что обѣ эти буквы произносились одинаково. Вслѣдствіе этого мы находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ *ф* вмѣсто *ѳ* греческихъ словъ и и на оборотъ: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: *ѳ*илиписиомъ 90, сапьѳиръмь 104, анъ*ф*ракъсъ 121 об., *Ф*ермодонты рѣкы 153, сера*ѳ*има 242 и др.; Минея 1096 г.: ана*ф*ома ἀνάθεμα 78, Сте*ѳ*ана 91; Минея 1097 г.: Пьрѳурие 329, Онисиѳоре 330, *Ѳ*илипа и Варъ*ф*оломеа 372; Стихирарь ок. 1163 г.: Еѳрема 38, *ѳ*евраря 39, Труѳона 39, *ѳ*ѵникъ 43 и др. Въ Кондакарѣ XII—XIII в. Публичной Библіотеки (q. 32) *ф* вмѣсто *ѳ* пишется даже въ греческихъ фразахъ, написанныхъ славянскими буквами: о *ф*еос му 114, докса си о *ф*еосъ 116. Сравни въ *средне-болгарскомъ* Евангеліи XII—XIII в. (Румянц. М. № 1690): скоръѳиѧ, газоѳилакиѩ, Аѳтонома, Троѳима. Большинство рукописей конца XII, XIII и XIV вв. не знаетъ буквы *ѳ*, замѣняя ее постоянно буквою *ф*, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ она имѣетъ числовое значеніе (впрочемъ: мѣсяца того же въ .*ф*. Прологъ 1383 года 106 об.).

VI. Исторія гласныхъ звуковъ.

Исчезновеніе глухихъ. Важнѣйшимъ событіемъ въ древней исторіи звуковъ русскаго языка было исчезновеніе глухихъ *ъ* и *ь* и чистаго *и* въ концѣ и иногда въ срединѣ словъ. Уже въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ — Остромировомъ Ев., Святославовыхъ Сборникахъ — мы находимъ опущеніе *ъ* и *ь*: книгамъ вмѣсто кънигамъ, сългнѫвъ вм. сългъѫвъ, тъкмо вм. тъкъмо, кто вм. къто, створити вм. сътворити, все вм. вьсе, и т. п. Но такъ какъ древнѣйшія наши рукописи суть списки, часто непосредственные, съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, гдѣ опущеніе *ъ* и *ь* — явленіе обычное, то на основаніи приведенныхъ примѣровъ и имъ подобныхъ мы не имѣли бы права дѣлать какія-либо заключенія, если бы эти примѣры не находили себѣ подкрѣпленія въ данныхъ памятниковъ XI и XII вв. съ чистымъ русскимъ языкомъ, каковы надпись на Тмутороканскомъ камнѣ (здѣсь читается: князь, не кънязь) и Мстиславова грамота; сверхъ того, какъ было указано выше, у Константина Багрянороднаго, слѣдовательно, еще въ концѣ X в., — названіе днѣпровскаго порога написано Νεασήτ, съ согласнымъ на концѣ. Всѣ эти данныя, взятыя вмѣстѣ, даютъ достаточное основаніе думать, что во второй половинѣ XI вѣка какъ (во многихъ случаяхъ) глухіе, такъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) и конечное *и* исчезли изъ произношенія и перестали слышаться въ живомъ говорѣ. Глухой *ъ* исчезъ безслѣдно; *ь* оставилъ по себѣ слѣдъ въ видѣ мягкости предшествующаго согласнаго; послѣ *и* остался *j*, который нѣкогда

находился между *и* и предшествующимъ гласнымъ. Звуки *ъ* и *ь* исчезли въ концѣ словъ всегда, даже и тогда, когда на нихъ было удареніе: *сынъ* (сравни литовск. sunùs), *остръ* (сравни литовск. aštrùs), *ночь* (сравни литовск. naktìs и соврем. русское *ночѐсь*, которое образовалось изъ *ночь-сь*), *дънь* (сравни соврем. *днесь* изъ *дънь-сь*). Въ этихъ словахъ и др. мы, конечно, имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи — съ дѣйствіемъ вліянія словъ съ неударяемыми *ъ* и *ь* въ концѣ на слова съ ударяемыми глухими. — Что касается до глухихъ въ серединѣ словъ, то они исчезли вездѣ, гдѣ были безъ ударенія и гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало сохраненія гласнаго звука: кто, многъ, все, польза. Сравни: бр*о*ня (Псалтырь 1296 г., зап.), в*о*стокъ, д*о*хнуть (вд*о*хнувъ, Псалтырь 1296 г., зап.), д*о*ска, крот*о*къ, м*о*згнуть, ябл*о*ко, н*о*нѣ (Лаврентьевск. списокъ лѣт. 111, 114, 190, 196, 216, 253; Румянц. Измарагдъ XIV в. 97; полоцкая грам. 1478 г.; — Минея 1097 г.: н*ъ*нѣ 306, 398; Путятина Минея XI в.: н*ъ*ня 68 об.; Син. Псалтырь: н*ъ*нѣ 19), с*о*су—гдѣ *о* изъ *ъ*—; пол*е*зный, сил*е*нъ, л*е*гокъ, т*е*ща, ст*е*кло — гдѣ *е* изъ *ь*. Кромѣ того, есть основаніе думать, что и въ серединѣ словъ глухіе исчезли кое-гдѣ въ нѣкогда ударяемыхъ слогахъ. Звукъ *и* исчезъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ передъ собою гласный+*j*, именно въ концѣ словъ (иногда подъ удареніемъ): въ формахъ именит.-винит. п. единств. ч. муж. р. (мо*j* изъ мо*jи́*; срв. мо*я́*, мо*е́*), дат.-мѣстн. ед. ч. женск. р., род. мн., 2-го лица ед. повелит накл., и въ серединѣ словъ—тамъ, гдѣ онъ былъ безъ ударенія и гдѣ группировка согласныхъ не препятствовала его исчезновенію. Памятники письма обыкновенно сохраняютъ здѣсь букву *и* (какъ сохраняютъ въ большинствѣ случаевъ и буквы *ъ* и *ь*), которая такимъ образомъ означаетъ уже не гласный *и*, а согласный *j*; но встрѣчаются изрѣдка и случаи отсутствія буквы *и* и вмѣстѣ отсутствія какого-либо изображенія звука *j*: Пантелеймоново Ев. XII в.: *уботеся* 39 об., шьдъ *възвѣща* царство божиѥ 116 об.; Ев. XII—XIII в. Никольскаго мон. № 150: дадите ѥ ѣсти 33; Житіе Нифонта 1219 г.: станяше бъдръ на молитвѣ *своѥ* 15 об., чьсо ради, господи *мо*, не възриши 35 об.; Апостолъ 1220 г.: любопривѣше быша 53 об.; Псал-

тырь XIII в. (Публ. Б. Ӏ. 1): стар*ешии* 9; договоръ вел. кн. Симеона Гордаго съ братьями: *Олексѣ* Петровичь.

Должно замѣтить, что съ теченіемъ времени, вслѣдствіе вліянія однихъ словъ и формъ, въ серединѣ которыхъ глухой сохранился и потомъ перешелъ въ *о* и *е*, на другія слова и формы, утратившія въ серединѣ свой глухой, — *о* и *е* появились тамъ, гдѣ мы ихъ не ожидали бы видѣть. Такъ, вслѣдствіе вліянія глагола с*о*брать, мы имѣемъ, рядомъ съ древними сборъ, сбираю (=съб—),—новыя с*о*боръ, с*о*бираю; вслѣдствіе вліянія глаголовъ в*о*йти, с*о*йти, под*о*йти, в*о*йду и т. д. мы говоримъ: в*о*шелъ, с*о*шелъ, под*о*шелъ (сравн. вшить, сшить и т. п.); вслѣдствіе вліянія формъ им. ед. м*о*хъ, с*о*тъ, л*о*бъ, р*о*тъ (изъ мъхъ, сътъ, лъбъ, рътъ) у насъ слышатся формы род. ед. и другихъ падежей м*о*ху, с*о*та (др.-русск. ста), малор. и бѣлор. л*о*ба, р*о*та. Появленіе словъ въ родѣ с*о*боръ, с*о*бираю, с*о*вѣтъ, с*о*держу—по памятникамъ относится къ XII—XIII в. (гал.-вол. Типографское Ев. № 6), но вполнѣ обычно только со второй половины XIII в. Пандекты 1296 г.: с*о*в*о*купления 26,—пляи 32 об.,—пляяся 40 об., с*о*лиявъ 84. Такъ же произошло *о* въ предлогахъ передъ именами: великорусск. пѣсенн. в*о* пиру, в*о* бесѣду, в*о* соборъ, к*о* матушкѣ, с*о* инымъ, книжн. (изъ церковныхъ книгъ) в*о* вѣки, в*о* имя, в*о* едино, с*о* отцемъ. Это *о* по памятникамъ относится также къ XII—XIII в.: гал.-вол. Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: в*о* имя, к*о* Іисусу; Пандекты 1296 г.: в*о* истину 34 об., в*о* уставныя часы 122 об., в*о* умѣ, с*о* инѣми 139 об., с*о* оружии 141 об., в*о* имя 142 об., к*о* обоимъ 144 об. и др.; въ концѣ XIII и въ XIV в. оно уже обычное явленіе; Ев. 1323 г.: в*о* имя 7, 8 об., 30 об., в*о* истину 9, 15 об., 17 и др.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у однихъ говорившихъ сохранились въ произношеніи глухіе, у другихъ исчезли; вслѣдствіе этого мы находимъ рядомъ формы съ глухимъ гласнымъ (изъ котораго потомъ образовалось *о* или *е*) и формы безъ гласнаго звука; такъ, отъ *тьсть* форма род. п. звучала и тьстя (откуда т*е*стя), и тстя, цьтя (Ипатскій списокъ лѣтописей; Литовская лѣтопись въ „Учен. Зап. Ак. Наукъ по 2 отд.“, I, стр. 31; Скорина, Бытіе, 55, Исходъ, 9 об.; соврем. бѣлорусское; Рома-

новъ, Бѣлорусскій Сборникъ, I, 355); отъ *чьсть* форма того же того же пад. звучала и чьсти (откуда чести) и чсти, чти (Кормчая ок. 1282 г.: *чти* приложити; Лаврентьевскій сп. лѣтописей: въ *чти*; Литовскій Статутъ: *чти* подвышенья годенъ 4; Домострой: *чти* достойны, во *чти*; Слово о п. игоревѣ); форма неопредѣленнаго накл. звучала и крьстити (откуда наше крестить), и крстити (откуда соврем. народное кстить); названіе *Пльсковъ* превратилось съ одной стороны въ Плъсковъ, откуда Плесковъ, съ другой въ Плсковъ (съ мягкимъ *л*), откуда *Псковъ*. То же мы видимъ въ греческій и грецкій (изъ гречьскыи), купеческій и купецкій, Дебрянскъ и Брянскъ (изъ Дьбрянскъ), въ Полотескъ и Полоцкъ (изъ Полотьскъ), Смольнескъ и Смоленскъ (изъ Смольньскъ), Витьбескъ, Видбескъ и Витебскъ (изъ Витьбьскъ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда въ одномъ и томъ же словѣ находилось нѣсколько глухихъ звуковъ или не имѣвшихъ ударенія, или произносившихся въ разныхъ мѣстахъ съ различнымъ удареніемъ, произошло по нѣскольку варіантовъ одного и того же слова; напр., слово *бързвьнó* съ тремя *ь* (Остром. Ев.) и съ удареніемъ на концѣ дало варіанты бервнó, бернó, бревнó (бревно Ев. 1339 г.; брьвно Ефр. Сиринъ 1377 г. 62); сверхъ того, съ другимъ удареніемъ, то же слово стало звучать бервéно; формы косвенныхъ падежей словъ *жьрьць*, *жьньць*, *льстьць*, *шьвьць* и т. под., имѣвшія удареніе на концѣ, дали рядомъ: жерца, женца, лестьца, пришельца, шевца и т. д. (очень часто въ древнихъ памятникахъ) и жреца, жнеца, льстеца, швеца, пришлеца и т. д. (изъ жьрьца, жьньца и т. д.); слово *гълькъ* горшокъ въ древнихъ памятникахъ (между прочимъ въ Добриловомъ Ев. 1164 г.) обыкновенно пишется гольнъ, т. е. съ сохраненіемъ ударяемаго *ъ*, откуда *о*, и исчезновеніемъ *ь*; но въ Пандектахъ Никона Черногорца XIII в., въ новгородскомъ Прологѣ XIII в. (Срезневскій, Св. и з. № LXXXVII, 167) и въ современномъ малорусскомъ оно звучитъ глекъ, гдѣ *е* изъ ударяемаго *ь* и гдѣ *ъ* исчезъ; слово *мъю* (такъ изрѣдка пишется оно въ старыхъ памятникахъ: Юрьевское Ев. около 1120 г.: умъѧ 173 об.; Ев. XII—XIII в. Рум. Муз. № 104: умъють 59; Кормчая ок. 1282 г.: мъкться 489, и др.) дало съ

одной стороны мо́ю (изъ мъ́ю), съ другой—мью́ (изъ мъю́; Домострой: мгютъ 87); слово *двьрь* имѣетъ въ древнихъ памятникахъ формы косвенныхъ падежей дври, دврехъ (Галицкое Ев. ок. 1266 г.; Кормчая ок. 1282 г.), при современныхъ две́ри и др.

Слѣдствія исчезновенія глухихъ. Исчезновеніе глухихъ звуковъ и *и* имѣло огромные результаты для русскаго языка и произвело цѣлый рядъ фонетическихъ измѣненій; эти измѣненія произошли преимущественно въ области согласныхъ звуковъ, но коснулись также и гласныхъ. Въ области гласныхъ произошли слѣдующія явленія.

Возникновеніе новыхъ глухихъ ъ *и* ь тамъ, гдѣ ихъ раньше не было. Это возникновеніе *ъ* и *ь* имѣло своею причиною всего чаще ослабленіе (а потомъ исчезновеніе) глухихъ звуковъ въ концѣ словъ, результатомъ котораго явились неудобопроизносимыя сочетанія согласныхъ. Новые глухіе мы видимъ въ остьръ, осте́ръ (древн *остръ*), хытьръ, хите́ръ (древн. *хытръ*), тѣсьнъ, тѣсе́нъ (древн. *тѣснъ*), любьзьнъ, любезе́нъ (древн. *любьзнъ*), дъсъкъ, досо́къ, земьль, земе́ль, капьль, капе́ль, пѣсьнь, пѣсе́нь, пѣсе́нъ, сестьръ, сесте́ръ (древн. *дъскъ*, *земль*, и т. д.; сравн. седьмь Слово Ипполита), а также, подъ вліяніемъ подобныхъ словъ и формъ,—въ словахъ и формахъ земе́льный, земе́лька, капе́льный, капе́лька, пѣсе́нка, пѣсе́нный, пѣсе́нникъ (сравн. пѣсньникъ Кириллъ Іерусал. XI—XII в. 78 об.), весе́льце, весе́лко и т. п.

Кромѣ глухихъ, кое-гдѣ, можетъ быть, возникли прямо чистые; по крайней мѣрѣ, объ *о* въ началѣ словъ, тамъ, гдѣ происшедшее вслѣдствіе исчезновенія глухихъ стеченіе согласныхъ было неудобно для произношенія, есть основаніе думать, что оно не восходитъ къ болѣе древнему *ъ*: Лаврентьевскій списокъ лѣтоп.: в день *о*вторникъ, подъ 1305 г.; бѣлорусск. Познанскій сборникъ конца XV в.: на *о*второкъ, ув *о*второкъ (Archiv für slav. Phil., IX, 360); современн. сѣв.-великорусск. *о*вторникъ, *о*ржаной, *о*льняной и т. п., южно-великор. *а*вторникъ и т. д., *А*мченскъ, названіе города (Мценскъ), *О*рша (др.-русск. Рша: Новгородск. лѣтоп. 7, Лаврент. сп. л.), малор. в*і*второкъ (*і* изъ *о*, не изъ *ъ*).

Удлиненіе **о** *и* **е**. Въ одномъ изъ русскихъ говоровъ — въ говорѣ галицко-волынскомъ исчезновеніе глухихъ и *и* повело къ

образованію долгихъ звуковъ. Когда въ словахъ предъидущихъ тѣмъ, гдѣ были глухіе или *и*, находились звуки *е* или *о*, эти послѣдніе, вслѣдствіе исчезновенія глухихъ и *и*, подверглись такъ называемому замѣстительному удлиненію, и *е* стало произноситься долго, близко къ древнему *ѣ*, а *о* стало звучать какъ долгое *о*. Въ древнѣйшихъ памятникахъ галицко-волынскаго письма, которыхъ число превышаетъ 20 и изъ которыхъ старшіе относятся къ половинѣ XII в. (надпись на крестѣ св. Евфросиніи 1161 г. и Добрилово Ев. 1164 г.), мы замѣчаемъ, что долгое *е* изображается буквою *ѣ*, долгое же *о* обыкновенно не отличается въ орѳографіи отъ краткаго *о*, и только изрѣдка мы видимъ на мѣстѣ его двойное *о*: *оо*. Галицкое Евангеліе ок. 1266 г.: в*оо*вьця=овца, в*оо*вьчихъ=овчихъ; Поликарпово Ев. 1307 г.: в*оо*тца=отца. Въ нихъ употребленіе новаго *ѣ* на мѣстѣ древняго *е* отличается болѣе или менѣе значительною послѣдовательностью и является въ такихъ словахъ, какъ п*ѣ*щь, ш*ѣ*сть, с*ѣ*дмь, кам*ѣ*нь, рем*ѣ*нь, перст*ѣ*нь, учит*ѣ*ль, дѣлат*ѣ*ль, мат*ѣ*рь, неб*ѣ*съ, вес*ѣ*лье, кам*ѣ*нье, кор*ѣ*нье, знам*ѣ*нье, хвал*ѣ*нье, з*ѣ*лье, въ н*ѣ*мь, въ н*ѣ*и, *ѣ*и, въ вс*ѣ*мь, въ вс*ѣ*и, въ тво*ѣ*мь, въ тво*ѣ*и, гдѣ *ѣ* образовалось изъ *е* черезъ удлиненіе, имѣвшее своей причиной исчезновеніе конечнаго *ъ*, *ь* и *и*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда глухой звукъ сохранился или когда его не было, удлиненія не произошло, и *е* и *о* остались безъ перемѣны, такъ что въ памятникахъ мы читаемъ: п*е*щи, ш*е*сти, на кам*е*ни, учит*е*ля, мат*е*ре, неб*е*са и т. п. Въ дальнѣйшемъ развитіи галицко-волынскаго говора древнее долгое *е* дало въ однихъ случаяхъ *ї* (съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ), въ другихъ перейдя въ *ō*, образовало съ одной стороны *у*, съ другой дифтонги *оо*, *уо*, *уэ*, *уи*, откуда также *ї* (тоже съ мягкимъ согласнымъ); долгое *о* дало то же, что *ē*, перешедшее въ *ō*, т. е. между прочимъ *ї* (но съ предъидущимъ болѣе или менѣе твердымъ согласнымъ).

Удлиненіе *е* и *о* имѣло мѣсто не во всѣхъ случаяхъ, гдѣ было исчезновеніе глухихъ и *и*; такъ, современный языкъ показываетъ, что его не было въ словахъ на *енько, енька, онько, онька*, что иногда оно отсутствовало въ словахъ съ полногласіемъ: *берегъ, передъ, берестъ, березъ* (род. мн.), *чередъ* (род. мн.).

Впрочемъ рядомъ съ послѣдними формами встрѣчаются формы, образовавшіяся чрезъ удлиненіе звука: берѓзъ, черѓдъ.

Кромѣ указанныхъ исключеній, есть еще рядъ исключеній другаго рода, явившихся вслѣдствіе дѣйствія аналогіи, вліянія другихъ формъ.

Въ цѣломъ рядѣ словъ (существительныхъ) въ именительн. пад. ед. ч. глухой звукъ сохранился и потомъ перешелъ въ *о* или *е*; таково слово л*е*д*о*къ, нѣкогда бывшее съ *ъ* (ледъкъ); таково слово веч*е*р*о*къ, нѣкогда также имѣвшее *ъ* (вечеръкъ); таковы же формы родит. пад. мн. ч. дор*оже*къ, бер*езо*къ (*е* и *о* изъ *ь* и *ъ*), и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда глухой звукъ сохранился, должно было ожидать сохраненія краткихъ звуковъ *е* и *о*; но такъ какъ въ формахъ другихъ падежей тѣхъ же словъ образовались долгіе звуки, то подъ вліяніемъ этихъ формъ явились долгіе звуки и здѣсь; такъ, рядомъ съ формою л*е*дъкъ, была форма родит. пад. л*е*дъка, гдѣ глухой исчезъ, а краткій гласный перешелъ въ долгій (лѐдка); рядомъ съ формой дор*о*жькъ, была форма именит. пад. дор*о*жька, гдѣ вслѣдствіе исчезновенія глухаго звука явилось долгое *о* (дорōжка). Такимъ образомъ *о* и *е* въ нѣкоторыхъ случаяхъ удлинились тамъ, гдѣ *ъ* сохранился. Отсюда получились въ современномъ малорусскомъ языкѣ формы въ родѣ лѓдокъ, підвечѓрокъ, формы род. мн. дорѓжокъ, берѓзокъ и т. п.

Въ другомъ рядѣ словъ (всего чаще прилагательныхъ) произошло обратное явленіе. Формы ихъ имен. ед. муж. р. сохранили глухой, и онъ потомъ перешелъ въ *о* или *е*: от*е*ць, вол*е*нъ, год*е*нъ; другія ихъ формы утратили глухой и должны были получить удлиненіе предшествовавшихъ глухому *о* или *е*; но подъ вліяніемъ формъ имен. ед. муж. р. въ нихъ сохранились краткіе гласные: *о*тця, в*о*льно, г*о*дно и т. п. Точно также рядъ глагольныхъ формъ испыталъ исчезновеніе глухаго: печешь, печетъ, печемъ, неопред. накл. печь. Оно должно было произвести удлиненіе *е* предъидущаго слога, но его не произвело: соврем. малор. печ*е*шь (не печѓшь), печ*е*тся, печ*е*мъ, п*е*чь; впрочемъ въ трехъ древнѣйшихъ галицко-волынскихъ памятникахъ (между прочимъ въ надписи на крестѣ 1161 г.) встрѣчается печ*ѣ*ть и т. п., а въ молдавскихъ документахъ XIV—XV в., языкъ которыхъ богатъ малорусскимъ элементомъ, мы находимъ: слюбу*ю*мъ, хоч*у*мъ,

имаюмъ, вѣдаюмъ (Уляницкій; здѣсь *ю* изъ *е*). Причина этого— вліяніе другихъ формъ, въ которыхъ исчезновенія глухихъ не было и *е* сохранилось безъ измѣненія: 3 л. ед. пе*че*, 1 л. мн. пе*че*мо, 2 л. мн. пе*че*те, 2—3 л. дв. пе*че*та, неопред. н. пе*чи*.

Надо имѣть въ виду, что исчезновеніе глухихъ оказало свое дѣйствіе также на предлоги-префиксы, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они были въ сложеніи съ именами и глаголами, такъ и тогда, когда они стояли отдѣльно. Въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ есть слово б*ѣ*здьна (Б*ѣ*зна, гр. галицкая 1366 г.), гдѣ *ѣ* образовалось изъ *е* подъ вліяніемъ исчезновенія *ъ* послѣ *д*; въ современномъ языкѣ мы находимъ п*і́*дъ столомъ, изъ п*о*дъ столомъ, гдѣ *і́* изъ *ō*; въ Словахъ Ефрема Сирина 1492 г. мы читаемъ: б*ѣ*с печали, гдѣ *ѣ* явилось подъ вліяніемъ сочетаній въ родѣ б*ѣ*здьна. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи, съ вліяніемъ однихъ словъ на другія.

Образованіе плавныхъ гласныхъ. Исчезновеніе глухихъ повело также къ образованію плавныхъ гласныхъ. Въ древнерусскомъ языкѣ плавные гласные первоначально были, кажется, во всѣхъ говорахъ и появились только тамъ, гдѣ прежде плавный согласный имѣлъ *послѣ* себя глухой, т. е. въ группахъ въ родѣ согласный + *ръ* + согласный. Въ древнемъ великорусскомъ нарѣчіи можно указать, какъ на имѣвшія когда-то плавный гласный,—на слова *Псковъ*, *кстить*, несомнѣнно изъ П*л*сковъ (съ мягкимъ *л*), П*ль*сковъ, к*р*стити, к*рь*стити. Для западно-русскихъ говоровъ мы имѣемъ данныя въ формѣ к*р*ви въ Псалтыри 1296 г.: мужа *крви* 6 об., взиская *крви* ихъ 17, от мужь *крви* 115 об., и въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: розлитье *крви*, и т. п., и въ словѣ к*р*вавый, въ томъ же Статутѣ. Впрочемъ примѣры изъ Статута могутъ быть отнесены на счетъ польскаго вліянія. Въ древнемъ галицко-волынскомъ говорѣ нѣкогда также были случаи образованія плавнаго гласнаго: Галицкое Ев. 1144 г.: х*р*'щахуся 5 об., х*р*'щенье 6, х*р*'щю 6 и т. п.; Поликарпово Ев. 1307 г.: к*р*ве, к*р*ви; Луцкое Ев. XIV в.: к*ъл*неться. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ плавный гласный, по всей вѣроятности, не составлялъ слога и произносился какъ польскій *r* въ k*r*wi и т. п. Въ настоящее время плавные гласные въ серединѣ словъ встрѣ-

чаются только на западной окраинѣ области русскаго языка—у галицкихъ лемковъ: к*р*ви, к*р*стити.

Исчезновеніе чистыхъ **о** *и* **е**. Вслѣдствіе исчезновенія глухихъ, при склоненіи образовались съ одной стороны—падежныя формы съ такъ называемыми бѣглыми *о* и *е* (изъ *ъ* и *ь*) и съ другой—падежныя форму безъ этихъ *о* и *е*, напримѣръ: с*о*нъ и сна, сну; пес*о*къ и песку, пескомъ; л*е*нъ и льна, льну; кон*е*цъ и конца, концу. Чередованіе большаго количества формъ съ *о* и *е* съ формами безъ *о* и *е* повело къ тому, что нѣкоторое количество словъ, имѣвшихъ древнее *о* или *е*, стали выбрасывать эти звуки въ косвенныхъ падежахъ ед. ч. и во множеств. числѣ. Такимъ образомъ образовались при склоненіи формы безъ *о* и *е*: р*о*въ (*о* древнее), старая форма родит. пад. р*о*ва, новая — рва; л*е*дъ (*е* древнее), старая форма род. п. л*е*да, новая—льда; кам*е*нь, старая ф. род. п. кам*е*пе, новая — камня. То же произошло со словами рем*е*нь, греб*е*нь, кор*е*нь, пеп*е*лъ, хох*о*лъ (пол. chochoł, чешск. chochol), ш*е*сть, ол*е*нь, ур*о*къ (на великорусскомъ сѣверѣ род. п. шти, ольня̀, урка̀) и т. п. Новыя формы развились въ однихъ русскихъ говорахъ въ большемъ числѣ, въ другихъ въ меньшемъ; легко замѣтить, что великорусскіе говоры имѣютъ ихъ больше, чѣмъ малорусскіе и бѣлорусскіе. Появленіе этихъ формъ относится ко времени недалекому отъ эпохи исчезновенія глухихъ; въ ростовскомъ Житіи Нифонта 1219 г. мы находимъ: на камьни 75 об., 131 об. (тамъ же: камьниѥ 66,71 об. и др.; однако сравни въ церк.-слав. Синайской Псалт.: на камні 84, имни 136, камьньѣ 227); въ новгородскомъ Прологѣ 1262 г.: въ рвѣ 31 об., 74; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: отъ *шти* епископъ 132, *шти* на дьцять лѣтъ 177 об.; въ Пандектахъ 1296 г.: въ рвы 41 об.; въ Псалтыри 1296 г. (вѣроятно, западно-русской): въ рвѣ 183 об.; въ Евангеліи 1358 г.: преже *штии* (читай: шти) день пасхи 157; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: стадии *шти* десятъ 2 об.; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: во *рвѣ* 132; въ Домостроѣ: алтынъ пяти—*шти* 118.

Замѣна **и** *чрезъ* **е**. Исчезновеніе чистаго *и* послѣ гласныхъ въ серединѣ словъ послужило къ тому, что при склоненіи одни падежныя формы этихъ словъ стали звучать съ *j* вмѣсто *и*

(точнѣе: вмѣсто *ји*), между тѣмъ какъ другія сохранили древнее *и*. Такимъ образомъ получилось чередованіе формъ съ *ј*: за*й*ма (род.), за*й*му (дат.), злодѣ*й*ска, злодѣ*й*ску, тро*й*ка, тро*й*кою, я*й*це, я*й*ца и т. д., и формъ съ *и* какъ неударяемымъ, такъ и ударяемымъ: за*и́*мъ (им.), злодѣ*и*скъ (им.), тро*и*къ (род. мн.), я*и́*цъ, очень сходное съ чередованіемъ формъ безъ *е* и формъ съ *е*, въ родѣ льна—л*е*нъ, Курьска—Кур*е*скъ, крошка—крош*е*къ, крыльце—крыл*е*цъ. Послѣднее оказало вліяніе на первое, слѣдствіемъ чего было появленіе въ немъ *е* вмѣсто *и*: за*е́*мъ, злодѣ*е*скъ, Можаѥскъ (дух. Ив. Калиты), тро*е*къ, я*е́*цъ. Формы съ *е* появились у насъ очень рано; такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: июдѣѥскъ, самарѣѥскъ, галилѣѥскъ. Но это не помѣшало нѣкоторымъ формамъ съ *и* сохраниться до нашего времени: московское я*и́*цъ (рядомъ съ великорусск., бѣлор. и малор. я*е́*цъ). Формы съ *е* вмѣсто *и* нѣкоторыхъ словъ передали это *е* своимъ производнымъ; такимъ образомъ эти послѣднія стали звучать также съ *е* вмѣсто *и*: за*е́*мный, тро*е*чка, я*е́*чко. Рядомъ мы встрѣчаемъ: вза*и́*мный, я*и́*чко, я*и́*чница.

Переходъ глухихъ въ чистые. Мы указали, гдѣ глухіе исчезли и какія слѣдствія имѣло ихъ исчезновеніе. Во многихъ случаяхъ глухіе сохранились и потомъ перешли въ чистые: *ъ* въ *о*, *ь* въ *е*. Переходъ *ъ* и *ь* въ *о* и *е* произошелъ не одновременно съ исчезновеніемъ *ъ* и *ь*: памятники XI в., имѣющіе сравнительно немало словъ безъ *ъ* и *ь*, или совсѣмъ не знаютъ замѣны *ъ* и *ь* черезъ *о* и *е*, или даютъ крайне ограниченное число примѣровъ ея, которые почти всѣ съ достаточнымъ вѣроятіемъ можно считать за перешедшіе въ русскіе списки изъ церковно-славянскихъ оригиналовъ; такова, напримѣръ, форма смок*о*вию въ Архангельскомъ Ев. 78. Памятники первой половины XII в. также не знаютъ замѣны *ъ* и *ь* черезъ *о* и *е*, и тѣ немногіе случаи употребленія *о*, *е* вм. *ъ*, *ь*, которые въ нихъ находятся (Юрьевское Ев.: врѣмен*е*мъ, на небес*е*хъ, кр*о*воточивая 52), могутъ указывать только на нѣкоторую близость *ъ* и *о*, *ь* и *е*; сверхъ того, одни изъ нихъ (кр*о*воточивая) похожи на описки, а въ другихъ (врѣмен*е*мъ) можно видѣть особыя морфологическія образованія (сравни меч*е*мъ и т. п., дат. мн.). Замѣна *ъ* и *ь* черезъ *о* и *е*, указы-

вающая, можетъ быть, не на полное тождество, а только на значительное сходство этихъ звуковъ, достаточно часто является только въ памятникахъ второй половины XII вѣка. Мы читаемъ въ новгородскомъ Стихирарѣ 1157 г.: цьрк*о*вь, цьрк*о*ви, сла*д*окъ, трои*ч*ескую, неплод*о*ве, вьрт*е*пе, начат*о*къ, съв*о*купляються и т. под.; въ надписи на крестѣ 1161 г.: кр*о*вь; въ галицко-волынскомъ Добриловомъ Ев. 1164 г.: исп*е*рва, съм*е*рти, пл*о*ть, исп*о*лнь, в*е*сь (vicus), сил*е*нъ, агн*е*ць, т*е*мницю, от*о* съм*е*рти, к*о* мнѣ, *со* мною.

Вмѣсто замѣны *ъ* и *ь* чрезъ *о* и *е*, въ нѣкоторыхъ словахъ, послѣ *р* и *л*, мы видимъ замѣну *ъ* и *ь* черезъ *ы*; такъ, мы читаемъ въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: кр*и*вавый, кр*ы*вавъ, гдѣ мы видимъ *ы* на мѣстѣ древняго *ъ* (*ри* надо читать какъ *ры*); въ галицко-волынскомъ Житіи Саввы Освященнаго XIII в.: ябл*ы*ко 5 об., 6; въ галицко-волынскомъ Луцкомъ Ев. XIV в.: скр*ы*жетъ (*ы* на мѣстѣ *ь*); въ галицкой грамотѣ 1424 г.: др*ы*ва, изъ дръва; въ западно-русскомъ Сборникѣ XV в. (Румянц. Муз. № 406), списанномъ съ южно-русскаго оригинала: сл*ы*зы, изъ слъзы; въ западно-русской Четьѣ 1489 года: гр*ы*тань, изъ гртань, др*ы*жаху, изъ дръжаху; въ западно-русской Псалтыри XVI в. (Рум. Муз.): бр*ы*ви 14 об., др*ы*жали 16,—ти 18 об.

Замѣна глухихъ черезъ *ы* встрѣчается въ западно-русскихъ и южно-русскихъ памятникахъ, въ памятникахъ же сѣверно-русскихъ мы ея не встрѣчаемъ; она не встрѣчается и въ современныхъ сѣверно-русскихъ говорахъ. Но мы находимъ въ говорахъ бѣлорусскихъ: кр*ы*вавый, кр*ы*ви́, род. отъ кр*о*въ, кръвь, кр*ы*шка=кр*о*шка, кръшька, бл*ы*хъ, род. отъ бл*о*ха, блъха; въ малорусскихъ: кр*и*вавий. чорнобр*и*вий, др*и*ва (дрова), др*и*жати и т. п.

Въ двухъ памятникахъ—въ Лѣствицѣ XII в. (Рум. Муз. № 198) и въ южно-русскомъ Часословѣ XIV в.—мы находимъ по одному случаю замѣны глухаго черезъ *а*: сласти гр*а*таньныя, гр*а*тань; но. трудно сказать, какое значеніе имѣетъ здѣсь *ра*; быть можетъ, здѣсь черезъ *ра* переданъ плавный гласный, т. е. это слово должно быть читаемо г*р*тань; быть можетъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ описками.

Переходъ *е* **въ** *о*. Древнее *е*, а за нимъ и *е* изъ *ь*, еще въ ту раннюю эпоху, когда *ѣ* существовалъ какъ отдѣльный звукъ, всегда отличный отъ *е*, послѣ мягкихъ согласныхъ и *j* стало переходить въ *о*. Это новое *о* мы встрѣчаемъ уже въ древнихъ памятникахъ, кіевскихъ и неизвѣстнаго происхожденія: въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: ч*о*ловѣка 179 (это впрочемъ, можетъ быть, описка); въ Словѣ Ипполита объ антихристѣ XII в.: съкаж*о*мъ 22, блаж*о*нъ 99, муж*о*мъ 21, бывъш*о*мъ 24, звѣздочьтьц*о*мъ, хытрьц*о*мъ 5, раздѣливъш*о*мъся (дат.) 40, дьржащ*о*мъ 164; въ Лѣствицѣ XII в. (Рум. Муз. № 198): не расужающ*о*мъ (дат.) 6, борющ*о*муся 10 об., носящ*о*му 12 об., рекш*о*му 14 об., въспрѣщающ*о*мъ (дат.) 54 об.; въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в.: приѥмшому 37, стоящ*о*мъ 73 об., поживъш*о*мъ 26 об., сърящ*о*мъ 35 об.; въ Толстовскомъ Сборникѣ XIII в.: ѥлиномъ устрьмльш*о*мъся на Троаду и съвъкупльш*о*мъся 184 об. Въ памятникахъ галицко-волынскаго говора XII—XIV в. случаи употребленія *о* изъ *е* также встрѣчаются: въ Выголексинскомъ Сборникѣ XII—XIII в.: движющ*о*муся; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: послѣдующ*о*му; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV в.: приш*о*дъши, Ч*о*ртковичъ, ч*о*рныи, нич*о*го, ч*о*ботомъ, у Зудеч*о*вѣ. Относительно галицкихъ грамотъ надо впрочемъ имѣть въ виду, что въ нихъ замѣтно вліяніе оффиціальнаго литовско-русскаго языка стараго времени — нарѣчія бѣлорусскаго и что нѣкоторые изъ приведенныхъ случаевъ употребленія *о* могутъ быть отнесены на счетъ бѣлорусскаго вліянія. Сверхъ указанныхъ, въ нѣкоторыхъ другихъ галицко-волынскихъ памятникахъ мы находимъ *ю* на мѣстѣ древняго *е*; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: ядущ*ю*, пиющ*ю* (имен. пад. множ. ч.), гдѣ *ю* образовалось, конечно, изъ *о*, а *о* изъ *е*. Въ памятникахъ западно-русскихъ мы также находимъ нѣкоторое количество случаевъ употребленія *о* изъ *е*; такъ, въ западно-русскихъ грамотахъ XIV—XV в. мы читаемъ: наш*о*го, ч*о*тыриста, ч*о*ломъ, ч*о*го; въ одномъ изъ памятниковъ западно-русскихъ — въ Четьѣ 1489 г.—употребленіе *о* вмѣсто *е* встрѣчается сравнительно очень часто, между прочимъ, въ такихъ случаяхъ, въ какихъ въ грамотахъ оно почти не встрѣчается: поведаюч*о*, даюч*о*, радуюч*о*ся,

молячося, поючо, учинившо, слышавшо и т. п. Если мы обратимся къ памятникамъ полоцко-смоленскимъ, то и тамъ найдемъ *о* изъ *е*, именно въ смоленскихъ грамотахъ 1284 г., гдѣ читается: вашому, нашому, немьцомъ; въ полоцкой вкладной XIV в. (въ погодинскомъ Ев. № 12): ажо, и въ полоцкой грамотѣ князя Ануфрія конца XIV в.: Соменьцо озеро. Въ памятникахъ средне-русскихъ: ростовскихъ, рязанскихъ, московскихъ и друг., подобная мѣна встрѣчается сравнительно часто. Мы читаемъ въ Учительномъ Ев. КонстантинаБолгарскаго XII—XIII в. (вѣроятно, ростовскомъ): съвьрьшонъ 68 об., приключьшомъся (дат.) 79 об., жонъ и дѣтиі 81, намъ приступающомъ 82, сущомъ 84 об., вълѣзъшомъ 85, крьщонъ 86, вѣрующому 88 об., приходящомъ 89, ѥжо 107 об., чоловѣчьскыи 211, чоловѣка 123; въ Житіи Нифонта 1219 г.: сопущому 125 об., умьршому 126 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: въставъшому 33, вѣрующому 51, творящому 64 и др.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: ащо 37 об., триженцомъ 174, дат. мн., хотящому 63,97, осквернышомуся 67, мнящому 76 и еще нѣсколько формъ дат. ед.; въ Ев. 1354 г.: ни о ком жо 68, врачовъ, глаголашо бо, ащо 72 об., шедшо, он жо 74, бѣ жо ядущихъ 78 об.; въ Ев. 1357 г.: рожоноѥ 3 об., лжомъ свѣдителемъ 137 об., 144 об.; въ Ев. 1358 г.: жонъ; въ московскомъ Ев. 1393 г.: шодъ 47, пришодъ 41 об., 45, 45 об., 68, 95 об., 100 об., 103, 116, пришодше 43 об., пришодшо 46 об., 72, пришолъ 42 об., собрашо, одежою 69 об.; въ Паремейникѣ XIV в. (Троицкая Лавра, № 3): пищою 18 об., нищота 25 об., 36 об., развращоно 31, напишоть 34, щодръ 35, низъшодъ 46. Сверхъ того, *о* изъ *е* мы находимъ въ старшемъ московскомъ памятникѣ—въ духовной Ивана Калиты: Данилищова свободка, Матфѣищовьскоѥ село. Въ памятникахъ новгородскихъ замѣна *е* черезъ *о* также встрѣчается: Прологъ 1262 г.: зъвавъшому 49, пришьдъшому 54, пославъшому 67 об., съшьдшому 124; Кормчая ок. 1282 года: лежащому 445 об.; Ев. 1355 г.: жонъ 46 об., шодъ 60 об., 90, шодъше 77, шодъша 83, ошодшима 64, жерцомъ 66 об.; договоры Новгорода съ тверскими князьями XIV в.: Торжокъ, рубежомъ, чорныхъ, новгородцовъ; грамота къ нѣмцамъ

1392 г.: купьц*о*въ, купьч*о*въ; Новгородская лѣтопись XIV в.: Търж*ь*къ 161; двинская рядная XIV в.: княж*о*островьч*о*въ (род.).

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно было бы заключить, что переходъ *е* въ *о* произошелъ только послѣ шипящихъ; но въ нѣкоторыхъ памятникахъ встрѣчаются обмолвки, которыя показываютъ, что онъ имѣлъ мѣсто и послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ звуковъ. Древне-русскіе писцы не умѣли передавать *о* послѣ этихъ согласныхъ (точно такъ же, какъ не умѣемъ передавать и мы), и потому, если рѣшались изображать *о*, должны были или прибѣгать къ какому-либо особому способу изображенія этого *о*, или отказываться отъ изображенія мягкости согласнаго. Мы читаемъ: въ новгородскомъ Ев. 1270 г.: дн*ьо*тъ=дн*ё*тъ=дьнь-тъ; въ московской духовной в. кн. Ивана Ивановича: блюдо серебр*о*но; въ новгородск. Ев. до 1362 г.: Ел*ео*ны 155 = Ел*ё*ны, сравни Ол*ё*на; въ новгор. Прологѣ 1356 г.: яр*о*мъ 83 об. = яр*ё*мъ; въ новгородской грамотѣ 1492 г.: на с*о*мъ Поморьи, по с*о*му доконьцанию; въ двинскихъ грамотахъ второй половины XIV в.: за мор*о*мъ, рубл*о*въ; въ новгородскомъ Ев. XIV в. (Тип. Б. № 11): сер*о*бро, запись. Въ послѣднихъ примѣрахъ *о*, вѣроятно, передаетъ звукъ *о*, но остается не переданною на письмѣ мягкость согласныхъ.

Если мы обратимся къ современному русскому языку, то увидимъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи употребленіе *о* вмѣсто *е* сравнительно рѣдко и ограничивается довольно небольшимъ количествомъ случаевъ, которыхъ невозможно подвести ни подъ какое опредѣленное правило; можно только сказать, что *о* изъ *е* является или въ концѣ словъ, или когда за *е* слѣдуетъ твердый согласный; его мы видимъ всего чаще послѣ шипящихъ: ж*о*на, нiч*о*го, ч*о*ловiкъ, ш*о*вковый; но не рѣдки случаи употребленія *о* изъ *е* и послѣ другихъ согласныхъ: л*ё*нъ, сл*ё*зы, тр*ё*ма, трет*ё*го, вс*ё*го, с*ё*мий. Въ малорусскомъ нарѣчіи употребленіе *о* изъ *е* не находится въ зависимости отъ ударенія и равно можетъ быть и въ ударяемыхъ, и въ неударяемыхъ слогахъ.

Въ нарѣчіяхъ бѣлорусскомъ и южно-великорусскомъ, которыя акаютъ, *о* на мѣстѣ древняго *е* въ настоящее время зависитъ отъ ударенія и употребляется постоянно тогда, когда находится

подъ удареніемъ въ концѣ слова или передъ твердымъ согласнымъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ (юго-западныхъ) встрѣчается *о* и безъ ударенія въ такихъ случаяхъ какъ сéрц*о*, шéра*ё* (=сѣрое), зéлл*ё*, пéрь*ё* и т. п.

Въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ употребленіе *о* изъ *е* сходно съ употребленіемъ его въ говорахъ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ, т. е. его мы слышимъ постоянно подъ удареніемъ въ концѣ словъ и когда за нимъ слѣдуетъ твердый согласный звукъ; но сверхъ того, мы находимъ значительное количество случаевъ замѣны *е* чрезъ *о* въ слогахъ неударяемыхъ, по преимуществу также въ концѣ словъ или передъ твердыми согласными. Напримѣръ, слышится въ олонецкомъ говорѣ: ж*о*нá, племя́ннич*о*къ, кре́стнич*о*къ, ч*о*ловѣкъ, *ё*гó, *ё*мý, пóл*ё*, с*ё*стрà, óз*ё*ро, игýм*ё*нъ (Онежскія былины, собр. Гильфердингомъ); въ пермскомъ говорѣ: плать*ё*, мóж*о*тъ, тоску*ё*шь, ищ*о*шь, постой ж*о* (Пермскій Сборникъ, II); въ колязинскомъ (Тверской губ.) говорѣ: ст*ё*кло, сидúт*ё*, ходит*ё*, пойд*ё*м-т*ё* (Калачовъ, Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, кн. 2; авторъ находящейся здѣсь „Записки о городѣ Колязинѣ" говоритъ: „*е* въ началѣ и серединѣ словъ произносится большею частію какъ *ё*").

Если мы сопоставимъ случаи употребленія *о* изъ *е* въ древнерусскомъ съ случаями употребленія его въ современномъ русскомъ языкѣ, то увидимъ, что первоначально въ бѣлорусскомъ и великорусскомъ нарѣчіяхъ *о* образовалось изъ *е*, когда это *е* находилось въ концѣ слова или когда за нимъ слѣдовалъ твердый согласный звукъ, безразлично, имѣло ли оно на себѣ удареніе, или было неударяемымъ. Но съ теченіемъ времени, когда началось такъ называемое аканье, т. е. ослабленіе неударяемаго *о* по направленію къ *а*, въ тѣхъ говорахъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ, гдѣ оно имѣло мѣсто, неударяемое *о* изъ *е* исчезло, перешедши въ *а*. Такимъ образомъ, въ этихъ говорахъ сохранилось только ударяемое *о*, которое является во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находится въ концѣ словъ или передъ твердыми согласными. Къ послѣднимъ иногда слѣдуетъ относить звуки *ж*, *ш* и j; такъ, въ великорусскомъ нарѣчіи слышится: кут*ё*жъ, од*ё*жа, *ё*житься, плат*ё*жъ, д*ё*шевъ, возьм*ё*шь, ид*ё*шь, больш*о*й,

своé̈й, землé̈ю, хотя рядомъ встрѣчается и старое *е*: мят*е*жъ, самъ-трет*е*й, суд*е*й, сво*е*й, *е*й; сравни бѣлорусск. адз*е*жа, идз*е*шь. Звуки *ц*, *ч* и *щ* должны быть считаемы въ значительномъ большинствѣ случаевъ за мягкіе, передъ которыми *е* сохраняется: от*е*цъ, молод*е*цъ, п*е*чь, м*е*чь, л*е*щъ (но тё̈ща).

Изъ правила постояннаго употребленія *о* изъ *е* въ великорусскихъ говорахъ въ концѣ словъ и передъ твердыми согласными подъ удареніемъ — есть много исключеній, которыя распадаются на два разряда: въ однихъ мы видимъ сохраненіе *е*, гдѣ ожидали бы видѣть *о*; въ другихъ находимъ *о*, гдѣ ждали бы *е*.

Къ случаямъ, гдѣ сохранилось *е*, относятся слова, вошедшія въ народный языкъ изъ книжнаго языка, отчасти церковнославянскаго происхожденія: ковч*е*гъ, кр*е*стъ, н*е*бо, неб*е*съ, пещ*е*ра, л*е*въ (хотя собственное имя звучитъ: Лé̈въ), жиші*е*, предм*е*тъ (полонизмъ, = пол. przedmiot)—и нѣкоторыя собственныя имена въ родѣ Парм*е*нъ, Ел*е*на, Ор*е*стъ (мало употребительныя; сравни Пé̈тръ, Өé̈кла, Матрé̈на, Олé̈на). За этими случаями нужно поставить тѣ, въ которыхъ за *е* нѣкогда слѣдовалъ мягкій согласный звукъ, теперь уже утвердѣвшій: почт*е*нный (изъ почьт*е*ньный), душ*е*вный, плач*е*вный, цар*е*вна, пол*е*зный, бѣлоз*е*рскій, з*е*мскій, суд*е*бный, уч*е*бный (иногда, впрочемъ, говорятъ и уч*о*бный). Сюда же относится рядъ словъ со 2-мъ полногласіемъ, гдѣ *р* теперь часто звучитъ твердо: в*е*рхъ, ст*е*рва, п*е*рвый, скв*е*рный, с*е*рпъ (=в*ьрь*хъ, в*ерь*хъ...). Далѣе слѣдуютъ слова съ дѣйствительнымъ или мнимымъ отрицаніемъ *не*: нé̈водъ, нé̈нависть, нé̈хотя, нé̈доросль, нé̈учъ, нé̈слухъ; весьма возможно, что здѣсь *е* сохранилось подъ вліяніемъ тѣхъ случаевъ употребленія отрицанія подъ удареніемъ, въ которыхъ за *е* слѣдуетъ мягкій согласный, т. е. случаевъ въ родѣ н*е*видаль, н*е*четъ, н*е*христь; сравн. великорусск. щ*е*лка (рядомъ съ щ*о*лка) при щ*е*ль, бѣлор. *е*лка (рядомъ съ великор. ё̈лка) при *е*ль. Наконецъ, есть нѣсколько словъ, въ которыхъ сохраненіе *е* не поддается никакому объясненію: в*е*тхій, в*е*тошь (при сѣв.-великор. вё̈тхой; сравни польск. w*i*ó*t*chi), ш*е*стъ, щ*е*дрый, сѣв.-великор. формы 2 л. мн. ч. естé̈, спитé̈, хотитé̈; впрочемъ рядомъ съ послѣдними встрѣчаемъ формы съ ó: сѣв.-великор. спитé̈, хотитé̈, бѣлорусск. стоицé̈, сидзицé̈ (Дембовецкій, Описаніе

Могилевск. губ., I, 543). Слѣдующіе случаи сохраненія *е* принадлежатъ къ числу мнимыхъ исключеній, гдѣ мы пишемъ *е*, но гдѣ надо было бы писать *ѣ*: бл*ѣ*скъ, бр*ѣ*дъ, бр*ѣ*згать, тр*ѣ*скъ, ночл*ѣ*гъ (Лаврентьевскій сп. 155: ночл*ѣ*гъ; сравни малорусск. ночл*і*гъ, —га), оп*ѣ*ка (сравни малор. оп*і*ка), п*ѣ*стъ (сравни польск. p*ia*st), кл*ѣ*стъ (корень тотъ же, что въ кл*ѣ*ть, кл*ѣ*тка, кл*ѣ*щи и т. п.; въ другихъ славянскихъ языкахъ въ этихъ словахъ находимъ звуки, соотвѣтствующіе нашему *ѣ*: сербск. кл*иј*ешти), м*ѣ*лкій (Лаврент. сп. 295: м*ѣ*лка, сравни церк.-слав. м*ѣ*лъкъ, малорусск. м*і*лкий, польск. m*ia*łki), в*ѣ*кша (сравни древне-русск. в*ѣ*къша), н*ѣ*'когда (=нѣтъ времени), н*ѣ*'кому, н*ѣ*'кого и т. п. (здѣсь *нѣ*=нѣсть, 3 л. наст. вр.; сравни сѣв.-великор. *е́*когда, *е́*кому=есть когда, есть кому; Зап. Р. Географ. Общ. по о. этногр., IV, 254), формы родит. и винит. пад. личныхъ мѣстоименій — мен*ѣ*', теб*ѣ*', себ*ѣ*' (здѣсь виденъ результатъ вліянія другихъ древне-русскихъ формъ родит. ед. съ *ѣ*: земл*ѣ*, душ*ѣ*), нарѣчіе вообщ*е*, вобч*е́* (здѣсь мѣстн. п., сравн. въ Русск. Правдѣ по сп. XIII в.: въ обч*и* 33). Сверхъ того, не слѣдуетъ считать исключеніями тѣхъ словъ, которыя у насъ иногда пишутся съ *е*, какъ безм*ѣ*нъ, гдѣ рекомендуется писать *е*, хотя малор. безм*і*нъ —*і*на, польское bezm*ia*n ясно указываютъ на *ѣ*; л*ѣ*са, л*ѣ*'ска (сравни l*a*ska, вѣтка); л*ѣ*карь, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія писать *е*. Нарѣчный суффиксъ *дѣ* въ словахъ гд*ѣ*, нигд*ѣ*, везд*ѣ* пишется вполнѣ правильно съ *ѣ*, какъ онъ является и въ древне-русскихъ (сѣверно-русскихъ) памятникахъ. Онъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ имѣетъ различный видъ: въ церк.-славянскомъ и малорусскомъ онъ звучитъ д*е*, въ сербскомъ и великорусскомъ д*ѣ*.

Другаго рода исключенія, гдѣ *о* является вмѣсто ожидаемаго *е*, всѣ объясняются болѣе или менѣе дѣйствіемъ аналогіи. Такъ, *о* вмѣсто *е* въ формахъ зов*е́*те, ид*е́*те (2 мн.), зов*е́*ть, ид*е́*ть (3 л. ед.) можетъ быть объяснено вліяніемъ формъ зов*е́*мъ, ид*е́*мъ; точно также объясняются случаи въ родѣ на кл*е́*нѣ, въ черноз*е́*мѣ, въ подъ*е́*мѣ (сравни кл*е́*нъ, чернозе́мъ), т*е́*тя (ср. т*е́*тка), ран*е́*шенько, бѣлор. ран*е́*сенько (ср. ран*е́*хонько), бѣл*е́*шенько, бѣлор. бѣл*е́*сенько (ср. бѣл*е́*хонько); точно такъ же, наконецъ, объясняются и тѣ случаи, гдѣ *о* стоитъ не на мѣстѣ *е*, а на

мѣстѣ *ѣ*: е*е́*, то*е́*, само*е́*, все*е́* (род. и вин. пад.); здѣсь, по всей вѣроятности, оказали вліяніе формы род. и вин. пад. на *ого́*: т*ого́*, Дурн*ого́* = Дурново́. Случаи въ родѣ зв*ё*зды, гн*ё*зда, в*ё*дра (то же въ бѣлорусск.), рядомъ съ которыми слышится зв*ѣ*зды, гн*ѣ*зда, обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи другихъ существительныхъ: чередованія: зв*е*зда́ — зв*ё*зды, гн*е*здо́ — гн*ё*зда, в*е*дро́ — в*ё*дра были вызваны чередованіями въ родѣ ж*е*на́ — ж*о́*ны, в*е*сло́ — в*ё*сла. Наконецъ, аналогіею объясняются также формы пріобр*ё*лъ, приб*ё*гъ (бѣлорусск. прыб*ё*хъ), поз*ё*вывалъ, над*ё*вывалъ, напечатл*ё*нъ (у Лермонтова): чередованія пріобр*ѣ*ту́ — пріобр*ё*лъ, б*ѣ*гу́ — б*ё*гъ, з*ѣ*ваю — поз*ё*вывалъ были вызваны чередованіями въ родѣ м*е*ту́ — м*ё*лъ, подм*е*та́ю — подм*ё*тывалъ, в*е*ду — в*ё*лъ. Въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ мы находимъ еще нѣкоторое количество случаевъ, гдѣ *о* образовалось изъ *ѣ* и пока не можетъ быть объяснено удовлетворительно; таковы, между прочимъ, слова: бл*ё*дный, бес*ё*да, сус*ё*дъ.

Здѣсь должно указать на нѣсколько мнимыхъ исключеній. Въ с*ё*дла *о* явилось совершенно правильно (древн. с*е*дьло, въ Словахъ Кирилла Іерусал. XI — XII в.: бе-с*е*дьла 117 об., въ церк.-славянск. Супрасльской рукописи: ос*е*дьлати; *ѣ* здѣсь писали у насъ уже въ XIV в.: ос*ѣ*длавъ, ос*ѣ*дла Паремейн. 1378 г. 65 об., 99). Форма цв*ё*лъ также вполнѣ правильна, ибо *о* образовалось изъ *е*, а *е* изъ *ь* (цв*ь*тѫ, цв*ь*лъ). Въ словѣ р*ё*дька, какъ оно звучитъ въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, *о* образовалось не изъ *ѣ*, а изъ *е*: сравни въ Пандектахъ Никона Черн. 1296 г.: р*е*дьковь, 82 об., малор. р*е*дька, польск. rz*o*dkiew, гдѣ *о* изъ *е*. Въ сѣв.-великорусск. свер*ё*пъ *о* можетъ быть оправдано старо-польскимъ swierz*o*py дикій конь. Въ словѣ осл*ё*пъ (оно слышится въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ говорахъ, между прочимъ въ курскомъ, а также въ говорахъ бѣлорусскихъ) *о* восходитъ къ *ь*: сравни церк.-славянск. осл*ь*плъ.

Замѣчательно, что русское *е* не перешло въ *о* въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *е* не было никакого согласнаго, т. е. въ началѣ словъ въ великорусскомъ нарѣчіи слышится: *э*то, *э*во, *э*дакъ, а не *о*то, *о*во, *о*дакъ, въ бѣлорусск.—г*э*тотъ, г*э*такъ и т. п.

Въ галицко-волынскомъ говорѣ, кромѣ перехода въ *о* древ-

няго *е* и *е* изъ *ь*, совершился также, въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ, переходъ въ *о*—безъ сомнѣнія, долгое—*ē* или новаго *ѣ*. Достовѣрныхъ примѣровъ этого перехода въ памятникахъ не сохранилось (укажемъ впрочемъ на формы дат. мн. жьрьц*о*мъ въ Ев. XII—XIII в. Никольскаго монастыря № 150 л. 82, извольш*о*мъ, отрѣкающ*о*мъся въ Выголексинскомъ Сборникѣ, ѥдущ*о*мъ въ Поликарповомъ Ев. и на формы имен.-вин. ед. ковьч*о*гъ въ Ев. Никольскаго мон. л. 74 об., размѣш*о*нъ въ Поликарповомъ Ев., гдѣ *о*, если оно не перешло въ эти памятники изъ рукописей кіевскихъ,—должно быть объясняемо изъ *ē*), и это *ō* очень рано перешло въ *у*.

Переходъ *о* **въ** *у*. Долгое *о*, и ударяемое, и неударяемое, развившееся въ галицко-волынскомъ говорѣ съ одной стороны изъ краткаго *о* (послѣ твердыхъ согласныхъ), съ другой — изъ *ē*, или новаго *ѣ*, которое въ свою очередь возникло изъ краткаго *е* (послѣ мягкихъ согласныхъ), — произносясь закрыто, стало мало по малу приближаться къ *у* и во многихъ случаяхъ перешло въ этотъ звукъ. Указывающія на это данныя находятся уже въ старшихъ рукописяхъ галицко-волынскаго происхожденія: Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: вечеръ суб*у*тный, щ*ю*дръ; Галицкое Ев. около 1266 г.: июдѣ*ю*мъ (дат.); галицкія грамоты XIV—XV в.: унук*у*мъ (дат.), др*у*здъ, добров*у*льно, торг*у*вля, по н*ю*и, на сво*ю*и, у наш*ю*мъ, грош*ю*вь, чт*ю*нъ; молдавскія грамоты XIV — XV в.: при т*у*м-то, слюбу*ю*мъ, хоч*у*мъ (1 л. мн.). Это *у* мы находимъ въ Пересопницкомъ Ев. 1561 г.: тв*у*й, ст*у*й, в красн*у*мь одѣаніи, н*ю*сль, уздоровл*ю*нь, *ю*й, по с*ю*й сторонѣ, женц*ю*мь (дат.), злодѣ*ю*вь (род.), а также въ литературныхъ памятникахъ южнорусскихъ XVII и XVIII вѣковъ, львовскихъ и кіевскихъ: Плачъ альбо ляментъ 1615 г.: въ славѣ добр*у*й, въ дому сво*ю*мъ, въ н*ю*й, о н*ю*мъ; Вирши Берынды на Рождество Хр. 1616 г.: свѣдк*у*въ, старц*у*въ, въ н*ю*й, *ю*й, въ вс*ю*мъ, и т. п.; Вирши Кассіана Саковича 1622 г.: п*у*лночныи, крол*ю*мъ (дат.), непріател*ю*мъ, —л*ю*въ, въ н*ю*й и др.; интерлюдіи Георгія Конисскаго XVIII в.: в*у*нъ, пост*у*й, т*у*лко и т. п. Сравни въ протестаціи запорожскихъ казаковъ 1610 г.: язык*у*въ, вязн*ю*въ (Акты Ю. и З. Р. II). Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить,

было ли это *у* первоначально долго, или нѣтъ. Кажется, болѣе вѣроятно, что оно было сперва долгимъ и потомъ утратило свою долготу. Краткое *у* существуетъ и понынѣ въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ, напримѣръ, въ угорскомъ, гдѣ слышится к*у*нь, м*у*й, въ н*ю*й, на сво*ю*й.

То же долгое *о*, и ударяемое, и неударяемое, черезъ посредство дифтонга *оо* (съ первымъ *о* закрытымъ), дало дифтонги *уо*, *уэ*, *уи*, которые сохраняются въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ и въ говорахъ Гродненской губерніи, представляющихъ переходъ отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому (к*уо*нь, к*уэ*нь, к*уи*нь). Прочіе малорусскіе говоры (въ томъ числѣ украинскій и галицкій) на мѣстѣ *ō* имѣютъ *і* съ твердымъ или мягкимъ предъидущимъ согласнымъ, которое развилось изъ *ō* при посредствѣ ряда дифтонговъ, между прочимъ—дифтонга *уи*: к*і*нь, и которое по памятникамъ восходитъ къ XVI в.: Пересопницкое Ев. 1561 г.: в*і*дповѣдаю.

Кромѣ *у* изъ *ō*, въ галицко-волынскомъ говорѣ древней эпохи развилось—повидимому въ очень ограниченномъ количествѣ случаевъ—*у* изъ краткаго неударяемаго закрытаго *о* какъ древняго, такъ и развившагося изъ *е*: Выголексинскій Сборникъ XII—XIII в.: кадящ*ю* (им. мн.); Луцкое Ев. XIV в.: ск*у*зѣ (изъ ск*о*зѣ) сквозь, ядущ*ю*, пьющ*ю* (им. мн.); грамота 1378 г.: м*у*настырь. Сравни соврем. сѣверномалорусск. *у*гонь, г*у*лубка, т*у*бі, с*у*бі и т. п.—Формы неопред. н. въ родѣ куп*у*вати, танц*ю*вати, мал*ю*вати сюда не относятся: они обязаны своимъ *у* вліянію формъ наст. вр.: куп*у*ю, таньц*ю*ю, мал*ю*ю.

Съ этимъ *у* изъ *о* тожественно по происхожденію то *у*, которое встрѣчается изрѣдка въ великорусскихъ говорахъ, преимущественно въ сѣверныхъ: б*у*я́ре, х*у*рошо́ и т, п. Оно развилось также изъ неударяемаго закрытаго *о* и, повидимому, не отличается древностью; по крайней мѣрѣ, въ памятникахъ мы не нашли для него достовѣрныхъ примѣровъ. Великорусскія ж*у*равль (Златоструй XII в.: ж*е*равиѥ, им. мн.; Русская Правда по сп. Кормчей ок. 1282 г.: ж*е*равь 21; кирилло-бѣлозерскій Сборникъ ок. 1492 г. (Спб. Дух. Ак.): ж*е*равли 490; Ипатскій сп. лѣт.: ж*е*равець 504; прибавленіе къ Домострою XVI в.: ж*у*равли и

*жа*равли 146, 147; сборникъ пословицъ 1758 г.: *жа*равль), *му*равей (ср. церк.-слав. мр*а*вии, польск. mrówka), к*у*лебяка (сравни к*о*лобокъ, к*о*лбаса, сѣв.-великор. к*о*любака), б*у*равинка (названіе сорта яблоковъ), изъ *жо*равль, м*о*ровей, к*о*лебяка, б*о*ровинка, сюда не относятся: въ нихъ *у*—результатъ дѣйствія аналогіи и перешло въ указанныя слова изъ словъ ж*у*рить, м*у*рава, к*у*ль, б*у*равъ. Слова к*у*рносъ, к*у*ргузъ не имѣютъ никакого отношенія къ старому к*ъ*рнити, современн. к*о*рнать и, вѣроятно, родственны съ литовск. kiauras, лотышск. caurs дырявый, пустой, лат. scaurus кривой.

Отожествленіе *ѣ* съ *е*. Какъ мы уже указали, въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка есть то или другое количество случаевъ употребленія *е* вмѣсто *ѣ*, которое свидѣтельствуетъ о взаимной близости этихъ звуковъ. Въ послѣдующихъ по времени памятникахъ, какъ южно-, такъ и сѣверно-русскихъ, замѣна *ѣ* черезъ *е* встрѣчается болѣе часто: гал.-волынск. Добрилово Ев. 1164 г.: б*е*, св*е*тъ, в*е*си, обр*е*тая, н*е*кыи, б*е*сы, на мѣст*е*, на м*е*стѣ и др.; новгородскій Стихир*а*рь 1157 г.: с*е*мене, изм*е*нение , обр*е*те, прегр*е*шении, т*е*сныи, многотьрп*е*ливе, на дрѣв*е*, прѣп*е*тыи и т. п.; надпись на западно-русскомъ Рогволодовомъ камнѣ 1171 г.: досп*е*нъ; при этомъ, въ южно-русскихъ, въ частности въ галицко-волынскихъ памятникахъ, обратная замѣна, замѣна *е* черезъ *ѣ*, совсѣмъ или почти совсѣмъ отсутствуетъ, а въ памятникахъ новгородскихъ, на оборотъ, *ѣ* вмѣсто *е* древняго и *е* изъ *ь* является столь же нерѣдко, какъ и *е* вмѣсто *ѣ*. Стихирарь 1157 г.: съм*ѣ*рти, кор*ѣ*не, пов*ѣ*лѣная, иж*ѣ*, тьзоим*ѣ*нитьница, на кол*ѣ*сници, безм*ѣ*здьника, прин*ѣ*сти, пьрвѣ*ѣ* и друг. Это обстоятельство показываетъ, что на сѣверѣ Руси, въ частности—въ Новгородѣ, во второй половинѣ XII в. различіе между *е* и *ѣ* было очень слабо, гораздо слабѣе, чѣмъ на югѣ Руси. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи галицко-волынскій говоръ продолжалъ различать *ѣ* и *е*, и хотя встрѣчается даже въ XV в. *е* вмѣсто *ѣ*, но такіе случаи сравнительно рѣдки и при нихъ случаевъ употребленія *ѣ* вм. *е* совсѣмъ нѣтъ. На сѣверѣ, напротивъ того, съ XIII вѣка мы замѣчаемъ, что нѣкоторые писцы, наиболѣе слабые въ традиціонной орѳографіи, пе-

рестаютъ отличать *ѣ* отъ *е* и начинаютъ употреблять безразлично *ѣ* вм. *е* и *е* вм. *ѣ*. Такимъ памятникомъ, гдѣ мы наблюдаемъ полное смѣшеніе *ѣ* и *е*, является договорная грамота смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, 1229 г.; въ ней мы находимъ цѣлый рядъ случаевъ совершенно безразличнаго употребленія *ѣ* и *е*: утв*ѣ*рдять, остан*ѣ*ться, д*ѣ*ржати, буд*ѣ*ть, д*ѣ*ревъмь и т. п.; вс*е*мь, т*е*мь, ѥхати. То же мы видимъ въ новгородской договорной грамотѣ 1265 г.: вс*ѣ*му, на вс*ѣ*мъ, на ц*ѣ*мь (=на чемъ), д*ѣ*ржати; вс*е*ми, т*е*хъ, тоб*е*, ѥздити, зв*е*ри и др. То же мы находимъ въ новгородскихъ рукописяхъ: въ Кормчей ок. 1282 г., въ Тріоди 1311 г., въ Новгородской лѣтописи. Эти и имъ подобныя данныя указываютъ на то, что въ говорахъ сѣверно-русскихъ (сѣверно- и южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ) приблизительно въ концѣ XII в. произошло болѣе или менѣе полное отожествленіе этихъ звуковъ, т. е. *ѣ* стало звучать какъ *е*. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ болѣе позднихъ (преимущественно въ западно-русскихъ грамотахъ и печатномъ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.) мы замѣчаемъ уже употребленіе одного *е*, такъ что *ѣ* совсѣмъ или почти совсѣмъ отсутствуетъ.

Въ большей части памятниковъ, которые въ позднѣйшую эпоху были списываемы на нашемъ сѣверѣ съ древне-русскихъ оригиналовъ, *ѣ* и *е*, не смотря на то, что этими буквами означался одинъ звукъ, продолжали употребляться болѣе или менѣе правильно, т. е. традиціонно; благодаря этому употребленіе и различеніе на письмѣ *ѣ* и *е* сохранились до нашихъ дней и сдѣлались одною изъ труднѣйшихъ частностей нашего правописанія. Хотя вообще мы употребляемъ букву *ѣ* въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ ее знаютъ памятники XI—XII в., тѣмъ не менѣе есть рядъ словъ, въ которыхъ мы пишемъ неправильно *е* и *ѣ*. Къ числу тѣхъ изъ нихъ, которыя нами неправильно пишутся съ *е* вм. *ѣ*, прежде всего относится рядъ глаголовъ съ длительнымъ значеніемъ: л*е*тать, м*е*тать, др*е*мать и т. п., древнія формы которыхъ были съ *ѣ*; сравни малор. л*ї*тати, м*ї*тати, др*ї*мати, польск. l*a*tać, m*ia*tać, сербск. др*ије*мати; затѣмъ *е* вм. *ѣ* мы видимъ, между прочимъ, въ словахъ: бр*е*жжиться (ц.-слав. пробр*ѣ*згъ), в*е*дро (древн. в*ѣ*дро; Р. Правд. XIII в. 4, Пандекты

1296 г. 112), вер*е*я (древн. вер*ѣ*я; Минея 1096 г. 192), п*е*сокъ (др. п*ѣ*съкъ), с*е*мья (др. с*ѣ*мия; Жит. Ниф. 1219 г.), т*е*мя (др. т*ѣ*мя; Кормч. ок. 1282 г., 590; малор. т*і*мя), тр*е*звъ (др. тр*ѣ*звъ), д*е*верь (др. д*ѣ*верь), прил*е*жно (др. прил*ѣ*жьно), кол*е*бать, кол*е*блю (др. кол*ѣ*бати, кол*ѣ*блю); въ этихъ словахъ мы видимъ *ѣ* въ церк.-славянскомъ языкѣ; сравни сербск. кол*и*бати, п*ије*сак, польск. w*ia*dro, wierz*a*ja, (при wierz*e*ja), p*ia*sek. Слова др*е*вле, др*е*вьнь звучали у насъ въ древности иногда съ *е*, иногда съ *ѣ*; сравни съ послѣднимъ *í* изъ *ѣ* въ чешскомъ dř*í*ve. На оборотъ, *ѣ* вм. *е* употребляется нами неправильно въ словѣ с*ѣ*кира, древн. с*е*кыра (Лаврент. сп. 227); сравни др.-р. с*о*кыра Паремейникъ 1271 г., 80, польск. s*o*kiera; здѣсь *о* указываетъ на древнее *е* (латинск. s*e*curis съ ĕ). Мы пишемъ, сверхъ того, *ѣ* въ словахъ бр*ѣ*ю, брадобр*ѣ*й, зм*ѣ*й, зм*ѣ*я, древнія формы которыхъ были бр*ь*ю,—бр*ь*и, зм*ь*я, откуда бр*е*ю,—бр*е*й, зм*е*я (Обиходъ церковный XIV в. Рум. М. № 284: зм*е*ю 14); здѣсь *е* образовалось изъ *ь*, такъ же, какъ въ п*е*й, в*е*й, б*е*й. Затѣмъ мы пишемъ *ѣ* въ именахъ Алекс*ѣ*й, Серг*ѣ*й и т. п., вмѣсто *е*, которое въ большинствѣ случаевъ образовалось изъ болѣе древняго *ь* и которое мы пишемъ въ цѣломъ рядѣ другихъ именъ: Авд*е*й, Настас*е*й, Мок*е*й, Пелаг*е*я, Опракс*е*я и т. п. Происхожденіе *ѣ* здѣсь нужно объяснять аналогіею: окончаніе *ѣ*й, съ *ѣ*, именъ въ родѣ Варфолом*ѣ*й, Фад*ѣ*й, Елис*ѣ*й, Матв*ѣ*й (*ѣ*=греческ. *α*) перешло въ имена Алекс*ѣ*й, Серг*ѣ*й. Время появленія этого *ѣ*—очень древнее: церк.-слав. Супральская рукопись: Васил*ѣ*а 494; Юрьевское Ев. ок. 1120 г.: Иєрем*ѣ*ємь 188; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: Иєрем*ѣ*єю л. 143; но онъ получилъ особенное распространеніе въ нашей орѳографіи съ XIV в.; такъ, мы читаемъ въ румянц. Лѣствицѣ XIII в. (№ 199): Тимоѳ*ѣ*ю 20 об.; въ Ев. 1317 г.: Мария Иос*ѣ*ина 103 об., Иерем*ѣ*ємь 104, 114 об., Єрем*ѣ*я 120 об. (при Тивер*е*я 116 об.); въ московскомъ Ев. 1339 г.: обрѣтохомъ Меис*ѣ*ю = Мессію 5 об., Меис*ѣ*я 18, Алекс*ѣ*я 207, Єрем*ѣ*я 207 об.; въ новгородскомъ Прологѣ 1356 г.: Терент*ѣ*я, Вѣкент*ѣ*я 94 об.; въ грамотѣ Олега рязанскаго послѣ 1356 г.: Єрем*ѣ*й, Манас*ѣ*я; въ Ев. 1358 г., писанномъ въ московской области: Серг*ѣ*я, Алекс*ѣ*я, Єрем*ѣ*я; въ Лаврент. сп. лѣт.: Евдок*ѣ*и

400; въ юго-западно-русской грамотѣ 1375 г.: Олексѣя; въ Паремейникѣ 1378 г.: пророчьства Ѥремѣина 3 об., при Ѥремѣи 117; въ Ев. 1393 г.: сына Варахѣіна 58; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: Сергѣя, Феодосѣя, Фалелѣя, Ѥвдокѣи; въ двинской рядной XIV в.: Левонтѣю; въ Новгородской лѣтописи: Тимофѣю 225, Єремѣя 244. Сравни малорусск. Олексі́й, Овді́й, Овсі́й и т. п., вѣроятно, съ і изъ ѣ; пошехонск. Тимофі́й, Мосі́й, Елисі́й, съ і изъ ѣ.

Послѣ отожествленія съ *е*, древній *ѣ* имѣлъ въ сѣверно-русскихъ говорахъ ту же судьбу, что и *е*, и въ тѣхъ изъ нихъ, которые съ теченіемъ времени развили у себя аканье, подвергся тѣмъ же измѣненіямъ, что и *е*.

Переходъ *ѣ* въ *і*. Древній *ѣ*, сохранившись въ галицко-волынскомъ говорѣ XII в. какъ отдѣльный звукъ и не отожествившись съ *е*, сталъ мало по малу суживаться и приближаться къ древнему *и*. Буква *и* на мѣстѣ буквы *ѣ*, передававшая звукъ хотя и не тотъ самый, который передавался обыкновенно буквою *и*, то все таки до извѣстной степени близкій къ нему. является въ галицко-волынскихъ книгахъ съ начала XIV в.: Поликарпово Ев. 1307 г.: вид*и*нья, окамен*и*ло, св*и*дѣньѥ, вид*и*въ; Путенское Ев. XIV в.: при вечер*и* 4, ицѣл*и*вша 95. Галицкія грамоты конца XIV и начала XV в. имѣютъ ее уже сравнительно часто: св*и*дци, пас*и*ками, слуз*и* нашему, л*и*сы, прив*и*сити; то же можно сказать о молдавскихъ грамотахъ, въ языкѣ которыхъ иногда силенъ малорусскій элементъ: 1393 г.: розд*и*ляючися, д*и*темъ, 1436 г.: д*и*дичю, нам*и*скомъ (=намѣсткомъ), насл*и*дуючи, в*и*ру. Сверхъ того, мы читаемъ въ московскомъ Ев. 1339 г., списанномъ съ галицко-волынскаго оригинала: вид*и*хомъ 4 об., вид*и*сте 9 об., ув*и*дѣвъ отъ кентуриона 10 и т. п., въ законѣ моисѣкв*и* 26 об., запр*и*ти 45 об., 55 об., 69 об., кол*и*блемы 93, св*и*деньѥ 106, ум*и*ѥте 108, сквозѣ с*и*аньѥ 147, опр*и*снокъ 166 об., замате-р*и*вши 206 об., мн*и*вши 213 об., изволися мн*и* хужьшю 208. Это, по нашему мнѣнію, не позволяетъ сомнѣваться, что писцы галицко-волынскихъ паматниковъ XIV—XV в. произносили *ѣ* приблизительно такъ, какъ произносится теперь малорусское *і*.

Новый *ѣ*, т. е. то долгое *е*, которое въ галицко-волынскомъ говорѣ образовалось изъ *е* вслѣдствіе исчезновенія глухихъ и

которое первоначально было нѣсколько отлично отъ древняго *ѣ* (новый *ѣ*, какъ мы видѣли, могъ переходить въ *о*, а древній *ѣ* не зналъ перехода въ *о*), въ тѣхъ словахъ, гдѣ онъ сохранился, скоро совпалъ съ древнимъ *ѣ* и потому имѣлъ одну съ нимъ судьбу, т. е. подобно ему перешелъ въ *і*. Въ Путенскомъ Ев. XIV в. мы находимъ: о словеси мо*и*мь 26, у дому сво*и*мь 27, 92, на селѣ сво*и*мь 222, во очеси тво*и*мь 57, крѣнъ с*и*льныхъ (=кринъ сельныхъ) 60, нестро*и*нья 121, по убь*и*ньи 220; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV в.: ш*и*стдесятъ, ш*и*стьцятого, ш*и*сть, нарож*и*ньємъ; въ молдавскихъ грамотахъ 1436 г.: безь противл*и*ня, 1448 г.: потвержь*ı*нье, гдѣ *и* образовалось изъ новаго *ѣ*; сравни въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: с*ѣ*льнаго, ш*ѣ*сть, въ рож*ѣ*ньи, знам*ѣ*ниѥ; въ Типографскомъ Ев. № 6 XII — XIII в.: о имени тво*ѣ*мь.

Въ настоящее время въ большей части малорусскихъ говоровъ на мѣстѣ стараго *ѣ*, какого бы происхожденія онъ ни былъ, слышится звукъ *і*, т. е. мягкое *и*, очень близкое къ великорусскому *и* и отличное отъ малорусскаго *и*—рефлекса древняго *и*, если передъ нимъ нѣтъ *j*. Въ меньшей части малорусскихъ говоровъ (по преимуществу въ говорахъ сѣверно-малорусскихъ) и тотъ и другой *ѣ* иногда рефлексируются или мягкимъ є, болѣе или менѣе отличнымъ отъ обычнаго *е*, или дифтонгами *іе*, *іé*.

Кстати замѣтить, что въ тѣхъ малорусскихъ говорахъ, гдѣ *ѣ*=*і*, есть нѣсколько случаевъ появленія *і* не на мѣстѣ *ѣ*, а на мѣстѣ *и*. Таковы, между прочимъ, слова въ родѣ ум*і*рати, зб*і*рати, к*і*вати, гдѣ *і* замѣнило собою древнее *и* и *ы*, перейдя въ эти глаголы изъ глаголовъ въ родѣ л*і*тати, пом*і*тати; таковы формы дат. ед. на *ові*, *еві* (въ родѣ вол*ові*; сравн. въ Путенскомъ Ев. XIV в.: ерѣев*ѣ* 59, въ Ипатскомъ сп. лѣт.: къ королев*ѣ*, Романов*ѣ*, Рюриков*ѣ* 333, 386), *і* которыхъ, вѣроятно, не что иное, какъ рефлексъ древняго *ѣ* въ формахъ дат. и мѣстн. ед. (жен*ѣ*, теб*ѣ*, берез*ѣ*), занявшій мѣсто древняго *и*; таковы слова, заимствованныя изъ польскаго языка, въ которыхъ *і* передаетъ польское *і* или мягкое *е*: пан*і* (польск. pan*i*, великорусск. пан*ья*), в*і*рша (польск. w*ie*rsz), сок*і*ра (польск. sok*ie*ra).

Звукъ *и*, замѣнявшій собою *ѣ* въ старомъ новгородскомъ говорѣ и перешедшій изъ него въ современные сѣверно-великорусскіе говоры, не находится ни въ какой непосредственной связи съ малорусскимъ *і*.

Звукъ *и* въ современныхъ великорусскихъ д*и*тя, д*и́*тятко и т. п., с*и*дѣть, с*и*жу, с*и́*дя, с*и́*день и т. п., *ји*сть — ѣсть, настоящ. вр.:. ѣмъ, *ји*шь, *ји*сть и т. д., с*и́*верко (послѣсловіе печатнаго моск. Ев. 1606 г.: на востоцѣ и на с*и*вере), —не находится ни въ какой связи ни съ малорусскимъ *і*, ни съ новгородскимъ *и* изъ *ѣ* (сравни современн. московск. разс*ѣ*живаться, ц.-сл. с*ѣ*дѣти, сѣждѫ, с*ѣ*дѧ, сербск. с*ије*д*ј*ети, чешск. s*e*dĕti, польск. si*e*dzieć; церк.-слав. д*ѣ*тѧ, сербск. д*ије*те, чешск. d*í*tĕ, польск. dz*ie*cię; церк.-славянск. *я*сти, *я*мь, сербск. *је*сти, *је*м — *ије*м, польск. *je*ść, *je*m). Онъ неясенъ по происхожденію, но имѣетъ всѣ признаки древности, являясь иногда подъ удареніемъ и находя себѣ соотвѣтствіе въ малорусскомъ *и* въ с*и*діти, с*и́*день, с*и*дьма́, дитя́, д*и*ти́на (Четья 1489 г.: д*и*тище) и въ словацк. *і*: *jí*m, *jí*š, *jí*=ѣмъ, ѣшь, ѣстъ, такъ что можетъ быть названъ обще-русскимъ.

Отожествленіе *ы* и *и*. Прежде всего должно замѣтить, что въ русскомъ языкѣ есть нѣкоторое количество словъ, въ которыхъ звуки *ы* и *и* неясны по происхожденію и пока не могутъ быть объяснены удовлетворительно; таково *ы* въ словахъ непост*ы*жьнъ, непост*ы*жимъ и т. п., встрѣчающихся въ этомъ видѣ нерѣдко въ древнихъ памятникахъ: Минея 1097 г.: непост*ы*жьна 57; Стихирарь 1157 г.: непост*ы*жьне 84 об.; Стихирарь ок. 1163 г.: непост*ы*жимыи 29,—мъ 47 об.; Тріодь XII в. (Тип. Б. № 256): непост*ы*жиме 84 об.; Слово Ипполита объ антихристѣ XII—XIII в.: пост*ы*зающиимъ; Апостолъ 1220 г.: непост*ы*жьнаго 76 и др.; таково *и* въ словѣ т*и*сяча; послѣднее является въ Галицкомъ Ев. ок. 1266 г., въ Луцкомъ Ев. XIV в., въ Путенскомъ Ев. XIV в., въ западно-русскихъ грамотахъ и два раза даже въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописей (стр. 434, 450); это слово въ чешскомъ и словацкомъ яз. звучитъ t*í*síc, гдѣ *í* послѣ *t* нельзя считать происшедшимъ изъ *ы*. Къ этимъ словамъ слѣдуетъ прибавить еще н*и*нѣ, н*и*нѣшнии, н*и*нѣчя, которыя съ *и*

встрѣчаются нерѣдко въ западно-русскихъ грамотахъ и въ Четьѣ 1489 г. и изъ которыхъ послѣднее находится также въ грамотѣ тверскаго князя Бориса 1427 г. (Срезневскій, Свѣдѣнія и зам., № LIV); въ нихъ *и* является также въ польскомъ языкѣ: nínie, níniejszy;—а также древне-русское и современн. дира, диря (при дира: сравни бѣлорусск. дюра, дзюра, польское dziura, dira, кашебск. dira, греч. θύρα). Сверхъ этихъ случаевъ, мы видимъ употребленіе рядомъ *и* и *ы* въ цѣломъ рядѣ случаевъ послѣ *р*: ригати (между прочимъ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт. 350) и рыгати, рикати и рыкати, ричати и рычати, тризна и трызна (Лаврент. сп. л. 13; трызнище рум. Лѣствица XII в.), также какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ: польск. *rzygnąć* (изъ *ри—*), чешск. *rhnúti* (изъ *ры—*), ц.-слав. рикати Син. Пс. 41 и рыкати, польск. *ryczeć* (изъ *ры—*), чешск. říčeti (изъ *ри—*). Равнымъ образомъ употребляются рядомъ *и* и *ы* въ древне-русск. корисmь и современн. корысть, въ древне-русск. крило и современн. крыло (Житіе Нифонта 1219 г.: крылы своими 122), въ современн. крикъ и крыкъ (Слово о п. игор.: крычатъ), грибъ и грыбъ, скрипѣть и скрыпѣть (Пушкинъ, Русл. и Л.: скрыпя). Происхожденіе *и* и *ы* и ихъ взаимныя отношенія здѣсь также неясны.

Въ галицко-волынскомъ говорѣ звуки *ы* и *и*, постепенно измѣняясь, стали приближаться другъ къ другу и наконецъ дошли въ большей части случаевъ (если *и* находилось не въ началѣ слова и передъ нимъ не было *j*) до полнаго тожества, такъ что стали звучать или какъ великор. *ы*, или какъ звукъ средній между великор. *ы* и *и*. Случаи употребленія *ы* вм. *и*, указывающіе на взаимное сближеніе звуковъ *ы* и *и*, являются въ галицко-волынскихъ памятникахъ уже съ XII в., но до XIV в. очень рѣдки и не внушаютъ къ себѣ довѣрія; такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: погубывыи, просыти, съвѣтьныкъ; въ Поликарповомъ Ев. 1307 года: о назаряныпѣ, седмыжды; въ Луцкомъ Ев. XIV вѣка: съ нымь; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV в.: синъ, познавами (1 л. мн.), с болоти и т. п.; въ молдавской грамотѣ 1436 г.: Владиславовы, кролевы (дат.). Съ этимъ *и* вм. *ы* не слѣдуетъ смѣшивать *и* вм. *ы* послѣ гортан-

ныхъ, напр., въ ник*и*и, въск*и*се (Добрилово Ев.). Въ настоящее время огромное большинство малорусскихъ говоровъ не знаетъ различія между *ы* и *и* и оба звука въ нихъ звучатъ или какъ *ы*, или какъ очень твердое *и* (но *ї*ти, укра*ї*на, по*ї*ти и т. п.).

Переходъ *е* **въ** *а*. Обще-русское *е* изъ древняго *е* и изъ *ь* и сѣверно-русское *е* изъ *ѣ*, какъ неударяемое, такъ и ударяемое, въ старомъ псковскомъ говорѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—подвести которые подъ общіе законы мы не можемъ—съ теченіемъ времени стало произноситься столь открыто, что наконецъ или очень приблизилось къ *а*, или даже отожествилось съ *а*. Псковскіе памятники XIV и XV в. имѣютъ уже значительное количество случаевъ употребленія буквъ *а* и *я* на мѣстѣ *е*, *ѣ*: Апостолъ 1309—1312 г.: сѣеться въ нечьсти*я*; Параклитикъ 1369 г.: при посадницѣ при Костром*я*, поите испраливающ*я* (запись), прославихъ тво*я* божество, всемирно*я* слово, на покаяни*я*, солнц*а* омрачашеся, в пучин*я*, въ чрев*я*, въ врат*я*хъ, лют*я*, агн*я*ца, кол*я*сницами; Прологъ 1383 г.: пришьстви*я* христово, оружиѥ сво*я*, дѣтищ*а* сыи, повѣдаш*а* старець, срѣт*я*, ид*я* (аор.), покаяни*я*мь, учител*я*мъ (твор. ед.), на мѣст*я*; Лукино Ев. 1409 г.: имя мо*я*, сердц*а* ваше, Ѥщ*а*, далеч*а*, ест*я* (2 мн.) и др.; Трефолой 1446 г.: довл*я*еть 6 об., ангелы сбирающ*а* вся языкы 66 об., господне пришьстви*я* 152 об.; Палея 1494 г.: при великомъ князи цар*я* всея Русі, зап. Время перехода псковскаго *е* въ *а* мы, за недостаткомъ памятниковъ, не можемъ опредѣлить даже приблизительно, но несомнѣнно, онъ начался задолго до XIV в., въ то время, когда еще не успѣло вполнѣ развиться *о* изъ *е*, и въ XIV в. былъ уже законченъ.

Псковское *а* изъ *е* не стоитъ одиноко въ русскомъ языкѣ. Въ галицко-волынскомъ говорѣ перешло въ *а* то *е*, которое звучало послѣ *j* въ формахъ им.-вин. ед. средн. рода: Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: умножѣнь*я*, куръглашѣнь*я* (им.-вин.), Галицкое Ев. ок. 1266 г.: куроглашень*я*; Житіе Саввы Освящ.: ослушани*я* наше створи 87 об.; Слова Ефрема Сирина 1492 г.: весѣль*я*; Пересопницкое Ев. 1561 г.: то есть выображен*я* и написан*я*, вышло выречен*я*, нападен*я* (часто). Оно сохраняется въ малорусскихъ говорахъ и въ настоящее время: ка-

мінн*я*, насінн*я*, зілл*я*, весілл*я* и т. п. (—нн*я*, —лл*я* изъ —нь*я*, —ль*я*).

Великорусскіе говоры, можетъ быть, потому, что въ нихъ широко распространился переходъ *е* въ *о*, не знаютъ перехода ударяемаго *е* въ *а*, а переходъ *е* неударяемаго произошелъ чрезъ посредство *о* и не имѣетъ, такимъ образомъ, никакого отношенія къ выше указанному явленію псковскаго говора. Звукъ *а* въ формахъ сравнительной степени: Евангеліе 1357 г., писанное въ сѣв. Галичѣ: легча*я* будеть 33 дважды; Ев. 1358 г., написанное, кажется, въ московской области: лжѣ*я* ѥму быстъ 11 об., Ев. 1393 г., написанное тамъ же: легча*я* будеть 70 об.; Ев. 1399 г., написанное, вѣроятно, тамъ же: легча*я* будеть 33, 59; Домострой по сп. XVI в.: множа*я* 76, крѣпчя*я* 124; современн. сѣверно-великорусск.: крѣпча*я*, сильня*я*, красня*я*, сильнѣ*я*, краснѣ*я*,—едва ли не есть результатъ ассимиляціи конечнаго *е* съ предшествующимъ *а* (легча*я*) и послѣдовавшаго за тѣмъ дѣйствія аналогіи (лжѣ*я*); сравни сѣв.-великор. дѣл*а*тъ, игр*а*тъ изъ дѣл*ае*тъ, игр*ае*тъ чрезъ посредство дѣл*аа*тъ, игр*аа*тъ.—Звукъ *а* въ великорусск. окром*я* и опосл*я* и въ великор.-бѣлорусск. нельз*я* (въ Ипатскомъ сп. лѣт.: нѣлз*я* 439, нелз*я* 461; въ зап.-русск. Псалтыри XVI в. Рум. Муз.: нелз*я* 154 об.; въ зап.-русск. Катихизисѣ 1562 г., нѣсколько разъ: нельз*а*), при кро́м*ѣ*, по́сл*ѣ*, древне-русск. нѣльз*ѣ* (Святославовъ Сб. 1073 г. 6, 130; Богословіе Іо. Дамаскина XII в. 188, и др.), неясенъ по образованію; сравни съ окром*я*—польск. kromi*a*, съ опосл*я*—малорусск. псл*я*, піл*я*, съ нельз*я*—старыя формы имен. ед. льз*я*: Пандекты Антіоха XI в.: кая *льзя* ѥстъ 87 об.; ст.-сербск. не бо ѥ льз*а* извѣщати, не бѣ льз*а* жити (словарь Миклошича), лѣниву нельз*а* жити (Соколовъ, Матеріалы и замѣтки по слав. литературѣ 11); но во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы онъ произошелъ изъ *ѣ*.—Формы съ ударяемымъ *а* въ родѣ великорусскихъ сѣм*я́*нъ, врем*я́*нъ, плем*я́*нникъ, стрем*я́*нный, безъим*я́*нный (Пушкинъ) обязаны своимъ *а* вліянію формъ им.-вин. на *мя*: сѣм*я*, врем*я* и т. п. Сравни въ новгородскихъ Праздникахъ XII—XIII в. (Тип. Б. № 330): плам*я*ньныя стрѣлы 44 об.; въ Ев. 1354 г.: знам*я*нии сихъ 4 об., знам*я*нья 6 об., 9, знам*я*на (аор.) 11 и т. п.;

въ Ев. 1357 г.: знам*я*нья 123 об., знам*я*навше 58, 151 об. и др.; въ Ев. 1393 г.: сѣм*я*нъ 44, 66 об., сѣм*я*ни 90, врем*я*ни 101, 126 и др.; въ Ев. 1399 г.: врем*я*на 24 об.; въ Лаврентьевскомъ сп.: по врем*я*нѣхъ, врем*я*ньныхъ, плам*я*нь, знам*я*нья, им*я*на, плем*я*ни и т. п. Сѣверно-великорусск. пр*я́*сный=прѣсный, с*я́*стрица=сестрица, пом*я́*лышко=помелышко и т. п. суть результатъ перехода *а* въ *е* и возникшаго затѣмъ чередованія въ однихъ и тѣхъ же словахъ *а* и *е*. Др.-русск. докол*я* (грам. литовскихъ князей 1350 г.), соврем. малор. відкіл*я* имѣютъ *а* заимствованное изъ формъ род. ед. муж. Сравни въ средне-болг. вставкѣ въ Зографскомъ Ев.: отътол*а* 24, въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: докол*а* 6 об.

Переходъ *а* въ *е*. Звукъ *а* въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находился послѣ твердаго согласнаго и имѣлъ на себѣ удареніе, сохранился безъ измѣненія во всемъ русскомъ языкѣ, причемъ остался по прежнему открытымъ звукомъ. Не то было съ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и *j*, какъ неударяемымъ, такъ и ударяемымъ: оно во многихъ случаяхъ ассимилировалось съ предыдущимъ мягкимъ звукомъ и перешло въ *е*.

Псковскіе памятники XIV и XV вв., имѣющіе нерѣдко *а* вм. *е*, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ рядъ примѣровъ употребленія *е* вм. *а*, показывающихъ, что *е* вм. *а* въ псковскомъ говорѣ того времени было весьма распространено. Мы читаемъ въ Параклитикѣ 1369 г.: твоѥго хваленьѥ, страшнаго помышленьѥ, из истлѣньѥ, иного прибѣжищ*е*, ѥдинаго законодавьц*е* (род. ед.), провѣщ*е*лъ, мѣдв*е*нюю, клятва прабабн*ѣ*я; въ Прологѣ 1383 г.: от смѣреньѥ, от святилищ*е*, многа исправленьѥ, своя дѣяньѥ (им.-вин. мн.), стариц*ѣ* (им. ед.), въ стькл*ѣ*ници; въ Параклитикѣ 1386 г.: въпиѥше, кровью излиѥною, смер*е*яся, потр*е*сеся; въ Трефолоѣ 1446 г.: цвѣте не ув*ѣ*дающеи 93 об., доконца*е* (причаст.) 101 об., из ыстлѣні*е* 113 об. и др. Эти примѣры показываютъ, что псковское *е* изъ *а* слышалось обыкновенно (но не всегда) или въ концѣ словъ, или въ серединѣ словъ при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ. Время, когда закончился въ псковскомъ говорѣ переходъ *а* въ *е*, не можетъ

быть нами опредѣлено за неимѣніемъ псковскихъ памятниковъ ранѣе XIV в.

Старый новгородскій говоръ, повидимому, также зналъ этотъ переходъ. Данныя старшихъ новгородскихъ памятниковъ: Минея 1095 г.: въждедая 201, сугражененинъ 222; Минея 1097 года: дивѣщеся 380; Стихирарь Академіи Наукъ XII вѣка: учещую, могли бы указывать на глубокую древность новгородскаго *е* изъ *а*, если бы ихъ можно было считать достовѣрными, т. е. не описками. Данныя памятниковъ послѣдующаго времени: Трефолой 1260 года: святаго Георгиѥ; Кормчая ок. 1282 г.: освящеѥть 462 об.; Ев. до 1362 г.: Ѥмилиѥна 160; Новгородская лѣтопись: до Днѣпрѣ 197 (сравни: от Днѣпря 198, Днѣпрю 158); Требникъ гр. Шереметева XIV в.: печаль приѥт мя 87, просвѣщеѥть 98,—въ большинствѣ случаевъ не совпадаютъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ современныхъ потомкахъ стараго новгородскаго говора, и также не внушаютъ довѣрія; только освящеѥть и просвѣщеѥть, кажется, передаютъ особенность живаго языка и указываютъ на существованіе въ немъ *е* изъ *а*. Нынѣшніе сѣверно-великорусскіе говоры, знающіе мѣну *ц* и *ч*, почти всѣ знаютъ и *е* вм. *а*, въ слогахъ какъ неударяемыхъ, такъ ударяемыхъ преимущественно при послѣдующемъ мягкомъ согласномъ: петь=пять (но пятый), потерели(но потерялъ), грезь, печель, хозеинъ. Чередованіе *е* и *а* въ однихъ и тѣхъ же корняхъ и словахъ (петь и пятый) повело въ этихъ говорахъ къ появленію *а* на мѣстѣ *е* (*ѣ*) въ словахъ въ родѣ прясный (при пресенъ=прѣсенъ), помялышко, сястрица, по преимуществу въ слогѣ съ послѣдующимъ твердымъ согласнымъ.

Сверхъ этихъ сѣверно-русскихъ говоровъ, мягкое *е*, или *є* изъ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и *j* существуетъ въ нѣкоторыхъ западныхъ малорусскихъ говорахъ: галицк. тєжко, жєль, шаблє, конє (отсюда кое-гдѣ *і*: жіль, жіти, чісто=жаль, жати, часто; сравни въ Виршахъ Кассіана Саковича, напечатанныхъ въ Кіевѣ въ 1622 г.: молчѣня=молчанье). Здѣсь оно является какъ безъ ударенія, такъ и подъ удареніемъ, безразлично въ слогахъ съ послѣдующимъ мягкимъ и съ послѣдующимъ твердымъ согласнымъ. Время появленія этого *є* мы не въ состояніи

опредѣлить; всѣ данныя галицко-волынскихъ памятниковъ, начиная съ Добрилова Ев. 1164 г., которыя имѣютъ *е* вм. *а*, намъ не внушаютъ довѣрія.

Аканье. Съ указаннымъ измѣненіемъ не имѣютъ ничего общаго тѣ измѣненія звука *а*, которыя мы видимъ въ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ и которыя находятся въ тѣсной связи съ измѣненіями звуковъ *е* и *о* и имѣютъ мѣсто исключительно въ слогахъ неударяемыхъ. Если мы взглянемъ на латинскій языкъ, то увидимъ въ немъ потемнѣніе гласныхъ звуковъ, или измѣненіе неударяемыхъ *е* и *о* въ болѣе глухія *i* и *u*: l*e*go—coll*i*go, *e*mo—red*i*mo, bon*o*s—bon*u*s. Подобныя явленія потемнѣнія гласныхъ, взятыя въ совокупности, составляютъ отличительную особенность южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ—такъ называемое *аканье*. Оно состоитъ въ настоящее время въ слѣдующемъ.

Послѣ твердыхъ согласныхъ старыя неударяемыя *а* и *о* въ однихъ случаяхъ—въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ чаще, въ другихъ акающихъ рѣже—звучатъ глухо и значительно приближаются къ *ы*, такъ что слышится глухой звукъ, который мы можемъ назвать условно *ъ*: на́ д*ъ*мъ=на́ домъ, вы́с*ъ*дка=вы́с*а*дка; въ другихъ случаяхъ—въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ рѣже, въ другихъ чаще—*а* сохраняется, а *о* (если не сохраняется, какъ въ юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ послѣ ударенія: до́бр*ого*, при г*а*сп*а*д*а*ра́) болѣе или менѣе приближается къ *а*: *с*а*ди́ть*, са́д*а*, *слава́*=слова́, д*а*бро́. Послѣ мягкихъ согласныхъ въ однихъ случаяхъ, въ соотвѣтствіе *ъ* послѣ твердыхъ согласныхъ,—въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ чаще, въ другихъ рѣже—*а* и *о* звучатъ какъ *и*: св*и*то́й, п*и*то́къ, ч*и*сы́, б*и*ру́=бѣ́ру́, б*е*ру́, нич*и*во́=нич*о*во, ничего; въ другихъ случаяхъ—въ московскомъ говорѣ рѣже, въ другихъ чаще—*а* сохраняется и *о* (если не сохраняется) приближается къ *а*: московск. по́л*я*=по́л*я* (род.) и по́л*ё*, пол*е*, наш*а*=наш*а* (имен. ж. р.) и наш*о*, наш*е*, курск. и бѣлор. св*я*та́я, ч*а*сы́, б*я*ру́, нич*а*го́.

Неударяемое *е*, какого бы оно происхожденія ни было, изъ стараго ли *е*, или изъ *ь*, *ѣ*, въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ звучитъ какъ *и*: *ми*ня́, *ти*бѣ́, н*и*дѣ́ля; въ другихъ ака-

ющихъ говорахъ оно иногда звучитъ также какъ *и*, но чаще какъ *а*: *мяне́*, *тябѣ́*, *нядѣ́ля*.

Различіе въ произношеніи неударяемыхъ гласныхъ находится въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій. Напримѣръ, сохраненіе *а* и образованіе *а* изъ *о*: *са́да* (род. п.), *сло́ва*=*слово*, *бара́на*, *задо́къ*, *силача́*, въ московскомъ говорѣ всего чаще имѣютъ мѣсто тогда, когда *а* находится въ слогѣ сосѣднемъ со слогомъ ударяемымъ; глухой *ъ* изъ *а* и *о*: *съпаги́*, *зъхатѣлъ*, *стърику́*, является обыкновенно (но далеко не всегда) въ слогѣ третьемъ отъ ударяемаго.

Начало нашего аканья по памятникамъ можетъ быть возведено въ XIV в. (при этомъ должны быть оставлены въ сторонѣ данныя псковскихъ памятниковъ въ виду возможности толковать ихъ различно). Первые случаи замѣны неударяемаго *о* какъ древняго, такъ и образовавшагося изъ *е*, звукомъ *а* являются въ памятникахъ написанныхъ въ Москвѣ и въ московской области около половины XIV в.: Ев. 1339 г. (списано съ гал.-волынск. оригинала): кака ты глаголеши 16 об., отъ господа бысть се и єсть дивьна въ очью нашею 73, 129, аще ожениться, любодѣянья творить 125, въ апустѣвшии земли, запись; Ев. 1354 г.: всажанъ 5 об., на вечарехъ 71 об., вечаряю 126, жалаше 130 об. (рядомъ: ни о ком жо, глаголашо и др.); Ев. 1358 г.: възрадавашася 120 об.; но они мало внушаютъ довѣрія и большая ихъ часть можетъ быть признана за ошибки или описки. Можно упомянуть еще о Брошевую (вин. ед., названіе деревни) въ духовной Ивана Калиты и Брашевая (названіе той же деревни) въ духовныхъ вел. кн. Ивана Ивановича, Димитрія Донскаго, Василія Димитріевича; удареніе этого слова, вѣроятно, было не на первомъ слогѣ. Несомнѣнные слѣды *а* вм. *о* находятся въ памятникахъ не раньше самаго конца XIV в.; писцы которыхъ не всегда различаютъ *а* и *о* и ставятъ буквы *а* и *о* одну вмѣсто другой: московское Ев. 1393 г.: поклапятся 22, Симанъ 34, к Симану 81 об., прикаснуся 45, облажать 109 об. (=*ложа́ть*), даящимъ 113 об., прадающимъ 156, вертаградъ 171, домъ украшенъ и помятенъ 41 об., приступиша фарисѣі глаголюща 46 об., научите крестяща я во имя 183, надъ чалядью 100 об. (?),

ангелъ мыяш*а*ся 12, отроковица лежаш*а* 68 об., глаголаш*а* имъ (3 л. ед.) 74, поясаш*а*ся самъ 28, фарисѣі моляш*а*ся 126, Марьа сблюдаш*а* 191 об.; пол*о*гаѥть 6 об., 95 об.,—гаху 9 об.,—гахуть 73,—гаю 19 об.,—гають 71 об., вл*о*гають 26, предл*о*гають 75,—гаѥмая 92, възл*о*гая 110, вл*о*галища 82, зап*о*да 101, нен*о*видяхуть 107 об., привяз*о*но 109, 130, 135 об., обяз*о*нъ 147 об., пос*о*гаѥть 118 об.,—ють 124 об., помаз*о*вшия 146, т*о*лантъ 156 об., Аримо*ф*ѣя 9, самор*ѣ*іскъ 16, — яныни 16, 16 об.,— янѣхъ 16 об.,—яне 17 об.,—янинъ 18, отъ Сам*о*рия 16 и т. п.; коломенская Палея 1406 г.: мьл*а*ньямъ=мол*о*ньямъ 3, пог*а*рять 17, п*а* роду 20, п*о*рящая по вздуху 20, зад*о*вити 31. Памятники второй половины XV в. и XVI в. имѣютъ *а* вм. *о* (и рядомъ *о* вм. *а*) уже нерѣдко, хотя впрочемъ огромное большинство ихъ, особенно московскіе акты разнаго рода, упорно придерживаются старой орѳографіи; въ полоцкомъ договорѣ съ Ригою 1478 г. мы читаемъ: п*а* веснѣ, п*а*сле, *а*бою сторонъ, ст*а*ить, д*а* Ильина дня; въ западно-русской Четьѣ 1489 г.: пот*а*пталъ, п*а*ганый, к*а*рабль, н*а*ября, рад*а*ватися, к*а*р*а*мольное, мол*а*нья, пок*о*яньемъ, уд*о*ляимося; въ Ев. 1527 г., написанномъ въ селѣ Новомъ, подъ Вязьмою (Публ. Библ.): въ к*а*рабли 10 об., к*а*раблю 19, к*а*рабль 33 об., пророчеств*а*ва 34, н*а*гама 35 об., врата адова не уд*а*лѣють еи 37, ник*а*го 38 об., не до седмь кратъ но д*а* седмьдесятъ 41, к*а*торого 50, к*а*кошь 53; отъ востокъ и зап*о*дъ 18, до зап*о*дъ 54 об., д*о*лече 34; ту будеть сердц*а* ваш*я* 15, бѣ раздрушеніе ея велі*а* 17 об., призвати на покаяні*а* 20, взыде трьні*а* 29, сѣав'шу добр*ая* семѣ 30, въ скончані*а* вѣка 31, скврьнить человѣка исходящ*а*е изъ устъ 34, за невѣр'стві*а* ваш*а* 39, он не хотѣш*я* 41 об., продаждь имѣні*а* твое 43, проповѣсться сие еѵангелі*а* 54, явится знамені*а* 54 об. и др.; въ Сборникѣ XVI в. Чудова монастыря № 264, написанномъ едва ли не въ Москвѣ: чюдотворц*а*въ (род.), изообличих*а*мъ, с*а*борнѣ, н*а*угородець, бѣ слов*а* п*а*носно, митр*а*политъ, сов*а*купи с*а*боръ, п*а*повъ, съ т*а*варыщи, пот*а*чиша, *а*рла, *я*го, *я*му, сіе настоящ*е*я средостѣніе, въ послѣдне*я* время и др. (чрезвычайно часто; Русск. Ист. Библ., VI, 785—788; Библіографич. матеріалы, собр. А. Н. Поповымъ, № XVIII, М. 1889); въ западно-русской Псалтыри XVI в. Рум.

Муз.: на *да*розе 7, троск*а*тъ 8, узд*а*ровить 10, так*а* есть 14; з*о* брата 7 об., к*о*ранє 8, покл*о*дающие 9 об., закл*о*дает 13 об., д*о*леко 13, д*о*валъ 16 об., мешк*о*ють 16 об., спр*о*ведливость 19 об.

Одновременно съ *а* вм. *о* начинаютъ появляться съ одной стороны случаи употребленія *е* вм. *а* въ неударяемыхъ слогахъ: надпись на монетахъ кн. Андрея Можайскаго конца XIV в.: печать кн*е*жа=княжá; Ев. 1354 г.: вид*е*ща 50; Ев. 1393 г.: ст*е*зающемася 2 об., не іст*е*заи 85, ист*е*заю 106, ієрусалимьл*е*нъ 14 об., пл*е*састе 38, проз*е*баѥть 66 об., граж*е*не 107 об., клад*е*зь 117; Палея 1406 г.: клад*е*зю 73; указанный договоръ 1478 г.: риж*е*не, о ч*е*сехъ; Четья 1489 г.: св*е*того 11, пам*е*ть 255 об., колод*е*зи 212 об., в*е*зати 229 и др.; Ев. 1527 г. (Публ. Библ.): дев*е*ти 40 об., по пѣн*е*зу 44 об., пѣн*е*зь 49 об. и т. п.; зап.-русская Псалтырь XVI в. Рум. Муз.: мысл*е*ть, загл*е*дають, пен*е*зеи и т. п.; литовскій Статутъ 1588 г. Съ другой стороны появляются *и* и *ы* вмѣсто *е* и *о*: Ев. 1339 г.: Моисѣи на-нь же вы упова*и*те 9, аще чюдесъ не видите, не имат*и* вѣры яти 10 об., радости ваш*и*я 176 об., губу наполн*и*ну оцт(а) 185, въ пиш*и*мыхъ книгахъ 208; Ев. 1354 г.: донд*и*же (постоянно), ащ*и* 133, и доселѣ н*и* имать быти 154 об.; Паремейникъ 1378 г.: аще не послуша*и*те мене оружьѥ вы поясть 8 об., бесѣду*и*ть 33, вс*и*я земля (род.) 45, 55, 55 об., 74 об., отъ земля наш*и*я 78 об., взищ*и*ть (3 л. ед.) 66 об., видѣхомъ и съвидительству*и*мъ 120 об.; Ев. 1393 г.: глагол*и*ши 2,—л*и*тся 3 об., да вы чюд*и*т*и*ся 7, ѥгда възпесете сына тъгда разумѣ*і*те 15 об., Якова З*и*в*и*дѣова 34, с З*и*в*и*дѣомь 34, —я 61 об.,—ова 82, въ попел*и* 38 об.; рядомъ: из в*е*нограда 110 об. (это Евангеліе имѣетъ также *и* вмѣсто *я* и на оборотъ: всѣхъ галилѣ*и*нъ 101 об., кто ѥсть удар*я*выи тя 132 об., нарица*я*мая 185); Ев. 1399 г.: вы не вѣсте ни помышля*и*те 16, горе вамъ яко въздрыда*и*те и въсплачетеся 68; духовная в. кн. Василія Дмитріевича: по матери мо*и*е животѣ, Скирм*е*ново, Гусл*е*ця (названія селъ; сравни въ духовной Ив. Калиты: Скирм*и*новьскоѥ, Гусл*и*ця, гдѣ *и*, по всей вѣроятности, неударяемое); полоцкій договоръ 1478 г.: тягл*и*цовъ (им. тяглецъ), серебр*ы*ный вм. серебр*о*ный, серебр*е*ный; Четья 1489 г.: кл*и*нися 5 об., мертв*и*ца 35, лест*и*цемъ.

Приведенныя данныя показываютъ, что начало аканья восходитъ къ XIV в. и что въ XV в. оно существовало если не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ теперь, то все таки въ размѣрахъ значительныхъ.

Въ XIV и XV вв. нашъ сѣверъ вообще и Москва въ частности уже имѣли опредѣленную орѳографію, и понятно,—аканье оказалось не въ состояніи ее поколебать. Вслѣдствіе этого при помощи нашего правописанія можно съ достаточною точностью опредѣлить, гдѣ въ древнее время произносилось *о*, *е*, *а*. Однако не всегда. Въ нашу орѳографію, при всей вѣрности ея преданію, вкралось не мало ошибокъ, особенно въ тѣхъ словахъ, которыя болѣе или менѣе рѣдко встрѣчались въ старомъ литературномъ языкѣ.

Мы употребляемъ теперь *а* вм. *о* въ цѣломъ рядѣ словъ, взятыхъ изъ церковно-славянскаго языка: въ словахъ съ префиксомъ *раз*—, въ словахъ р*а*сту, р*а*стеніе (вмѣсто р*о*сту, р*о*стеніе), р*а*бота, р*а*кита, з*а*ря (послѣднее слово въ церк.-славянск. языкѣ звучало не только з*а*ря, но и з*о*ря: сравни польск. z*o*rza, чешск. z*o*ře, соврем. сѣв.-великор. з*о*ря, южно-великорусск. з*о*́рю, з*о*́ри, з*о*́ренька, малорусск. з*о*ря), въ формахъ род. пад. ед. ч. прилагательныхъ *аго*, *яго* вм. *ого*, *его*; здѣсь наше аканье не только не внесло въ нашу орѳографію ничего новаго, но и способствовало утвержденію старыхъ церк.-славянскихъ написаній. Въ другихъ случаяхъ аканье послужило къ употребленію вполнѣ неправильныхъ, ничѣмъ съ сравнительно-этимологической точки зрѣнія не оправдываемыхъ написаній, именно въ словахъ: к*а*лачъ вм. к*о*лачъ, при сѣв.-великор. к*о*лачъ (Домострой: к*о*лачи; расходная книга Никона 1652 г.: к*о*лачи; Временникъ Общ. и. и др. III, 5); сравни чешск. k*o*lač, сербск. к*о*лач; к*а*сатка вм. к*о*сатка (сравни к*о*са и т. п.); б*а*рсукъ, при древне-русскомъ б*о*рсукъ, сравни польск. b*o*rsuk; л*а*пта (названіе дѣтской игры), сравни чешско-словацк. l*o*pta; ст*а*канъ, сравни древне-русск. дост*о*канъ, ст*о*канъ, сѣверн.-великор. ст*о*канъ (*о* изъ *ъ*); завтр*а*къ, завтр*а*кать, сравни въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтоп. (128, 149), въ Словѣ о полку иг. и въ свадебномъ чинѣ XVII в. при Домостроѣ (192): заутр*о*къ, заутр*о*кати, польск. zajutr*e*k (*е* изъ *ъ*),

род. п. zajutrka; к*а*рманъ, сравни собственное имя К*о*рманъ въ грамотѣ 1541 г. (Лебедевъ, 18), въ 1-й Псковской лѣтописи (Полное собраніе русск. лѣтоп. IV, 189) и въ одной изъ Новгородскихъ лѣтописей (344), южно-русск. мѣстное названіе въ актѣ 1424 г.: in villa C*o*rmanicze in Premisliensi districtu (Akta gr. i ziemskie, VII, 65), словацкую фамилію Krman, польск. областн. (руссизмъ?) k*o*rman покрышка для платья отъ дождя (Rozprawy Akad. Krakowsk., VII), великор. областн. к*о*рма мотня у невода; кр*а*пива, сравни кр*о*пива въ Домостроѣ 120, Кр*о*пивна въ духовной Дмитрія Донскаго, укр*о*пъ и т. п.; т*а*р*а*торить; п*а*ромъ, сравни чешск. pram; к*а*чанъ, сравни к*о*чень; бр*а*зда́ вожжа („бр*а*зды правленія"), сравни ц.-слав. бр*ъ*зда, въ Прологѣ Погодина Публ. Б. № 59, XIV в.: бр*о*зды въ уста вложеше; здѣсь *а* явилось очень рано (бр*а*здами и уздою, Псалтырь 1296 г.), вѣроятно, вслѣдствіе смѣшенія этого слова со словомъ бр*а*зда= борозда; названія: В*а*зуза, М*а*сальскъ, К*а*шира и т. п., сравни въ Новгородской лѣтописи: В*о*зуза 167, М*о*сальскъ 229, въ духовной вел. кн. Ивана Ивановича: К*о*шира; собственныя имена: *А*лёна, *А*вдотья, *А*лфёръ и т. п., сравни въ памятникахъ до XVI в. (постоянно): *О*лена, *О*вдотья и т. п. Слово б*а*ранъ имѣетъ древнее *а*, точно также какъ б*о*ранъ (очень часто въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ памятникахъ разнаго времени) имѣетъ древнее *о*; сравни чешск. b*e*ran.

Рядомъ съ *а* вм. *о*, мы находимъ также употребленіе *о* вм. *а*, несогласное съ древнимъ произношеніемъ, въ словахъ: лаской*о*въ, ср. церк.-слав., др.-русск. и малорусск ласк*а*въ; Житіе Нифонта 1219 г.: ласк*а*вымь 121, Апостолъ 1220 г.: ласк*а*вую 15; но уже въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт. ласк*о*въ 444 и въ Паремейникѣ 1378 г. ласк*о*выи 64; ов*о*дъ, сравни въ Житіи Ѳеодосія печерскаго XII в.: ов*а*ду и комаромъ, ов*а*да и комара 11, польск. ow*a*d; нав*о*жденіе дьявольское, сравни въ старыхъ памятникахъ нав*а*ждениѥ, глаголъ в*а*дити.

Буква *е* вмѣсто *я* пишется теперь въ словахъ: т*е*тива, ц.-слав. т*ѧ*тива; ястр*е*бъ, сравни въ Златоструѣ XII в.: о ястр*я*бѣхъ, въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: ястр*я*бъ 21, въ Лѣствицѣ 1334 г.: ястр*я*бля вида 136 об., въ Ипатскомъ сп. лѣт.: ястр*я*-

бомъ 487, польск. jastrząb; колод*е*зный, колод*е*зникъ, современн. колоде*цъ* изъ колоде*зъ*, подъ вліяніемъ словъ на *ецъ*.

Сверхъ этого, мы пишемъ 1) *и* вм. *е*, *ѣ* въ св*и*рѣпъ (постоянно съ *и* уже въ Палеѣ 1406 г.), при церк.-слав. и др.-русск. св*е*рѣпъ; въ м*и*зинецъ, при др.-русск. м*ѣ*зинъ (Лаврентьевск. сп.: людье м*ѣ*зинии 359), малор. м*і*зинецъ, сербск. м*е*зимац, чешск. m*e*zinec; въ св*и*дѣтель, при ц..-слав. и др.-русск. съв*ѣ*дѣтель; въ сн*и*гирь, при чешск. sněhula, польск. sniegiła; въ в*и*тия, ул*и*знуть, колѣн*и* (съ *и* въ Мстижскомъ Ев. 125 об.), двѣст*и* и, вѣроятно, въ энклитикѣ *бишь* (сравни наше произношеніе неударяемаго *вѣдь*: в*и*ть), при др.-русск. б*е*шью Жит. Саввы Освящ. XIII в., б*е*хма Выголекс. Сборникъ XII—XIII в., Ефремъ Сиринъ 1492 г., ц.-слав. бъшиѭ, бѣшиѭ (Супрасл. рук.), бъхъма; и 2) *ы* вм. *о* въ пол*ы*мя=пол*о*мя, церк.-слав. пламѧ. Глаголъ потч*и*вать и производныя (=по-чьч*и*вать, кор. *чьт*; сравн. утрачивать, отсвѣчивать и т. п.) пишется нами вполнѣ правильно. Въ немъ мы имѣемъ архаическое образованіе съ краткимъ гласнымъ (*ъ*) въ корнѣ, однородное съ нашими выпё́хивать (*е* изъ *ъ*; кор. *пьх*), расч*о*сывать, вым*е*́тывать, выл*е*́тывать, затр*о*гивать, др.-русскими подък*о*пывати (Ев. 1383 г. 14, 14 об.), перек*о*пывати (2-я Новгородск. лѣт. 104), вн*о*шивати (Сборникъ XVI в. Рум. М. № 2515, 183), отх*о*живати (зап.-русск. грам. 1444 г. Archiwum Sanguszków, I) и т. п. Древняя форма настоящаго времени этого глагола потч*иваю* употребляется великоруссами наравнѣ съ ея сокращеніемъ потч*ую* (откуда потч*ую* по образцу тоск*ую* и т. п.): ну, потч*ивай* сосѣдъ сосѣда, Пушкинъ; вынувши изъ кармана табакерку, ты потч*иваешь* дружелюбно, не угощай и не потч*ивай* никого, Гоголь, Мертв. Души. Въ XVI, XVII и XVIII вв. она употреблялась почти исключительно: потч*иваетъ*, потч*иваютъ* Домострой и свадебный чинъ при немъ XVII в. 117, 174, 181, 191 (рядомъ: потч*ивати* 103, 170); подч*иваетъ* протоп. Аввакумъ (VIII, 6); попотч*иваю*, Аблесимовъ, Мельникъ (изд. Смирдина, 25), попотч*иваютъ*, Эминъ, Непостоянная фортуна 1763 г. (I, 17), Рабенеръ, Сочиненія 1792 г. (I, 141), потч*ивая*, Фильдингъ, Томасъ Іонесъ 1787 г. (I, 6).

Сравни сербск. глаголъ дотк*ивати*, дотк*ивам* оканчивать тканье, образованный тожественно съ потч*ивать* (кор. *тък*).

Благодаря аканью, въ акающихъ говорахъ явилось значительное число случаевъ чередованія *а* безъ ударенія (изъ *о*) и *о* съ удареніемъ: вск*а*чу́—вск*о́*читъ, н*а*шу́—н*о́*ситъ, *а*кнó—*о́*кна, в*а*дá—в*о́*ды. Они повели къ возникновенію въ нѣкоторыхъ словахъ *о* на мѣстѣ ударяемаго *а* и къ образованію чередованія стараго *а* безъ ударенія съ новымъ *о* съ удареніемъ: пл*а*чу́—пл*о́*титъ, с*а*жу́—с*о́*дитъ, дарю́—д*о́*ритъ, пальтó—п*о́*льта, к*а*йма́—к*о́*ймы, бѣлор. кр*о́*сонька при кр*а*cá, шт*о́*ники при шт*а*ны́ и т. п. Въ формѣ к*о́*титъ (отъ к*а*чу, к*а*тить)—*о* древне; сравни малор. к*о*тити, чешск. k*o*titi, польск. k*o*cić się, pok*o*tem.

Къ явленіямъ такъ называемаго аканья не слѣдуетъ относить *е* въ словѣ леб*е*дь. Это слово является съ *е* въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.; въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи оно звучитъ леб*і*дь и леб*е*дь, леб*і*дка, леб*ю*дка; въ современн. великорусскихъ говорахъ мы слышимъ леб*ё*душка, леб*ё*дка, гдѣ *ё*=*о* ясно указываетъ на древнѣйшее *е*. Такимъ образомъ *е* въ леб*е*дь нужно считать древнимъ и если и происшедшимъ изъ *а*, то все таки не имѣющимъ связи съ аканьемъ и образовавшимся гораздо раньше появленія аканья. Слово леб*е*дь родственно съ польскимъ łab*ę*dź, чешск. lab*u*ť, сербск. лаб*у*д (*ę* и *у* изъ *ѫ*); въ нашемъ леб*я*жій *я* восходитъ къ *ѧ*. Кромѣ этого слова, въ великорусскомъ нарѣчіи есть нѣсколько глагольныхъ формъ, въ которыхъ вмѣсто ожидаемаго *а* мы имѣемъ *е* и *о* подъ удареніемъ; эти формы—запр*е*чь, занр*ё*гъ, при запр*я*жка и т. п., и тр*ё*съ при тр*я*ска и т. п. Находящаяся въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ форма запр*юо*гъ (сравни запр*я*гу) имѣетъ дифтонгъ *уо*, который указываетъ на древнее *е*; при великор. тр*ё*съ существуетъ малорусское украинск. тр*і*съ (сравни тр*я*су), гдѣ *і* происходитъ также изъ болѣе древняго *е*. И въ томъ и въ другомъ случаѣ звукъ *е* не можетъ быть поставленъ въ связь съ аканьемъ: это звукъ древній, встрѣчающійся въ говорахъ не акающихъ. Вѣроятно, здѣсь мы имѣемъ дѣло со старымъ явленіемъ, возникшимъ благодаря вліянію такихъ глагольныхъ формъ, какъ л*я*гу—л*е*чь, с*я*ду—с*ѣ*лъ, въ которыхъ чередуются *а* и *е*.

Само собою разумѣется, съ аканьемъ также не имѣетъ ничего общаго ни то сѣверно-великорусское *а*, которое иногда слышится въ род. пад. прилагательныхъ: добров*а*, худов*а*, синев*а* (здѣсь надо видѣть слѣдствіе вліянія формъ род. пад. именъ существительныхъ), ни малорусское *а* въ словахъ б*а*гатый, г*а*раздъ, г*а*рячий и др., которое мы встрѣчаемъ въ галицко-волынскомъ Указателѣ еванг. чтеній XIII—XIV в.: б*а*гатъ, и которое явилось подъ вліяніемъ *а*, находящагося въ послѣдующемъ слогѣ, такъ что это *а* есть слѣдствіе ассимиляціи гласныхъ. Кстати замѣтимъ, что въ малорусск. можн*а*=можн*о* мы имѣемъ дѣло съ полонизмомъ: сравни польск. możn*a* (подразумѣвается rzecz).

Мелкія явленія въ исторіи гласныхъ. 1. Въ новгородскомъ говорѣ, издревле знавшемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (но не всегда) замѣну *ѣ* черезъ *и*, послѣ того какъ тотъ *ѣ*, который не перешелъ въ *и*, отожествился съ *е*, явился рядъ случаевъ употребленія *и* вмѣсто *е* и на оборотъ: 1) Ев. 1355 г.: нѣсть пророкъ бе-щ*и*сти 51 об.; Тактиконъ Никона Черн. 1397 г.: бесч*и*стья 103 об.; Требникъ гр. Шереметева XIV в.: предт*и*ца 40, твор*и*ць 68 об., в бещ*и*стьи 139 об., растоц*и*ная 75, прегреш*и*ния 118; Новгородская лѣтопись XVII в.: черн*и*ць (=чернецъ; изд. Археограф. коммиссіи, 354); 2) Тріодь 1311 г.: кад*е*лницю 71 об.; Прологъ 1356 г.: пр*е*сныи другъ 84 об.; Молитвенникъ XIV в. (Публ. Б. о. 4): кад*е*льницею 4. Сравни современн. сѣверновеликорусскія щ*и*ль, л*и*бедь, рак*е*товъ кустъ, в*е*хорь, печь истоп*е*лась и т. п. Эти *и* вмѣсто *е* съ одной стороны и *е* вм. *и* съ другой объясняются дѣйствіемъ аналогіи тѣхъ словъ, въ которыхъ на мѣстѣ древняго *ѣ* звучало то *и*, то *е;* такимъ образомъ ч*и*сть возникло рядомъ съ ч*е*сть благодаря существованію вмѣстѣ в*е*сть и в*и*сть=в*ѣ*сть; чередованіе звуковъ *е* и *и* (изъ *ѣ*) въ хот*е*лъ и хот*и*лъ (=хот*ѣ*лъ) вызвало, рядомъ съ истоп*и*лъ,— форму истоп*е*лъ, и т. д. Старые псковскіе памятники также знаютъ эти новыя *и* и *е:* Прологъ 1383 г.: створ*и*ние, идолослуж*е*тели, друж*е*ною; Лукино Ев. 1409 г.: тр*и*тья. Такъ какъ новгородскій говоръ оказалъ нѣкоторое вліяніе на установленіе въ Москвѣ правописанія, а вмѣстѣ и произношенія нѣкоторыхъ словъ, то новгородское *е* вмѣсто *и* явилось въ нѣсколькихъ словахъ

нашего литературнаго языка: апр*ѣ*ль (съ *ѣ* уже въ Палеѣ 1406 г. 12; сравн. въ той же Палеѣ: кум*ѣ*ръ 62 и друг.), Огроф*е*на; сравни малор. Горп*и*на, со старымъ *и*.

2. Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ, вмѣсто мѣстоименія *о*нъ, мы часто слышимъ *ё*нъ, *е*нъ, *ё*на, *е*на, *я*на, множ. ч.—*ё*ны́, *е*ны́, *е*нѣ́, *я*ны́, *я*нѣ́. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ переходомъ *о* въ *е*, а съ слѣдствіемъ вліянія формъ косвенныхъ падежей мѣстоименія *и*: *ё*му́, *е*му, *я*му́, *е*е́, *я*е́ и т. д.

3. Возвратное мѣстоименіе *ся* въ южно- и сѣверно-великорусскихъ говорахъ нерѣдко звучитъ *си:* сажу*си*, сади*си*, попал*си*. Здѣсь, вѣроятно, мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ однихъ глаголовъ съ возвратнымъ мѣстоименіемъ на другіе. Нѣкоторые глаголы, сочинявшіеся съ дательн. пад., нѣкогда имѣли при себѣ мѣстоименіе *си:* жалити *си*, съжалити *си*, сътужати *си* Жит. Саввы Осв. XIII в., судити *си* Галицкое Ев. 1144 года, Юрьевское Ев., препинати *си*, прѣтъкнути *си* Лѣствица XII в. (Рум. М. № 198) 129, годити *си* Патерикъ Синайскій XII в. (Син. Б.) 45, сотснути *си* Лаврентьевск. сп. л. 282 (но: съжалиша *ся* Жит. Ѳеод. Печ. XII в. 41 об., съжали*ся* Ев. 1339 г. 67, съжаляшеть*ся* Новгородская лѣтоп. 227). Вліяніе ихъ послужило причиною того, что *си* замѣнило собою *ся* и въ рядѣ другихъ глаголовъ, сочинявшихся издревле съ винит. пад., напримѣръ, въ възвратити *ся:* възврати *си* Лаврент. сп. л. 328.

4. Малорусскія формы прош. врем. имѣютъ звукъ *у* на мѣстѣ великорусскаго *ы*: б*у*въ, б*у*ла́, б*у*лы́, заб*у*въ, заб*у*ла и т. п. Въ старшихъ памятникахъ малорусскаго нарѣчія подобныхъ формъ не встрѣчается, и только въ Луцкомъ Ев. XIV в. мы находимъ причастіе заб*у*вена (=забвена), указывающее, что формы б*у*лъ и др. въ то время могли уже существовать. Если это *у* не древне и форму б*у*ти при б*ы*ти нельзя ставить рядомъ съ формами сл*у*ти и сл*ы*ти, пл*у*ти и пл*ы*ти (сравни *u* въ b*u*l, b*u*l, pozab*u*dl разныхъ чешскихъ и словацкихъ говоровъ), то должно думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи, именно что *у* въ б*у*ти образовалось подъ вліяніемъ формъ будущ. врем., имѣющихъ *у*:—б*у*ду, б*у*демъ и т. д. Во всякомъ случаѣ

объяснять *у* въ б*у*ти, какъ образовавшееся изъ *ы* путемъ перехода *ы* въ *у*, нельзя.

Великорусскія и бѣлорусскія б*у*ло́, б*у*ва́ть, б*у*ва́ць и т. п съ неударяемымъ *у*, встрѣчающіяся изрѣдка рядомъ съ б*ы*ло́, б*ы*ва́ть, несомнѣнно одного происхожденія съ малор. б*у*лъ и проч.

Отпаденіе и выпаденіе чистыхъ гласныхъ. Кромѣ глухихъ *ъ* и *ь* и *и*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, спорадически, ослабѣли и потомъ исчезли изъ произношенія также другіе гласные, неударяемые, главнымъ образомъ конечные.

Къ числу случаевъ исчезновенія конечныхъ чистыхъ гласныхъ прежде всего нужно отнести исчезновеніе *ѣ* или, точнѣе, *е* образовавшагося изъ *ѣ*, въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ формахъ родительн. пад. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій женск. рода, т. е. въ формахъ въ родѣ добро*ѣ* (собственно: доброј*ѣ*), сине*ѣ*, то*ѣ*, ваше*ѣ*. Его результатомъ было образованіе формъ съ *ј* на концѣ: доброј, синеј, тој, вашеј, которыя употребляются нами теперь; впрочемъ, формы на *ѣ* еще сохранились до настоящаго времени, особенно въ языкѣ пѣсенъ. Когда сталъ исчезать въ нихъ конечный *ѣ*, сказать трудно, такъ какъ въ старыхъ памятникахъ *ј* передавался буквою *и*, и нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ *и* = *и* и гдѣ *и* = *ј*. Старшій памятникъ, намъ извѣстный, гдѣ мы можемъ указать отсутствіе *ѣ*,—новгородское Евангеліе до 1362 г.: радости ваш*е* никто же възметь 125 (сравни жит*и*скыми 67 об.); здѣсь писецъ не сумѣлъ передать на письмѣ *ј* и не означилъ его никакою буквою; новгородская грамота 1392 г.: купцовъ *се* сторонѣ поморья (рядомъ: безо всяко*и* хитрости); полоцкая грамота 1465 г.: ваш*е* милости слуга. Малорусскіе говоры сохранили здѣсь *і*, *е* = *ѣ*: добро*і*, добро*е*. Кромѣ этихъ формъ, мы не находимъ конечнаго *ѣ* въ частицѣ *вѣдь*, нѣкогда бывшей формою 1-го л. ед. перфекта вѣ́д*ѣ*: Лаврентьевскій списокъ лѣт.: то вѣд*ѣ* яла вы рота 269. Эта форма употребляется въ значеніи *вѣдь* также въ церк.-славянской Супрасльской рукописи; сравни старо-чешск. vědě = enim (Виттембергская Псалтырь XIV в.: čso vědě mně = quid enim); съ остаткомъ древняго значенія *вѣдь* является въ современномъ не́ *вѣдь* какой. Равнымъ образомъ отпалъ конечный *ѣ*—далеко не всегда—

въ нарѣчіяхъ доко*лѣ*, отко*лѣ*, досе*лѣ* и т. п.; первое изъ нихъ безъ *ѣ* находится уже въ Новгородской лѣтописи: доколь 142.

Формы творит. пад. ед. словъ женскаго рода во многихъ случаяхъ въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ утратили конечное *у*, сохранивъ бывшій передъ нимъ *j*: жено*й*, добро*й* изъ жено*ю*, добро*ю*. Случаи, гдѣ отсутствуетъ это *у*, встрѣчены нами въ Житіи Нифонта 1219 г.: молитв*о* и постъмь 66 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: христовою сил*о* вѣща 41 об.; въ Ев. XIII в. Публ. Библ. (f. 9): съ мн*о* юсте 11; въ Прологѣ 1356 г.: он же третиц*е* пославъ бѣсы 32; въ Паремейникѣ 1378 г.: приятъ милоть свою и удари ю въ воду 7 об. (срв.: простре Моисѣ руку 6); въ двинской рядной XIV в.: дворяниномъ Матуто*и* Мартынкомъ; въ новгородской грамотѣ 1392 г.: за олексѣево*и* пецатью. Во всѣхъ первыхъ примѣрахъ писцы не сумѣли изобразить *j*, оставшагося на концѣ словъ по исчезновеніи *у*; въ послѣднихъ примѣрахъ писцы передали *j*, по обычаю, черезъ *и*. Отпаденіе конечнаго *у* имѣло также мѣсто въ двухъ нарѣчіяхъ: домо*ю*, доло*ю*, образовавшихся въ великорусскихъ говорахъ изъ древнихъ дом*овь* (новгородская грам. 1189—1199 г. по сп. XIII в., смоленскій договоръ ок. 1230 г., новгородскій Прологъ 1262 г., Новгородская лѣт., розыскное дѣло о Ѳ. Шакловитомъ 1689 г.), до*ловь*, по образцу формъ творит. ед. (малорусск. дом*ів*, дол*ів*, чешск. dom*ův*, dol*ův*) и еще сохраняющихся въ живомъ употребленіи; литературный языкъ знаетъ лишь формы безъ *у*: домо*й*, доло*й*, появившіяся едва ли раньше XVII в. Кромѣ формъ твор. ед. и нарѣчій, отпаденіе *у* мы наблюдаемъ въ *нѣ-ту* = нѣсть ту; оно произошло не позже XIV в.: Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: наряда въ неи нѣт*ъ*; договоръ Димитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: мира нѣт*ъ*, воины нѣт*ъ*; грамота кн. Андрея Полоцкаго до 1399 г.: нет*ъ*. То же мы видимъ въ великорусскихъ формахъ 1-го л. ед. наст. вр. ча*ю* (у Хемницера: я ча*ю*, всякій знаетъ), благодарству*ю*, пожалу*ю*, которыя обыкновенно произносятся ча*й* (у Крылова: я ча*й*), благодарству*й*, пожалу*й* („пожалуй, я это тебѣ сдѣлаю"; пожалу*й*-ста — 2 л. повелит. накл.), и въ малорусской формѣ дат. ед. чом*у* въ тѣхъ случаяхъ, когда эта форма употребляется какъ нарѣчіе, въ значеніи зачѣмъ;

сравни съ малорусск. чомъ древне-русское чем*у*, напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: *чему* ты не казаше сыновъ своихъ 269.

Опущеніе *е* мы иногда видимъ въ формахъ сравнительной степени въ родѣ скорѣ*й*, сильнѣ*й*, яснѣ*й* изъ скорѣј*е* и т. д. и въ близкомъ къ нимъ нарѣчіи развѣ*й* изъ развѣј*е*. Оно восходитъ къ XIV в.: Ев. 1339 г.: не имамъ сдѣ вящи*и* 5 хлѣбъ 96; грамота литовскихъ князей 1350 г.: не усхочеть миру далѣ*и* держати; Ев. 1354 года: отраднѣ*и* будеть земли содомьстѣи неже граду тому 37 об., разви*и* женъ 53 об., развѣ*и* словеси 63; Ев. 1355 г.: земли содомьстѣи легъча*и* будеть неже тобѣ 34; Ев. 1358 г.: Туру и Сидону легча*и* будеть 41, церкве болѣ*и* ѥсть сдѣ 42, добрѣ*и* бо ти ѥсть 55, да первѣ*и* насытяться чада 79, что ѥсть удобѣ*и* рещи 88 об., вдовица множа*и* всѣхъ въверже 132, ученикъ тече скорѣ*и* Петра 219 и друг. Буква *и* здѣсь означаетъ, безъ сомнѣнія, *j*, т. е. она равна нашему *й*. Кромѣ указанныхъ формъ, конечное *е* отсутствуетъ теперь или всегда, или иногда въ лишь=др.-русск. лиш*е* (лиш*е* по пятидесятъ золотникъ Лаврент. сп. л. 48, Ипатск. сп. 30), авось=др.-р. авос*е* (грамота ок. 1454 г.: авос*е* приставъ твои; Мейчикъ, 193), уж*ъ* = уж*е*, — *жъ* = — *же*. По памятникамъ, отпаденіе здѣсь *е* относится къ XIII в.: договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: а*ж* бы (нѣсколько разъ); духовная новгородца Климента XIII в.: было *ж* бы ми чимъ заплатити; грамота литовскихъ князей 1350 г.: держати исполна *жь*, тую *жь* правду; Прологъ 1356 г.: бѣ бо ужь преставилъся 7; Ев. до 1362 г.: ѥльма *ж* другъ ми приде 70. Форма 3 л. ед. *дѣѥ* сначала утратила *е* и превратилась въ дѣ*й*, а потомъ потеряла и *j*: *дѣ*, *де* (очень часто въ московскихъ документахъ XVII в.). Нарѣчіе прочь вѣроятно, во многихъ случаяхъ (но не всегда: малорусск. пр*і*чъ, пол. pr*ó*cz изъ древняго прочь) образовалось изъ проч*е*: грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: пошли прочь, договоръ Полоцка съ Ригою ок. 1330 г.: отступи прочь, Новгородская лѣтопись: прочь 195, 209, 224, 230, рядомъ съ проч*е* 239, 244, 261, 264, 319. Наконецъ должно отмѣтить малорусскія формы 2 л. мн. повелит. н. въ родѣ ідіть=идѣт*е*. Мягкость въ нихъ *т* говоритъ за сравнительную древность отпаденія *е*.

Опущеніе *а* мы видимъ въ возвратномъ мѣстоименіи *ся* при глаголахъ: найтисъ, сдѣлалосъ, удалосъ и т. п. Исчезновеніе здѣсь конечнаго гласнаго восходитъ къ XIV в.: новгородская грамота 1373 г.: учинилосъ, договоръ Риги съ Полоцкомъ 1405 г.: надеючесъ. Стоитъ отмѣтить еще неударяемое хотъ изъ хот*я* и пока́мѣстъ изъ по ка мѣст*а* (вин. мн.).

Конечное *о* иногда или всегда потеряно цѣлымъ рядомъ нарѣчій и частицъ: тутъ (древн. и соврем. тут*о*), вотъ (древн. вот*о*, от*о*, малор. от*о*), вонъ (древн. вон*о*, он*о*), какъ, такъ (древн. как*о*, так*о*), тамъ (древн. и соврем. там*о*), камъ (др. кам*о*), которыя встрѣчаются безъ *о* въ памятникахъ XIV вѣка: договоръ Полоцка съ Ригою ок. 1330 г.: какъ вѣрхъ, тако исподъ; грамота литовскихъ князей 1350 г.: где смолвять, тутъ будеть судъ; Прологъ 1356 г.: створи же такъ кпископъ 11 об., камъ кси дѣлъ 67 об.; Лаврентьевскій списокъ: такъ буди 76.

Конечныя *и* и *ы* утрачены въ энклитической частицѣ *ли* (иногда): двинская рядная XIV в.: виноваты лъ ксте; Луцкое Ев. XIV в.: ты лъ кси; Четья 1489 г.: видите лъ, вѣруете лъ, во мнѣ лъ; въ *бы* (иногда): чтобъ, я бъ это сдѣлалъ, и въ нарѣчіи (изъ вин. дв.) оба́полы: Житіе Нифонта 1219 г.: държаше копик обаполъ кго 69; холмская вкладная 1376 г.: обаполъ Бугу; Лаврентьевскій сп. л. (срв. старо-чешск. obapol въ Святовитскомъ Сборникѣ 24). Сверхъ того, конечное *и* могло отпадать въ энклитическихъ формахъ дат. ед. личныхъ мѣстоименій *ми* и *ти*: Луцкое Ев. XIV в.: приведѣте *мь* и сѣмо, аще не бы *ть* дано; Ипатскій сп. лѣт.: досадила *мь* погань, отъ брата *ть* ото Льва, ци мала *ть* своя земля 592, 600, 601; Скорина: мало ли *ть* еще Быт. 54 об. Кажется, формы *мь*, *ть* были извѣстны только въ галицко-волынскихъ и западно-русскихъ говорахъ и съ теченіемъ времени вышли изъ употребленія (великорусск. *ть* въ нѣту*ть*, надо*ть*, рядомъ съ *ти:* нѣту*ти*, едва ли форма личнаго мѣстоименія). Современныя великорусскія мать, дочь, пустынь образовались изъ древнихъ мат*и*, доч*и*, пустын*и* подъ вліяніемъ словъ женск. р. на *ь:* кость, ночь и т. п.

Въ нѣсколькихъ великорусскихъ словахъ, въ концѣ ихъ, мы находимъ исчезновеніе болѣе, чѣмъ одного гласнаго звука. Древ-

нѣйшій видъ нарѣчія *топерь*, *теперь* былъ топьрьво (Лаврентьевскій сп., 111) или тепьрьво (теперво, Прологъ XIII вѣка; Срезневскій, Св. и зам., № LXXXVII, стр. 176), откуда сперва теперьвъ, потомъ теперь. Частица *молъ* образовалась изъ формы мол*витъ*, можетъ быть, черезъ посредство мол*ытъ* (такъ у протопопа Аввакума VIII, 108, рядомъ съ *молъ*, 109). Слово *государь* потерпѣло цѣлый рядъ измѣненій: сперва исчезъ въ немъ звукъ *г*, потомъ *о*, такъ что оно стало звучать *сударь*; потомъ слогъ *дарь*; такимъ образомъ получилось *су*, частичка, иногда употреблявшаяся (и, кажется, употребляющаяся) въ значеніи современнаго *съ* въ слушаю-*съ*, иногда не имѣвшая никакого значенія; напр., у протопопа Аввакума мы читаемъ: я-*су*, простите, своровалъ; какъ-*су* мнѣ царя не жалѣть? Потомъ и эта частица потерпѣла сокращеніе и утратила свой гласный звукъ; она употребляется теперь нами только для выраженія вѣжливости. Слово *надо* есть сокращеніе древняго на-доб*ѣ*.

Въ началѣ словъ исчезло *и* въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ въ нѣкоторыхъ словахъ: *мати*, *меновати*, *грати* (грамоты Свидригайла 1422 г.: служити мѣетъ, 1472 г.: верху менованая мѣста), и въ предлогѣ-префиксѣ *зъ*: малор. *зъ* лісу, бѣлор. *зъ* лѣсу=*изъ* лѣсу, и т. п. Когда предлогъ *изъ* сталъ употребляться въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ рядомъ и въ полномъ, и въ сокращенномъ видѣ (Псалтырь 1296 г.: незмѣньному 108 об.) и въ послѣднемъ случаѣ иногда звучать одинаково съ предлогомъ *съ*,—произошло смѣшеніе *изъ* и *съ*, результатомъ котораго явилось употребленіе *изъ* и *зъ* вмѣсто *съ*, съ значеніемъ *съ*. Это употребленіе мы находимъ уже въ XIV в.: въ Луцкомъ Ев. XIV в.: *ис*твори, *ис* нимь, не *исъ*блазнитеся; въ грамотѣ литовскихъ князей 1350 г.: тягатися *исъ* королемь, поити *ис* татары; въ галицкой грамотѣ 1371 г.: божіимъ *ис*творѣньѥмъ; въ грамотѣ Витовта 1383 г.: *з* лѣсомъ, *з* лугами. Оно повело къ появленію *и* даже тамъ, гдѣ префикса *съ* никогда не было: галицкая грамота 1371 г.: торговля *ис*талася. Должно замѣтить, что *и* въ современныхъ малорусскихъ *ис* тобою, *из*няти и т. п.— звукъ часто совсѣмъ отличный отъ

і въ *Л*ьвовъ. Кромѣ *и*, можно упомянуть объ исчезновеніи начальнаго *е* или *о* въ малорусскомъ-бѣлорусскомъ *ще*=еще.

Исчезновеніе гласныхъ въ серединѣ словъ, болѣе или менѣе общее всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, очень рѣдко и можетъ быть указано только въ словѣ *десять*, которое въ сложеніи съ другими числительными и при потерѣ ударенія, очень рано начинаетъ появляться въ сокращенномъ видѣ: *дьсять*, откуда *тцять*, *тцать*. Мы находимъ его безъ *е*, между прочимъ, въ новгородскомъ Ев. 1270 года: ѥдиного на дьсять, ѥдиного на дьсяте (нѣсколько разъ); въ новгородскомъ же Паремейникѣ 1271 г.: дванадьсять 62 об.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: въ трьтьѥі надцять главѣ 40 об., шти надьцять или семи надьцять 177 об., въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: тринадьсять; въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ 1314 г.: полу трьтия дчати; въ Новгородской лѣтописи: полъ пята дьсятъ 96; въ галицко-волынскомъ Путенскомъ Ев. XIV в.: обѣма надьсять 22, 57, 66. Въ настоящее время это числительное безъ ударенія звучитъ во всемъ русскомъ языкѣ *тцять, тцать*. Великорусскіе говоры болѣе или менѣе часто опускаютъ гласные въ нынъче, нóнъче при древнемъ нын*ѣ*ча (Паремейникъ XII—XIII в. Типогр. Библ. № 157, 57), современныхъ нон*е*ча, нонъ, нынъ; жерлó при древнемъ жер*е*ло (Прологъ 1262 г., Прологъ 1356 г., Лаврентьевскій сп. лѣт.), ц.-слав. жрѣло; скорлупà при древнемъ скор*о*лупа (Сборникъ XIV в. Общ. ист. и др. 75, 83), ц.-сл. скралупа; горностáй (Ипатскій сп. л. 346) изъ гор*о*ностай, сравн. ст.-чешск. ´h*ra*nostaj, пол. g*ro*nostaj (Wisła 1889 г. I, 78); исподволь изъ испод*о*воль; тыща изъ тыс*я*ча.

Слово за*я*цъ во всемъ русскомъ языкѣ измѣнилось въ за*е*цъ (по образцу бо*е*цъ, пропо*е*цъ и т. п.; кирилло-бѣлозерскій Сборникъ Спб. Дух. Ак. ок. 1492 г.: за*е*цъ 488) и стало склоняться какъ большая часть словъ на *ецъ*: за*й*ца и т. д. Это склоненіе существовало уже въ XVI в.: Житіе преп. Сергія, написанное Епифаніемъ, въ сп. XVI в. (изд. Общ. др. письм.): за*и*ци 79, прибавленіе къ Домострою XVI в.: за*и*цы 144, 146. Впрочемъ

гласный могъ здѣсь сохраняться до сравнительно поздняго времени: у протопопа Аввакума мы читаемъ: за*я*цовъ (VIII, 38); Сумороковъ пишетъ: и много за*я*цовъ весьма по тѣмъ мѣстамъ (басня „Совѣтъ боярскій“).

Великорусскіе говоры вообще склонны къ опущенію въ серединѣ словъ неударяемыхъ гласныхъ. Мы слышимъ нерѣдко въ пѣсняхъ и быстрой рѣчи: перввающи, колколъ, гворить и т. п. (В. Майковъ: перрядить, Соч. 314).

Кстати замѣтимъ, что древне-русское, весьма обычное въ памятникахъ рьку, рьчеши, рька (причаст.), откуда рку, рка, и т. п., не имѣетъ ничего общаго съ только что указанными примѣрами. Въ этомъ глаголѣ образованіе *ь* относится къ древнѣйшей, обще-славянской эпохѣ, и отношеніе др.-русскаго рьку къ церк.-слав. р*е*кѫ совершенно одинаково съ отношеніемъ церк.-слав. м*ь*рѫ, т*ь*рѫ къ б*е*рѫ, п*е*рѫ. Чешскій языкъ имѣетъ также řku, řka и т. п., ст.-пол. rzkąc, rzkomy, въ средне-болгарскомъ Карпинскомъ Ев. XIII в.: р*ь*че 54 об.,—изъ р*ь*к—.

Стяженіе гласныхъ. Великорусскіе, главнымъ образомъ окающіе говоры въ нѣкоторыхъ, немногихъ случаяхъ знаютъ стяженіе двухъ гласныхъ въ одинъ. Сюда относятся отчества въ родѣ Никол*а*вна=Никол*ае*вна, Андр*е*вна=Андр*ее*вна, Никол*а*ичъ=Никол*ае*вичъ, Андр*е*ичъ=Андр*ее*вичъ (съ опущеніемъ *в*), глагольныя формы въ родѣ игр*а*тъ=игр*ае*тъ, игр*а*мъ=игр*ае*мъ, формы косвенныхъ падежей мѣстоименій: мово = м*ое*во, мому = м*ое*му, и слова: б*а*ринъ съ производными=б*оя*ринъ (рядомъ съ названіемъ растенія б*оя*рышникъ, безъ стяженія) и ч*а*ть (между прочимъ у Ломоносова)=ч*ая*ть. Древность стяженія здѣсь гласныхъ на нашъ взглядъ подлежитъ сомнѣнію; по крайней мѣрѣ относящіяся сюда извѣстныя намъ данныя памятниковъ (Рязанская Кормчая 1284 г.: подоб*а*ть 50; Ев. 1357 г.: иже на кровѣхъ да не слез*а*ть възять же єже єсть въ храминѣ 123 об.; Ев. 1358 г.: моляше и фарисѣи да обѣд*а*ть у него 102; Псалтырь XIV в. Румянц. Муз. № 327: чаяхъ спасения тв*о*го) кажутся намъ не заслуживаю-

щими довѣрія, описками. Сверхъ того, должно отмѣтить стяженіе *о* и *у* въ *у* въ древне-русскомъ собственномъ имени Б*у*славъ, изъ Б*оу*славъ, Б*огу*славъ.

Случаи стяженія двухъ гласныхъ въ одинъ въ малорусскихъ говорахъ еще рѣже. Мы можемъ отмѣтить лишь формы косвенныхъ падежей мѣстоименій м*о*го, м*о*му и т. п.

Малорусско-бѣлорусскія формы им.-вин. ед. на *э* вмѣсто *ое*, въ родѣ добр*е*, вѣроятно,—полонизмы (пол. dobr*e*).

VII. Исторія согласныхъ звуковъ.

Слѣдствія исчезновенія глухихъ. Исчезновеніе глухихъ гласныхъ въ серединѣ и концѣ словъ повело къ цѣлому ряду измѣненій въ области русскаго консонантизма. Значительное количество согласныхъ, прежде отдѣленныхъ другъ отъ друга глухими, по исчезновеніи этихъ послѣднихъ, очутились рядомъ и должны были подвергнуться ассимиляціи, диссимиляціи, отвердѣнію и т. п.; многіе согласные въ послѣднихъ слогахъ словъ, раньше имѣвшіе послѣ себя глухіе гласные, когда эти глухіе исчезли, оказались конечными звуками.

Ассимиляція и диссимиляція. Первые примѣры ассимиляціи и диссимиляціи, дошедшія до насъ въ памятникахъ, относятся по преимуществу къ XIII и XIV вв., но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что большая ихъ часть получила свое начало много раньше.

Должно думать, что согласные глухіе (отзвучные) *с*, *к*, *т* и др. во всемъ русскомъ языкѣ перешли въ соотвѣтствующіе звонкіе (звучные) *з*, *г*, *д* и др. тотчасъ послѣ того, какъ — съ исчезновеніемъ *ъ* или *ь* — соприкоснулись съ слѣдовавшими за *ъ*, *ь* звонкими (кромѣ *в*):

Прологь 1262 г.: *з*дравъ (изъ *с*ъдравъ); Кормчая ок. 1282 г.: *з*дѣ, вѣ*з*дѣ, *з*доровиѥ, *з*бираютъ, *з* горчицами; Рязанская Кормчая 1284 г.: *з*дѣ, *з*борище, *з*дравѣи; Пандекты 1296 г.: *з*дравиѥ, *з*де; Поликарпово Ев. 1307 г.: *з*драва, *з*дѣла, *з*бора, *з*будется; Ев. 1355 г.: ве*з*дѣ, въ *з*борищи, *з*дѣ, *з* горы; Ев. 1357 г.: *з*дѣ, *з*дѣла, *з* безаконьники, *з*будуться; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *з*борная, *з* дѣтьми, *з* Бѣла озера, *з* голода, и т. п.;

Житіе Нифонта 1219 г.: *г*де (изъ *к*ъде), нѣ*г*дѣ; Рязанская Кормчая 1284 г.: *г*де, нѣ*г*дѣ; Псалтырь 1296 г.: *г*дѣ; Ев. 1354 г.: *г*дѣ, ни*г*дѣ, и т. п. (соврем. великор. *г*дѣ, *h*дѣ);

Ев. 1354 г.: та*д*бы (изъ та*т*ьбы); Лаврентьевскій сп. лѣт.: сва*д*бѣ (соврем. великор. сва*д*ьба, сва*д*ебка, рядомъ съ сва*т*ъ, сва*т*ать);

Ев. 1317 г.: заблу*ш*шаго 25 об. (изъ —*ж*ьшаго; соврем. великор. ни*ш*шій, изъ ни*ж*ьшій; ни*з*шій—ошибочное правописаніе).

Вѣроятно, къ нѣсколько болѣе позднему времени относится начало перехода согласныхъ звонкихъ въ соотвѣтствующіе согласные глухіе передъ слѣдующими согласными глухими, — можетъ быть, ко второй половинѣ XIII в. (въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы еще находимъ ри*з*кии). Во всякомъ случаѣ въ настоящее время этотъ переходъ свойственъ не всему русскому языку, а лишь великорусскимъ (и то не всѣмъ), бѣлорусскимъ и западно-малорусскимъ говорамъ. Восточно-малорусскіе говоры его почти не знаютъ.

Поликарпово Ев. 1307 г.: у*с*кими; Мстижское Ев. XIV в.: у*с*ка 31 об.; духовная Дмитрія Донскаго: ис Торъ*ш*ку; Тактиконъ Никона Черн. 1397 г.: тя*ш*ько 21 об., —*ш*коѥ 33 об.; Измарагдъ XIV в. Рум. М. и Паремейникъ XIV в. Троицк. Л. (№ 4): тя*ш*ко; Псалтырь XIV в. Публ. Библ. (f. 14): тя*ш*косердиі 10; Ев. 1393 г.: по*т*ъкопати 59; Минея XIV в. Рум. М. (№ 1205): сла*т*кими; Паремейникъ XIV в. Тр. Л.: гла*т*кы; Новгородская лѣт.: Блу*т*киничь (сравн. Блу*д*ъ); Палея 1406 г.: рѣ*т*ка; Четья 1489 г.: свѣ*т*ки 55; Слово о п. иг.: рѣ*т*ко; Лѣтопись Аврамки 1495 г.: на Сковоро*т*кѣ 90, мор*т*кѣ куньи 159. Домострой XVI в. имѣетъ глухіе вмѣсто звонкихъ очень часто: обрѣ*с*ки, ло*ш*ки, но*ш*ки, пиро*ш*ки, изрѣ*т*ка. жи*т*кая;

Лаврентьевскій сп. лѣт.: дулѣ*п*ьскимъ 11 (при дулѣ*б*ъ); Тактиконъ Никона Черн. 1397 г.: гра*т*ьстии 39; Путенское Ев. XIV в.: тивѣрья*т*ьскаго 14;

Лѣствица 1334 г.: *п*ьчела (изъ *б*ъчела); духовная вел. кн. Ивана Ивановича: с о*п*ча (изъ о*б*ьча); Ев. 1357 г.: *п*челъ, о*п*щеѥ; Лаврентьевскій сп. лѣт.: паро*п*ци, *т*черь (=*д*ъчерь), моло*т*шюю; Мстижское Ев.: *п*челъ 22 (соврем. великор. *п*чела,

малор. *п*чола, *п*цола; великор. о*п*томъ, о*п*чій; малор. до*щ*ь, до*ш*чь, изъ до́*ж*чь XIV—XV вв.);

Должно замѣтить, что звонкое *в* въ великорусскихъ говорахъ перешло въ *ф*, а въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ или сохранилось, или—что чаще—перешло въ необразующее слога *у*.

Случаи измѣненія: 1) согласныхъ звонкихъ въ глухіе подъ вліяніемъ предшествующихъ глухихъ и 2) согласныхъ глухихъ въ звонкіе подъ вліяніемъ предшествующихъ звонкихъ очень рѣдки: *ст*оровъ Новгородская лѣт. XIV в. 72, 76 и др. (изъ съ*д*—), к*т*е псковское продолженіе ц.-сл. Саввина Ев. XIV в.: (изъ къ*д*е); малорусск. б*ж*ола, б*дж*ола=пчела, рі*зд*во (изъ рожь*ст*во, ро*зт*во), великор. глуб*ж*е, слаб*ж*е.

Затѣмъ мы знаемъ еще слѣдующія измѣненія тѣхъ согласныхъ, которые соприкоснулись между собою послѣ исчезновенія *ъ* или *ь*.

Звукъ *к* передъ *т* въ нѣкоторыхъ словахъ перешелъ въ *х*: Поликарпово Ев. 1307 г., Лаврентьевскій сп. лѣт.: *х*то (совр. обще-русск. *х*то, великор. *х* тому и т. п.).

Звукъ *ч* передъ *т* въ нѣкоторыхъ словахъ перешелъ въ *ш*: Добрилово Ев. 1164 г.: *ш*то 126; полоцкая грамота ок. 1300 г.: *ш*то; Архивская Лѣствица XIII в.: *ш*то (соврем. великор. и бѣлор. *ш*то, по*ш*товать —корень *чьт*—, по*ш*тенный и т. п.).

Звукъ *ч* передъ *ш* перешелъ въ *т*: духовная новгородца Климента XIII в.: лу*т*ьшии; Поликарпово Ев. 1307 г.: вя*т*ши 36; Лаврентьевскій сп. л.: лу*т*ши, лу*т*шиѣ; Новгородская лѣт.: вя*т*шихъ 253, 266,—ии 274.

Группа *тш*, какого бы происхожденія она ни была, во многихъ случаяхъ перешла въ *тч* (откуда иногда *чч*, *шч*, *щ*): Домострой XVI в.: лу*тч*іе (= лу*чьш* —) 55, покра*тч*і (=крадъ*ш*и, кра*тш*и) 74, скла*тч*и 105, въ ве*тч*аномъ платіи 71, ве*тч*аное поплатити, новое и ве*тч*аное 86, 89 (рядомъ ве*тш*ана 89, ве*тш*аново 90, сравн. ве*тъх*ъ), ве*тч*иною 55, ве*тч*инного 118 (рядомъ: ве*тш*ины, —ою 56); соврем. великорусск. лу*тч*е, сла*тч*е, прише*тч*и (= шедъ*ш*и, ше*тш*и) ве*тч*ина (при ве*тш*ать), вѣроятно, про*тч*ій, если это—древняя форма сравнительной сте-

пени отъ прилагательнаго *прокъ* (*прока* кму желѣти Русск. Пр. по сп. XIII в. 9); срв. др.-русск. про*ч*ии, малор. про*ч*ии.

Группа *чч* (если не сохранилась) перешла въ *тч*: великорусск. лазу*тч*икъ (ст.-русск. лазу*к*а), пору*тч*икъ (при пору*к*а, = поручитель, грамоты XVI—XVII в.), каба*тч*икъ, пота*тч*икъ, кося*тч*атое окно (Марлинскій; при кося*к*ъ; рядомъ: косящатый), по*тч*ивать, изъ по*чьч*ивать (кор. *чьт*).

Звукъ *ч* передъ *н* во всемъ русскомъ языкѣ перешелъ въ *ш* (откуда иногда *с*): зап. Ев. 1394—1412 г. (Срезневскій, Св. и з. № XXVII): клю*ш*никъ; Домострой: обы*ш*ный, пшени*ш*ный, гре*ш*невая, брусни*ш*ная (боче*с*ную 112, поче*с*ные 113); соврем. великор. коне*ш*но, ово*ш*ный (изъ ово*ч*ный), помо*ш*никъ (изъ помо*ч*никъ); малор. безпе*ш*ный, свi*ш*никъ; бѣлор. ру*ш*никъ, помо*ш*никъ. Но великор. вѣ*ч*ный, со*ч*ный, то*ч*ный, но*ч*ной, обще-русск. на*ч*ну, ка*ч*ну и др.

Звукъ *к* (древній и изъ *г*) передъ *к* перешелъ въ *х*: Поликарпово Ев. 1307 г.: мя*х*кы; Ев. 1354 г.: мя*г*ки (*г* здѣсь=*х*), мя*х*кы, *х* коки притчи; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *г* кому (читай: *х* кому), *г* которымъ, *г* Кыеву, *х* киевскимъ (современн. мя*х*кій, лё*х*кій, *х* кому; отсюда мя*г*окъ — съ *г*=лат. *g* (вм. мя*к*окъ).

Кромѣ этихъ случаевъ ассимиляціи и диссимиляціи, общихъ или всѣмъ, или большей части русскихъ говоровъ, можно отмѣтить еще нѣсколько, сопровождавшихся стяженіемъ или исчезновеніемъ согласныхъ и встрѣчающихся уже въ древнихъ памятникахъ.

Группы *жьс* и *шьс* во многихъ случаяхъ перешли въ *з* и *с*: смоленская гр. 1229 г.: ри*з*кии=ри*жьс*кии; Новгородская лѣт. XIV в.: варя*зь*ская, ладо*зь*ское (читай: —*зьк*—); галицкая гр. 1375 г.: кня*зь*ство (читай: кня*з*тво); Ипатскій сп. лѣт.: Бо*з*къ = Бо*жьс*къ, названіе города; галицкая гр. 1409 г.: ро*з*ество (читай ро*зь*тво; *е*=*ь*); современн. малор. запоро*зь*кий и т. п. (съ *з* мягкимъ), рі*з*дво (съ *д* изъ *т*);— Лѣствица XII в. (Рум. М. № 198): мъно*с*твы = мъно*жьс*твы; Рязанская Кормчая 1284 г.: мни*с*кии образъ= = мни*шьс*кыи 153. Великорусское и бѣлорусское нарѣчія не имѣютъ *з* передъ *к*, *т* и вообще передъ глухими согласными, и одни изъ ихъ говоровъ на мѣстѣ древнихъ *жьс*, *шьс*

имѣютъ обыкновенно одно мягкое или твердое *с* (сѣверно-великорусскіе: ри*сь*кой и т. п.), другіе—двойное твердое *с* (московскій говоръ: ри*сс*кый).

Ч, т и *д*, когда за ними слѣдовало *с*, стянулись вмѣстѣ съ нимъ въ *ц*: смоленская гр. 1229 г.: го*ч*кыи=го*ц*кыи=го*ть*-*с*кыи; новгородская гр. 1259 — 1263 г.: тыся*ц*ькымь, нѣмь*ц*-кымь; любь*ц*кымь, го*ц*кыи, новгород*ц*ьскыхъ; смоленская гр. 1284 г.: нѣме*ц*кыи, и т. п.; Ипатскій сп. лѣт.: *ц*ьтя = тьстя 492. Но въ формахъ 3-го лица и неопредѣл. накл. *тс* дало *тц* или *цц*: великор. несе*тц*а.

С передъ послѣдующимъ *с* въ серединѣ словъ исчезло: смоленскій договоръ 1229 г.: ру*с*кии, у ру*с*кои земли=ру*сьс*кыи, и т. п. Памятники нерѣдко имѣютъ одно *с* вмѣсто двухъ (одного въ предлогѣ, другаго въ началѣ имени): тотъ же договоръ: застанете *с*воѥю женою = *съ с*воѥю, и т. п.; но здѣсь какъ и въ другихъ сходныхъ случаяхъ, мы, вѣроятно, имѣемъ дѣло съ неправильнымъ правописаніемъ, а не съ отраженіемъ произношенія.

Ассимиляція согласныхъ и послѣдующаго ј произошла въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Она имѣла слѣдствіемъ переходъ *ј* въ мягкіе согласные (послѣ отчасти отвердѣвшіе): малор. су*дд*я (изъ су*дј*а), зі*лл*я (изъ зѐ*лј*е), камі*нн*я (изъ камѐ*нј*е), корі*нн*я, збі*жж*а (изъ събо̆*жј*е), гря*зз*ю (твор. отъ грязь), бѣлор. весе*лл*я, е*лл*ю (= елью), бо*жж*у (= божью), ове*чч*ю (= овечью), съ помо*чч*ю. Послѣ губныхъ согласныхъ *ј* обыкновенно сохранился; впрочемъ бѣлор. воро*бб*ёмъ (= — бьемъ), ры*бб*я (=рыбья), подла*вв*я (= — вье). Два согласныхъ нерѣдко (особенно въ малорусскихъ говорахъ) стянулись въ одинъ: весі*л*я, камі*н*я; примѣры чего мы находимъ уже въ галицкихъ документахъ XIV—XV вв.: по божіимъ нароже*н*ю (=нароженью) галицк. гр. 1375 г., богомо*л*е (=богомолье) вкладная 1376 г., печа*т*ю нашею (=печатью) гал. гр. 1422 г. Это указываетъ на значительную древность ассимиляціи *ј* съ согласными.

Предлогъ-префиксъ *отъ* (иногда звучавшій и безъ *ъ* на концѣ) въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно передъ *б, г, д, з*, ассимилировалъ свое *т* съ послѣдующими согласными и такимъ образомъ измѣнился въ *одъ*. Потомъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ дру-

гихъ предлоговъ - префиксовъ съ древнимъ *д*, въ родѣ *передъ*, *надъ*, *подъ*, этотъ предлогъ въ юго - западныхъ русскихъ говорахъ сталъ звучать съ *д* и передъ другими согласными и гласными: Архивская Лѣствица XIII в.: о*д*инудь; галицкая грамота 1400 г.: безъ о*д*вукупу; Ефремъ Сиринъ 1492 г.: о*дъ* вѣка; Литовскій Статутъ 1588 г.: о*д*ыймованье, о*д*носити, о*д*ъмовити и т. п.

Предлогъ-префиксъ *чересъ*, передъ согласными *б*, *г*, *д*, *з*, ассимилировалъ съ ними свое *с* и вслѣдствіе этого измѣнился въ чере*зъ*. Потомъ, подъ вліяніемъ предлоговъ-префиксовъ съ древнимъ *з*: *без*, *из*, *роз-*, *вьз-*, онъ во всемъ русскомъ языкѣ сталъ звучать передъ разными согласными и гласными съ *з*: современн. чере*зъ* меня, чере*зъ* окно. Это измѣненіе получило начало едва ли позже XV в.: двинская гр. XV в.: чере*зъ* наволокы, чере*зъ* Овинное озеро (Акты Калачова, I, 440); сравни въ грамотѣ Кейстута послѣ 1341 г.: чере*з* Берестие, чере*з* Дорогычинъ (рядомъ: чере*съ* Мелникъ).

Мѣстоименіе *чьсо*, по исчезновеніи *ь*, благодаря вліянію формъ *ч*то, *ч*ему, *ч*емь и другихъ, сохраняющихъ *ч*, не превратилось въ *цсо*, *цо* (какъ въ западно-славянскихъ языкахъ, сравн. въ русскомъ: нѣме*ц*кій изъ нѣмь*чьс*къ и т. п.), а образовало сначала, чрезъ ассимиляцію *с* съ *ч*, — *чшо*, потомъ *шшо*, *що* (въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ), *шо*, *шчо* (въ малорусскомъ нарѣчіи).

Выпаденіе согласныхъ. Стеченіе подъ рядъ нѣсколькихъ согласныхъ, образовавшееся послѣ исчезновенія глухихъ, повело иногда къ выпаденію одного или болѣе изъ нихъ, какъ въ серединѣ, такъ и въ началѣ словъ. Примѣры:

царь изъ ць*с*арь (не позже XIII в.: въ Прологѣ 1262 г. еще встрѣчается: ць*с*арьство);

изба изъ и*ст*ъба (въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: и*ст*обка 56 и др.; въ Новгородской лѣтописи: и*ст*ьба); это слово — по происхожденію, вѣроятно, нѣмецкое — извѣстно не только славянскимъ, но также и романскимъ народамъ: сравни средневѣковое лат. stuba, нѣм. stube, франц. étuve, итальянск. stufa;

полтора изъ полъ*вь*тора, Лаврентьевскій сп. л.; Палея 1406 г.;
бьрно изъ бьр*в*ьно, Ев. 1317 г.; берно, Мстижское Ев. XIV в.;
безна изъ без*д*ьна, Палея 1406 г. 2; Бѣзна, галицк. грам. 1366 г.;

кство изъ к*ть*ство Кормчая ок. 1282 г., Ряз. Кормчая 1284 г., Пандекты 1296 г., Прологъ 1356 г. и др.;

нечтивыи изъ нечь*с*тивыи, Псалтырь 1296 г. 3, 16, 72;

сонце изъ со*л*нце, съ*л*нце (малор. и бѣлор. сонце, малор. сонечко);

гончаръ, горъчарь Пандекты 1296 г. 162 об., изъ го*рн*чар-, гъ*рнь*чар- (при горнецъ, пол. garniec); сравни: у го*рн*чара въ московской грамотѣ до 1460 г. (Акты Калачова I, 554), Го*рон*чарьскый конець въ продолженіи 1-й Новгородской лѣтописи (печатн. изд. 355), ст.-пол. Ga*r*czarsko, чешск. h*rn*čiř;

очнуться, малор. про*ш*нутись изъ -ч*х*нутися; сравни прочу*х*аться и проч*х*нуться (Востоковъ, Стихотворенія, 1821 г.: проч*х*нулся =очнулся 226);

зга изъ *сть*га; сравни *стьэ*я;

чанъ изъ *д*ъщанъ (древнее произношеніе дъ*шч*анъ); Домострой: во *тщ*анехъ 140, *тч*аны 125; 2-я Новгородская лѣт. XVII в.: *чщ*аны 92; сравни современное олонецк. *щ*анъ;

стоканъ изъ *д*ъстъканъ; сравни: достоканъ въ духовной Ивана Ивановича, досканецъ (Державинъ) изъ дъс*т*ъканьць, сканная работа=филигранная работа, изъ *дъст*ъканьная;

хорь изъ *д*ъхорь; сравни малор. *т*хіръ, польск. tchórz, чешск. tchoř.

Особенно часто выпаденіе *т* и *д* между предшествующими *с*, *з* (если они принадлежатъ не префиксамъ) и послѣдующими *к*, *л*, *н*, *j*, которое началось не позднѣе XIV в.: исныи, исного, исному = ис*т*ьный въ грамотѣ Ягелла 1388 г., намѣсникъ въ полоцкой грамотѣ 1409 г., посные, чесно, вмѣсно, лѣсница и т. п. въ Домостроѣ XVI в. Выпаденіе *т* и *д* передъ *к*, *л*, *н* свойственно, кажется, всѣмъ русскимъ говорамъ (великор. невѣска, поѣска, слать=стлать, счасливъ, если=есть ли, позно и т. п.); а передъ *j* — однимъ великорусскимъ (счас*j*е, несчас*j*е, крес*j*янинъ, гвоз*j*я, возмез*j*е).

Можно отмѣтить еще ст.-русск. перъ, соврем. перецъ, пряный, изъ древняго *пъ*пьрь, *пь*пьрь.

Значительное количество случаевъ отпаденія и выпаденія согласныхъ представляютъ намъ собственныя имена, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ измѣнились, что трудно узнать ихъ первона-

чальную форму. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтоп. мы встрѣчаемъ названіе города Бряньскъ рядомъ съ *Дь*бряньскъ (сравн. въ зап.-русской грамотѣ 1504 г.: *д*брянскихъ А. З. Р. I); первая форма образовалась изъ второй чрезъ отпаденіе *д* (сравни *дъбрь*). Такъ же образовались Псковъ (Новгородская лѣт.) изъ П*ль*сковъ, П*л*сковъ, и Ржева (соврем. Ржевъ) изъ *В*ържева; сравни другое названіе города Ржавскъ (приложеніе къ 1-й Новгородской лѣт. 448) рядомъ съ *В*ержавскъ (Дополнеп. къ Акт. Истор. I, № 4; корень, можетъ быть, тотъ же, что въ сербск. *врж* кустъ).

Нѣкоторое количество случаевъ отпаденія согласныхъ приходится также на конецъ словъ. Всѣ причастія на *лъ* съ согласнымъ передъ *л* во всемъ русскомъ языкѣ утратили конечный *л*: умеръ, несъ, пекъ и т. п. изъ древнихъ умьр*лъ*, нес*лъ*, пек*лъ*; сравни формы женск. р. умер*ла*, нес*ла*. Древнѣйшій примѣръ причастія безъ *л*, намъ извѣстный, примѣръ сомнительнаго достоинства, относится къ началу XIII в. и находится въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: тъ недугы наша приятъ и болѣзні поне*съ* 23 об. Далѣе, мы читаемъ въ Тріоди 1311 г.: развѣр*гъ* ѥси 21. Въ московскихъ актахъ XV—XVI в. в. отсутствіе *л* въ причастіяхъ уже нерѣдко (грамота 1490 г.: тако ре*къ* посельскои и т. п.), но не постоянно (грам. 1518 г.: сѣк*лъ* тотъ лѣсъ язъ, А. Юр.). Въ современныхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ мы часто встрѣчаемъ отпаденіе конечнаго согласнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда слово оканчивается двумя или болѣе согласными: мосъ вм. мос*тъ*, поѣсъ вм. поѣз*дъ*, шесь вм. шес*ть*, страсъ вм. страс*ть*, боясь вм. боязн*ь*, Ярославъ вм. Ярослав*ль* и т. п. Сомнительно, чтобы оно отличалось древностью; впрочемъ мы читаемъ у Скорины: шерсь козью=шерс*ть*, Исходъ, 66 об. (опечатка?).

Вставка согласныхъ. Рядомъ съ исчезновеніемъ согласныхъ мы встрѣчаемъ въ серединѣ словъ также и ихъ вставку. Случаи ея рѣдки и ограничиваются очень небольшимъ количествомъ словъ. Это—глаголъ сърѣтати съ родственными. Прологъ 1262 г.: ус*т*рѣтоша 2 об., ус*т*рѣте 114 и др.; Ев. 1339 г.: с*т*рѣтоша 10 об.; Ев. 1354 г.: с*т*рѣте, с*т*рѣтоста, с*т*рѣсти; Ев. 1355 г.: с*т*рѣте, ус*т*рѣтениѥ; Путенское Ев.: с*т*рѣтѣнье 149; Новгород-

ская лѣт.: ус*т*рѣте, ус*т*ретоша, ус*т*ретение и т. п. Сравни современн. великор. вс*т*рѣча, *с*т*рубъ, с*т*ражаться (XVI в. А. Юр. 132; при срывать и т. п. безъ *т*), малорусск. с*т*рітити и т. п. Сверхъ этихъ случаевъ, звукъ *т* былъ у насъ вставленъ въ церковно-славянскомъ словѣ *срамъ* съ производными, въ которомъ глухаго между *с* и *р* никогда не было. Мы читаемъ въ Стихирарѣ 1157 г.: пос*т*рамила 23 об.; въ Лѣствицѣ XIII в. (Рум. М. № 199): с*т*рамъ 12 об.; въ Прологѣ 1262 г.: пос*т*рамлься 32 об., пос*т*рамлени 60, — нъ 67, пос*т*рами 70, 70 об. и др.; въ Псалтыри 1296 г.: пос*т*рамисте, пос*т*рамлени, с*т*рамота и т. п.; въ Тріоди 1311 г.: пос*т*рамити; въ Ев. 1339 г.: ус*т*рамляють 157 об., и т. п.

Кромѣ *т*, въ русскомъ языкѣ кое-гдѣ произошла вставка *д*: галицкая грамота 1399 г.: узоз*д*рять=възъзьрять; бѣлозерская гр. 1667 г.: взоз*д*ря (Акты Калачова, II, 453); Котляревскій: уз*д*рівши (Энеида, сравн. соврем. великор. зря, возриться); Кормчая ок. 1282 г.: доброн*д*равиѥ 584 об.=—нравиѥ, соврем. великор. н*д*равъ. Въ послѣднемъ словѣ, перешедшемъ въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго яз., глухаго послѣ *н* никогда не было. З*д*ракъ въ Толстовскомъ Сборникѣ XIII в. 21, можетъ быть, не принадлежитъ русскому языку.

Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ. Твердые согласные, соприкоснувшись послѣ исчезновенія слѣдовавшаго нѣкогда за ними *ъ*, съ мягкими согласными, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами сдѣлались мягкими; на оборотъ, мягкіе согласные, когда, вслѣдствіе исчезновенія *ь*, соприкоснулись съ слѣдовавшимъ за *ь* твердымъ согласнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами сдѣлались твердыми. Вполнѣ достовѣрные примѣры отвердѣнія и смягченія согласныхъ мы находимъ уже въ памятникахъ XII—XIII в.: въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: нивъныхъ, възя, възяти; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: прискърьбьнъ 120 об.; въ Галицкомъ Ев. около 1266 г.: снѣдъно, равъны, темъны, правъды, болъна, доволъно, альчьна, альчюща; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: послѣдъствуєть 12 об.; въ Псалтыри 1296 года: ропьщють; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: мъзда, царъство, любъве, ропьщють; въ московскомъ Ев. 1393 г.: животъныи 29, богатъства 43 об., и т. п.

Постановка *ъ* и *ь* показываетъ, что здѣсь произошло измѣненіе качества согласныхъ: одни, прежде мягкіе, отвердѣли; другіе, прежде твердые, смягчились. Сравни современн. ровный изъ ровьный, царство изъ царьство, красный изъ красьный, грозный и т. п., сѣв.-великор. силной изъ сильной, болной, болшой, толко и т. п., малорусск. волний, білший, тілко и т. п. (съ твердымъ *л*); великорусск. мельче изъ мѣлъче, мельчать, жальче изъ жалъче, повольской изъ повължьскъи. Число случаевъ употребленія твердыхъ согласныхъ на мѣстѣ древнихъ мягкихъ въ серединѣ словъ и мягкихъ на мѣстѣ древнихъ твердыхъ въ современномъ русскомъ языкѣ очень велико; можно замѣтить, что великорусское нарѣчіе имѣетъ больше отвердѣвшихъ согласныхъ, чѣмъ малорусское, и южно-великорусскіе говоры больше, чѣмъ сѣверно-великорусскіе.

Сверхъ того, мы имѣемъ нѣкоторое количество случаевъ отвердѣнія согласныхъ въ концѣ словъ. Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка въ окончаніи формъ 1 л. ед. ч. (дамъ), творит. и мѣстн. ед. ч. мы иногда видимъ *ъ* вмѣсто *ь*, но этотъ *ъ* можетъ быть причисленъ къ числу особенностей правописанія церк.-славянскихъ оригиналовъ; въ болѣе позднихъ памятникахъ, съ XIII в., *ъ* вм. *ь*, конечно, имѣетъ другое значеніе—указываетъ на отвердѣніе конечнаго согласнаго. Его мы видимъ въ формахъ въ родѣ дамъ (1-е л. ед.), волкомъ (твор. ед.), въ томъ (мѣстн. ед.), и, напримѣръ, въ новгородскомъ Милятиномъ Евангеліи 1215 г. мы читаемъ: прѣдъ отцьмь вашимъ небесьнымъ 9 об., прѣдъ олтарьмъ 11, съ братьмъ твоимъ, съ супьремъ твоимъ 11 об., чимъ ся одежемъ 14 об., съ Зеведѣомъ 16 об., о друзѣмъ 20 об., на камени семъ 48 об., въздамъ 50 об., дамъ, прѣдамъ 80, и т. п. (часто). Въ настоящее время великорусскіе говоры знаютъ конечное мягкое *м* только въ формахъ имен.-винит. ед. (се*мь*, восе*мь*, ози*мь*) и въ книжномъ ес*мь*; а большая часть говоровъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ имѣютъ конечное *м* всегда твердое (у Скорины: сед*мъ*, ос*мъ* и т. п.).—Съ конца XIII в. въ сѣверно-русскихъ памятникахъ начинаютъ встрѣчаться формы 3 л. ед. и множ. ч. наст. вр., вмѣсто *ь*, съ *ъ* на концѣ, показывающимъ, что конечное *т* этихъ

формъ тогда произносилось уже твердо: Паремейникъ 1271 г.: расыплетъ 238, чтутъ 241 об.; Рязанская Кормчая 1284 г.: възметъ 122 об.; Ев. 1323 г.: живитъ 7 об.; Ев. 1339 г.: снѣстъ, ястъ и пиетъ, възглаголютъ, исцѣлитъ 147 об., 149 об.; Ев. 1354 г.: стоитъ 2, достоитъ 17 об., 42 об., 43, успѣетъ ти ся 49 об., напоитъ, погубитъ 50 об., устроитъ 52 об., спитъ 103, ѣстъ 107 об. и др.; Ев. 1355 г.: просятъ 76, искусятъ и 89, смѣритъся 98, уморятъ 103, отпустятъся 151; Ев. 1357 г.: судитъ; Паремейникъ 1378 г.: родитъ, безмолъствитъ, щадитъ зритъ, учитъ, избѣжитъ и др.; Ев. 1393 г.: поиметъ 55 об., слѣзетъ 106 об.; духовная Димитрія Донскаго: вѣдаетъ; договоръ Полоцка съ Ригою 1405 года: казнятъ, емлютъ, пустятъ. Въ настоящее время твердое *т* въ формахъ 3 л. слышится во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ и въ части южно-великорусскихъ говоровъ, а также кое-гдѣ въ нарѣчіи малорусскомъ (въ Галиціи и въ Кіевской губ.), за исключеніемъ формъ естъ, вѣстъ, ѣстъ или истъ (между прочимъ: съисъ, Писемскій, „Плотничья артель“;= литературн. съѣстъ), сутъ.—Вѣроятно, къ нѣсколько болѣе позднему времени относится отвердѣніе конечныхъ мягкихъ губныхъ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ: Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г.: в любовъ 26 об., церковъ 27, 31, не удобъ 34 об. и т. п. (должно имѣть въ виду, что этотъ новгородскій памятникъ списанъ съ средне-болгарскаго оригинала); Познанскій сборникъ конца XV в.: кр*овъ*=кровь (Arch. IX, 364); Скорина: кр*овъ*, голу*бъ*; Лютер. Катихизисъ 1562 г.: любо*въ*, церко*въ* и т. п.; соврем. малор. и бѣлор. голу*бъ*, кро*въ*, любо*въ* и т. п. Еще новѣе отвердѣніе конечнаго *н* въ великорусскихъ говорахъ въ нѣкоторыхъ формахъ род. мн.: пѣсе*нъ*, баше*нъ* и т. п. (при дереве*нь* и др.).

Къ числу случаевъ смягченія согласныхъ звуковъ принадлежатъ замѣчательные случаи смягченія подъ вліяніемъ предъидущаго мягкаго согласнаго звука, случаи, имѣющіе мѣсто, между прочимъ, въ одномъ изъ памятниковъ галицко-волынскаго говора—въ Луцкомъ Ев. XIV в.: галилѣиськую, сидоньськыя, гдѣ *с* смягчилось подъ вліяніемъ предъидущихъ *j* и мягкаго *н*. Подобныя формы теперь встрѣчаются въ малорусскомъ нарѣчіи и

въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, главнымъ образомъ въ словахъ на *скій* и на *ство*.

Въ большей части случаевъ смягченіе согласныхъ было неорганическое, т. е. состояло только въ измѣненіи качества звука; но въ нѣкоторыхъ мы имѣемъ смягченіе переходное, т. е. такое, которое имѣло результатомъ измѣненіе сущности звука. Общерусскимъ можетъ считаться только одинъ случай переходнаго смягченія—*ш*лю, древняя форма *съ*лю; *ш* встрѣчается здѣсь съ XIII вѣка: грамота рижанъ ок. 1284 г.: *ш*лите; Ев. 1339 г.: по*ш*лю 12 об., 29 об.; Ев. 1355 г.: по*ш*ли 69 об., по*ш*лю 134; Ев. 1357 г.: по*ш*лю 22 об., 70; Лаврентьевск. списокъ лѣт.; Ефремъ Сиринъ 1377 г. Кромѣ этого глагола, переходное смягченіе мы находимъ въ прилагательномъ о*ш*ль=о*съ*ль (сравн. въ Юрьевскомъ Ев. постоянно о*съ*лъ, о*съ*ля): Ев. 1357 г.: на жребяти о*ш*ли 122 об.; Палея 1406 г.; челюсть о*ш*лю 181; — и, вѣроятно, въ словѣ *ш*ти = *съ*ти (сравни *сътъ*, *сыта* и т. п.): Домострой XVI в.: *ш*тямъ, *ш*тей, *ш*ти; современн. великор. *ш*ти или, при ассимиляціи послѣдующаго согласнаго съ предъидущимъ,—*щ*и.

Переходъ конечныхъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе. Конечные звонкіе согласные *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з* съ теченіемъ времени во всѣхъ почти великорусскихъ, бѣлорусскихъ и западно-малорусскихъ говорахъ перешли въ глухіе, и такимъ образомъ явились: *п* вм. *б*: ло*п*ъ; *ф* вм. *в*: ло*ф*ъ (образованіе *ф* имѣетъ мѣсто только въ великорусскомъ нарѣчіи и совсѣмъ чуждо бѣлорусскому и малорусскому, гдѣ *в* или сохраняется, или звучитъ какъ не образующее слога *у*: ло*ў*); *к* вм. *г*=латинск. *g*: дру*к*ъ (московскій говоръ); *х* вм. *г*=лат. *h*: бо*х*ъ (московскій говоръ), дру*х*ъ (курскій говоръ; сравни телѣ*х*ъ 2-я Новгородская лѣт. XVII в. 99,100); *т* вм. *д*: дѣ*т*ъ; *ш* вм. *ж*: но*ш*ъ; *с* вм. *з*: во*с*ъ.

Замѣна конечныхъ звонкихъ глухими почти не замѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ (какъ вовсе не замѣчается и въ современныхъ сѣверно-великорусскомъ яренскомъ, южно-великорусскомъ путивльскомъ и восточно-малорусскихъ говорахъ—украинскомъ и др.), но нѣтъ основанія думать, чтобы она получила развитіе въ очень позднее время. Мы читаемъ въ Кормчей ок. 1282 г.: калан*т*ъ 564 об. (рядомъ: калан*д*ъ); въ Псалтыри 1296 г.:

отину*ть* 14 об.; въ Лѣствицѣ 1334 г.: отину*ть* 215; въ Ев. XIV в. (Публ. Библ. f. 17): отину*ть* 23; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: Сер*ть* 3: въ Лѣт. Аврамки 1495 г.: прише*ть* ратью 96=пришедъ. Въ современномъ русскомъ правописаніи мы не находимъ глухихъ на мѣстѣ звонкихъ, и, кажется, единственное исключеніе представляетъ собою слово пры*ть*, въ которомъ едва ли не правильнѣе писать *д*, такъ какъ оно, вѣроятно, одного корня съ церк.-славянск. пр*ѧд*ати, пр*ѧд*ъ, съ нашими пру*ж*ина, пру*д*кій.

Переходъ **в** *въ* **у**. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (необязательно) согласный *в*, утративъ послѣ себя глухой гласный и занявъ мѣсто передъ однимъ или нѣсколькими другими согласными, перешелъ въ *у*. Трудно сказать, какъ первоначально произносилось это *у*; кажется, оно не составляло слога и произносилось кратко. Собственно новгородскіе памятники не знаютъ *у* изъ *в* до XIII—XIV вв., когда оно изрѣдка появляется: Кормчая ок. 1282 г.: *у*торникъ 522 об., но*у*городьского 539; Евангеліе 1355 г.: *у* праздьникъ 159 об.; Новгородская лѣтопись XIV в.: пол*у*тора ста=полъ *в*ътора съта 45, *у*торникъ 214, 219. Двинскіе документы XIV—XV вв. имѣютъ *у* изъ *в* сравнительно часто: не надобѣ *у* Пикиничѣ земли, *у* томъ острови, *у* рѣки рыба ловити, *у* рѣкахъ, *у* лѣсѣхъ, *у* Яковле мѣсто, *у*нукъ, *У*ласей=Власій. Сравни въ большей части современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ — въ новгородскомъ, онежскомъ, архангельскомъ, пермскомъ, вятскомъ — почти полное отсутствіе *у* изъ *в* (лишь изрѣдка *у*дова, но*у*городецъ), а въ меньшей части—въ вельскомъ, яренскомъ, тотемскомъ, потомкахъ древняго двинскаго, — частое употребленіе *у* вм. *в*. Въ памятникахъ псковскихъ XIV в. случаи перехода *в* въ *у* болѣе часты: Параклитикъ 1386 г.: *у*кусивъшю, *у*звеличися, хотя и не составляютъ обычнаго явленія, какъ въ памятникахъ полоцко-смоленскихъ. Изъ послѣднихъ въ старшемъ—въ договорѣ Смоленска съ Ригою 1229 г. мы читаемъ: *у*здумалъ, *у* Ризѣ, *у*стоко, *у* Русе=въ Русь и т. п.; въ полоцкой грамотѣ ок. 1300 г.: *у* Полотеско, и т. п. Естественно, употребленіе *у* изъ *в* мы встрѣчаемъ и въ современномъ потомкѣ полоцко-смоленскаго говора—въ говорѣ ржевскомъ. Въ западнорусскихъ грамотахъ XIV в. и позже, выданныхъ литовскими

князьями и польскими королями, замѣна *в* черезъ *у* встрѣчается весьма часто; она представляетъ самое обычное явленіе и въ современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Въ галицко-волынскихъ памятникахъ она то же весьма часта и встрѣчается уже въ древнѣйшемъ изъ нихъ—въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: до*у*лѣкть; Галицкое Ев. ок. 1266 г. имѣетъ *у* изъ *в* уже часто: *у*купѣ, *у*зяти, *у* шестую годину, *у*лѣсти *у* корабль; Поликарпово Ев. 1307 г.: *у* водахъ, не *у*веди во искушѣньк, *у*нутрьняя, *у*торыи; Луцкое Ев. XIV в.: *у* слѣдъ, *у*сходяща, видѣ*у*ше. Это *у* не рѣдко и въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи. Въ памятникахъ великорусскихъ, не имѣющихъ особенностей новгородскаго говора, замѣна *в* черезъ *у* встрѣчается весьма рѣдко; такъ, напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт. мы находимъ только: *у*нуки 64, 65, но*у*городьстии: Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, не знающихъ мѣны *ч* и *ц*, нѣтъ почти совсѣмъ замѣны *в* черезъ *у*; въ говорахъ южно-великорусскихъ въ однихъ (въ Московской, Рязанской, Тамбовской губ.) ея также нѣтъ, въ другихъ—въ тульскомъ, калужскомъ, орловскомъ, курскомъ,—она встрѣчается довольно часто, но ограничивается предлогомъ—префиксомъ *въ* и немногими словами съ начальнымъ *в*: *у*дова, *у*нукъ, *у*сё=всё, и т. п. Въ древнихъ намятникахъ кіевскихъ *у* изъ *в* нѣтъ.

При появленіи *у* изъ *в*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ получилось два ряда словъ и формъ, изъ которыхъ въ однихъ *в* сохранилось, въ другихъ—перешло въ *у*, въ родѣ *в*здумалъ и *у*здумалъ, *въ* слѣдъ и *у* слѣдъ. Это повело къ тому, что въ словахъ, имѣвшихъ древнее *у* безъ ударенія, на мѣстѣ этого *у*, рядомъ съ нимъ, возникло *в*. Иначе говоря, чередованіе древняго *в* съ образовавшимся изъ него *у*: *въ* слѣдъ и *у* слѣдъ, вызвало чередованіе древняго *у* съ *в*: *у* мужа (предлогъ *у* съ род. п.) и *въ* мужа. Собственно новгородскіе памятники и большая часть современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, естественно, почти совсѣмъ не знаютъ *в* вмѣсто *у*. Ев. 1355 г.: еуангелія въскресная за*в*треняя 147; современн. за*в*тра, за*в*трокъ и т. п. Въ двинскихъ документахъ XIV—XV вв. *в* изъ *у* болѣе часто: купи у Григорья, *въ* Обросима, у Степана *въ* Иванова, купи *въ* Оврама

вг Онтомановица, *въ* пецати *с*тоялъ (А. Юрид.), *в* людеи кунъ не имати, *в* пецати стояли (Акты Калачова, II, № 126). Въ псковскихъ памятникахъ *в* вмѣсто *у*, кажется, не встрѣчается. Смоленско-цолоцкіе акты имѣютъ это *в* изрѣдка: смоленская грамота 1284 г.: *в* сѣбе=*у* себе; полоцкая гр. ок. 1300 г.: *во* отьца=*в* отьца=*у* отца; точно также его знаетъ и современный ржевскій говоръ. Въ западно-русскихъ памятникахъ XIV в. и слѣдующихъ и въ современныхъ бѣлорусскихъ говорахъ *в* вмѣсто *у*—явленіе обычное. Нѣсколько случаевъ его употребленія представляетъ, между прочимъ, Псалтырь 1296 г.: да не въпаду пакы *в*добь въ тыя же грѣхы 124=*у*добь, кто *в*равнится господеви 185 об. (Синайская Пс.: *у*равьнитъсѧ), и *вг*молкоша вълны... и възвеселишася яко *у*молкоша 236 (Синайская Пс.: *у*млъкѫ). Въ галицко-волынскихъ памятникахъ мы читаемъ: въ Галицкомъ Ев. ок. 1266 г.: *в*ъмрете, *в*ъмыся, во *в*ъстѣхъ=въ устѣхъ, *в*ъшима=ушима, *в*хо=ухо, *в*ъ отця=у отца; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: на*в*чи, съ *в*ченики, *в*ъмреть, во *в*ътробѣ и т. п. Подобные случаи *в* вмѣсто *у* мы встрѣчаемъ очень часто и въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи. Памятники великорусскіе, не знающіе мѣны *ц* и *ч*, имѣютъ *в* вмѣсто *у* рѣдко: Ев. 1354 г. (можетъ быть, московское): за*в*тра еще мрачно зѣло въставъ 65; Ев. 1357 г. (галицкое): видѣхъ *вг* отца моѥго 13 об. Изъ современныхъ великорусскихъ говоровъ тѣ, которые имѣютъ *у* изъ *в*, имѣютъ и *в* вмѣсто *у* и особенно часто употребляютъ *в* въ значеніи предлога-префикса *у*: *вг* мене, *вг* насъ; прочіе великорусскіе говоры знаютъ новое *в* только въ словѣ за*в*тра: за*в*трокъ и производныхъ (у нашихъ поэтовъ даже въ за*в*треня: „да чу, и къ за*в*тренѣ звонятъ", Жуковскій).

Чередованіе *в* и *у* въ однихъ и тѣхъ же словахъ (*в*есь, им. ед., и *у*сего, род.; *в* огни и *у* домъ) вызвало также появленіе *ув* вмѣсто *в* и *у*. Это *ув* возникло въ юго-западныхъ русскихъ говорахъ довольно рано: гал.-вол. Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: *ув*торыи; Луцкое Ев. XIV в.: *ув*есь народъ; гал.-вол. Поученія Ефрема Сирина 1492 г.: *ув* адъ; западно-русскіе акты XV—XVII вв. имѣютъ его нерѣдко. Современные бѣло-

русскіе, малорусскіе и нѣкоторые южно-великорусскіе говоры имѣютъ болѣе или менѣе часто: *ув*есь=весь, *ув* огни=въ огнѣ, *ув* огня=у огня.

Переходъ *г* **въ** *h* **и вставка** *в*. Къ числу древнѣйшихъ измѣненій русскихъ согласныхъ принадлежитъ измѣненіе *г*=*g* въ *г*=*h*. Какъ сказано выше, первоначально *г* произносилось у насъ какъ *g;* но очень рано вмѣсто него стало слышаться *h:* въ надписи на чарѣ князя Владимира Давидовича до 1151 г.: *о*сподаря; въ галицко-волынскомъ Ирмолоѣ XII — XIII в.: бласловите, бласловленъ; въ полоцкой грамотѣ конца XIII в.: бласловляю, бласловѣнье. Эти написанія показываютъ, что въ приведенныхъ словахъ писцы не только произносили *г* какъ *h*, но иногда и опускали этотъ звукъ. Въ болѣе позднихъ памятникахъ мы нерѣдко замѣчаемъ отсутствіе *г* въ началѣ словъ *г*осподарь, *г*осударь, *г*осподинъ и т. п.: въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: отъ *о*спожына заговѣнья; въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1371 г.: *о*сподаря; въ зап.-русск. Четьѣ 1489 г.: *о*сподарьскъ, *о*споже; сверхъ того, въ московскихъ грамотахъ 1429—1432 г. (Рум. Муз.; Лебедевъ, 2), 1470 г. (Акты Калачова, I, 109) и друг. мы читаемъ: кня*и*ни. Такого рода исчезновеніе *г* могло имѣть мѣсто, конечно, только въ томъ случаѣ, когда *г* произносилось какъ *h*. Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *h* господствовало уже въ XIV в. Къ этому времени относится начало употребленія въ грамотахъ литовскихъ князей и польскихъ королей новаго знака для *г*=*g* —*кг*, который почти постоянно является въ словахъ, заимствованныхъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ изъ польскаго и литовскаго языковъ (гдѣ *g*, не *h*): Скири*кг*айло, *Кг*едроитьскии князи, *кг*ды, и крайне рѣдко въ словахъ чисто русскихъ, въ родѣ *кг*дѣ. Если мы возьмемъ латинскія грамоты, писанныя въ Галиціи, то найдемъ въ нихъ въ большинствѣ случаевъ *h*, а не *g:* въ грамотѣ 1371 г.: *H*odovica; въ грамотѣ 1375 г.: *h*aliciensis; въ грамотѣ 1451 г.: *h*lubokigo; но рядомъ съ *h* въ нихъ встрѣчается и *g*: грамота 1378 г.: mo*g*illa; грамота 1451 г.: Jur*g*i=Юрій, Юргій, hluboki*g*o; послѣднія данныя указываютъ на то, что въ XIV и XV в. въ малорусскихъ говорахъ, не смотря на господство *h*, кое-гдѣ еще

оставалось *g*; на то же указываетъ *к* въ словѣ роз*к*а = роз*г*а (Луцк. Ев. XIV в.), современн. різ*к*а, образовавшееся, конечно, изъ *g*, а не изъ *h*.

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи одни говоры (южные) знаютъ *h* въ большемъ количествѣ случаевъ, другіе въ меньшемъ. Нашъ литературный языкъ знаетъ *h* только въ словахъ бла*г*одарить, бла*г*ословлять, *г*осподь, *г*осподинъ, бо*г*а и т. п. (при спасибо изъ спаси Бо*г*ъ). Кромѣ этихъ словъ, великорусское нарѣчіе знало и отчасти знаетъ звукъ *h* въ формахъ родпад. прилагательныхъ и мѣстоименій: хорошо*h*о, добро*h*о, мое*h*о; но съ теченіемъ времени это *h* въ большей части говоровъ исчезло, такъ что явились сначала формы безъ *h*, до насъ не дошедшія: хорошоо, доброо, въ которыхъ потомъ на мѣстѣ *h* развилось *в* и такимъ образомъ получились современныя формы хорошо*в*о, добро*в*о. Сравни сербск. ру*в*о изъ руо, ру*х*о, современн. великор. *в*осподинъ (Пермск. Сб. I, 120) изъ осп—, *h*осп—, *в*оспожинъ (приб. XVII в. къ Домострою 148) изъ осп—, *h*осп—. Формы род. пад. съ *в* встрѣчаются уже въ московскихъ и сѣверно-русскихъ памятникахъ XV в.; такъ мы читаемъ: въ надписи на крестѣ 1434 года: боголѣпно*в*о Преображения (Зап. Имп. Археол. Общ., X, 333); въ грамотѣ 1445—46 г.: право*в*о (Акты Калачова, I, 97); въ Лѣтописи Аврамки, написанной въ Смоленскѣ въ 1495 году: мужа мое*в*о 233.

Вѣроятно, звукъ *h* слышался нѣкогда также въ великорусскихъ собственныхъ именахъ Бо*г*уславъ и Бо*г*ушъ, которыя въ документахъ XV—XVI вв. пишутся уже Буславъ и Боушь (въ двинской грам. XIV—XV в.: Михаило Буславль, А. Юр. 117; въ 1-й Псковской лѣт. подъ 1500 г.: Ѳома Буславичь) и въ великорусскомъ нарицательномъ коро*г*одъ (сравни старое западно-русское коро*г*одъ у Скорины, Исходъ 61 об., и въ Лютеранскомъ Катихизисѣ 1562 года 84), которое теперь звучитъ коро*в*одъ (В. Майковъ, Соч. 462), кара*в*одъ (вологодск., Русск. Фил. В. 1881 г. № 4, 275).

Спорадическая вставка *в* между гласными въ серединѣ словъ— явленіе въ русскомъ языкѣ довольно распространенное, по преимуществу въ заимствованныхъ словахъ: ти*в*унъ Русск. Правда

въ сп. XIII в. и др., И*в*она, И*в*онинъ Ев. 1317 г. 24, 24 об., 36 об., 43; Ле*в*онтии двинская рядная XIV в.; Си*в*онъ Псалтырь XIV в. (Воскрес. монаст. № 5); Фа*в*устъ, леги*в*онъ Луцкое Ев. XIV в.; И*в*анъ, У*в*аръ, Роди*в*онъ, Лари*в*онъ, Ле*в*онидъ и т. п.; соврем. можже*в*ельникъ изъ можже-ельникъ: по можжеелнику Полн. собр. р. лѣт. IV, 71, можеловой кустъ Акты Юр. 166.

Спорадическая приставка *в* къ начальнымъ *о* и *у* (особенно *о*) — также явленіе нерѣдкое: великорусск. въ *в*орду дух. Ивана Калиты; въ *в*огнь Ефр. Сир. 1377 г. 47; в *в*устье Лаврентьевскій сп. л. 7; современн. *в*отчина, *в*отчимъ, *в*осемь, *в*острый, *в*обла, *в*оспа (осъпа ц.-сл. Супрасл. рукоп.) и т. п.; галицко-волынск. *в*овьца Галицкое Ев. ок. 1266 г., Поликарпово Ев. 1307 г., Луцкое Ев. XIV в., *в*оовьця Галицкое Ев. ок. 1266 г., *в*оотца, *в*олтарь Поликарпово Ев., *в*ътъ мертвыхъ Луцкое Ев.; современн. малорусск. *в*івця, *в*івтарь, *в*ітця (род. ед. отъ отецъ), *в*ідъ мене, *в*ізьму (рядомъ: озьму, префиксъ *оз-*) и т. п. Приведенныя данныя показываютъ, что въ галицко-волынскомъ нарѣчіи неорганическое *в* возникло не позже XIII в. передъ каждымъ начальнымъ долгимъ *о* (вѣроятно, вслѣдствіе его закрытаго произношенія).

Смягченіе согласныхъ. Кромѣ указанныхъ ранѣе случаевъ смягченія согласныхъ, въ историческое время существованія русскаго языка были еще случаи смягченія согласныхъ гортанныхъ и зубныхъ.

1. Смягченіе гортанныхъ, неорганическое и непереходное, имѣло мѣсто почти исключительно передъ *ы* и состояло въ томъ, что древніе твердые слоги *кы*, *гы*, *хы* превратились въ мягкіе *ки*, *ги*, *хи*. Начало этого явленія (если мы оставимъ въ сторонѣ фуник*и* Святославова Сб. 1073 г., л. 231 об.) въ южно-русскихъ говорахъ относится по меньшей мѣрѣ къ первой половинѣ XII вѣка. Мы находимъ въ Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.: к*и*ихъ 2 об., велик*и*и 173; въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: птіцямъ небесьск*і*мъ 77; въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: ник*и*и, въск*и*се, сек*и*ра; въ Лѣствицѣ XII в. (Румянц. М. № 198): велик*и*ими 2 об., ак*и* 69, 81, 83 об.; въ Богословіи Іо. Дамаскина XII в. (Син. Б.): пак*и* 49, плътьск*и* 96, ак*и* 151; въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго

по сп. XII в.: велик*и*и 16 об., пак*и* 41; въ Житіи Саввы Освящ. XIII в. Изъ западно-русскихъ памятниковъ его имѣетъ старшій — договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г., гдѣ читается: ризк*и*и, латинеск*и*и, латинеск*и*мь, княг*и*ни, лих*и*и; въ болѣе поздней Псалтыри 1296 г. оно встрѣчается сравнительно часто: с наимьник*и* 26 об., истерг*и*и 38, ближник*и* 74 об., друг*и* 75, ближик*и* 78, ак*и* 116, 240, 252 об., 253, праздьник*и* 149 об., исък*г*дашася 152, велик*и*мі 221 об. Новгородскіе памятники имѣютъ *ки*, *ги*, *хи* (если не считать друг*и*ими въ погодинскомъ Кондакарѣ XII в. № 43, л. 4)—со второй половины XIII вѣка: Кормчая ок. 1282 г.: нѣк*и*мъ 564, праздьник*и* 565, чистительск*и*хъ 565 об., кумирьск*и*хъ, римьск*и*мъ 566 об., к*и*ждо 567, К*и*кве, въ К*и*кве 574 и др. (нерѣдко); Ев. 1355 г.: мног*и* 4 об., слуг*и*, пог*и*бнеть 6, нек*и*и 8 об., рек*и*и 11, рук*и*, пак*и* 17 об. и др. (очень часто); Прологъ 1356 г.; пог*и*бнути 3, по*г*ибають 6, мног*и* 49, ак*и* 69 об., 75, 78, владык*и* 79 об. и др. (нерѣдко); Новгородская лѣт. XIV в.: югърьск*и*и, друг*и*и 95, сътьск*и*и 116, заморьск*и*и 145, госпожиньк*и*нъ день 211; новгородская грамота 1372 г.: новгородск*и*хъ; гр. 1392 г.: заморьск*и*хъ; Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г. (часто). Средне-русскіе памятники: духовныя в. кн. Ивана Калиты и другихъ московскихъ князей, Стихирарь 1331 г., Ев. 1339 г., Ев. 1354 г., Ев., 1357 г., Ев. 1358 г., Лаврентьевскій сп. лѣт., Ев. 1393 г., Ев. 1399 г., имѣютъ смягченные гортанные болѣе или менѣе часто, нѣкоторые даже почти постоянно.

Должно замѣтить, что это смягченіе не было обязательнымъ, и потому мы долгое время замѣчаемъ въ памятникахъ колебаніе между *ы* и *и*, т. е. рядомъ съ *кы*, *гы*, *хы* мы находимъ *ки*, *ги*, *хи*; такъ, мы читаемъ въ смоленской грамотѣ 1229 г.: смольнеск*ы*и, латинеск*ы*мь, Риг*ы*; въ грамотѣ Кейстута около 1341 г.: Дорог*ы*чинъ; въ двинской грамотѣ XIV в.: послух*ы* (рядомъ съ сорок*и*, вѣк*и*); въ московской гр. 1447—53 г.: посельск*ы*мъ, симановьск*ы*и, верзневск*ы*мъ, и т. п. Само собою разумѣется, нѣкоторая часть приведенныхъ данныхъ должна быть отнесена не на счетъ языка стараго времени, а на счетъ правописанія. Что до современнаго языка, то въ немъ еще нахо-

дятся кое-какіе остатки старыхъ не смягчившихся гортанныхъ— формы въ родѣ отыск*ы*вать, отпих*ы*вать (рядомъ съ отыск*и*вать и т. д.); сравни въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: выиск*ы*вати 245, приcк*ы*ваху 254 и др., въ Ипатскомъ сп. лѣт,: выполоск*ы*ваеть 199, въ Палеѣ 1406 г.: опух*ы*ваше 74 об., въ грамотѣ архіеп. Геннадія 1490 г.: обыск*ы*вати (Р. Ист. Библ. VI, 767).

Позднѣе неорганическое смягченіе гортанныхъ начало являться и передъ другими гласными, впрочемъ въ немногихъ случаяхъ; такъ, мы находимъ: въ галицкомъ Ев. 1357 г.: к*ю*ръ не въспоѥть 106, к*ю*риця 82 об., к*ю*ю стражю 90; въ псковскомъ Прологѣ 1383 г.: ѥретичьск*ю*; въ Ев. XIV в. (Троицк. Лавра № 5): чимъ к*ю*піимъ хлѣбы 17; въ полоцкой грамотѣ 1405 г.: безъ всяк*я* хитрости; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: к*ю*ряне; въ письмѣ Герасима къ Іосифу Волоцкому 1489 г.: бочк*ю* (вин., М. Дух. Ак.. № 144); въ грамотѣ арх. Геннадія 1490 г.: толк*е* (Р. И. Б. VI, 767); въ Домостроѣ XVI в.: колк*е*, толк*е*, сколк*е*, легонк*е*; въ грамотѣ 1548 г.: Ѳедьк*я* Лаптя; въ гр. 1574 г. (муромской): Ивашк*я* Шевякъ; въ грам. 1673 г. (тульской): Аниськ*я* Сизовъ (Ак. Юр. 452, 247, 389). Въ современныхъ великорусскихъ (особенно южныхъ) говорахъ мы довольно часто слышимъ: головк*ю*, чайк*ю*, сахарк*ю*, съ верх*ю*, тольк*е* или тольк*я*, копѣйк*я*, легохоньк*я*, Ваньк*я* и т. п.; нѣчто подобное есть и въ малорусскихъ говорахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это мягкое *к* подверглось переходному смягченію и дало *т*: великорусск. чай*т*ю, Вань*т*я; малор. (гуцульск.) донь*т*я=донька. Съ этимъ переходомъ *к* въ *т* сравни переходъ *к* въ *т* въ Овдо*т*ья изъ Овдо*к*ья (духовная кіевскаго кн. Андрея Владимировича 1446 г.: Овдо*т*іи). въ Ака*т*ій изъ Ака*к*ій (Ака*т*ьевичъ въ Лѣтописи Аврамки 1495 г.), въ Лу*т*ьянъ изъ Лу*к*ьянъ (двинск. гр. XIV—XV в. Ак. Юр. 112), въ Мар*т*ьянъ, въ сибирскомъ *т*инулся=*ки*—, рукавич*т*и и переходъ *г* въ *д* въ древне-русск. *Д*юргий, *Д*юрдий=Гюргий, Георгій, въ современномъ великорусск. ан*д*елъ=ангелъ, въ сѣв.-великор. пріѣж*д*яти, вож*д*яться изъ древнихъ новгородскихъ приѣж*г*яти, вож*г*яться. Кстати замѣтимъ слѣдующее. Слово пау*т*ина, которое обыкновенно считаютъ происшедшимъ изъ пау*к*ина и рядомъ съ которымъ существуетъ слово пау*ч*ина, происходитъ не отъ пау*к*ъ,

а отъ другаго слова того же корня съ тѣмъ же значеніемъ — пау*т*ъ, существующаго теперь и съ значеніемъ паукъ (въ Ярославской губ.), но чаще съ значеніемъ оводъ. Въ словахъ ис*т*ецъ (отъ *исто*=капиталъ; древнѣйшее значеніе: собственникъ, заимодавецъ), лас*т*иться, пус*т*ить—*т* не произошло изъ *к*.

2. Смягченіе зубныхъ. Переходное смягченіе зубныхъ *д* и *т* въ *дз* и *ц* рѣдко въ великорусскихъ говорахъ, и слова въ родѣ *дзѣц*и, *ц*ебѣ, *ц*ерпѣ*ц*ь встрѣчаются только въ ситско-пошехонскомъ (окающемъ) говорѣ и кое-гдѣ въ Нижегородской и Самарской губ. Переходъ *д* и *т* въ *дз* и *ц*—явленіе свойственное большей части бѣлорусскихъ говоровъ, въ томъ числѣ говору ржевскому, Тверской губ., и нѣкоторымъ говорамъ Гродненской губ., составляющимъ переходныя ступени отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ малорусскому. Здѣсь онъ восходитъ къ сравнительно позднему времени: въ такихъ печатныхъ изданіяхъ, какъ Библія Скорины начала XVI в., лютеранскій Катихизисъ 1562 г., Ев. Тяпинскаго, Литовскій Статутъ 1588 г., въ грамотахъ и актахъ XVI в. мы еще не находимъ достовѣрныхъ случаевъ смягченія зубныхъ. Правда, въ нихъ встрѣчаются изрѣдка формы въ родѣ сла*ц*ь, справи*ц*ь (актъ 1528 г. въ Литовской метрикѣ: мета*ц*и; Владимировъ, Скорина, 272); но это, конечно, не что иное, какъ обычные въ нихъ полонизмы. То же должно сказать и о большей части случаевъ употребленія *ц* въ бѣлорусскихъ актахъ XVII в., напр., о словѣ *ц*етревъ=тетеревъ—сравни польск. cietrzew', — польское происхожденіе котораго не подлежитъ сомнѣнію. Но въ тѣхъ же памятникахъ XVII в. мы изрѣдка встрѣчаемъ слова чисто русскія, гдѣ *ц* и *дз* могутъ быть относимы на счетъ русскаго языка и принадлежать тогдашнему произношенію бѣлоруссовъ: *Ц*имошка, Ар*ц*емъ. — Въ большей части современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ не существуетъ совсѣмъ мягкихъ *д* и *т*; всѣ они смягчились въ *дз* и *ц*: *дз*ѣдъ, *дз*еряво, *ц*ѣста, *ц*ибѣ и т. п. (кромѣ вопросительной частицы *ти*, гдѣ *т*, вѣроятно, новаго происхожденія—изъ *ч* или *ц*). Кстати замѣтимъ, что *ц*, которое мы находимъ въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи (между прочимъ у Основьяненка): въ гос*ц*і, лис*ц*я, на помос*ц*і, — не имѣетъ ни какой связи съ

смягченіемъ зубныхъ; оно—результатъ вліянія однихъ словъ на другія. Въ древнемъ галицко-волынскомъ говорѣ группа *ск* смягчалась и въ *ст* (чаще), и въ *сц* (рѣже), и потому, естественно, рядомъ съ дъ*ст*ѣ и дъ*сц*ѣ, русь*ст*іи и русь*сц*іи, по аналогіи съ этими двойными формами, возникло при го*сти*—го*сци*, при мо*ст*ѣ—мо*сц*ѣ.

Сверхъ смягченія гортанныхъ и зубныхъ, есть одинъ случай смягченія *ц* или, точнѣе, перехода его въ мягкое *т*. Слова *ц*вѣтъ, *ц*вѣсти и родственныя во многихъ великорусскихъ говорахъ и въ тѣхъ бѣлорусскихъ, въ которыхъ мягкія *д* и *т* сохранились, — теперь звучатъ: *т*вѣтъ, *т*вѣтокъ; въ XV в., какъ видно изъ Ипатскаго списка лѣт., въ нихъ былъ еще звукъ средній между *ц* и *т*, который писецъ передалъ черезъ *цт:* недѣлю *цт*вѣтную 134 (по фотолитограф. изд.), *цт*вѣтокъ 137, 138.

Отвердѣніе согласныхъ передъ гласными въ русскомъ языкѣ рѣдко. Мы не знаемъ ни одного согласнаго, который бы сдѣлался изъ мягкаго твердымъ во всѣхъ русскихъ говорахъ; въ значительной части примѣровъ отвердѣніе — явленіе спорадическое. Мы остановимся только на наиболѣе распространенныхъ и старыхъ случаяхъ.

1. Отвердѣніе шипящихъ и **ц**. Какъ сказано выше, шипящіе звуки въ древнѣйшую эпоху исторіи русскаго языка были мягки, т. е. произносились: *ж*—какъ наше *ж* въ словахъ ѣ*жж*ю, ви*жж*ять, *ш*—какъ наше *ш* въ *щ* (т. е. *шш*) въ словахъ пи*щ*ю, пи*щ*ять, *ч*—какъ наше *ч* въ пла*ч*ю, ту*ч*я. Съ теченіемъ времени мы начинаемъ замѣчать отвердѣніе шипящихъ во многихъ говорахъ. Относящіяся сюда данныя находятся въ памятникахъ съ начала XIV в.: въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г: слыш*ы*шь; въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: ме*ж*ы, кня*ж*ылъ; въ духовной Димитрія Донскаго до 1389 г.: *ж*ывите, *ж*ырошкины, Суро*ж*ыкъ, *ж*ывота, дер*ж*ытъ; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: *жы*лами 172, *жажы* 410; въ кіевской Псалтыри 1397 г.: *лжы* 79. Послѣ XIV в. сочетаніе *ж*, *ш*, *ч* съ *ы* не рѣдкость, особенно въ бѣлорусскихъ актахъ и печатныхъ изданіяхъ, напримѣръ, въ Литов-

скомъ Статутѣ 1588 г.: ме*жы*, рѣ*чы*, на*шы*, почон*шы* и т. п. (очень часто); то же въ Домостроѣ XVI в. Современные русскіе говоры имѣютъ, одни въ большемъ, другіе въ меньшемъ количествѣ, твердые шипящіе. Литературный языкъ и большая часть великорусскихъ говоровъ произносятъ *ж* и *ш* твердо, а *ч* мягко; нѣкоторые малорусскіе говоры отличаются обиліемъ мягкихъ шипящихъ.

Тѣ звуки, которые передаются у насъ черезъ букву *щ*, въ древности, какъ сказано выше, очень часто произносились какъ *шч*. Съ теченіемъ времени въ большинствѣ великорусскихъ и бѣлорусскихъ и въ нѣкоторой части малорусскихъ говоровъ эта звуковая группа, въ массѣ случаевъ, вслѣдствіе ассимиляціи второй ея части съ первою, перешла въ *шш*, а изрѣдка, спорадически, вслѣдствіе диссимиляціи, образовала *шт* (съ мягкимъ *т*): сѣв.-великор. *шт*юка=щука, е*штё*=ещо и т. п.; въ нѣкоторыхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ и въ большей части малорусскихъ говоровъ *шч* (откуда иногда *сц*, *шц*) сохранилось до настоящаго времени. Сказанное имѣетъ въ виду только древнее *щ* = *шч* и то рѣдкое новое *шч*, которое произошло изъ *жч* (въ сла*щ*е); въ новомъ *шч*, образовавшемся въ сравнительно позднее время при сложеніи предлоговъ-префиксовъ съ именами и глаголами,—*ч* сохранилось и не перешло въ *ш*: *ш* *ч*естью = съ честью, *ш* *ч*ѣмъ=съ чѣмъ (но *шшё*тъ счетъ, *шш*итать и т. п.). Двойное *ш* (*щ*), равно какъ и двойное *ж* въ ѣ*жжю*, ви*жжя*ть, по*жже* (отъ поздо), въ литературномъ языкѣ обыкновенно произносится мягко, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ двойное *ш* и двойное *ж* образовались при сочетаніи предлоговъ и префиксовъ съ именами и глаголами: *ж жо*нами, *жжэ*чь, *ш шы*тьемъ, *шшы*ть, и гдѣ оба *ж* и оба *ш* произносятся твердо; при этомъ, послѣ согласныхъ, мягкое двойное *ш* можетъ переходить въ простое *ш*, сохраняя свою мягкость: ям*шш*икъ, жен*шш*ина. Другіе русскіе говоры (въ томъ числѣ многіе великорусскіе) произносятъ всякое двойное *ж* и *ш* твердо: ѣ*жжу*, *шшу*ка; при чемъ двойное *ш* иногда почти не отличается отъ простаго *ш*, т. е. почти не удвояется: е*шо*=еще.

Звукъ *ц* имѣлъ ту же судьбу, что и *ж*, *ш*; отвердѣніе относится также къ XIV в.: кіевская Псалтырь 1397 г.: язы*цы* 84 об. Оно особенно сильно распространилось въ великорусскихъ

говорахъ и здѣсь повело къ отвердѣнію согласнаго *с* въ возвратномъ мѣстоименіи при глаголахъ. Послѣднее во многихъ случаяхъ (въ формахъ 3-го лица ед. и множ. ч. и въ неопредѣленн. накл.), находясь послѣ глагола, какъ бы слилось съ нимъ, при чемъ, подъ вліяніемъ конечнаго *т* этихъ формъ, *с* мѣстоименія стало звучать какъ *ц*: берёт*ця*, дерёт*ця*, жмут*ця*. Это новое *ц* раздѣлило судьбу стараго *ц*, т. е. съ теченіемъ времени также отвердѣло (берет*ца* и т. д.), и затѣмъ оказало свое вліяніе на возвратное мѣстоименіе тамъ, гдѣ оно стояло послѣ глагольныхъ формъ 1-го, 2-го лица, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ; результатомъ этого вліянія было отвердѣніе *с* въ *ся*, или переходъ *ся* въ *са*. Отвердѣніе звука *с* въ *ся* извѣстно изъ памятниковъ XIV в.; такъ, въ Сильвестровскомъ Сборникѣ этого вѣка (Тип. Библ.) мы находимъ: наслади*са*; въ Ев. 1354 г.: въ своя *сы*; въ такъ наз. Академическомъ сп. лѣтописи XV в.: въ своя *сы* (Лѣтопись по Лавр. сп., 505); въ Лѣтописи Аврамки 1495 г.: ожени*са* 58. Сравни современн. великорусск. беру*са*, деру*са*, берес*са* и т. п., сѣв.-великор. бил*сы*, ударил*сы*; сравни также въ малорусскомъ пинскомъ говорѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ бѣлорусскихъ говорахъ: сподѣваю*са*, купала*са*, отозвав*са*. — Нарѣчія *су*да, от*су*да, обыкновенно произносящіяся въ великорусскихъ говорахъ съ твердымъ *с*, не обязаны этимъ послѣднимъ отвердѣнію *ц*: въ церк.-славянскихъ памятникахъ мы находимъ постоянно *сѫ*ду; въ древне-русскихъ, рядомъ съ *сю*ду и т. п. (Архангельское Ев.: от*сю*дѣ; Ев. 1270 г.: от*сю*ду), встрѣчается и *су*ду: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: отъ*су*ду 85 об. и др.; Архангельское Ев.: 1092 г.: от*су*ду 17 об.; Юрьевское Ев.: отъ*су*ду 65 об; Милятино Ев. 1215 г.: от*су*ду 3 об.; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: *су*ду и овуду. Эти нарѣчія, очевидно, отличны по образованію отъ нарѣчій *сю*да, *сю*ды и т. п. и, можетъ быть, древнѣе этихъ послѣднихъ; во всякомъ случаѣ они не находятся отъ нихъ ни въ какой генетической зависимости.

2. Отвердѣніе **р**. Въ русскомъ языкѣ находилось и находится нѣсколько словъ, имѣющихъ въ корнѣ то твердое, то мягкое *р*; это—*ра*дъ, не*ра*дити и не*ря*дити: гал.-волынск. Ев. XII—XIII в. (Тип. Б.): не*ря*диши ни о комь же; гал.-вол. Архивская

Лѣствица XIII—XIV в.: сквьрны сея не*ря*дять; новгородск. Ев. 1355 г.: блюдитеся и не*ря*дите о кдиномь отъ малыхъ сихъ 26 об.; современн. великор. пе*ря*ха, не*ря*шливъ и т. п; *ру*шити и *рю*шити: новгор. Минея 1097 г.: *рю*шиши 367; новгор. Кормчая ок. 1282 г.: *рю*шить; Новгородская лѣт.: по*рю*шилася 306; зап.-русск. Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: на*рю*шити, на*рю*шоно 26, 42 об.; соврем. великор. *рю*хнуть, *рю*ха и т. п.; т*ро*сть и соврем. сѣв.-великор. т*рё*сточка (сравни церк.-слав. т*ръ*сть, т*ре*сть); *ри*товать и соврем. малор. *ря*тувати; г*ра*ница и соврем. малорусск. г*ря*ница; красть и соврем. новгор. к*ря*сть и т. п. Послѣднія изъ приведенныхъ словъ имѣютъ мягкое *р* новое (происхожденіе котораго однако неясно); въ другихъ и твердое *р*, и мягкое *р* кажутся древними, такъ что ихъ можно сопоставить съ твердымъ и мягкимъ *л* въ б*лу*дъ (церк.-слав. бл*ѫ*дъ), б*лу*дить и въ заб*лю*дить Остромирово Ев. 55 об., б*лю*дьныи грѣхъ Святославовъ Сб. 1073 г. 198 об., б*лю*дьницу Слово Ипполита объ ант., душа льстивы б*лю*дять въ грѣсѣхъ, заб*лю*жающия раба Паремейникъ 1271 г. 104 об., 186 об., заб*лю*жешия (овцы, род. пад.) Ев. 1399 г. 24,—современн. великор. уб*лю*докъ;—съ твердымъ и мягкимъ *н* въ г*ну*сный и т. п. и въ г*ню*сьни Свят. Сб. 1073 г. 101 об., г*ню*шающися, г*ню*шактьсѧ Синод. Кормчая XII в. № 227 88 об., 89, г*ню*сы Скорина, Исходъ 17 об., г*ню*су, г*ню*сна, г*ню*сны, г*ню*сно Левитъ 12, 21 об., 22, 22 об., 23 и др., соврем. великор. г*ню*съ;—съ твердымъ и мягкимъ *д* въ не*ду*гъ, не*ду*жь (мы не*ду*жи противу вамъ стати, Ипат. сп. 45) и въ великор. *дю*жій;—съ твердымъ и мягкимъ *т* въ с*ту*дить, с*ту*день и въ с*тю*дено Кормчая ок. 1282 года 447, с*тю*дены воды Поликарпово Ев. 1307 г. 33, с*тю*денецъ Ев. 1317 г. 13, 33, на с*тю*дѣньци Путенское Ев. XIV в. 27, с*тю*денѣць Ипатскій сп. 559, соврем. великор. с*тю*день и т. п., бѣлорусск. с*тю*дёный, с*цю*дзёный.—Быть можетъ, мягкое *р* въ не*ря*дити слѣдуетъ объяснить вліяніемъ на глаголъ не*ра*дити и родственныя глагола *ря*дити (церк.-слав. р*ѧ*дити) и т. п.; мягкое *р* въ *рю*шити (какъ и мягкія *н*, *т* въ г*ню*съ, с*тю*денъ)—тѣмъ, что звукъ *у* здѣсь восходитъ къ до-славянскому дифтонгу eu; мягкое *р* въ т*рё*сточка—тѣмъ, что это слово восходитъ къ древ-

нѣйшему трьсть, церк.-слав. трьсть, т*ре*сть, а не къ тр*ъ*сть, тр*о*сть. Во всякомъ случаѣ относительно приведенныхъ словъ нѣтъ никакого основанія думать, чтобы въ нихъ твердое *р* возникло изъ мягкаго.

Переходъ мягкаго *р* въ твердое передъ гласными, иначе отвердѣніе *р*,—явленіе весьма распространенное на западѣ Россіи. Примѣры его встрѣчаются въ галицко-волынскихъ памятникахъ съ XII — XIII в.: Выголексинскій Сборникъ XII — XIII в.: г*ра*дуща; Архивская Лѣствица XIII—XIV в.: ухыщ*ра*ния; Луцкое Ев. XIV в.: раши*ра*ють; галицкая грамота 1378 г.: мунасты*ръ*; Ефремъ Сиринъ 1492 г.: об*ра*щеть; но ихъ очень мало и они очень похожи на описки. Они появляются въ бѣлорусскихъ грамотахъ и книгахъ съ XV в.: договоръ Полоцка съ Ригою 1405 г.: сереб*ры*ны; грамоты XV вѣка: п*ры*язнь, п*ры*судили, звѣ*ръ*, звѣ*ру* и т. п.; Познанскій Сборникъ конца XV в.: повѣт*ры*ю, у мо*ра*, по мо*ру*, гово*ра*ть, рост*ра*съ, по*ра*докъ и т. п. (Archiv für slav. Ph. IX, 364); Литовскій Статутъ 1588 г.: го*ра*чий, отво*ра*ти, напе*ро*дъ, т*ры*, п*ры*ходили и др. (очень часто). Въ настоящее время твердое *р* на мѣстѣ стараго мягкаго *р* извѣстно во многихъ (но не во всѣхъ) западныхъ малорусскихъ говорахъ и въ значительномъ большинствѣ бѣлорусскихъ. Послѣдніе почти совсѣмъ не знаютъ мягкаго *р* (только въ пе*рь*я, Ма*рь*я и т. п., съ послѣдующимъ *j*), и постоянная твердость *р* составляетъ одну изъ отличительныхъ ихъ особенностей.

3. Отвердѣніе губныхъ. Губные согласные по самой своей природѣ мало способны къ мягкому или небному произношенію. Отсюда сохраненіе *j* послѣ губныхъ и переходъ его въ мягкое *л* въ русскомъ, церковно-славянскомъ и сербскомъ языкахъ; отсюда и отвердѣніе ихъ въ старомъ галицко-волынскомъ говорѣ, начавшееся, вѣроятно, въ давнее время (его имѣютъ почти всѣ соврем. малорусскіе говоры), но не нашедшее себѣ отраженія въ старыхъ письменныхъ памятникахъ. Прежде мягкія *б*, *в*, *м*, *п* передъ *е*, *і*, *j* только отвердѣли, такъ что въ настоящее время *бе* произносится малоруссами какъ *бэ*, *бью*, *пью*—какъ *бъю*, *пъю*. Тѣ же согласные передъ передъ *а* и *у* (т. е. въ слогахъ *бя*, *бю* и проч.), прежде чѣмъ отвердѣть, выдѣлили изъ себя *j*, ко-

торый отчасти сохраняется и теперь: *вв*яну, лю*бв*ю, кор*мв*ю, *пв*ять, отчасти перешелъ въ мягкія *л* и *н:* *спл*ять = спятъ, *мн*ясо=мясо, па*мн*ять, ру*мн*яний, і*мн*я. Одно слово *св*ятий съ производными сохраняетъ мягкое *в* если не во всѣхъ, то въ большей части малорусскихъ говоровъ. — Отвердѣніе губныхъ чуждо только сѣверно-малорусскимъ сѣдлецкимъ говорамъ, въ которыхъ можно слышать не только *пя*ть, но и *пя*ниця=пьяница и т. п.

Малорусскія и бѣлорусскія формы въ родѣ род. ед. голу*ба*, дат. голу*бу* (отъ голубъ) не находятся въ непосредственной связи съ малорусскимъ отвердѣніемъ губныхъ. Они, встрѣчаясь уже въ западно-русскихъ печатныхъ изданіяхъ XVI в. (у Скорины: голу*ба*, Левитъ, 28 об.), обязаны своимъ происхожденіемъ отвердѣнію конечныхъ согласныхъ и послѣдовавшему затѣмъ вліянію имен. пад. ед. (голу*бъ*) на другія падежныя формы.

Диссимиляція плавныхъ. Это явленіе имѣетъ мѣсто тогда, когда въ одномъ и томъ же словѣ находятся два одинаковыхъ плавныхъ звука (т. е. два *р*, два *л*), отдѣленныхъ другъ отъ друга однимъ, двумя, нѣсколькими звуками; оно состоитъ въ томъ, что одинъ изъ двухъ *р* замѣняется звукомъ *л*, а одинъ изъ двухъ *л*—звукомъ *р*. Диссимиляція плавныхъ въ русскомъ языкѣ необязательна (ко*л*окол*ъ*, *л*е*л*ѣять и т. п.), и потому количество примѣровъ ея очень невелико. Мы читаемъ въ новгородской Кормчей ок. 1282 г.: у*л*арь, изъ у*р*арь, о*р*арь ὠράριον; въ Ев. 1357 г.: феврa*л*я; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: ѳевра*л*я; въ Новгородской лѣт. XIV в.: феѵ*л*аря, изъ фев*р*а*р*я. Современный русскій языкъ имѣетъ слова: ве*р*блюдъ, изъ ве*л*ьблюдъ (сравни ц.-слав. ве*л*ьблѫдъ, ст.-чешск. ve*l*blud), пе*р*епелъ, изъ пе*л*епелъ (въ пѣсняхъ, записанныхъ въ началѣ XVII в. для Рич. Джемса: пе*л*епелка, соврем. пермск. пе*л*епелъ, хорв. p*l*epelica), про*л*убь, изъ про*р*убь, собственныя имена И*л*инархъ, изъ И*р*—(Прологъ 1356 г. 78 об.), Мерку*л*ъ, изъ Мерку*р*ъ, Мерку*р*ій, Перфи*л*ій, изъ Перфи*р*ій, Порфи*р*ій, и т. п. Сверхъ того, современное названіе озера Се*л*егеръ образовалось изъ Се*р*егерь, какъ оно звучитъ еще въ Новгородской лѣтописи (121, 166), а старое названіе московскаго урочища Черто*л*ье—изъ Черто*р*ье

(срв. черт*ор*ой). Наконецъ, малорусскіе говоры рядомъ съ сріб*р*о= серебро имѣютъ также и сріб*л*о, рядомъ съ *р*ебро—*л*ебро, вмѣсто *р*ицарь, *р*ейстровый—*л*ицарь, *л*ейстровый; въ бѣлорусскомъ нарѣчіи слышится а*л*аръ=о*р*арь.

Если два мягкихъ *л* стоятъ рядомъ, то первый изъ нихъ иногда замѣняется јотомъ: великорусск. назо*й*ливъ, изъ назо*ль*ливъ (сравни назола), наха*й*ливъ, изъ наха*ль*ливъ. Сравни въ Ев. XII в. (Публ. Б. f. 10, л. 58) и въ другомъ Ев. XIV в. (Публ. Б. *f*. 17, л. 41 об.): бѣ*и*ство, т. е. бѣ*й*ство, изъ бѣ*жь*ство, бѣ*сь*ство; въ современномъ бѣлорусскомъ: мала*й*ца́, мала*й*цу́= молодца, молодцу, изъ моло*ць*ця, моло*ць*цю.

Мѣна *в* **и** *л*. Твердое *л*, находясь передъ согласными или въ концѣ словъ, въ разныхъ русскихъ говорахъ перешло въ *в* или въ не составляющее слога краткое *у*, такъ что старое во*л*къ стало звучать во*в*къ или воўкъ, старое да*л*ъ—да*в*ъ или даў. Переходъ *л* въ *в* имѣетъ самое обширное распространеніе въ современныхъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ и встрѣчается въ печатныхъ южно-русскихъ изданіяхъ XVI—XVII в. (особенно въ лексиконѣ Памвы Берынды 1627 г.); онъ имѣетъ мѣсто также въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (главнымъ образомъ въ Вологодской губ.). Старыя великорусскія формы прошедш. врем. въ родѣ да*в*ъ ѥсмь (грамота Олега рязанскаго п. 1356 г.: сгада*в*ъ ѥсмь) сюда не относятся; сравни современн. онъ пришедчи, онъ выспавшись.

Обратное явленіе, измѣненіе *в* въ твердое *л*, наблюдается только въ немногихъ отдѣльныхъ словахъ—въ с*л*обода съ производными, въ ко*л*ды, то*л*ды, завсе*л*ды, А*л*гинья = Евгенія, А*л*фимъ=Евфимій, А*л*патъ=Евпатій. Изъ нихъ первое, встрѣчающееся, между прочимъ, въ новгородской грамотѣ 1371 г. (при с*в*обода во всѣхъ другихъ новгородскихъ грамотахъ, въ духовныхъ московскихъ князей XIV в. и въ Лаврентьевскомъ сп.) и въ Лютеранскомъ Катихизисѣ 1562 г., употребляется теперь въ обоихъ своихъ значеніяхъ: воля и поселокъ, во всемъ великорусскомъ нарѣчіи, даже, во второмъ значеніи,—въ литературномъ языкѣ, и имѣетъ широкое распространеніе въ нарѣчіяхъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ. Нарѣчія ко*л*ды и др., изъ ко*в*ды, ко*г*ды, из-

вѣстны только великорусскимъ говорамъ, какъ окающимъ (костромскому), такъ и акающимъ. Собственныя имена въ родѣ А*л*гинья, сколько мы знаемъ, теперь употребляются исключительно въ акающихъ говорахъ.

Мѣна *ф* **и** *х*. Звукъ *ф*, перешедшій въ русскій языкъ изъ другихъ языковъ, скоро былъ усвоенъ народомъ, но не вездѣ. Галицко-волынскій говоръ обнаружилъ мало способности къ усвоенію *ф* и сталъ замѣнять его черезъ *х*. Вслѣдствіе этого въ галицко-волынскихъ памятникахъ въ словахъ, перешедшихъ изъ греческаго языка, мы иногда находимъ какъ бы отсутствіе различенія буквъ *ф* и *х*, употребленіе *х* вм. *ф* и на оборотъ—*ф* вм. *х*: Галицкое Ев. ок. 1266 г.: земля не*х*талимля, въ прѣдѣлѣхъ не*х*талимлихъ, Юри*ф*онъ, Амфило*ф*ья; Луцкое Ев. XIV в.: *Х*ролъ; галицкія грамоты XIV в.: *Х*ома, *Х*ролъ, *Х*отимья, *Х*одко, *Х*одоръ (сравни въ псковскомъ Параклитѣ 1386 г.: при попе Фодоре, зап.; въ Ипатскомъ сп. л.: у Фодорка 595); галицкая грамота 1409 г.: Мало*ф*ьи; (V кіевская грамота 1446 г.: Па*х*нотий). Современные малорусскіе говоры въ большинствѣ случаевъ замѣняютъ *ф* или черезъ *х*: *Х*ома, *Х*івря (=Февронія), или черезъ *хв*: *Хв*едоръ, *Хв*едько; только немногіе изъ нихъ имѣютъ *ф* и употребляютъ его, между прочимъ, вмѣсто *х* и *хв*: *ф*устка, *ф*орий, *ф*остъ («Руно орошенное», изд. 1-е: вол*ф*ъ).

Сѣверно-великорусскіе и нѣкоторые изъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, напротивъ того, не только усвоили *ф*, но и обнаружили къ этому звуку нѣкоторое пристрастіе, такъ что стали замѣнять имъ *х* и *хв* (особенно *хв*) и въ заимствованныхъ, и даже въ исконныхъ русскихъ словахъ. Мы читаемъ: въ Рязанской Кормчей 1284 года: Анфило*ф*ии 1 об.; Ев. 1358 г.: Анфило*ф*ья, *Ф*русанфа; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: Амфило*ф*ии; въ Ев. 1399 г.: ли*ф*ою 60; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: пророка Мала*ф*ия 168 об.; въ Новгородской лѣтописи XIV в.: Т*ф*ѣрь 247 (при Тъ*хв*ѣрь 160, 167, Тъ*хв*ѣрца 164, соврем. Ти*хв*инъ); въ Канонарѣ 1457 г. (Синод. Библ.): Стеѳане и Про*ф*оре 72; въ грамотѣ ок. 1428 г.: *Ф*ристофоръ (Мейчикъ, 99); въ Ипатскомъ сп. лѣт.: *ф*иниптомъ 395 (сравни *х*имипетъ въ припискѣ къ Мстиславову Ев. послѣ 1115 г., греч. χυμευτόν),

въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: *лиѳою* 88, *уѳалена* 244; въ зап.-русской Псалтыри XVI в. Рум. Муз.: *поѳатили*, *лиѳу*, *ѳоробы*; въ вкладной XVII в. при Лѣствицѣ Публ. Муз. № 493: *Ѳутынь* монастырь; въ Путешествіи попа Лукьянова 1701 г. (по изд. „Русск. Архива“): *Лиѳинъ*=Лихвинъ. Современные великорусскіе говоры имѣютъ *Фирсанъ* (=Хрисанѳъ), *Фіона*.(=Хіонія), *Малаѳей* (=Малахія), *ѳинифть*, *панаѳида*, *ѳатера* (изъ *кватера*, черезъ посредство *хвартера*), *ѳарталъ*, *ѳилинъ* (вѣроятно, изъ *квилинъ*, черезъ посредство *хвилинъ*; сравни др.-р. цвѣлити, Слово о п. иг., гал.-вол. лѣтопись; соврем. великор. квилить, малор. квиліти); сверхъ того, въ великорусскихъ говорахъ нерѣдко слышится *ѳостъ* вм. *хвостъ*, *ѳоростъ* вм. *хворостъ* и т. п., а сѣверно-великорусскій ситскій (по рѣкѣ Сити) говоръ постоянно имѣетъ *ѳ* даже въ формахъ род.-мѣстн. мн. въ родѣ *добрыѳъ*, *тѣѳъ*.

Впрочемъ, сѣверно-великорусскимъ говорамъ также не чужда и замѣна *ѳ* черезъ *х*, но она встрѣчается рѣдко: Прологъ 1262 г. 82 об. и Прологъ 1356 г. 90 об.: въ *Колохонѣ*; современныя *Ховронья* (=Февронія), *Перхуръ* (=Порфирій; въ Новгородской лѣт. XIV в.: Парфурии 145), *Вахромей* (=Варѳоломей), *Остахъ* (=Евстаѳій), *Дорохъ* (=Дороѳей). Древне-русское *проскура* или, какъ въ Кормчей ок. 1282 г., *просхура* 105=*просѳора*, *просѳура* (Житіе Нифонта 1219 г. 167)—обязано своимъ *к*, *х* вліянію глагола *проскумисати* προσχομίζειν и производныхъ и не находится ни въ какой связи съ случаями замѣны *ѳ* чрезъ *х*; Сравни въ старыхъ южно-славянскихъ памятникахъ *проскура*; современное сербск. *проскура*, ново-болгарск. *проскуръ*.

Образованіе *дж* изъ *ж*. Звукъ *ж*, происшедшій изъ *д*, замѣненъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ сочетаніемъ *дж*: *ходжу*, *виджу*, *суджу*. Эта замѣна, имѣющая мѣсто изъ малорусскихъ говоровъ—въ сѣверныхъ и западныхъ (въ угорскихъ она рѣдка), изъ бѣлорусскихъ—въ сѣверо-западныхъ и южныхъ, извѣстна по памятникамъ лишь съ XVII в. (лексиконъ Берынды). Впрочемъ (едва ли не напрасно) указываютъ на *Мечибожие* въ Ипатскомъ сп. лѣт. 243 и видятъ въ *ч* этого слова неудачную передачу *дж*. Сочетаніе *дж* замѣнило *ж* вслѣдствіе вліянія

на слова съ *ж* (хо*ж*у, ви*ж*у) родственныхъ словъ съ *д* (хо*д*ити, су*д*ити); такимъ образомъ *дж*—соединеніе вмѣстѣ двухъ согласныхъ одного и того же корня.

Употребленіе рядомъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ древняго *ж* и новаго *дж* повело къ тому, что *дж* появилось даже въ тѣхъ словахъ, которыя не имѣютъ при себѣ родственныхъ съ коренным *д*: ме*дж*у.

Великорусск. народныя оби*жд*ать, уро*жд*ай и т. п. имѣютъ *жд* едва ли не сходнаго происхожденія съ малорусскимъ и бѣлорусскимъ *дж*.

Мелкія явленія въ исторіи согласныхъ. 1. Памятники русскаго письма, начиная съ древнѣйшихъ, рядомъ съ *к*рьстъ, *к*рьстити и т. п., имѣютъ *х*рьстъ, *х*рьстити, или даже *хри*стъ, *хри*стити. Мы читаемъ, напримѣръ, въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: *х*ристивыися 28 об., *х*риштениѩ, *х*риштаахуся 46 об., *х*ристи 48 и т. п.; въ Уставѣ церковномъ XI—XII в. (Тип. Б. № 285): по *х*рьстѣхъ 11 об., *х*рьстинамъ 23 об. и т. п.; въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: *х*р'щяхуся, *х*р'щю, *х*р'щенье и т. п. Современные русскіе говоры, почти всѣ, имѣютъ *х*рестъ, *х*рестити и производныя. Это *х* вмѣсто *к* не слѣдуетъ ставить на ряду съ *х* въ *х*ламъ (при чешск. *k*lam, польск. *k*łam), *х*лобучить (при *к*лобукъ), *х*русталъ (Паремейникъ 1378 г. 80), *х*рустал̑ь, *х*рустальныи (Сказаніе о Бор. и Гл. по сп. XII в. 14; при *к*русталъ Паремейникъ 1271 г.; сравн. *х*рустѣть) и др. и считать происшедшимъ изъ *к*; оно перешло въ *к*рьстъ и др. изъ слова *Х*ристосъ. Смѣшеніе или, вѣрнѣе, отожествленіе этихъ словъ въ народномъ понятіи повели также къ тому, что вмѣсто *Х*ристосъ, *х*ристианьскъ и т. п., въ старыхъ памятникахъ мы иногда видимъ *К*ристосъ, *к*рьстианьскъ: Святославовъ Сборникъ 1073 года: на кристѣ *к*ристосовѣ, *к*рьстьяныи, *к*рьстианьскы и т. п.; современное великорусское *к*рестьянинъ.

2. Въ древне-русскихъ памятникахъ названія мѣсяцевъ нерѣдко писались: септя*м*брь, октя*м*брь, ноя*м*брь, декя*м*брь. Происхожденіе звука *м* въ этихъ словахъ неясно; вѣроятно, онъ явился у болгаръ, въ первое время существованія ихъ литературнаго языка, и употреблялся при ѧ для болѣе точной пере-

дачи греческаго сочетанія εμ. Наши памятники иногда имѣли *м* въ титлѣ, и, напримѣръ, въ церковномъ Уставѣ XI — XII в. (Тип. Б.) мы читаемъ: сеп҃тябрь. Вслѣдствіе неправильнаго чтенія такого сокращенія произошло неправильное написаніе (находящееся, между прочимъ, въ этомъ же Уставѣ) се*м*птябрь, откуда се*м*тябрь и наконецъ се*н*тябрь (Ипатскій сп. л.). Въ виду этого не слѣдуетъ думать, что *н* въ этомъ словѣ образовалось изъ *п*.

3. Въ великорусскомъ нарѣчіи мѣстоименія этотъ, эдакій часто звучатъ э*ф*тотъ, э*х*тотъ, э*н*тотъ, э*с*тотъ, э*в*дакій, э*г*дакій и т. д. Наблюденіе надъ народнымъ употребленіемъ этихъ мѣстоименій показываетъ, что звуки *в* и *ф*, *х* и *г*, *н*, *с* являются въ нихъ всего чаще только въ извѣстныхъ случаяхъ. Именно, *в* и *ф* являются только тогда, когда впереди мѣстоименія находится предлогъ *въ*: *въ* э*ф*томъ мѣстѣ, *въ* э*в*дакомъ дѣлѣ; *н* является послѣ предлога *на*: *на* э*н*томъ мѣстѣ; *с* слышится послѣ предлоговъ *съ*, *изъ*: *съ* э*с*тимъ, *изъ* э*з*дакой дали; *х*, *г*—послѣ предлога *къ*: *къ* э*к*тому, *къ* э*г*дакому скоту. Если мы обратимся къ старымъ памятникамъ, то найдемъ, что указательная частица *э* прежде употреблялась отдѣльно отъ мѣстоименій, такъ же, какъ частица *ни* въ современныхъ *ни* въ чемъ, *ни* къ кому и т. п.: Путешествіе попа Лукьянова 1701 г. (по изд. «Русскаго Архива»): *е* къ темъ къ цвѣтамъ 41. Въ старомъ бѣлорусскомъ нарѣчіи въ мѣстоименіи *ни*что, при отдѣленіи частицы *ни* отъ мѣстоименія *что* предлогомъ, иногда встрѣчается повтореніе этого предлога: Лютер. Катихизисъ 1562 г.: *в* ни *во* што 163; Литовскій Статутъ 1588 г.: *в* ни *во* што 72. Въ польскомъ языкѣ нѣчто подобное изрѣдка встрѣчается и теперь: *w* ni *w* czym, *z* ni *s* czym, *w* ni *we* cz (ни во что). То же было и въ великорусскомъ нарѣчіи, и мѣстоименныя формы *въ* э*ф*томъ, *съ* э*с*тимъ и т. п. образовались изъ *въ* э *въ* томъ, *съ* э *съ* тѣмъ, т. е. черезъ постановку предлога и передъ *э*, и послѣ *э*.

4. Жители небольшой полосы Бѣльскаго и Брестскаго уѣздовъ Гродненской губ., малоруссы, въ настоящее время совсѣмъ утратили шипящіе звуки и, подобно сосѣдямъ съ запада—полякамъ-мазурамъ, постоянно употребляютъ вмѣсто нихъ свистящіе, иначе говоря — мазуракаютъ: в*з*е = вже, уже, ле*з*ала = лежала,

дру*з*ина, *ц*орный, по *ц*омъ, пус*ц*у=пущу, с*ц*е=ще, еще и т. п. Эта особенность произношенія встрѣчается въ языкѣ старыхъ актовыхъ книгъ города Дорогичина, гдѣ мы находимъ: въ актѣ 1530 г.: слу*з*бу, тамо*с*нимъ; въ актѣ 1531 г.: *ц*ерезъ («Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ... въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ». Вильна, 1884). Подобнаго рода замѣна шипящихъ свистящими не имѣетъ связи съ особенностями древняго псковскаго говора; здѣсь, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ сосѣднихъ мазуракающихъ говоровъ польскаго языка, гдѣ шипящіе почти совсѣмъ не употребляются, замѣняясь свистящими.

Съ замѣною шипящихъ свистящими и свистящихъ шипящими не имѣетъ связи *ч* въ древне-русск. и современномъ русскомъ *ч*епь (=цѣпь) и родственныхъ — при*ч*епиться, *ч*епецъ, о*ч*епокъ (малор. о*ч*іпокъ), *ч*епуха; оно не ведетъ своего начала отъ *ц* въ *ц*ѣпь и производныхъ; по всей вѣроятности, слова *ч*епь и *ц*ѣпь, не смотря на тожество значенія, даже не родственны между собою. Литературное *ц*апля (при народномъ южно-великор. *ч*апля и фамиліи *Ч*аплинъ), вѣроятно, заимствовано литературнымъ языкомъ изъ говоровъ мѣняющихъ *ч* и *ц*. Звукъ *з* въ старыхъ фря*з*инъ, печенѣ*з*инъ (Лаврент. сп. лѣт.) и въ современн. кня*з*ья, дру*з*ья замѣнилъ собою *ж* (древній видъ: фря*ж*инъ, кня*ж*ья) подъ вліяніемъ формъ им. мн. и друг.: фря*з*и, кня*з*и, дру*з*и.

Происхожденіе *з* въ *з*елѣзо, *з*емчугъ (въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ), рядомъ съ *ж* въ *ж*елѣзо, *ж*емчугъ, не ясно, равно какъ и *з* въ малорусскомъ *з*олізо, *з*алізо. Это *з* слышится также въ польскихъ (не мазуракающихъ) говорахъ: *z*ielazo, и въ моравскомъ нарѣчіи: *z*elezo, такъ что *з* въ *з*елѣзо надо считать звукомъ очень древнимъ, не менѣе древнимъ, чѣмъ *ж* въ *ж*елѣзо.

Что до словъ церк.-слав. и древне-русск. о*ц*ѣстити и о*ч*истити, современнаго о*ч*истить и т. п., то здѣсь мѣна *ц* и *ч* вполнѣ правильна: *ц* явилось изъ *к* подъ вліяніемъ *ѣ*, а *ч* — подъ вліяніемъ *и*. Др.-русск. богороди*ч*инъ, цари*ч*инъ — архаизмы въ сравненіи съ современными богороди*ц*ынъ, цари*ц*ынъ.

Возстановленіе согласныхъ въ предлогахъ-префиксахъ Предлоги-префиксы *без, въз, из, раз — роз, об,* въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ еще въ обще-славянскомъ языкѣ оканчивавшіеся на согласный, — въ древнѣйшій періодъ исторіи русскаго языка иногда были столь тѣсно слиты съ слѣдовавшими за ними именами и глаголами, что вслѣдствіе дѣйствія ассимиляціи и диссимиляціи, потеряли свои конечные согласные или лишили имена и глаголы ихъ начальныхъ согласныхъ. Такимъ образомъ слышалось: безакониѥ (=бе*з*-закониѥ), бе-зълобы (=бе*з* зълобы), въсылати (=въ*з*-сылати), исыпати (=и*з*-сыпати), и-Смольньска (=и*з* Смольньска), ижити (=и*з*-жити), ишьлъ (=и*з*-шьлъ), обьртѣти (=об-*в*ьртѣти), оболоко (=об-*в*олоко) и т. п.: духовная новгородца Климента XIII в.: и-свинеи; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: росѣчена, разнаменаѥть; галицкая грамота 1393 г.: и стада; Новгородская лѣтопись XIV в.: и-Суждаля, и-своею руку, бе-своея братья, и-заморья, исѣкоша, ижгоша, ишли, обечерившися; Житіе Θеодосія Печерскаго по сп. XII в.: ишьдъ и т. п. (постоянно); смоленскій договоръ 1229 г.: ишлъ= ишло; грамота рижанъ ок. 1300 г.: обестился = обвѣстился. Съ теченіемъ времени въ русскомъ языкѣ явилось стремленіе къ возстановленію предлоговъ-префиксовъ въ ихъ звуковой полнотѣ и къ отдѣленію ихъ отъ именъ и глаголовъ, и мы начинаемъ встрѣчать въ памятникахъ новыя звуковыя сочетанія: Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII вѣка: ра*сс*удити 14; Евангеліе 1270 г.: и*жьж*енуть 24; Кормчая ок. 1282 г.: бе*зз*лобьѥ 458; Рязанская Кормчая 1284 г.: ра*сс*ужаѥть 69 об., ра*със*ужения 310 об., и*жьж*енеться 328 об.; Пандекты 1296 г.: бе*з*ъ закона 36 об., бе*з*ъ *с*его 49, бе*з*ъ *с*вѣта 57 об., бе*з*ъ *с*уда 166 об.; Толстовскій Сборникъ XIII в.: о*бъв*довѣша 111; грамота рижанъ ок. 1300 г.: и*з*ъ *С*моленьска, и*з*ъ *с*вѣта; Ев. 1323 г.: и*жьж*енеться 164; Ев. 1339 г.: бе*с*ъ *с*апогъ 167 об.; Евангеліе 1354 г.: и*сс*ыпати 32, и*сс*ыплють 107 об., ра*сс*ядуться 36, ра*сс*ыпаѥть 43 об., 55, 99, ра*сс*ужати 51 об.; Ев. 1355 г.: и*съ*-*с*ѣченъ 8 об., и*сс*ѣцѣте 82 об., ра*сс*ядутся 30 об., и*жж*енуть 73 об., 77, 148, и*жж*ившю 100; Ефремъ Сиринъ 1377 г.: ра*жьж*егъся 64 об.; Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г.:

ра*сс*ужденье 17 об., ра*сс*удно 45, ра*зъс*ѣкающе 66 об., о*бв*арено 15, 19, бе*з ж*енъ 38 и т. п.; Ев. 1393 г.: бе*съ с*кровища и бе*съ с*апогъ 157, бе*зъ с*апогъ 160 об., ра*зс*ужаті 48 об., і*жж*енеть 19, —нуть 30, —нутся 40 и т. п.; Мстижское Ев. XIV в.: ра*със*ядутся 32 об., ро*със*адить 59, и*със*яче 65 об., 90 об., и*със*ѣците 98 об., ра*шь-ш*иряють 64 об. и т. п.; Новгородская лѣтопись XIV в.: і*зъ с*воего двора 301, и*зъ с*воеі земли 304; Палея 1406 г. Въ то же время стали исчезать формы въ родѣ изѣдати, отимати, отяти и т. п., и получили преобладаніе формы съ *j* послѣ префикса: изъѣдати, отъяти и т. п.: Пандекты 1296 г.: изъяснити 96 об., изъѣде 70; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: изъимали; Ев. 1317 г.: изъѣдають 95; Ев. 1357 г.: изъѣсть, изъѣдають, отъиде; Новгородская лѣтопись: розъѣхашася 308, изъимаша 254, 257, изъима 257, 318,—ли 280 (рядомъ иседаемы 222, 227); Палея 1406 г. Въ современномъ языкѣ древнія сочетанія въ родѣ разинуть, разиня, разѣвать, Исады (пристань на Волгѣ), росолъ, бестыжій, ишолъ (съ значеніемъ: шолъ; то же въ сербскихъ и польскихъ говорахъ), обозъ, обернуть, обязать, отворить, обѣдъ встрѣчаются сравнительно рѣдко, и обыкновенно у насъ слышится бе*з з*аботы, бе*зз*аботность, и*с с*ебя, ра*сс*удокъ, о*бв*ить, о*бв*ѣсить, объѣдаться, отъявленный и т. п., съ возстановленнымъ согласнымъ въ предлогѣ-префиксѣ или въ началѣ слѣдующаго слова.

Великорусское нарѣчіе знаетъ одинъ случай, гдѣ возстановленіе префикса сдѣлано неудачно. Это глаголъ ра*зз*орить и производныя. Корень его—*ор-*, тотъ же, что въ церковно-славянскомъ и современн. сербскомъ об-*ор*-ити, и нѣкогда онъ звучалъ разорити, съ однимъ *з*. Нашъ народъ, не имѣя другихъ словъ съ тѣмъ же корнемъ, отожествилъ послѣдній съ корнемъ *зор-* въ *зоря*, *зоркій*, *озорной* и т. п. и такимъ образомъ, при возстановленіи согласнаго въ *раз-*, удвоилъ *з*. Двойное *з* въ ра*зз*орити повело къ образованію глагола *зорить* съ значеніемъ раззорять, существующаго во многихъ великорусскихъ говорахъ и проникшаго даже въ литературный языкъ; „чиновники вездѣ часовни и скиты *зорили*“ (Печерскій, Въ Лѣсахъ, III, 228). Сравни образованіе существительныхъ ст.-русск. *н*ятство (плѣнъ), *н*утро, *н*ѣдра (*н* принадлежитъ префиксу въ*н*- или съ*н*-, сравн. др.-р. съ*н*-яти, въ*н*-утри, въ*н*-ѣдрити).

Предлоги—префиксы съ конечнымъ *з*, находясь передъ словами съ начальнымъ *р*, въ древности имѣли послѣ *з* вставочное *д*: Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: из-*д*-Ростова 1 об., вьз*д*раста 2, раз*д*рушить 6, из*д*рещи 9 (постоянно съ *д*); смоленскій договоръ 1229 г.: ръз*д*рушенъ, и т. п. Это *д*, изрѣдка, въ отдѣльныхъ случаяхъ отсутствующее въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ (напримѣръ, въ Словахъ Григорія Богослова XI в.; въ Русской Правдѣ по сп. XIII в. рядомъ: без ряду и без-*д*-ряду 14, 24), уже рѣдко въ памятникахъ конца XIII и XIV в. Прологъ 1262 г.: изрѣзаша, възревнова, изринути и т. п. (часто); Ев. 1323 г.: възрадоватися, възрыдати и т. п. (очень часто); Пандекты 1296 г. (часто); Ев. 1339 г. (во второмъ почеркѣ постоянно; первый почеркъ имѣетъ, также постоянно, -з*д*р-); Паремейникъ 1378 г. (очень часто); Ев. 1393 г. (очень часто) и др.

VIII. Главныя формальныя особенности русскаго языка.

Русскій языкъ въ древнѣйшую эпоху своего историческаго существованія владѣлъ большею частью тѣхъ формъ склоненія и спряженія, которыя существовали въ церковно-славянскомъ языкѣ. Конечно, эти общія русскому языку съ церковно-славянскимъ формы имѣли русскую звуковую окраску, такъ что, напримѣръ, форма 3-го лица мн. ч. сигматическаго аориста въ русскомъ языкѣ звучала съ *а*, а не съ ѧ на концѣ: падош*я* или падош*а*, а не падошѧ, а форма того же лица и числа имперфекта оканчивалась на *у*, а не на ѫ: padax*у*, а не падахѫ. Но нѣкоторыя формы, извѣстныя въ церковно-славянскомъ языкѣ, отсутствовали въ русскомъ. Таковы, между прочимъ, формы сильнаго аориста типа *несъ* и формы сигматическаго аориста типа *нѣсъ*. Въ свою очередь русскій языкъ имѣлъ нѣкоторое количество формъ, не существовавшихъ въ церк.-слав. языкѣ. Они слѣдующія:

Формы род. п. ед., им. и вин. п. мн. на *ѣ*. Имена женскаго рода съ основою на *а* такъ называемаго мягкаго склоненія (въ родѣ *земля*), имена прилагательныя членныя женскаго рода и мѣстоименія также женскаго рода въ русскомъ языкѣ имѣли формы род. п. ед. ч. съ окончаніемъ *ѣ*: земл*ѣ*, доброѣ, моѥ*ѣ* (=ц.-слав. землѧ, добрыѧ, моѥѧ). Эти формы находятся въ старшихъ памятникахъ русскаго письма. Мы читаемъ въ Остромировомъ Ев.: в҃ недѣл*ѣ* 12=второй недѣли, г҃ недѣл*ѣ* 19, 21= третьей недѣли, великыя недѣл*ѣ* 152, 153; въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года: отъ троиц*ѣ* 8 об., отъ не*ѣ* 155 об., нозѣ ѥѣ 169; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: великыя недѣл*ѣ* 86 об., 88 об., святыя Еуфими*ѣ* 130, Анны пророчиц*ѣ* 157,

жьдуще Захари*ѣ* 167, свято*ѣ* мучениц*ѣ* 169, пророка Или*ѣ* 169 об.; въ Реймскомъ Ев. XI в.: святыя недѣл*ѣ* 2, и др.

Тѣ же имена и мѣстоименія въ русскомъ языкѣ имѣли формы именительнаго и винительнаго пад. мн. ч. на *ѣ*: Остромирово Ев.: бысть потъ ѥго яко капл*ѣ* кръви каплѭщѧѧ на землю 160; Святославовъ Сб. 1073 г.: пътиц*ѣ* лѣтаѭть 129 об., приѥмля душ*ѣ* человѣчьскы 156; Реймское Ев.: правы творите стьз*ѣ* его 18. Соотвѣтствующія церк.-слав. формы оканчиваются на ѧ: каплѧ, пътицѧ, стьзѧ.

Имена мужескаго рода съ основою на *о* такъ называемаго мягкаго склоненія (*конь*), имена прилагательныя членныя муж. р. и мѣстоименія также муж. р. въ русскомъ языкѣ образовывали вин. пад. мн. ч. съ окончаніемъ *ѣ*. Формы на *ѣ* встрѣчаются въ старшихъ русскихъ памятникахъ: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: вьс*ѣ* помыслы 17 об., сиц*ѣ* даѥмъ дары 49; Архангельское Ев.: дамь тобѣ ключ*ѣ* 168 об.; Реймское Ев.: видѣ ины стоящ*ѣ* 32, исцѣляше вьс*ѣ* 4. Тѣ же формы въ церк.-слав. языкѣ имѣютъ окончаніе ѧ: ключѧ, вьсѧ.

Въ болѣе позднихъ памятникахъ русскаго письма, XII, XIII и XIV вв., формы на *ѣ* встрѣчаются въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ памятникахъ XI в.; при этомъ въ книгахъ, содержащихъ въ себѣ русскіе списки съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, они находятся рядомъ съ формами на *я*, *а*=ц.-слав. ѧ, въ родѣ земл*я*, душ*а*=ц.—слав. землѧ, душѧ, а въ грамотахъ, писанныхъ на болѣе или менѣе чистомъ русскомъ языкѣ, безъ примѣси или съ незначительною примѣсью церковно-славянскаго элемента, они господствуютъ, и при нихъ совсѣмъ не замѣчается формъ на *я*, *а*. Это показываетъ, что формы на *я*, *а*, = церк.-слав. ѧ, въ народномъ русскомъ языкѣ древняго періода не существовали и что присутствіе ихъ въ книгахъ всякаго рода, въ лѣтописяхъ и т. п. должно объяснять вліяніемъ церковно-славянскаго языка.

Если мы обратимся къ другимъ славянскимъ языкамъ, то увидимъ, что изъ нихъ въ сербскомъ и словинскомъ не было и нѣтъ формъ, соотвѣтствующихъ русскимъ формамъ на *ѣ*, и что формы род. ед. женск. р., имен. и винит. множ. женск. р.,

вин. мн. муж. р. въ этихъ языкахъ восходятъ къ болѣе древнимъ формамъ на *ѧ*. Напротивъ того, въ языкахъ чешскомъ, старомъ и новомъ, и словацкомъ названныя формы оканчивались и иногда оканчиваются на *е*, соотвѣтствующее русскому *ѣ*: др.-чешск. ze svéj zem*ě*, téj-to chvil*ę*, ve vše kraj*e*, nade vš*e* král*e*, mnohé zem*ě* и т. п.; въ нихъ, какъ въ русскомъ языкѣ, мы не находимъ формъ, которыя можно было бы съ достаточнымъ основаніемъ возвести къ болѣе древнимъ формамъ на *ѧ*. То же можно сказать и о польскомъ языкѣ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ его и отчасти въ современныхъ польскихъ говорахъ формы род. ед. женск. р., им. и вин. мн. женск. р., вин. мн. муж. р. оканчиваются на *е*: Молитвы 1375 г.: tworzyciel nieba i ziemi*e*, z dziewic*e* Marij*e*, otpuści nasz*e* winy, и такимъ образомъ соотвѣтствуютъ русскимъ формамъ на *ѣ*; формы на *ę*=ц.-слав. *ѧ*, если не принимать въ разсчетъ нѣсколькихъ (очень немногихъ) ошибокъ и описокъ, не встрѣчаются въ памятникахъ, какъ не встрѣчаются и въ тѣхъ современныхъ польскихъ говорахъ, которые сохраняютъ въ концѣ словъ носовые гласные.

Происхожденіе *ѣ* въ разсматриваемыхъ теперь русскихъ формахъ не вполнѣ ясно. Мы не имѣемъ никакого основанія думать, что это *ѣ* произошло изъ *ѧ*; но возможно предположить, что это *ѣ* образовалось изъ того же сочетанія звуковъ, изъ котораго развилось церк.-слав. окончаніе данныхъ формъ —*ѧ*.

Чередованіе *ѧ* и *ѣ* въ однихъ и тѣхъ же словахъ, восходящее къ праславянскому періоду, хотя и не часто, но встрѣчается въ славянскихъ языкахъ: церк.-славянск. др*ѧ*зга, русск. др*я*зга (*я* изъ *ѧ*)—сербск. др*ије*зга (*ије* изъ *ѣ*), польск. drz*a*zga (*a* изъ *ѣ*); русск. пр*я*мъ, словацк. pr*ia*m, сербское пр*е*ма (*я* и *е* изъ *ѧ*)—церк.-слав. пр*ѣ*мъ; русск. рум*я*нъ, сербское рум*е*н (изъ рум*ѧ*нъ)—церк.-слав. рум*ѣ*нъ, польск. rum*ia*ny, rum*ie*niec, и т. п. Взаимное отношеніе *ѧ* и *ѣ* въ формахъ род. ед. и другихъ можетъ быть тожественно съ взаимнымъ отношеніемъ *ѫ* и *ы* въ церк.-слав. пр*ѫ*жати и пр*ы*гати, и русскія формы земл*ѣ*, муж*ѣ* могутъ быть одинаковы по образованію съ формами жен*ы*, раб*ы*.

Формы косвенныхъ падежей членныхъ именъ прилагательныхъ. Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ

славянскихъ языкахъ имѣетъ два вида формъ: къ первому относятся тѣ, которыя образованы черезъ присоединеніе падежной формы члена (=мѣстоименія *и*) къ соотвѣтствующей формѣ имени; ко второму относятся тѣ, которыя произошли путемъ присоединенія падежной формы члена къ формѣ имени въ именит. ед. муж. род. Такимъ образомъ въ древнихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ два ряда формъ, изъ которыхъ для насъ имѣютъ значеніе формы род., дат. и мѣстн. пад. ед. ч. муж.-ср. и женск. род. и родительн.-мѣстн. пад. дв. ч.

Церковно-славянскій языкъ для родит. пад. муж. и ср. р. членныхъ прилагательныхъ имѣлъ окончаніе *ааго*, *яаго*, *аго*, *яго*. Въ русскомъ языкѣ вмѣсто этого окончанія мы видимъ окончанія *ого* для прилагательныхъ съ твердою основою и *его* для прилагательныхъ съ мягкою основою. Эти формы по своему образованію относятся ко второму виду. Въ памятникахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, формы родит. пад. на *ого* и *его* рѣдки; за то они постоянно встрѣчаются въ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ — въ грамотахъ, въ которыхъ формы на *ааго*, *аго* совершенно отсутствуютъ. Такъ, мы читаемъ въ записи Житія Нифонта 1219 г.: грѣшн*ого*; въ смоленской грамотѣ 1229 г.: смольнеск*ого*, латинеск*ого*, дѣтск*ого*, гочк*ого*, лучьш*его*, и не находимъ ни одной формы на *аго*. Въ виду этого можно думать, что формы на *аго* въ живомъ древне-русскомъ языкѣ въ историческое время или существовали въ незначительномъ числѣ, или—что болѣе вѣроятно—совсѣмъ не существовали. Если одни изъ современныхъ славянскихъ языковъ имѣютъ формы родит. ед. на *ого* (*ога*): сербскій, отчасти словинскій и верхне-лужицкій,—другіе имѣютъ формы на *его* (польск. *ego*, чешск. *ého*); ни тѣ, ни другіе не знали и не знаютъ формъ на *аго* или ихъ рефлексовъ.

Церковно-славянскій языкъ для род. пад. ед. женск. р. имѣлъ окончаніе *ыѧ*, *иѧ*. Въ старыхъ русскихъ памятникахъ этому окончанію соотвѣтствуетъ окончаніе *ыѣ*, *иѣ*, которое нѣкогда существовало въ живомъ русскомъ языкѣ. Послѣднее видно какъ изъ того, что оно и теперь встрѣчается (почти исключительно въ пѣсняхъ) въ нарѣчіяхъ великорусскомъ, бѣлорусскомъ и (очень

рѣдко) малорусскомъ, такъ особенно изъ того, что въ старыхъ грамотахъ и актахъ, до XVII вѣка включительно, мы находимъ его сравнительно часто, напр.: король... полск*ыи* землѣ, куявск*ыи* землѣ, добрянск*ыи* землѣ, поморск*ыи* землѣ (грамота польск. короля Казимира 1361 г.), у переяславск*іе* соли (московская грам. 1432 г.), отъ Архангельск*іе* деревни (устюжская грам. 1555 г.). Рядомъ съ формами род. пад. женск. рода на *ыѣ*, *иѣ*, но чаще, чѣмъ эти послѣднія, мы встрѣчаемъ въ старыхъ памятникахъ формы на *оѣ* и *еѣ*. Они извѣстны съ давняго времени: Архангельское Ев. 1092 г.: свят*оѣ* мученицѣ 169, Минея 1097 г.: коньць утрьн*еѣ* 481, Успенскій Сборникъ XII в.: съмрѣти тоѣ пагубьн*оѣ*, на мѣстѣ ветъх*оѣ* деревян*оѣ* (церкви). Ихъ рефлексы (великор. ф. на *ой*, *ей*) въ современныхъ русскихъ говорахъ господствуютъ. Современныя сербскія и словинскія формы род. ед. женск. р. на *е*, вѣроятно, восходятъ къ древнимъ формамъ на *оѧ*; современныя западно-славянскія формы того же падежа оканчиваются на рефлексы окончанія *еѣ*: *éj*, *ej*, *é*, *eje*; ни сербскій и словинскій, ни зап.-славянскіе языки, повидимому, не знали и не знаютъ формъ род. ед. женск. на *ыѧ* или *ыѣ*.

Формы дательн. пад. ч. ед. муж. и ср. въ церковно-славянскомъ языкѣ оканчивались на *ууму, уму*, *юуму*; *юму*. Въ русскомъ языкѣ этимъ окончаніямъ соотвѣтствуютъ окончанія *ому* и *ему*, встрѣчающіяся въ Сборникѣ Святослава 1073 г.: благовѣрьн*ому* 90 об., ближьн*ему* 92 об., въземлюшт*ему* 93 об., прѣступаѭшт*ему* 139 об., врачьбн*ому* 140 об.; въ Сборникѣ Святослава 1076 г.: небесн*ому* 5, вышьн*ему* 6, създан*ому* 9, пьрв*ому* 54, ништ*ему* 81; въ Минеѣ 1096 г.: болѣзньн*ому* 94, бѣсовьск*ому* 153, дрѣвьн*ему* 207; въ Минеѣ 1097 г.: безаконьн*ому*, тих*ому* 315, възлюблен*ому* 330, сътворш*ему* 441, и др. Въ русскихъ грамотахъ мы видимъ исключительно эти послѣднія окончанія. Изъ памятниковъ, списанныхъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ, формы на *ууму, уму* болѣе или менѣе часто попадаются только въ древнѣйшихъ, XI и XII вв.; памятники послѣдующаго времени имѣютъ ихъ рѣже и въ XIV в. они встрѣчаются въ самомъ незначительномъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ памятниковъ церковно-славянскаго происхожденія мы нахо-

димъ, вмѣсто формъ на *ому*, *ему*, формы дательн. пад. ед. ч. съ двумя *о* или съ *ое*, которыя, конечно, не что иное, какъ подражанія формамъ церковно-славянскимъ съ двумя *у*; они особенно часто встрѣчаются въ русскихъ нотныхъ стихираряхъ, тріодяхъ и т. п. богослужебныхъ книгахъ XII—XIV в. (напримѣръ, въ новгородскомъ Стихирарѣ XII в. Синод. Б. № 279: непрѣкосновеньн*оо*му 50 об.), но находятся и въ такихъ памятникахъ, какъ Сборникъ Святослава 1073 г.: прѣчист*оо*му 22 об., Архангельское Ев. 1092 г.: просящ*ео*му 24 об. Все это показываетъ, что окончанія *уумy*, *уму* въ живомъ русскомъ языкѣ въ историческое время не существовали. Въ сербскомъ языкѣ (а отчасти также въ словинскомъ и верхне-лужицкомъ) для дательнаго падежа употребляются тѣ же окончанія *ому* и *ему*, что и въ русскомъ; въ западно-славянскихъ языкахъ мы обыкновенно находимъ окончанія *éти*, *ети*; ни въ тѣхъ, ни въ другихъ не было и нѣтъ окончаній *уумy*, *уму* или ихъ рефлексовъ.

Формы дат.-мѣстн. пад. ед. ч. женск. род. въ церк.-славянскомъ языкѣ оканчивались на *ѣи* и *ии*. Въ древне-русскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ и формы подобныя церковно-славянскимъ формамъ — формы на *ѣи*, но главнымъ образомъ въ тѣхъ изъ нихъ, которые списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ; въ грамотахъ онѣ не встрѣчаются; нѣкоторыя данныя лѣтописей (особенно Новгородской XIV в.: на Рогат*еи* улици 90, на Лубян*ѣи* улици 112, на Кулачьск*ѣи* 170; Русск. Пр. по сп. ок. 1282 г.: о задници боярьст*ѣи*) говорятъ въ пользу того, что они нѣкогда, въ маломъ числѣ, могли существовать въ живомъ древне-русскомъ языкѣ. Рядомъ съ ними въ памятникахъ находятся формы на *ои*, *еи*. Онѣ постоянно употребляются въ грамотахъ и нерѣдки въ спискахъ тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ неособенно силенъ церковно-славянскій элементъ. Такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: по ногатѣ смольнеск*ои*, у руск*ои* земли и т. п. Членныя формы на *ои*, *еи*, кромѣ русскаго, извѣстны также сербскому и отчасти словинскому и верхне-лужицкому языкамъ. Зап.-славянскіе языки теперь имѣютъ обыкновенно формы на *éj*, *ej*, *é*, но въ древне-чешскомъ были и формы на *ѣи*.

Формы мѣстн. пад. ед. ч. муж.-ср. род. въ церк.-славянск. языкѣ оканчивались на *ѣмъ* и *имъ*. Въ русскомъ языкѣ, повидимому, существовали и эти окончанія (на это указываютъ данныя Русской Правды по сп. ок. 1282 г.: въ тиунѣ... ратаин*ѣмъ* 4, о мѣсяцьн*ѣмъ* рѣзѣ 11, въ свободн*емъ* 19, и Новгородской лѣтописи XIV в.: въ Неревьск*емъ* коньци 75, 145, на Ламьск*емъ* Волоце 82, на Нов*емъ* Търгу 82, 87); но рядомъ съ ними, и гораздо чаще, издревле употреблялись окончанія *омъ* и *емъ*. Они съ XII в. являются въ книгахъ часто, а въ грамотахъ постоянно. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то сербскій языкъ, повидимому, зналъ обѣ эти формы. Въ польскомъ и чешскомъ языкахъ мы находимъ теперь только окончаніе *ém*, *em*, но прежде эти языки—по крайней мѣрѣ чешскій—имѣли также и формы на *ѣмъ*.

Формы родит.-мѣстн. п. дв. ч. въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣли окончанія *ую* и *юю*. Въ древне-русскомъ книжномъ языкѣ эти формы, теперь уже не существующія, оканчивались не только на *ую*, *юю*, но и на *ою*, *ею*: Архангельское Ев. 1092 г.: о бѣсьн*ою* 31 об., дьнь свят*ою* мученику 133 об., свят*ою* безмьздьнику 137, 163, свят*ою* правьднику 139 об., свят*ою* отьцю, свят*ою* цьсарю 163; Минея 1096 г.: из мрачьн*ою* адовьн*ою* боку 139, мудр*ою* мученику 175, 179; Минея 1097 г.: чьстьн*ою* страдальцю 296, из дѣвичьск*ою* и муженеискусьн*ою* боку 351. Существовали ли въ живомъ русскомъ языкѣ формы на *ую*, по неимѣнію данныхъ, нельзя рѣшить. Въ другихъ славянскихъ языкахъ мы теперь не находимъ формъ, соотвѣтствующихъ русскимъ формамъ родит.-мѣстн. пад. дв. ч. на *ою*, кромѣ лужицкихъ, гдѣ еще существуютъ формы этихъ падежей на *oju* и *eju*, и старосербскаго: свет*ою* праведнику Волканово Ев. к. XII в. 180 об. Формы на *ую*, *юю* ни въ одномъ славянскомъ языкѣ, кромѣ церк.-славянскаго, не были извѣстны.

Формы дат. и мѣстн. пад. *тобѣ*, *собѣ*, *тебе*, *себе*. Въ церк.-славянскомъ языкѣ формы дат. и мѣстн. пад. ед. ч. мѣстоимений 2-го лица и возвратнаго звучали т*е*бѣ, с*е*бѣ. Обѣ эти формы существовали и существуютъ и въ русскомъ языкѣ, но рядомъ съ ними встрѣчаются довольно часто и формы т*о*бѣ, с*о*бѣ. Ихъ

мы находимъ въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: с*о*бѣ 162 об., 211, 233 об. и т. н., въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: о с*о*бѣ 3 об., въ с*о*бѣ 49, къ с*о*бѣ 14 об., по т*о*бѣ 29 об., отпущаються т*о*бѣ грѣси 79, т*о*бѣ глаголю 79 об., къ т*о*бѣ 81 об. и др.; въ Минеѣ 1095 г.: о т*о*бѣ 178; въ Минеѣ 1097 г.: о с*о*бѣ 490. Въ современномъ сербскомъ языкѣ существуютъ формы только съ *е*: т*е*би, с*е*би, а въ современныхъ польскомъ и чешскомъ только съ *о*: t*o*bie, s*o*bie, t*o*bě, s*o*bě.

Тѣ же формы тѣхъ же мѣстоименій въ церк.-славянскомъ языкѣ имѣли въ концѣ всегда *ѣ*. Въ древне-русскомъ языкѣ, на ряду съ формами на *ѣ*, мы находимъ еще формы съ окончаніемъ *е*, т. е. теб*е*, себ*е*, тожественныя съ формами родит. пад. ед. ч. Вѣроятно, эти формы первоначально имѣли значеніе только мѣстнаго пад. (сравни мѣстн. ед. небес*е*), но очень рано получили значеніе также и дательн. пад. Съ этимъ значеніемъ мы находимъ ихъ уже въ Сборникѣ Святослава 1073 г.: въ себ*е* 18 об., 63, къ теб*е* 31 об., 64, 65, 80, теб*е* пытажшту 16, вънемли себ*е* 37 об., вънимаи себ*е* 39, не обавися теб*е* 43 об., будеть теб*е* 101 об. и др., а также въ Архангельскомъ Ев. и въ Минеяхъ 1095—1097 гг. Они встрѣчаются такъ часто, что ихъ конечное *е* нельзя объяснять смѣшеніемъ звуковъ *ѣ* и *е*. Въ современныхъ славянскихъ языкахъ (въ томъ числѣ и русскомъ) они неизвѣстны, кромѣ, можетъ быть, сербскаго, гдѣ форма дат. обыкновенно звучитъ теб*е* (Караджичъ, Словарь, v. *тебе*).

Формы 2-го лица ед. ч. на *шь*. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ для 2-го лица ед. ч. наст. врем. два окончанія *си* и *ши*. Въ русскомъ языкѣ окончаніе *си* существовало и существуетъ до настоящаго времени, а окончаніе *ши* является только въ тѣхъ старыхъ памятникахъ, которые списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ или имѣютъ въ своемъ языкѣ церк.-слав. элементъ. Въ грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера, на мѣстѣ церковно-славянскаго окончанія *ши*, мы находимъ окончаніе *шь*; такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: посули*шь*; въ рижской грамотѣ около 1300 г.: вѣдае*шь*, слышы*шь*, дѣе*шь*, купи*шь*, емле*шь* и др. Изрѣдка *шь* встрѣчается и въ памятникахъ, списанныхъ съ церк.-славянск. оригиналовъ, и въ рус-

скихъ сочиненіяхъ съ церк.-славянск. элементомъ въ языкѣ; такъ, въ Евангеліи XII в. (кіевск. Церк.-Археологич. Муз.) мы находимъ: тружаѥ*шь* 33 об.; въ Ев. XII—XIII в. (Рум. М. № 104): прѣтъкне*шь* 63; въ Прологѣ 1262 г.: прѣмени*шь* 104; въ Кормчей ок. 1282 г.: изгуби*шь* 586 об., съхрани*шь*, буде*шь*, переступи*шь*, узри*шь*, 587 об., стои*шь* 592, служи*шь* 592 об., начне*шь* 596, дьржи*шь* 603 об. и др.; въ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 г.: терпи*шь* 19 об., просъмради*шь* и оквасишь 41, послушаѥ*шь* 42, стяже*шь* 43 об., мни*шь* 71 об. и др.; въ Ев. Погодина XIII в. № 13: трѣбуѥ*шь* 22 об. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то формы на *шь* извѣстны въ древнѣйшихъ памятникахъ языковъ сербскаго, словинскаго, чешскаго, польскаго и лужицкихъ; ихъ мы находимъ и въ такъ наз. Фрейзингенской рукописи XI в.: vzovue*s*, zadene*s*, pride*s* (=взове*шь*, задѣне*шь*, приде*шь*), и въ нѣкоторыхъ среднеболгарскихъ памятникахъ: Иверское Ев. XII—XIII в.: спи*ш*'; Карпинское Ев. XIII в.: спи*ш* 103; Стаматовское Ев.: грѣде*шъ* (Срезневскій, Св. и з., LXXXII, стр. 43). Повидимому, ни въ русскомъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ церк.-славянскаго, не было окончанія *ши*.

Формы 3-го лица ед. и мн. ч. на *ть*. Церковно-славянскій языкъ для формъ 3-го лица наст. вр. имѣлъ окончаніе *тъ*. Въ русскомъ языкѣ, почти во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ, преобладаютъ формы на *ть*, и, напримѣръ, Остромирово Ев. имѣетъ только 4 формы на *тъ*; что же касается до грамотъ, то въ нихъ до конца XIV в. мы совсѣмъ не находимъ формъ на *тъ*, такъ что формы 3-го лица въ нихъ оканчиваются исключительно на *ть*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ теперь не существуетъ ни того, ни другаго окончанія (только польск. jes*t* изъ ѥ*стъ*, чешск. jes*t* или изъ ѥ*стъ*, или изъ ѥ*сть*), но въ старыхъ памятникахъ сохранились нѣкоторые слѣды древнихъ формъ: такъ, въ польской Флоріанской Псалтыри XIV в. и въ польскомъ Молитвенникѣ 1527 г. мы видимъ форму je*ść*=ѥ*сть*; въ чешскихъ глоссахъ XII—XIII вѣка находится большое количество формъ на *t* въ родѣ nudi*t*=нудитъ, osuzaje*t*=осуждаетъ, stanu*t*=станутъ; въ чешской Виттембергской Псалтыри XIV в. читается: su*t*=

суть, zaplatiť, otplatiť = заплатитъ, отплатитъ, гдѣ *т*, можетъ быть, произносилось мягко, можетъ быть, твердо.

Точно также въ древнѣйшихъ русскихъ грамотахъ нѣтъ окончанія *тъ* и для 3-го лица ед. ч. аориста. Въ церк.-славянскомъ языкѣ эта форма иногда оканчивалась на *тъ*: бы*стъ*, възѧ*тъ*; въ русскомъ мы имѣемъ—бы*сть*, да*сть*, съ *ъ*, и възя, безъ *тъ* или *ть*. Формы въ родѣ възя*тъ*, весьма нерѣдкія въ русскихъ спискахъ съ церк.-слав. оригиналовъ, повидимому, никогда не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ. Они неизвѣстны (какъ и формы аориста на *ть*) также и другимъ славянскимъ языкамъ.

Формы 3-го лица имперфекта въ церк.-славянскомъ языкѣ всегда оканчивались на *е* въ единств. и на *ѫ* во множеств. ч.: несѣаш*е*, несѣах*ѫ* (только въ церк.-слав. Саввиномъ Ев. одинъ разъ: запрѣщаше*тъ*, Срезневскій, Пам. юсов. письма, 64). Въ русскомъ языкѣ, рядомъ съ формами на *е* и *у*, мы нерѣдко встрѣчаемъ также формы съ окончаніемъ *ть*; послѣднее явилось въ формы имперфекта, безъ сомнѣнія, изъ формъ настоящаго времени. Древнѣйшая форма имперфекта на *ть* находится въ Остромировомъ Ев.: муждаше*ть*; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г. подобныя формы довольно часты: ляжаше*ть*, стрѣжаху*ть*, угнѣтаху*ть*, моляху*ти* и (*и* изъ *ъ*, вслѣдствіе ассимиляціи *ъ* съ *и*—вин. ед. мѣстоименія); то же можно сказать о Юрьевскомъ Ев. и другихъ памятникахъ XII вѣка. Формы на *ть* встрѣчаются въ памятникахъ какъ южно-русскихъ, такъ и сѣверно-русскихъ, между прочимъ въ Новгородской лѣтописи по списку XIV в., и могутъ считаться обще-русскими. Къ сожалѣнію, въ грамотахъ формъ имперфекта нѣтъ, и поэтому мы не можемъ сказать, насколько формы на *ть* были распространены въ живомъ русскомъ языкѣ. Изъ другихъ славянскихъ языковъ формы имперфекта на *ть* (или на *тъ*) существовали нѣкогда въ сербскомъ и чешскомъ языкахъ. Въ сербскомъ Волкановомъ Ев. XII в.: хулаше*ть*, выпрашаху*ть*, цѣловаху*ть* и т. п. (Срезневскій, Св. и з., XII, 34); въ сербскомъ спискѣ поученій Константина Болгарскаго XIII вѣка: глаголаху*ть*, отсилааху*ть* и т. п. (Starine, V. 38); въ чешскихъ глоссахъ XII—XIII в.: izbivachuť.

Формы 1-го лица мн. ч. на *ме* **и** *мо*. Въ церк.-слав. языкѣ эти формы оканчивались или на *мъ*, или—рѣже—на *мы*. Русскій языкъ издревле знаетъ оба эти окончанія, второе по преимуществу въ формахъ ѥс*мы*, вѣ*мы*, да*мы* и ѣ*мы* (отмѣтимъ въ новгородской грамотѣ ок. 1260 г.: ес*мы*, въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: да*мы*, прода*мы*); но имѣетъ, кромѣ ихъ, еще два другихъ—*ме* и *мо*. Изъ нихъ первое извѣстно только въ памятникахъ новгородскихъ, псковскихъ и смоленско-полоцкихъ: Прологъ 1262 г.: ѥс*ме* (до десяти разъ); Новгородская лѣтопись XIV в.: ѥс*ме* (часто), проливаи*ме* (повелит. накл.) 37, 169; Слово о п. игор.: мужаи*мѣ*ся (повелит. н.); псковскій Апостолъ 1307 г.: ѥс*ме*; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: ес*ме*; грамота Витовта 1399 г.: ес*ме*; Библія Скорины: видехо*ме*, Числа 32; но встрѣчается въ нихъ рѣдко (главнымъ образомъ въ одной формѣ—ѥс*ме*). Оно существуетъ, кромѣ русскаго языка, также въ языкахъ средне- и ново-болгарскомъ, чешскомъ и словацкомъ. Окончаніе *мо* извѣстно въ памятникахъ галицко-волынскихъ и западно-русскихъ, а также въ современныхъ малорусскихъ говорахъ: галицкія грамоты XV в.: приводи*мо*, чини*мо*, есь*мо*; грамоты литовскихъ князей и польскихъ королей XIV—XVI вв.: чини*мо*, ес*мо* (часто); Четья 1489 г.: ѥс*мо*, буде*мо*, держѣ*мо*, празнуи*мо* и т. п. Формы на *мо*, кромѣ русскаго языка, встрѣчаются также въ языкахъ средне- и ново-болгарскомъ, сербскомъ, словинскомъ и словацкомъ.

Кромѣ формъ 1 л. мн. ч. на *ме* и *мо*, памятники русскаго языка имѣютъ еще одну форму того же лица и числа на *мя*: ес*мя*. Она встрѣчается уже въ новгородской грамотѣ ок. 1375 г. (ѥс*мя* спустилѣ), въ двинской закладной XIV—XV в. (Акты Калачова, II), въ двинской рядной XIV в., въ московскомъ Ев. 1393 г. (сѣмя оврамле ѥс*мя* 15 об.), въ Сборникѣ XIV в. Троицк. Л. (Пѣтуховъ, Древнія поученія на великій постъ, 35) и въ Ипатскомъ сп. лѣт. (580). Грамоты разнаго рода XV—XVII в., писанныя въ предѣлахъ московскаго государства, имѣютъ ее очень часто. Происхожденіе ея неясно, но во всякомъ случаѣ она не можетъ быть объясняема изъ ѥсм*е*, такъ какъ переходъ конечнаго ударяемаго *е* въ *а* ни въ новгородскомъ, ни въ мос-

ковскомъ говорахъ никогда не былъ извѣстенъ (сравни въ тѣхъ же старыхъ памятникахъ, гдѣ ес*мя*, постоянное сохраненіе *е* въ ес*те*; ес*тя*—по образцу ес*мя*—появилось не раньше XVI—XVII в.: прибавленіе XVII в. къ Домострою 178). Современные славянскіе языки не знаютъ формъ сходныхъ съ *юсмя*.

Имперфектъ на *яхъ, ахъ*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ имперфектъ имѣлъ окончанія или полныя *ѣахъ*, *яахъ*, *аахъ*, *ѣаше* и т. д., или сокращенныя *ѣхъ*, *яхъ*, *ахъ*. Живой древне-русскій языкъ, повидимому, совсѣмъ не знаетъ полныхъ окончаній и употребляетъ только сокращенныя *яхъ* и *ахъ*: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: б*яше* 129 об. (=ц.-слав. б*ѣаше*, б*ѣше*); Архангельское Ев. 1092 г.: ид*яше*, жив*яше*, съм*яше* (=ц.-слав. ид*ѣаше*, жив*ѣаше*, съм*ѣаше*), сѣд*яше*, вѣд*яше* и др.; Минея 1095 г.: търьп*яше* 209, ид*яше* 214; Минея 1096 г.: ид*яста* 48; Реймское Ев. XI в.: рост*яше* 12, ид*яше* 13, хот*яше* 15, б*яше* 17, 19. Памятники послѣдующаго времени и между ними лѣтописи имѣютъ формы имперфекта на *яхъ* и *ахъ* въ большомъ количествѣ, за исключеніемъ грамотъ, въ которыхъ не встрѣчается никакихъ формъ имперфекта. Кромѣ этихъ формъ, древніе русскіе памятники знаютъ смѣшанныя формы имперфекта, представляющія собою соединеніе церк.-славянскихъ формъ на *ѣахъ* съ русскими на *яхъ* и оканчивающіяся на *яахъ*: Остромирово Ев.: б*яаше*, ид*яаше*, жив*яаше* и т. п. (часто); Святославовъ Сборникъ 1073 г.: вед*яаше*, б*яаху*, ид*яаше*, им*яаше*, богат*яаше* и т. п. (часто); Архангельское Ев.: сѣд*яаше*, б*яаху*, ид*яаше*, хот*яаше* и т. п. Конечно, подобныя формы — формы исключительно книжныя, чуждыя живому русскому языку.

Впрочемъ возможно, что живому русскому языку были нѣкогда, въ историческое время, извѣстны кое-какія формы имперфекта на *ѣяхъ*; по крайней мѣрѣ формы въ родѣ им*ѣяше* упорно держатся въ русскихъ книгахъ даже второй половины XIV в. (напримѣръ, въ Ев. 1355 г.). Также возможно, что въ то же время существовала имперфектная форма б*ѣхъ* (рядомъ съ б*яхъ*). Она находится, между прочимъ, въ Новгородской лѣтописи XIV в.: б*ѣху* 43, б*ѣше* 60, б*еше* 202. Другіе славянскіе языки въ историческое время своего существованія имѣли

и имѣютъ формы имперфекта близкія къ русскимъ формамъ. Должно замѣтить, что русскія формы имперфекта нерѣдко являются съ несмягченными зубными и съ мягкими губными (безъ *л*): Житіе Θеодосія Печерскаго XII в.: отъпу*стя*ше 14 об., распу*стя*ше 15, прославяше 13 об., сла*вя*аше; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: отхо*дя*ста 13 об., и т. п. Конечно, рядомъ съ этими сравнительно новыми формами, оставались въ употребленіи и древнія: хо*жа*ше, пу*ща*ше, лю*бля*ше. Сходныя формы встрѣчаются въ древне-сербскомъ Волкановомъ Ев. XII в.: прѣ*тѣ*хуть (=прѣ*тя*хуть, ц.-сл. прѣ*шта*ахѫ), хо*дѣ*хуть (Срезневскій, Св. и з. XII, 34).

Спряженіе имперфекта въ русскомъ языкѣ одинаково съ спряженіемъ его въ церковно-славянскомъ языкѣ; только формы 2-го и 3-го лицъ дв. ч. и 2-го л. мн. ч. въ сѣверно-русскихъ (по преимуществу) памятникахъ XIII—XIV в. иногда оканчиваются не на *ста*, *сте* или *шета*, *шете*, а на *ита*, *ите*: Житіе Нифонта 1219 г.: стоя*шьте* два мюрина 20, два хѣрувимъ стоя*ште* одесную 119; Толстовскій Сборникъ XIII в.: бя*шта* 124 об.; Пандекты 1296 г.: поя*шта* 133; Ев. 1339 г.: идя*шть* (дв., *ь=е*) 2 об., зря*шьте* (дв.) 10; Ев. 1357 г.: зря*шьта* 151 об., идя*шьта* 154 об., хожа*шьта* 167 об., бѣа*шьта* 175; Ев. 1358 г.: идя*шта* 3, бѣ*шта* 146 об., иска*шта* 204, чюдя*шта*ся 208 об.; новгородское Ев. XIV в. (Рум. М. № 434): бѣ*шьта* 66 об.; Новгородская лѣтопись: мысля*шьта* 129; псковское Лукино Ев. 1409 г.: бя*шьте*. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить степень древности подобныхъ формъ въ русскомъ языкѣ, но считаемъ нелишнимъ указать на существованіе сходныхъ формъ—дв. ч. на štaj, štej и множ. ч. на šće, šćo въ лужицкихъ языкахъ.

Давнопрошедшее. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ давнопрошедшее или plusquamperfectum, состоявшее изъ аориста *бѣхъ* или имперфекта *бѣахъ* и причастія на *лъ*. Русскіе памятники знаютъ это давнопрошедшее: Житіе Θеодосія Печерскаго XII в.: приведоша разбоиникы, ихъ же *бѣша яли* въ селѣ; *бѣ* въ искушении *былъ*; Лаврентьевскій сп. л.: обновлена бысть цьркы, яже *бѣ ополѣла* въ пожаръ, еще бо не *бяху ся утвердили* вѣрою, си не *бѣша слышали* словесе книжного; но рядомъ съ нимъ употребляютъ и другое, состоящее изъ прошедшаго сложнаго

былъ ѥсмь и причастія на *лъ* (*ѥсмь* часто опускается): смоленскій договоръ съ Ригою 1229 г.: *ишлъ былъ* (=ишло было); новгородскій договоръ съ Тверью 1265 г.: что *былъ отъялъ* братъ твои; смоленская грамота 1284 г.: *ищьло было*; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: Ярославъ *былъ уставилъ* и убити 19; грамота рижанъ ок. 1300 г.; *приготовилися есме были*; новгородскій договоръ съ Тверью 1305 г.: *дали ѥсме былъ*; галицкая закладная 1386 г.: *придалъ былъ*; Лаврентьевскій сп. л.: ударилъ еси пятою Новъгородъ и *шелъ еси былъ* на стрыя 363; Ипатскій сп. л.: хрестъ *есте были цѣловали* 349. Давнопрошедшее втораго типа извѣстно, кромѣ русскаго, также сербскому, словинскому и западно-славянскимъ языкамъ.

Причастія наст. вр. на *а*. Церковно-слав. причастія наст. вр. дѣйств. зал. оканчивались въ имен. пад. ед. ч. муж. рода или на ѧ: любѧ, или на *ы*: ид*ы*. Формы на ѧ=*я* обычны во всѣхъ русскихъ памятникахъ, но формы на *ы* употребляются только въ тѣхъ памятникахъ, которые или списаны съ церк.-слав. оригиналовъ, или имѣютъ въ своемъ языкѣ въ томъ или другомъ количествѣ церк.-слав. примѣсь. Памятники съ чистымъ русскимъ языкомъ, каковы грамоты, не знаютъ причастій на *ы* и вмѣсто нихъ, въ томъ же значеніи — имен. п. ед. муж. р.—, имѣютъ причастія на *а*: ид*а*, которыя появляются очень рано: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: рек*а* 188 (=церк.-слав. рек*ы*), присноте*каи* 247 (=ц.-слав.—тек*ыи*); Минея 1096 г.: зов*а* 44, 82, 120, 185, мог*а* 83; Минея 1097 г.: жив*а* 487; Минея XI в. (Публ. Б. f. 36): с*аи* 9 (=ц.-слав. с*ыи*); Добрилово Ев. 1164 г.: чьт*аи* 80 об.; Житіе Θеодосія Печерскаго по сп. XII в.: дад*а*, пек*а* 17, ѣд*а* 25 об.; смоленская грамота ок. 1230 г.: возм*а*; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: мог*а*, постерег*а*; договоръ Новгорода съ Тверью ок. 1301 г.: жив*а*; духовная в. кн. Ивана Калиты: ид*а*; галицкая грамота 1409 г.: прид*а*; гал. грамота 1422 г.: стан*а* и друг. Современный русскій языкъ не знаетъ причастныхъ формъ ни на *ы*, ни на *а*. Отсутствіе въ грамотахъ причастій на *ы* и постоянное употребленіе въ нихъ причастій на *а* позволяетъ предполагать, что первыя не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ, принадлежа только лите-

ратурному языку древней Руси, и что ихъ мѣсто въ народныхъ говорахъ было занято вторыми. Это предположеніе относительно русскаго языка до нѣкоторой степени подтверждается языкомъ чешскимъ, въ которомъ никогда не было и нѣтъ причастныхъ формъ на *ы* и встрѣчаются одни формы на *a*: jd*a* (=церк.-слав. ид*ы*, русск. ид*а*), js*a* (=церк.-слав. с*ы*, русск. с*а*), řk*a* (=церк.-слав. рек*а*, русск. рьк*а*) и т. п. Происхожденіе окончанія *а* и его отношеніе къ окончанію *ы* для насъ не совсѣмъ ясно, но кажется, — это *а* сходно съ *ѣ* въ род. ед. женск. р. душ*ѣ* и др.

Неопредѣленное накл. на *ть*. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ форму собственно неопред. н. на *ти* и двѣ формы такъ наз. супина на *тъ* и на *ть*; послѣднюю (обще-славянское новообразованіе) знали только глаголы съ гортанными согласными въ основахъ, въ родѣ лѧгѫ: облеш*ть*. Въ русскомъ языкѣ существовали всѣ эти формы—форма на *ти* въ значеніи только неопред. накл., форма на *тъ* въ значеніи только супина, а форма на *ть* въ значеніи и неопред. н., и супина. Послѣдняя встрѣчается уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: Остромирово Ев.: не придохъ разоритъ нъ напълни*ть* 213; Святославовъ Сборникъ 1073 г.: придѣяху почрьпа*ть* 257; Архангельское Ев.: не имуть въкуси*ть* съмьрти 80 об.; Реймское Ев. XI в.: можеть Богь въздвигну*ть* чяда Аврааму 21; Путятина Минея XI в.: Господь грядеть къ людьмъ си сѫди*ть* всеи земли 42; Добрилово Ев. 1164 г.: оному подобаѥть рос*ть*, а мнѣ мни*ть*ся 8 об., възиде на гору ѥдинъ помоли*ть*ся 74 об., да ся не възвратить въспять възя*ть* ризъ своихъ 80 об.; Патерикъ Синайскій XII в.: бѣ видѣ*ть* старьца носяща брѣмя (Срезневскій, Св. и з., LXXXII, 62); Константинъ Болгарскій XII—XIII в.: приде не тъкъмо себе яви*ть*, нъ и научити 43; Пантелеймоново Ев. XII—XIII в.: приде отъ коньць земля слыша*ть* премудрость 46; Милятино Ев. 1215 г.: бысть вънити въ домъ хлѣба ѣс*ть* 119 об.; Ев. Погодина XIII в. № 12: да снидеть ицѣли*ть* сына 12 об.; Ев. Погодина XIII в. № 13: задѣша понес*ть* (крестъ) 168; Толстовскій Сборникъ XIII в.: велить зва*ть* нищая и напоити 31; Прологъ 1262 г.: не дълъга рѣмени трѣбуи тъкмо въ ѥдинъ день получить отпустъ 104.

Она извѣстна также старшимъ русскимъ грамотамъ: смоленскій договоръ 1229 г.: аже извиниться латининъ, не мьтати кего у погрѣбъ... у жельза усади*ть*, такова правда узя*те* (*е* = *ѣ*); смоленскій договоръ ок. 1230 г.: немьчицю постави*ть* и передъ княземь; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: шолъ соли веси*ть*. Памятники XIV в. имѣютъ формы на *ть* сравнительно нерѣдко: Ев. 1339 г.: придоша послуша*ть* кего 90; грамота литовскихъ князей 1350 г.: аже побѣгнеть холопъ, выда*ть* єго; Ев. 1354 г.: придохъ раздѣли*ть* человѣка на отца своего 38 об., приде взыска*ть* и спастъ погыбшаго; Ев. 1355 г.: шли бяху брашна купи*ть* 14; Ев. до 1362 г.: како можеть человѣкъ роди*т*ся старъ сы 2 об., подобакть.... мнѣ мни*т*ся 5, иже имать уши слыша*ть* да слышить 51 об., подобакть в третии день въскресну*ть* 107; Паремейникъ 1378 г.: уклонися я*сть* 98 об.; Ев. 1393 г.: пришелъ кси погуби*ть* насъ 61 об., посла и пастви*ть* свинии 129; Ев. 1399 г.: пришелъ кси мучи*ть* насъ 37; Мстижское Ев. XIV в.: не достоить твори*ть* в суботу 37 об., никто же можеть разъграби*ть* 60 об.; Луцкое Ев.: прииде слыша*ть* прѣмудрость 58; полоцкая вкладная XIV в. (въ Ев. Погодина № 12): ажо ми ся учинить не бы*ть* у Полоть(ск)е; двинская грамота XIV—XV в. (Акты Калачова, II, № 126): отступи*т*ся, отда*ть*, вари*ть*; галицкая грамота 1418 г.: имае заступити и оправи*ть*. Изъ другихъ славянскихъ яз. польскій яз. имѣетъ формы неопредѣл. н. на *ć*=*ть* издревле въ огромномъ количествѣ (формы на *ci* = *ти* и *t* = *тъ* даже въ старо-польскихъ памятникахъ очень рѣдки); то же можно сказать о лужицкихъ яз. (формы на *ći*, *śi* = *ти* очень рѣдки; формъ на *t* нѣтъ совсѣмъ); въ чешскомъ яз. распространены всѣ три формы неопред. н.; сербскій и словинскій яз. знаютъ формы и на *ти*, и на *ть*.

Кромѣ указанныхъ формальныхъ особенностей русскаго языка, должно упомянуть о слѣдующемъ.

Формы дат. и твор. множ. ч. въ великорусскомъ нарѣчіи оканчиваются на *мя*: творит. дву*мя*, тре*мя*, четырь*мя*, сто*мя* (между прочимъ, у Державина и Добрынина), пермск. и*мя*, всѣ*мя*, свои*мя*, добры*мя*, сибирск. съ и*мя*; дат. сѣверно-великор. и си-

бирск. и*мя* (имъ), вятск. всѣ*мя* (всѣмъ), тобольск. тѣ*мя* (тѣмъ). Окончаніе *мя* встрѣчается изрѣдка въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: тре*мя*. Оно извѣстно въ памятникахъ съ XV в.: Ипатскій сп. л.: тре*мя* имены 483; литовская лѣтопись XV в.: не полюбилъся и*мя* (Ольгерду и Кейстуту; формы дв. ч. въ этой лѣтописи не употребляются, Уч. Зап. Ак. Н.); Житіе Михаила Клопскаго по син. списку Макарьевскихъ Миней (янв.): прешедшимъ четырь*мя* лѣтомъ 471. Быть можетъ, оно родственно съ сербскимъ окончаніемъ дат. и твор. мн. *ме* (изъ мѧ); сравни русскія нарѣчія друго*мя*, плаш*мя* и т. п.

Форма 1-го л. ед. ч. глагола *быти* въ русскомъ языкѣ нѣкогда звучала не только ѥс*мь*, но и ѥс*ми*. Мы находимъ ее съ окончаніемъ *ми* въ памятникахъ XVI в. и слѣдующихъ, какъ сѣверно-, такъ и западно- и южно-русскихъ, между прочимъ въ грамотѣ Изяслава Полоцкаго ок. 1264 г. (по копіи XIII—XIV в.) и въ грамотѣ Андрея Полоцкаго до 1399 г.; она сохраняется, въ видѣ *сми*, у гуцуловъ; сверхъ того, ф. ѥс*ми* находится въ одномъ сербскомъ Патерикѣ XIV вѣка.

Форма 3-го лица ед. ч. того же глагола въ русскомъ языкѣ нѣкогда звучала не только ѥс*ть*, но и ѥс*ти*. Она очень рѣдка, съ окончаніемъ *ти*, въ памятникахъ: Ев. XII—XIII в. (Рум. М. № 104): въ немь же льсти нѣс*ти* 4 (описка?); изъ современныхъ русскихъ говоровъ она извѣстна только въ ярославскомъ: ес*ти*, и въ ситскомъ: ес*ци* (*ц* изъ *т*). Сравни старочешск. jes*ti*, соврем. чешск. jes*ti*-ť; въ средне-болгарской грамотѣ 1348 г.: яко же ѥс*ти* лѣпо (Срезневскій, Св. и з., LXXXI, 33). Кажется, русскій языкъ имѣлъ и другія формы 3-го л. ед. и мн. ч. на *ти*; по крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ, особенно бѣлорусскихъ, мы находимъ: пусть не ожидаю*ти* ето лѣтечко мене домой, мѣсячко ночьчю свѣти*ти*, а днемъ нѣ, чужія жонки йду*ти*, обѣдати несу*ти* (Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, I, 90, 103, 230).

Формы 1-го л. двойств. ч. на *вѣ*, обычныя въ церковно-славянскихъ памятникахъ, обычны и въ древне-русскихъ, но въ послѣднихъ, рядомъ съ ними, встрѣчаются также формы на *ва*: Прологъ 1262 г.: съгрѣшихо*ва* 19, поиде*ва* 28 об., последуѥ*ва*

77, служи*ва* 79, слышихо*ва* 88, умре*ва* 105 об., поиди*ва* (повелит.) 113 об.; Новгородская лѣтопись XIV в.: приимѣ*ва* 177; молдавская грамота 1400 г.: имае*ва*. Эти формы (теперь съ значеніемъ множ. ч.) извѣстны разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ.

Формы 3-го л. двойств. ч. на *те*, *тѣ*, нерѣдкія въ церковно-славянскихъ памятникахъ и встрѣчающіяся въ русскихъ спискахъ съ нихъ (даже конца XIV в.: Ев. 1399 г.: яже бѣ*сте* обѣщника Симонови 65 об.), повидимому, въ живомъ русскомъ языкѣ стараго времени не существовали, и ихъ мѣсто было занято окончаніемъ *та*. Ни грамоты, ни другіе оригинальные русскіе памятники не знаютъ формъ дв. ч. на *те* и *тѣ*.

Формы настоящ. вр. на *аамь* или *амь*, *аапи* или *аши*, въ родѣ ц.-слав. им*аамь*-им*амь*, также были въ древности чужды русскому языку. Поэтому въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ (въ числѣ ихъ въ Остромировомъ Ев.) им*аамь*—им*амь*, 1 л. ед., постоянно пишется съ *ъ* на концѣ (рядомъ русскія формы вѣ*мь*, да*мь* и т. п. обыкновенно имѣютъ *ъ*). Формы им*амь* (грамота Ивана Гольшанскаго 1401 г.), им*амы* (молдавская гр. 1395 г., Уляницкій), позже м*амъ*, встрѣчающіяся въ юго-западно-русскихъ документахъ, — полонизмы: сравни ст.—польск. ji*mam* (Bystroń, Księgi z. Czerskiej 41), m*am*. Современное великорусское созд*амъ*—несомнѣнное новообразованіе (по образцу *дамъ*). Современныя западно-малорусскія (лемковскія) зн*амъ*, спів*амъ* и т. п.—заимствованія изъ одного изъ западно-славянскихъ языковъ (польскаго или словацкаго) гдѣ формы на *am*, *ám* весьма многочисленны.

Относительно причастій прошедш. вр. въ родѣ любль, възложь есть основаніе думать, что они не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ исторической эпохи. Мы находимъ ихъ только въ спискахъ съ церк.-слав. оригиналовъ и въ русскихъ произведеніяхъ съ церк.-слав. примѣсью въ языкѣ; но въ послѣднихъ они сравнительно рѣдки; наши грамоты не знаютъ ихъ совсѣмъ и вмѣсто нихъ постоянно употребляютъ причастія въ родѣ люб*ивъ*, възлож*ивъ* (между прочимъ Святосл. Сборникъ 1076 г.: испра*вивъ*ше запись; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: съвъкуп*ивъ*шеся 2, погуб*ивъ*ши 18).

Формы сослагательнаго наклоненія съ *бимь* (*былъ бимь*), обычныя въ церк.-слав. памятникахъ, были искони чужды русскому языку и очень рѣдки даже въ тѣхъ русскихъ текстахъ, которые списаны съ церк.-слав. оригиналовъ. Ихъ мѣсто въ русскомъ языкѣ было занято формами съ *быхъ* (*былъ быхъ*), очень рѣдкими въ церк.-слав. языкѣ, но обычными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Наконецъ должно замѣтить, что церк.-слав. формы дат. *чьсому—чесому*, мѣстн. *чьсомь—чесомь* (отъ *чьто*) никогда не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ (уже въ Остромировомъ Ев.: *чемь* 78, 79), равно какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ; что формы род.-мѣстн. отъ *дъва* и *оба* звучали не только *дъвою* и *обою* (Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: до *двою* гривну 5, *двою* мужю 16, грамота Герденя 1264 г.: *обою* сторону, псковская грам. 1483 г.: съ *обою* сторонъ Акты Юр. № 2, сѣв.-русск. грам. XVI в.: въ *двою* рублѣхъ А. Юр. 442), но также—чаще—*дъву* и *обу* (Сказаніе о Борисѣ и Гл. XII в. 8; Синод. Кормчая XII в. № 227; Русская Пр. 14; однако *двою* сохраняется еще въ современномъ языкѣ съ значеніемъ дважды: „человѣкъ *двою* глупъ живетъ“, „*двою*—трою я по горенкѣ прошла“); что форма 3 л. мн. ч. повелит. (сослагат.) н. *буду*, рѣдкая и въ церк.-слав. языкѣ (да бѫдѫ прѣпоѣсана Зогр. Ев. 110), едва ли когда-нибудь была свойственна русскому языку.

IX. Исторія формъ склоненія.

Мы не будемъ касаться тѣхъ формальныхъ измѣненій, которыя находятся въ связи съ исторіею звуковъ, въ родѣ измѣненія им.-вин. ед. средн. р. моѥ въ мо*jо*, мо*е̑* или измѣненія твор. ед. рук*ою* въ рук*ой*; о нихъ была уже рѣчь выше. Мы будемъ говорить только о тѣхъ измѣненіяхъ формъ, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ или вліянію однихъ формъ на другія, или борьбѣ формъ между собою, или другимъ не-фонетическимъ факторамъ.

Смѣшеніе именныхъ основъ. Склоненіе именъ въ санскритскомъ языкѣ имѣетъ нѣсколько системъ; именно въ этомъ языкѣ различаются склоненія именъ съ основами 1) на *ă*, 2) на *ā*, 3) на ĭ, 4) на ī, 5) на *ŭ*, 6) на ū и 7) на разные согласные. Склоненіе именъ въ греческомъ языкѣ также дѣлится на нѣсколько системъ, тѣхъ же, что и въ санскритѣ. Въ славянскихъ языкахъ уже въ древнѣйшій, доисторическій періодъ ихъ существованія исчезла значительная часть древнихъ формъ отъ основъ на *ъв* (=санскритск. *ū*) и на согласные, и мѣсто ихъ было занято формами вновь образовавшимися по образцу формъ отъ основъ на *ь* (=санскр. ĭ), *о* (=санскр. *ă*) и *а* (санскр. *ā*). Такимъ образомъ, напримѣръ, отъ основы *матер* была утрачена форма твор. п. ед. ч., и ея мѣсто было занято новою формою *матерь*ѭ, образовавшеюся по образцу формъ отъ основъ на *ь*, въ родѣ *кость*ѭ. Точно также къ древнѣйшему періоду существованія славянскихъ языковъ относится начало смѣшенія основъ на *о* муж. и ср. р. и основъ на *ъ* (=санскр. ŭ) муж. и ср. р., — основъ на *о* съ предшествующимъ *j* или мягкимъ согласнымъ и основъ на *ь* муж. и ср. р.,—основъ на *о* ср. р. и основъ на *ес* (=санскр. *ăs*) ср. р.

Смѣшеніе основъ на **о** *и на* **ъ**. Сравненіе славянскихъ языковъ съ литовскимъ показываетъ, что въ первыхъ нѣкогда было довольно много словъ съ основою на *ъ*. Древнія формы большей ихъ части еще въ глубокой древности были замѣнены новыми, образовавшимися по образцу формъ словъ съ основою на *о*; между прочимъ всѣ прилагательныя съ основою на *ъ* перешли въ славянскихъ языкахъ въ склоненіе основъ на *о*; сравн. славянск. *бъдръ*, *остръ* и т. п. съ литовскими budrùs, aštrùs. Вслѣдствіе этого въ славянскихъ языкахъ сохранились древнія формы только отъ существительныхъ съ основою на *ъ*, и то отъ очень немногихъ. Въ памятникахъ церк.-славянскаго языка формы склоненія основъ на *ъ* являются всего чаще отъ пяти словъ: *сынъ*, *домъ*, *медъ*, *върхъ*, *полъ*; но въ склоненіи даже этихъ словъ издревле являются, рядомъ съ древними формами отъ основъ на *ъ*, новыя формы, образованныя по образцу основъ на *о*. То же, что въ церковно-славянскомъ, мы видимъ и въ древне-русскомъ языкѣ: здѣсь постоянно, рядомъ съ древними формами немногихъ словъ съ основою на *ъ*, встрѣчаются новыя, въ родѣ род. сын*а*, зват. сын*е* и т. д. Въ свою очередь, слова съ основою на *о* въ русскомъ языкѣ, главнымъ образомъ муж. рода, подчинились вліянію словъ съ основою на *ъ*; вслѣдствіе чего въ ихъ склоненіи мы нерѣдко находимъ двоякія формы — древнія, отъ основы на *о*, и новыя, образованныя по образцу формъ основъ на *ъ*. Эти двоякія формы тянутся черезъ всю исторію русскаго языка и сохраняются до настоящаго времени.

Форма род. пад. ед. ч. основъ на *о* оканчивалась на *а*; та же форма основъ на *ъ* оканчивалась на *у* (*ю*). Въ древне-русскихъ памятникахъ отъ словъ съ основою на *о* мы видимъ, кромѣ формъ род. ед. на *а*, также формы того же пад. на *у* (*ю*). Такъ, напр., мы читаемъ въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: отъ льн*у* 218 об.; въ Златоструѣ XII в.: бе-чин*у* 36; въ Прологѣ 1262 г.: что и ѥще ѥсть долг*у* 60 об., корчагу боб*у* мочена 63 об., своѥго род*у* 81 об.; въ новгородской грамотѣ 1265 г.: отъ лн*у*; въ Кормчей ок. 1282 г.: отъ лн*у* 589 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: солод*у*, горох*у* 4, 22; въ новгородской гр. 1305 г.: ис Торъжк*у*; въ полоцкой гр. ок. 1331 г.: отъ

воск*у*, отъ хмѣл*ю*; въ Ев. 1354 г.: со брег*у* 70 об.; въ галицко-волынской вкладной 1376 г.: обаполъ Буг*у*; въ новгородской грам. 1373 г.: полон*у* новторского; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: род*у* княжа 22; въ Новгородской лѣтописи: съ пълк*у* 33, не створи ряд*у* 55, до търг*у* 60, просяце пълк*у* 86, съ Торожк*у* 168; въ галицкой грамотѣ 1400 г.: без одвукуп*у*; въ галицкой грам. 1418 г.: того лист*у*.

Форма дат. ед. основъ на *о* оканчивалась на *у*; та же форма основъ на *ъ* оканчивалась, между прочимъ, на *ови* и *еви*. Древніе памятники, кромѣ формъ дат. ед. на *у*, имѣютъ отъ основъ на *о* также формы на *ови*, *еви*: Мстиславова грамота 1130 г.: Георги*ѥви*; смоленская грамота ок. 1230 г.: Бог*ови*, мастер*ови*; духовная новгородца Климента до 1270 г.: Данил*ови*; полоцкая грамота около 1300 г.: бровст*ови*; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: мост*ови*, манастыр*еви*; полоцкая гр. ок. 1331 г.: купц*ѣви*, вѣсц*ѣви*; Новгородская лѣтопись: Драгуил*ови* 28, Судил*ови* 49, Андре*ѥви* 49, Гюрг*еви* 49, Якун*ови* 69, Михал*еви* 85, отц*еви* 187, кон*еви* 291. Формы дат. на *ови* встрѣчаются также въ грамотахъ галицкихъ, но особенно часты въ галицко-волынской лѣтописи, сохранившейся въ Ипатскомъ спискѣ: Воишелг*ови*, Данил*ови*, холм*ови*, лед*ови*, соньм*ови*, Юрь*еви*, цар*еви* и т. п.

Форма мѣстн. ед. основъ на *о* оканчивалась на *ѣ* (*и*); та же форма основъ па *ъ* оканчивалась па *у* (*ю*). Въ древнихъ памятникахъ, отъ словъ съ основою на *о*, формы мѣстн. ед. встрѣчаются не только съ окончаніемъ *ѣ*, *и*, но также (по преимуществу въ словахъ односложныхъ)—съ окончаніемъ *у*: въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: быша па Бор*у* 4 об.; въ Прологѣ 1262 г.: на ари*ѥ*ве лед*у* 35, въ пир*у* 46, въ торг*у* 53 об.; въ Паремейникѣ 1271 г.: въ гно*ю* 186 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: въ пир*у*, на търг*у* 6, 7; въ Пандектахъ 1296 г.: въ мир*у* 29, 66, 120 об., на снѣг*у* 77 об., на торг*у* 112 об.; въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ 1265 г.: на Торожк*у*; въ договорѣ ок. 1301 г.: в Търъжьк*у*; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: па воск*у* 194; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: сидѣла дружина у (=въ) пир*у*; въ духовной Ивана

Калиты: на шелк*у*; въ Ев. 1339 г.: на брег*у* 47; въ Паремейникѣ 1378 г.: въ стан*у* 106; въ грамотѣ Ягелла 1388 г.: у Луцк*у*; въ грамотѣ Витовта ок. 1392 г.: у Туреиск*у*; въ Новгородской лѣт.: побѣди на Бор*у* Чюдь 15, на Новемь Търг*у* 49, 60, на мале час*у* 87, въ Торжьк*у* 272. Памятники псковскіе XIV—XV вв. имѣютъ формы на *у* отъ личныхъ собственныхъ именъ (въ записяхъ): Апостолъ 1309—12 г.: при попѣ Парух*у*; Параклитикъ 1369 г.: при князи при Борис*у*; Прологъ 1383 г.: при попе Федос*у*; Паремейникъ 1413 г.: при князи Борис*у*. Памятники западно-русскіе XV—XVI в. имѣютъ формы на *у* отъ всякихъ именъ очень часто: полоцкая грамота 1407 г.: у Полоцк*у*; полоцкая грамота 1478 г.: въ члонък*у*; Лѣтописецъ переяславскій (по изд. кн. Оболенскаго): въ Смоленск*у* 41, у Курьск*у* 54, въ Полотсц*ю* 5; Литовскій Статутъ 1588 г.: о недавань*ю* 44, у воиск*у* 57, на писар*у* 127 и т. п.

Въ формахъ зват. ед. ч. издревле употреблялось постоянно окончаніе основъ на *ъ* —*у* во многихъ изъ тѣхъ существительныхъ съ основою на *о*, которыя имѣли передъ гласнымъ основы *j* или мягкій согласный: цесар*ю*. Въ древне-русскомъ языкѣ мы иногда (очень рѣдко) встрѣчаемъ, вмѣсто окончанія *е*,—окончаніе *у* въ словахъ съ основою на *о* съ предшествующимъ твердымъ согласнымъ; такъ, въ двухъ новгородскихъ Стихираряхъ XII в. Акад. Наукъ и Син. Б. № 279 мы читаемъ: тебе жених*у* мои люблю, вмѣсто: жениш*е*; въ галицко-волынской лѣтописи по Ипатскому сп.: сват*у* 440, 446, 455.

Форма имен. пад. множ. основъ на *о* оканчивалась на *и*; форма того же пад. основъ на *ъ* имѣла окончаніе *ове* или *еве*. Древніе памятники, рядомъ съ формами на *и*, имѣютъ изрѣдка формы имен. мн. отъ словъ съ основою на *о*, оканчивающіяся на *ове*, *еве*: новгородская гр. ок. 1300 г.: посл*овѣ*; духовная в. кн. Ивана Калиты: татар*ове*; грамота литовскихъ князей 1350 г.: татар*ове*; Ев. 1355 г.: поп*ове* (запись); новгородскія грамоты 1372 и 1373 г.: посл*овѣ* (не только им., но и вин. мн.); Новгородская лѣтопись: дъжд*еве* 263; московская грамота 1449 г.: соловар*ове* (Акты Калачова, I, 101). Нѣсколько большее количество подобныхъ формъ находится въ галицко-волынской лѣтописи по

Ипатскому сп.: поп*ове*, бор*ове*, лях*ове*, татар*ове*, и при томъ не только въ значеніи им. мн., но и винит.: поидоша въ лях*ове*.

Форма род. мн. основъ на *о* оканчивалась на *ъ* (*ь*); та же форма основъ на *ъ* имѣла окончаніе *овъ* или *евъ*. Памятники русскаго языка съ XII в. имѣютъ въ большомъ количествѣ формы род. мн. отъ словъ съ основою на *о*, оканчивающіяся на *овъ*, *евъ*: Житіе Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: манастыр*евъ* 7, бѣс*овъ* 13, 19, дух*овъ*, пълк*овъ* 13, труд*овъ* 14 об.; договоръ Смоленска съ Ригою ок. 1230 г.: розбоиник*овъ*; Прологъ 1262 г.: хлѣб*овъ* 25 об., 132 об., бѣс*овъ*, кон*евъ* 68 об.; договоръ Новгорода съ тверскимъ княземъ ок. 1265 г.: купц*евъ*, повоз*овъ*; Ев. 1270 г.: хлѣб*овъ* 39 об., динари*ѥвъ* 70 об.; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: хлѣб*овъ*, уборок*овъ* 4, 22, послух*овъ* 11, 12; Рязанская Кормчая 1284 г.: образ*овъ* 6 об., труд*овъ* 7, сбор*овъ* 10, презвитер*овъ* 36 и др.; Пандекты 1296 г.: труд*овъ*, бѣс*овъ*, час*овъ*, стих*овъ*, псалм*овъ*, трепар*евъ*, въпл*евъ* и др.; договоръ Новгорода ок. 1301 года: новъгородьц*евъ*, новоторъжьц*евъ*; договоръ Новгорода ок. 1305 г.: пристав*овъ*, закладник*овъ*; духовная Ивана Калиты: бортник*овъ*, оброчник*овъ*, пояс*овъ*, суд*овъ*; грамота литовскихъ князей 1350 г.: город*овъ*; Ев. 1354 г.: град*овъ* 111, хлѣб*овъ* 181; галицкая грамота 1371 г.: вжитк*овъ*; Лаврентьевскій сп. л.: сторож*овъ* 231; Паремейникъ 1378 г.: жител*евъ* 34; Новгородская лѣтопись: двор*овъ*, кон*евъ*, корабл*евъ*, злодѣ*ѥвъ*. Рядомъ съ этими формами, въ памятникахъ XIV в. встрѣчаются еще въ значительномъ количествѣ и старыя формы: новгородская грамота ок. 1325 г.: твоихъ муж*ъ*; духовная Ив. Калиты: ис порт*ъ*; духовная Семена Гордаго: кон*ь* своихъ; Новгородская лѣтопись: город*ъ* вашихъ 194, възяша 6 городък*ъ* 50; запись Ев. XIV в.: възми 5 сорочек*ъ*=сорочковъ (Срезневскій, Св. и з. XX), и т. под.

Формы словъ муж. р. съ основою на *о*, имѣющія окончанія формъ основъ на *ъ*, пользуются широкимъ распространеніемъ въ современномъ русскомъ языкѣ.

Формы род. и мѣстн. п. ед. на *у* многочисленны во всѣхъ его говорахъ и находятся даже въ литературномъ языкѣ (по преимуществу въ словахъ односложныхъ): песк*у*, на кра*ю* и т. п.;

при этомъ рядомъ съ ними употребляются и старыя формы основъ на *о* съ окончаніями *а* и *ѣ*, *и*. Нѣкоторыя слова имѣютъ по двѣ падежныхъ формы род. и мѣстн. ед. — на *а* и *у*, на *ѣ*, *и* и *у*.

Формы дат. ед. на *ови*, *еви* исчезли изъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ и въ настоящее время распространены (въ значительномъ числѣ) только въ малорусскомъ нарѣчіи: бог*ови*, бог*ові* (рядомъ съ бог*у*); они употребляются въ значеніи не только дат., но и мѣстн. ед.

Формы зват. ед. на *у* также исчезли изъ великорусскихъ говоровъ, но еще существуютъ въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ, въ первомъ рѣдко: сынк*у* (рядомъ съ кум*е*), во второмъ часто: дід*у*, сват*у* и т. п. (рядомъ съ дід*е*, сват*е*).

Формы имен. мн. на *ове*, *еве* сохранились въ ничтожномъ количествѣ въ великорусскихъ говорахъ, или въ древнемъ своемъ видѣ: онежск. (пѣсенн.) татар*ове*, улан*ове*, путивльск. цар*еве*, или въ видоизмѣненіи: сват*овья* (изъ сват*ове*), кум*овья* (изъ кум*ове*); сравни сын*овья* (изъ сын*ове*, основа на *ъ*). Въ бѣлорусскихъ говорахъ они также очень рѣдки: сват*ове*, муж*ове*. Малорусское нарѣчіе имѣетъ ихъ въ большемъ числѣ, особенно говоръ лемковъ: сват*ове*, вітр*ове* (рядомъ съ сват*и*, вітр*и*).

Формы род. мн. на *овъ*, *евъ* имѣютъ широкое распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ. Великорусскіе и бѣлорусскіе говоры еще сохраняютъ старыя формы род. основъ на *о*: глаз*ъ*, раз*ъ*, рог*ъ*, сапог*ъ* и т. п., но они въ нихъ крайне малочисленны (рядомъ съ ними: рог*овъ*, сапог*овъ*). Въ малорусскихъ говорахъ старыхъ формъ род. мн. больше: год*ъ*, час*ъ*, кон*ъ*, но они все таки являются исключеніями. Даже слова средняго р. основъ на *о*, въ значительномъ большинствѣ случаевъ сохраняющія древнія окончанія, въ род. мн. нерѣдко имѣютъ окончаніе *овъ*: великор. мѣст*овъ*, дѣл*овъ*, съ сердц*овъ*, кушань*евъ*, ружь*евъ* (у Гоголя), гулянь*евъ* (у Писемскаго); у Сумарокова: я подозрѣні*евъ* достоинъ ли такихъ (Хоревъ); у Скорины: разныхъ заважи*евъ*, Второзаконіе, 47 об.

Изъ словъ съ основою на *ъ* въ настоящее время ни одно не

сохраняетъ древняго склоненія; всѣ они склоняются одинаково со словами съ основою на *о*.

Смѣшеніе основъ на **о** *и на* **ь**. Слова съ основою на *ь* мужеск. рода имѣли ту же судьбу, что и слова съ основою на *ъ*. Всѣ прилагательныя съ этою основою (кромѣ числительныхъ *триѥ*, *четыриѥ*) утратили свое древнее склоненіе еще въ доисторическую пору: одни перешли въ склоненіе основъ на *о*, другія стали несклоняемыми. Къ послѣднимъ изъ нихъ мы можемъ отнести такія прилагательныя, какъ *испльнь*, *свободь*, *неудобь*, которыя встрѣчаются въ церковно-славянскомъ языкѣ, напримѣръ, въ Супрасльской рукописи: *испльнь* небо и вся земья славы ѥго, два брата *испльнь* сѫшта вѣры, *свободь* ѥго сътвориши и которыя извѣстны также русскому языку: современн. *особь* статья. Значительная часть существительныхъ съ основою на *ь*, также еще въ глубокой древности, утратила формы древняго склоненія, и только на основаніи данныхъ литовскаго языка и фонетическихъ особенностей этихъ словъ мы можемъ думать, что они нѣкогда принадлежали къ склоненію основъ на *ь*. Мы можемъ смѣло сказать, что всѣ слова муж. р. въ родѣ *зѧть*, *тать*, съ окончаніемъ *ть*, прежде принадлежали къ числу словъ съ основою на *ь*, такъ какъ, если бы они принадлежали къ словамъ съ основою на *о*, то въ нихъ *т* смягчилось бы передъ *j* и мы имѣли бы въ церк.-славянскомъ языкѣ *зѧшть*, а не *зѧть*, въ русскомъ зячь и т. д.; точно также, мы можемъ сказать, что всѣ слова муж. р. на *дь*, *бь*, *вь*, *пь* нѣкогда принадлежали къ склоненію основъ на *ь*.

Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма мы находимъ смѣшеніе основъ на *ь* съ основами на *о* въ единств. числѣ и видимъ, что часто слова съ основою на *ь* принимаютъ падежныя окончанія основъ на *о* и весьма рѣдко, на оборотъ, слова съ основою на *о*—окончанія основъ на *ь*. Въ этихъ памятникахъ встрѣчаются рядомъ формы родит. п. огн*я*, звѣр*я* и огн*и*, звѣр*и*, дат. огн*ю*, звѣр*ю* и огн*и*, звѣр*и* и т. д.; но первыя болѣе часты, чѣмъ вторыя. Въ памятникахъ XIII—XIV в. древнія формы основъ на *ь* муж. рода чрезвычайно рѣдки и *ограничиваются* почти ничтожнымъ количествомъ случаевъ, глав-

нымъ образомъ отъ словъ: *гость*, *тьсть*, *зять*, *тать* и *путь*. Въ новгородской грамотѣ 1270 г. мы читаемъ: гост*и* нашему; въ Кормчей ок. 1282 г.: к зят*и* 487; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: церковьнаго тат*и* 251; въ новгородской грамотѣ ок. 1235 г.: гост*и* новгородьскому; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: отъ тест*и* своего 332, ко тьст*и* 410; въ Новгородской лѣтописи: къ зят*и* 130, възмолися зят*и* 193, на зят*и* его на Андрѣя 196; въ Ипатскомъ сп. л.: тьст*и* своему 207, к зят*и* 335, 361. Слово *путь*, хотя и не всегда (Ряз. Кормчая 1284 г.: дольготы пут*я* 129, отъ пут*я* 299 об.; Скорина: подлѣ пут*я*, Быт., 89), но сохраняетъ древнія формы склоненія въ ед. ч. и въ настоящее время.

Во множ. числѣ основы на *ь* муж. р. сохранили древнія формы вин. и род. пад. и остатки древнихъ формъ твор. пад. Въ род. пад. мы постоянно видимъ древнія формы въ родѣ гост*ьи* (откуда гост*ей*) и гост*ии*. Они послужили къ образованію такихъ же формъ и отъ основъ на *о* съ предшествующимъ *j* или мягкимъ согласнымъ. Мы находимъ: въ Ев. 1270 г.: пѣнязи*и* 49; въ Кормчей ок. 1282 г.: безъ стихар*ии* 613; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: муж*ии* 48, 58, 178; въ грамотѣ короля Казимира 1361 г.: иныхъ княз*ии*; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: княз*ии* 265, 347, 440, муж*ии* 14; въ Паремейникѣ 1378 г.: муж*ии* 9, 16 об., 106; въ грамотѣ Ягелла 1388 г.: рубл*ий*; въ Ев. 1393 г.: муж*ии* 18 об.; въ южно-русской грамотѣ еп. Даніила 1398 г.: кон*ий*; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: мѣсяц*ий* 110; въ Новгородской лѣт.: княз*ии* 308; въ Ипатскомъ сп. л.: муж*ии* 378, княз*ьи* 391, мѣсяц*ии* 384; въ Четьѣ 1489 г.: мѣсяц*еи* 16, 16 об. Въ современномъ русскомъ языкѣ вполнѣ обычны формы род. мн.: княз*ей*, нож*ей*, рубл*ей*, даже мѣсяц*ей* (при рубл*ёвъ*, мѣсяц*евъ*).—Въ творит. пад. мы изрѣдка находимъ древнія формы: гост*ьми*. Они не только сохранились, но и повели къ образованію, отъ словъ съ основою на *о*, новыхъ формъ твор. мн. на *ьми*: Добрилово Ев. 1164 г.: муж*ьми* 128 об.; грамота рижанъ въ Витебскъ около 1300 г.: кон*ьми*; Прологъ 1356 г.: нож*ьми* 2 об., страж*ьми* 87 об.; Лаврентьевскій сп. л.: меч*ьми* 76; Паремейникъ XIV в. (Троицк. Л. № 4): княз*ьми*

13 об.; Ипатскій сп. л.: кон*ми* 369. Подобныя формы мы находимъ изрѣдка и въ современномъ языкѣ. Обратное вліяніе, вліяніе основъ на *о* на основы на *ъ*, замѣчается въ твор. мн.: пут*и* темными, Ефремъ Сиринъ 1377 г. 58 об.—Кромѣ этихъ формъ, основы на *ъ* сохранили остатки формъ дат. и мѣстн. мн. на *ъмъ*, *ъхъ*; они встрѣчаются главнымъ образомъ въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ: гост*ёмъ*, гост*ёхъ*.

Смѣшеніе основъ на **о** *средн. р. и на* **ес** *средн. р.* Это смѣшеніе началось въ доисторической періодъ и кончилось тѣмъ, что древнія формы отъ основъ на *ес*, кромѣ имен.-вин. и род. мн., исчезли и ихъ мѣсто заняли новыя формы по образцу основъ на *о*; такъ, отъ *небо* развились новыя формы родит. п. ед. ч. неб*а*, дат. неб*у* и т. д., а древнія формы неб*есе*, неб*еси* исчезли. Нѣкоторыя слова съ основою на *ес* образовали новыя формы по образцу основъ па *о* съ сохраненіемъ суффикса *ес* во множ. ч.: неб*еса*, чуд*еса*, а одно также и въ единств.: кол*есо*, кол*еса*, кол*есу* и т. п. (древнее кол*о*, кол*есе*). Послѣднее нѣкогда имѣло новыя формы и безъ суффикса *ес*: договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: с кол*ы* (сравни въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: слов*ы* 144 об.); Лаврентьевскій сп. л.: на кол*а* 131, 251, на кол*ѣхъ* 252 (кол*а*—повозка). Особо стоятъ слѣдующія рѣдкія формы словъ съ основою на *ес*: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: божия чꙋд*еся* 245; Златоструй XII в. Публ. Б.: вся знамения и чюд*еся* (Срезневскій, Св. и з. XXXVIII, 74); Милятино Ев. 1215 г.: из оч*еся* 16, знамения велика и чюд*еся* 54 об.

Смѣшеніе основъ на **о**, **ъ**, **ь** *и на* **а**. Между тѣмъ какъ начало смѣшенія основъ на *о* съ основами на *ъ*, *ь*, *ес* относится къ доисторической эпохѣ, смѣшеніе основъ на *о*, *ъ*, *ь* и согласные всѣхъ родовъ (*волкъ*, *гость* и др.) съ основами на *а* женск. р. (*жена*) началось въ XIII в. Оно имѣло мѣсто въ формахъ дат., твор. и мѣстн. пад. множ. ч. и состояло въ томъ, что слова съ основами на *о*, *ъ*, *ь* усвоили себѣ для этихъ падежей окончанія основъ на *а*. Мы читаемъ: въ Паремейникѣ 1271 г.: єгуптян*амъ* 9, безакони*ямъ* 210 об., съ клобук*ами* 214, матигорьц*амъ* (отъ матигорьць), запись; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: къ латин*амъ* 36; въ новгородской гр. ок. 1305 г.: по постояни*ямъ*; въ

Ев. 1317 г.: владычьстви*ям*ъ 85 об.; въ Ев. 1339 г.: на сборищ*а*хъ 64, на сонмищ*а*хъ 76; въ Ев. 1354 г.: на распуть*я*хъ 117; въ Ев. 1355 г.: книжник*а*мъ 87; въ Прологѣ 1356 г.: къ гробищ*а*мъ 4 об., въ гробищ*а*хъ 4 об., 5; въ Ев. 1358 г.: о глагол*а*хъ 202 об.; въ новгородскомъ договорѣ съ Тверью 1371 г.: дворян*а*мъ, бояр*а*мъ; въ договорѣ 1373 г.: купц*а*мъ; въ Ев. 1393 г.: на торжищ*а*хъ 69, книжник*а*мъ 114; въ Тактиконѣ Никона Черн. 1397 г.: о раздор*а*хъ 6; въ Ев. XIV в. (Рум. Муз. № 434): по мѣст*а*мъ 56; въ Паремейникѣ XIV в. (Троицк. Л. № 4): требищ*а*мъ 43; въ двинской рядной XIV в.: посадник*а*мъ, княжоостровьч*а*мъ=—ц*а*мъ; въ двинской купчей XIV в.: чернц*а*мъ. Старыя формы дат. мн. въ родѣ волк*омъ*, кост*емъ*, твор. мн. волк*и*, мѣстн. мн. волц*ѣхъ*, кост*ехъ* (особенно твор. и мѣстн.) долгое время продолжали существовать рядомъ съ новыми формами на *амъ*, *ами*, *ахъ*, и мы ихъ находимъ въ значительномъ количествѣ въ памятникахъ не только XIV—XV в. (здѣсь они господствуютъ), но и XVI—XVII в.: Судебникъ 1550 г.: съ князи*и*, на отвѣтчик*ѣ*хъ, на послус*ѣ*хъ, въ заим*ѣ*хъ; Домострой: з гриб*ы*, с рыжик*и* 86, въ сундук*е*хъ 93, 94, в пироз*ѣ*хъ 117, в погреб*е*хъ и на ледник*е*хъ 127 и т. п. Дѣловой московскій языкъ начала XVIII в. еще нерѣдко сохраняетъ ихъ; но сомнительно, чтобы они въ это время существовали въ Москвѣ въ живомъ употребленіи. Эти формы въ скудныхъ остаткахъ сохраняются даже въ современныхъ говорахъ: по дѣл*о*мъ, съ тесовыми ворот*ы* (Пушкинъ), сѣв.-вр. (былинн.): по стойл*о*мъ, съ добрыми молодц*ы*, галицк. (лемк. и бойк.) дат. час*і*мъ (изъ час*о*мъ), твор. час*и*, мѣстн. час*і*хъ (изъ час*ѣ*хъ).

Нѣкоторыя великорусскія формы мѣстн. множ., принимая новое окончаніе, сохранили древнюю мягкость согласныхъ: во луз*я*хъ (древняя форма: луз*ѣ*хъ, отъ лугъ), въ лѣс*я*хъ, въ утр*я*хъ (отъ утро), во сн*я*хъ, вмѣст*я*хъ (=вмѣстѣ), можетъ быть—въ тороп*я*хъ (отъ торопъ?).

Въ свою очередь основы на *о* оказали вліяніе на основы на *а* (а вмѣстѣ и на основы на *ъ*) въ формахъ твор. мн. Окончаніе этихъ формъ основъ на *о* —*ы* (волк*ы*) перешло въ формы основъ на *а*, и такимъ образомъ окончаніе этихъ послѣднихъ, вмѣсто древняго *амь*,

стало звучать *амы*. Новыя формы, въ родѣ слезам*ы*, городам*ы*, въ настоящее время имѣютъ широкое распространеніе въ сѣверно-великорусскихъ, южно-великорусскихъ (въ путивльскомъ) и бѣлорусскихъ говорахъ. Старые памятники, кажется, не знаютъ этихъ формъ; находящіяся въ нихъ формы твор. мн. прилагательныхъ: Прологъ 1356 г.: безаконьным*ы*, Ипатскій сп. лѣт.: ратным*ы* 431, околным*ы* 613, псковская Палея 1494 г.: надъ всѣм*ы* 158 и т. п., —едва ли не описки.

Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ основъ на **о**. Смѣшеніе основъ на *о* съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ (а равно слившихся съ ними древнихъ основъ на *ъ*) муж. и средн. р. (*волкъ*, *окно*) съ основами на *о* съ предшествующимъ *j* или мягкимъ согласнымъ (а равно и съ основами на *ь*) тѣхъ же родовъ (*конь, поле*) состояло въ томъ, что формы мѣстн. п. ед. и множ. ч. мягкихъ основъ, на мѣсто своихъ древнихъ окончаній *и* и *ихъ*, приняли отъ твердыхъ основъ окончанія *ѣ* и *ѣхъ*. Старшій случай этого смѣшенія находится въ Минеѣ 1095 г.: въ человѣч*ѣ* образѣ 81; онъ не внушаетъ довѣрія и очень похожъ на описку. Другіе случаи мѣстн. ед. на *ѣ* мы видимъ въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в.: при Анатоли*ѣ* 14; въ Паремейникѣ 1271 г.: при мор*е* 234 об., на лиц*е* своѥмь 254; въ Кормчей ок. 1282 г.: въ Ярославл*ѣ* 575; въ Ряз. Кормчей 1284 г.: на судѣ епископл*ѣ* 62 об.; въ Пандектахъ 1296 г.: въ многословиѥ своѥмь 107; въ Тріоди 1311 г.: въ стихирар*ѣ* 17, въ отц*ѣ* 31; въ Ев. 1317 г.: о слѣпц*ѣ* 12 об., въ сборищ*ѣ* 70; въ духовной Семена Гордаго: на Кержач*ѣ*, на княжень*ѣ*; въ духовной в. к. Ивана Ивановича: въ здоровь*ѣ*, по отц*ѣ*; въ Ев. 1354 г.: при мор*ѣ* 50, въ мор*ѣ* 70 об.; въ Ев. 1357 г.: во отц*ѣ* 21, 21 об., о княз*ѣ* 76 об., въ солнц*ѣ* 109, о слѣпц*ѣ* 115, в законѣ господн*ѣ* 171 об., въ Галич*ѣ*, запись; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: въ манастыр*ѣ*, въ огн*ѣ* 104 и т. п. Случаи мѣстн. мн. на *ѣхъ* мы читаемъ въ Кормчей ок. 1282 г.: в мятеж*е*хъ 446; въ Ряз. Кормчей 1284 г.: в жилищ*е*хъ 93, о пастыр*е*хъ 87, на кра*е*хъ 148 об., въ манастыр*е*хъ 166, 167 об. и др., о мятеж*е*хъ 193 об., въ июдѣ*е*хъ 202, о лиц*ѣ*хъ 237; въ Псалтыри 1296 г.: въ манастыр*ѣ*хъ; въ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 г.: о кня-

*зе*хъ 10, въ манастыр*е*хъ 46; въ псковскомъ Апостолѣ 1307 г.: при князехъ, въ княз*ѣ*хъ запись; въ Тріоди 1311 г.: въ трѣхъ лиц*ѣ*хъ 79, 83 об.; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: на кривич*ѣ*хъ, на вятич*ѣ*хъ 18, на кон*ѣ*хъ 55, въ сторож*ѣ*хъ 65, в черньц*ѣ*хъ 451, —*е*хъ 461 и т. п.

Древнія формы на *и*, *ихъ* въ XIV в. были еще въ постоянномъ употребленіи, и, напримѣръ, въ договорѣ Семена Гордаго съ братьями мы читаемъ: при нашемь отц*и*. Теперь формы на *и* существуютъ въ большомъ количествѣ въ говорахъ бѣлорусскихъ (па кон*и́*) и въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ (въ московскомъ: въ забыть*и́*; въ путивльскомъ: на конц*и́*); большинство малорусскихъ говоровъ имѣетъ для мѣстн. ед. мягкихъ основъ *і* изъ *ѣ*. Формы на *ихъ*, кажется, теперь уже не существуютъ въ русскомъ языкѣ.

Обратное вліяніе, вліяніе мягкихъ основъ на твердыя, имѣло мѣсто только въ винит. пад. множ. ч., употреблявщемся также и въ значеніи имен. Оно состояло въ замѣнѣ окончанія вин. мн. твердыхъ основъ *ы* (волк*ы*) окончаніемъ того же пад. мягкихъ основъ *ѣ* (муж*ѣ*), и было извѣстно главнымъ образомъ въ старомъ новгородскомъ говорѣ: Прологъ 1262 г.: потове... прият*ѣ* быша 121 об.; Ев. до 1362 г.: горе вамъ лицемѣр*ѣ* 45, ученици іоанов*ѣ* 48 об., будуть трус*ѣ* 56, въстануть лжии христ*ѣ* 93 об., отпущаються грѣс*ѣ* 138 об., народ*ѣ* угнѣтають тя 143, что стоите праздьн*ѣ* 152 и др.; грамота 1372 г.: пословѣ Михайлов*ѣ*; грамота 1392 г.: побилѣ розбоиник*ѣ* Матьфѣева сына; Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г.: достоинии плод*ѣ* 47 об., суть устав*ѣ* положени 49 об., свят*ѣ*и сбор*ѣ* 51 об. и т. п. (нерѣдко); Новгородская лѣт.: начаша воевати город*ѣ* черниговьск*ѣ*е и възяша... и иные город*ѣ* мноз*ѣ* 158; Апостолъ 1495 г. Рум. Муз. (часто). Впрочемъ должно имѣть въ виду, что рядомъ съ подобными формами на *ѣ* нѣтъ формъ на *е* (въ родѣ лицемѣр*е*) и что *ѣ* можетъ быть графическимъ изображеніемъ звука *и*. Сравни соврем. бѣлорусск. имен. мн. мужик*ѣ́*, вовк*ѣ́*, вин. мн. вѣнк*ѣ́*, двор*ѣ́*.

Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ основъ на **а**. Основы женск. р. на *а* съ предшествующимъ твердымъ согласнымъ (*жена*) оказали вліяніе на основы на *а* съ предшествующимъ *j* или мяг-

кимъ согласнымъ (*душя*), которое имѣло своимъ результатомъ принятіе въ формы род. и дат.-мѣстн. ед., им.-вин. дв., им.-вин. мн. мягкихъ основъ окончаній формъ тѣхъ же падежей твердыхъ основъ.

Формы родительнаго пад. единств. ч. на *и* вмѣсто древняго *ѣ* (это *и* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ *ы* твердыхъ основъ: жен*ы*) встрѣчаются уже въ памятникахъ XI—XII вв., новгородскихъ и кіевскихъ: въ Минеѣ 1095 г.: изъ отроковичи 45, преподобныя Еѵфросиниі 192; въ Реймскомъ Ев. XI в.: святаго Иана прѣдьтеч*и* 23; въ Стихирарѣ 1157 г.: пророка Захари*и* 7, святыя Мария егюптяныни 133 об., святыя Мари*и* 156 об.; въ новгородскомъ Стихирарѣ XII в. (Син. Б. № 279): пророка Захари*и* 8, святыя Ефросини*и* 24 об., Зиновия и Зинови*и* 43; въ Житіи Θеодосія Печерскаго по сп. XII в.: нѣколику брати*и* 17, отъ суди*и* 36 об. Памятники XIII—XIV в., особенно сѣверно-русскіе, имѣютъ формы на *и* очень часто: Милятино Ев. 1215 г.: милостын*и* вашея 145; Прологъ 1270 г.: отъ Аримафѣ*и* 8, жены самаряныни 13, седмь брать*и* 45, не створивъ вол*и* 80; Паремейникъ 1271 г.; Кормчая ок. 1282 г.: без воли 473 об., безъ опитемь*и* 524, до пса и свиниi, не ползуѥши душ*и* 605 и др.; Рязанская Кормчая 1284 г. (часто); Пандекты 1296 г. (нерѣдко); въ Ев. 1317 г.: посредѣ пшениц*и* 38 об., кръви Захари*и* 51, срачиц*и* не възбрани 74, пророка Захарь*и* 108, пророка Иль*и* 123, святыя мучениц*и* 111; духовная Ивана Калиты: княгин*и* моѥѥ; духовная Семена Гордаго: у Овц*и*, своее купл*и*; Ев. 1354 г.: жены самаряныни 16 об., душ*и* не могуще убити 38 об., не имѣ земл*и* 44 об., у мытниц*и* 44 об., бес притч*и* 69 об., отъ смоковниц*и* 155; Евангелія 1355, 1357, 1358 гг.; Лаврентьевскій сп. л.; Паремейникъ 1378 г.; Тактиконъ 1397 г.

Древнія формы род. ед. мягкихъ основъ на *ѣ* въ памятникахъ XIV в. (напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ сп. л.) встрѣчаются еще часто. Въ настоящее время они сохраняются въ говорахъ малорусскихъ, въ большинствѣ которыхъ на мѣстѣ древняго *ѣ* слышится *і* (душ*і*), въ меньшинствѣ—*е* (душ*е*); говоры великорусскіе и бѣлорусскіе ихъ уже почти совсѣмъ утратили, такъ что ихъ остатки теряются среди массы формъ на *и*.

Формы дательн.-мѣстнаго п. ед. ч. на *ѣ* вмѣсто древняго *и* являются уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма: Минея 1095 г.: въ ветъсѣ одеж*ѣ* 93, къ ширын*ѣ* 99, святѣи госпож*ѣ* Богородиц*ѣ*, запись; Минея 1096 г.: въ пустын*ѣ* 51; но становятся многочисленными только въ памятникахъ XIII и XIV вв. Мы читаемъ въ Пантелеймоновомъ Ев. XII—XIII в.: въ власяниц*ѣ* 102, въ тьмьниц*ѣ* 146 об.; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: на земл*ѣ* 88; въ Трефолоѣ 1260 г.: къ зар*ѣ*; въ Ев. 1270 г.: земл*ѣ* содомьстѣи 29; въ Паремейникѣ 1271 г.: въ руцѣ господн*ѣ* 208; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: въ тяжѥ, по нуж*ѣ* 13, въ продаж*ѣ* 26; въ Кормчей ок. 1282 г.: по отн*ѣ* смерти 574 об.; въ духовной Ивана Калиты: далъ Федосьѥ; въ духовной Семена Гордаго: дяд*ѣ*, даю своѥи княгин*ѣ*, брать*ѣ*; въ Ев. 1354, 1355, 1357, 1358 гг.; въ Лаврентьевскомъ сп. л.; въ Тактиконѣ 1397 г.; въ Путенскомъ Ев. XIV в. (на овч*ѣ* купѣли 20, у тьмьниц*ѣ* 263).

Формы дат.-мѣстн. ед. мягкихъ основъ на *и* еще вполнѣ обычны въ памятникахъ XIV в., и, напримѣръ, въ духовной Ив. Калиты мы читаемъ: княгин*и* своѥи (дат.). Они сохраняются въ настоящее время въ говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ (душ*и́*) и извѣстны также въ великорусскомъ нарѣчіи (напримѣръ, въ путивльскомъ говорѣ). Но обыкновенно великорусскіе говоры употребляютъ формы дат.-мѣстнаго на *ѣ* (душ*ѣ́*), и притомъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, сѣверныхъ, окончаніе *ѣ* имѣетъ мѣсто въ формахъ не только мягкихъ основъ на *а*, но и основъ на *ь* женск. р.: на печ*ѣ́*, въ гряз*ѣ́* и т. п. (Домострой: в гряз*ѣ* 130).

Формы именит.-винит. пад. двойств. ч. на *ѣ* вмѣсто древняго *и* встрѣчаются изрѣдка въ памятникахъ XII—XIII и XIV вв.: Пантелеймоново Ев. XII—XIII в.: дъвѣ пътиц*ѣ* 39 об.; Ев. 1270 г.: дъвѣ тысящ*ѣ* 54 об.; Паремейникъ 1271 г.: кому син*ѣ* очи 158; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: 12 вѣкш*ѣ* 4; новгородская грам. ок. 1305 г.: по двѣ вѣкш*ѣ*; Ев. 1354 г. 38, Ев. 1355 г. 32, Ев. 1358 г. 38 об.: двѣ птиц*ѣ*; Прологъ XIV в. (Погодин. № 60): двѣ свѣщ*ѣ* 6 об. Эти формы, какъ и древнія формы дв. ч. на *и*, въ настоящее время уже не существуютъ.

Формы именит.-винит. п. множеств. на *и* вмѣсто древняго *ѣ* начинаютъ появляться въ достовѣрныхъ примѣрахъ съ XIII в.:

Милятино Ев. 1215 г.: начьнеть бити рабы и рабын*и* 103; Паремейникъ 1271 г.: съзижються пустын*и* 205, овьни и овьц*и* ихъ 216; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: крадеть овц*и* или козы 9; Кормчая 1284 г.: судь*и* видять 328; Тріодь 1311 г.: блудниц*и* чреплють твоѥ милосердьѥ (отъ блудниц*а*) 11 об.; Ев. 1354 г.: придоша птиц*и* 44 об., пасущии свинь*и* 70 об., внидоша в свинь*и* 99 об., начнеть бити рабын*и* 104; Ев. 1355 г.: внидоша въ свинь*и* 37 об., погуби убиииц*и* ты 51; Ев. 1354 г.: взрите па птиц*и*, въ житниц*и* събирають 35, 40, придоша птиц*и* 44 об., 68, птиц*и* позобаша 94 об.; Ефремъ Сиринъ 1377 г.: душ*и* вашѣ исполнены зависти 57 об.; Паремейникъ 1378 г.: паремь*и* (им.) 1 об., велмож*и* величаються 40, напои овц*и* наш*и* 82 об., бѣхъ три недѣл*и* 112, створю пустын*и* въ блата 122; Лаврентьсвскій сп. лѣт.: ископаша печеру и кѣль*и* и т. п.

Формы им.-вин. мн. на *ѣ* въ памятникахъ XIV в. (напримѣръ, въ Лаврент. сп. л.) встрѣчаются еще часто. Въ настоящее время они сохраняются въ говорахъ малорусскихъ, причемъ мѣсто древняго *ѣ* въ однихъ изъ нихъ занимаетъ *і* (душ*і*), въ другихъ—*е* (душ*е*); здѣсь они являются даже въ склоненіи основъ на *ь* женск. р. (сравн. въ надписи на крестѣ 1161 г.: мощ*ѣ*, имен., и т. п.). Говоры великорусскіе и бѣлорусскіе имѣютъ формы на *ѣ* въ скудныхъ остаткахъ и обыкновенно употребляютъ новыя формы на *и*.

Обратное вліяніе, вліяніе мягкихъ основъ на *а* на твердыя, мы наблюдаемъ въ формахъ род. ед. и имен.-винит. мн.

Формы род. ед. твердыхъ основъ на *ѣ* вмѣсто *ы* мы находимъ въ Минеѣ 1096 г.: съ высот*ѣ* 64; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: до сея сѫбот*ѣ* 77 об.; въ Паремейникѣ 1271 г.: отъ неправьд*ѣ* 24; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: по полу гривн*ѣ*, полъ гривн*е*; въ духовной новгородца Климента XIII в.: полъ гривн*е*, у Коз*ѣ*; въ договорѣ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: старост*ѣ* не судити; въ такомъ же договорѣ 1371 г.: с ыноѥ сторон*ѣ*; въ новгородской грам. 1392 г.: не поминати грамот*ѣ*, до Михаил*ѣ*, нѣтъ измѣн*ѣ*; въ Измарагдѣ XIV в. (Рум. Муз.): нищет*ѣ* ради 55 об.; въ Новгородской лѣт.: ис печер*ѣ* 10, безнатб*е* 45, у Нѣжат*е* 62, из Рус*е* 103, слушаюче льстьб*ѣ* ихъ 105, посадника дѣля Мирошк*е* и Иванка и Ѳом*ѣ* 114, Мирошк*е*

и Иванка не пусти 115, рѣп*ѣ* возъ 162 и др.; въ двинской рядной XIV в.: тысячя бѣлк*ѣ*, до жен*ѣ*; въ сѣверно-великор. грамотѣ XIV—XV в. (Мейчикъ, 117): отъ пунанцов*е* земли, отъ митрофанов*е* земли, отъ матфеив*е* земли, отъ Пунов*е* горки; въ Ипатскомъ сп. л.: из Москв*е* 407, до Москв*ѣ* 408; въ псковскомъ Трефолоѣ 1446 г. (Син. Б.): отъ Козодоев*е* лавици. запись. Нѣкоторые памятники новгородскаго происхожденія имѣютъ, согласно съ особенностью новгородскаго говора, *и* вмѣсто *ѣ*: договоръ съ Тверью 1270 г.: у Кюрил*и*; двинскія купчія XIV в.: с ыв*и*=съ ивы, до несторов*и* пожни; грамота 1667 г.: отъ берез*и*, до берез*и*.

Современный языкъ знаетъ еще формы род. ед. твердыхъ основъ на *ѣ* вмѣсто *ы* въ небольшомъ количествѣ: южно-великорусск. у голодной кум*ѣ* все хлѣбъ на умѣ, около вод*ѣ*, изъ Москв*ѣ*; сѣв.-вр. отъ Амелфы Тимофеевн*ѣ*; малорусск. съ правд*ї*, до торбинк*ї* и т. п.

Формы имен.-винит. множ. твердыхъ основъ на *ѣ* вмѣсто *ы* изрѣдка встрѣчаются въ тѣхъ же памятникахъ, которые имѣютъ род. ед. на *ѣ*, т. е. почти исключительно въ новгородскихъ: духовная Климента XIII в.: 4 гривн*е*, 13 ногат*е*; договоръ Новгорода съ Тверью 1314 г.: андрѣев*ѣ* дѣти; договоръ 1372 г.: на порук*ѣ*, тѣ грамот*ѣ* подереть; грамота 1392 г.: смотрѣвъ въ грамот*ѣ* въ стар*ѣи* въ заморьск*ѣи* въ хрестн*ѣи*, грамот*ѣ* опришьнии; Новгородская лѣт.: шнек*е* привезоша 99.

Въ современномъ языкѣ именныя формы им.-вин. мн. твердыхъ основъ женск. р. на *ѣ* встрѣчаются, кажется, только въ бѣлорусскихъ говорахъ, и то очень рѣдко: дзѣвк*ѣ́* вино выпили, ру́чк*ѣ* мые.

Переходъ именъ съ основами на **о** *и на* **т** *въ склоненіе основъ на* **а**. Нѣкоторыя имена съ основами на *о* и на *т* утратили свое древнее склоненіе и перешли въ склоненіе основъ на *а*. Сюда относятся прежде всего имена на *ло*, какъ исконныя русскія въ родѣ объѣда*ло*, вороти*ло*, заправи*ло*, Чури*ло*, такъ и заимствовавшія отъ этихъ послѣднихъ свое окончаніе, перешедшія изъ греческаго языка Михай*ло*, Дани*ло*, Гаври*ло* и т. п. Они первоначально склонялись во всемъ русскомъ языкѣ какъ слова на

о средняго рода, но въ сѣверно-русскихъ говорахъ рано начали переходить въ склоненіе основъ на *а*, т. е. оканчиваться въ имен. ед. на *а*, въ род. ед. на *ы* и т. д. Мы читаемъ въ духовной новгородца Климента XIII в.: Самуил*ѣ* даите боровъ; въ новгородской грам. 1392 г.: до Михаил*ѣ*; въ Новгородской лѣт.: съ Нездил*ою* 174, посла Нездил*у* Прокшиниця 218, убиша попа Петрил*у* 235, послаша Мануил*у* 163, убиша Рагуил*у* 123, постави церковь Гаврил*а* 98, послаша Гаврил*у* 214, убиша Данил*у* 232. Современные великорусскіе говоры обыкновенно склоняютъ слова на *ло* какъ слова женск. рода.

Уменьшительныя на *ко* первоначально были словами средняго р. (сравни греч. παιδίον, ἀνδρίον, γυναίκιον; у Аристофана: Σωκρατίδιον φίλτατον, γλυκύτατον Μυῤῥινίδιον — отъ Μυῤῥίνη; нѣмецк. mädchen, mütterchen, Jülchen) и склонялись такъ же какъ основы на *о*. Въ сѣверно-русскихъ памятникахъ до XIV в. включительно они обыкновенно сохраняютъ старое склоненіе: смоленская гр. 1284 г.: Дядк*о*, Федорк*о*; духовная Ивана Калиты: Бориск*у* Воркову; духовная в. к. Ивана Ивановича: Нестерк*о*; Новгородская лѣт.: Иванк*а* не пусти 115, съ Михалк*омь* 121, Михалк*у* Степаницю 127 и т. п.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: Василько, Владимирк*о*, Михалк*о* и т. п. (часто); Ев. 1389—1425 г., вѣроятно, московское (Публ. Библ.): діаконишк*о* Зиновиишк*о*, зап.; но рядомъ съ этими формами мы находимъ уже нѣкоторое количество новыхъ формъ: Минея 1096 г.: помагаи рабу своѥму Дъмък*ѣ*, запись (Дъмъка— уменьшительное отъ Даміанъ, съ измѣненіемъ гласнаго послѣ *д* подъ вліяніемъ глагола дъму и т. п.); новгородская грамота 1189—1199 г. (по копіи XIII в.): с Мирошк*ою*; духовная Климента XIII в.: у Борк*ы*, с Борк*ою*; Новгородская лѣт.: Мирошк*а* посадникъ 117, послаша Мирошк*у*, прия Мирошк*у* 111, Мирошк*е* не пусти 115 и т. п. Памятники послѣ XIV в. имѣютъ формы и старыя и новыя вмѣстѣ, и, напримѣръ, въ московской грам. до 1472 г. (Лебедевъ, стр. 6) мы находимъ съ одной стороны: Ондреик*о*, Семенк*омъ*, Демидк*омъ*, на Семенк*а*, съ другой: Онанк*ою*, Онанк*у* (вин.). Современные великорусскіе и бѣлорусскіе говоры сохраняютъ нѣкоторое количество старыхъ формъ: великор. дружк*о́* (при дру́жк*а*), гнѣдк*о*, гнѣдк*а́* и т. д., сѣрк*о́*; сѣв.-великор.

Иванушк*о*, Сашк*о́*, батюшк*о*, у батюшк*а*, батюшк*омъ*, мое конишечк*о* дорожное (онежскія былины); южно-великор. путивльск. съ Ва́ськ*омъ*, съ дя́диньк*омъ*; но обыкновенно слова въ родѣ Васьк*а*, мальчишк*а*, мужичишк*а* склоняются какъ основы на *а*.— Малорусскіе говоры сохраняютъ старое склоненіе почти безъ измѣненія.

Уменьшительныя на *я*=древнее ѧ, въ родѣ Ван*я*, Кол*я*, Кат*я*, братен*я*, глупен*я*, нѣкогда имѣли основу на *т* и склонялись какъ телѧ: род. Ван*яте*, дат. Ван*яти* и т. д. Подобныя формы по памятникамъ намъ неизвѣстны, но мы можемъ ихъ возстановить на основаніи старо-сербскихъ уменьшительныхъ Андр*е* (изъ Андрѧ), Як*е* (изъ Якѧ), род. Андр*ета*, Як*ета* и т. д. (сравни в.-русск. Ван*ят*ка) и на основаніи современныхъ великорусск. гусен*ята*, жиден*ята*, малорусск. очен*ята* и др. То же можно сказать о старо-русск. (XVI—XVII вв.) Иванч*а* и т. п.; сравн. ново-болг. Иванч*о*, гдѣ *о* изъ *е*, ѧ. Эти уменьшительныя, съ тѣхъ поръ какъ ихъ застаетъ исторія, склоняются какъ основы на *а*.

Кромѣ этихъ словъ, есть нѣкоторое основаніе думать, что существительныя на *а* и *я* въ родѣ пройд*а*, рёв*а*, пустомел*я*, розин*я* только съ сравнительно недавняго времени стали склоняться одинаково съ жен*а*, земл*я* и что прежде они были не что иное какъ причастія наст. времени. Сравни съ пройд*а* — древне-русск. прич. им. ед. муж. р. ид*а*, чешск. jd*a* (отъ *ити*), съ пустомел*я*—церк.-слав. мелѧ, русск. мел*я* (отъ *млѣти*, *молоти*).

Смѣшеніе мѣстоименныхъ основъ. Мѣстоименное склоненіе меньше уклонилось отъ старины, чѣмъ именное. Прежде всего стоитъ отмѣтить нѣсколько случаевъ смѣшенія склоненія мѣстоименнаго съ именнымъ. Формы родительнаго пад. (они же формы и винит.) ед. личныхъ и возвратнаго мѣстоименій въ древнее время звучали мен*е*, теб*е*, себ*е*, такъ же, какъ звучатъ они и теперь въ малорусскомъ нарѣчіи. Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ эти формы исчезли и замѣнились формами, образовавшимися по образцу именныхъ формъ. Въ однихъ случаяхъ мѣстоименныя формы приняли окончаніе именныхъ формъ муж. р. *а* (то же что въ хлѣб*а*, кон*я*); въ другихъ — окончаніе *ѣ* (теперь *е*, не *ё*), взятое у старыхъ именныхъ формъ женскаго

рода (въ родѣ душ*ѣ*). Формы мен*я*, теб*я*, себ*я* не отличаются древностью и восходятъ по памятникамъ только къ XV в.: московская грамота 1436—45 г. (Лебедевъ, стр. 3): отъ мен*я*; моск. гр. 1474—78 г. (Акты Калачова, I, 448): за мен*я*; Домострой: себ*я* (часто); формы же мен*ѣ*, теб*ѣ*, себ*ѣ* встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма: Остромирово Ев.: въ себ*ѣ* пришьдъ 118, възьмѣте иго мое на себ*ѣ* 244; Архангельское Ев.: не посѣтихомъ теб*ѣ* 75; Минея 1095 г.: ис теб*ѣ* 89, 160, 206, 211, 232 и др. (очень часто); Пандекты Антіоха XI вѣка: не вѣмь теб*ѣ* 229 об.; Юрьевское Ев. ок. 1120 г.: у себ*ѣ* 101 об., у теб*ѣ* 162, за теб*ѣ* 178; Кормчая XII в. (М. Син. Б. № 227): въ себ*ѣ* мѣсто 4, за самого себ*ѣ* погубльша 12, къ нѣкоюму себ*ѣ* отъдасть 58, отълучить себ*ѣ* 91; Милятино Ев. 1215 г.: вы есте оправьдающеи себ*ѣ* 123, любити ближьняго яко себ*ѣ* 130 об., блюдите сами себ*ѣ* 132; Житіе Нифонта 1219 г.: видѣ самъ себ*ѣ* 126, отъ теб*ѣ* 131 об.; Пантелеймоново Ев. XII—XIII в.: ищуть теб*ѣ* 67, възлюбиши яко самъ себ*ѣ* 83 об., постави у себ*ѣ* 100 об.; Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII в. (очень часто). Изъ современныхъ говоровъ во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ и въ нѣкоторыхъ изъ южно-великорусскихъ (въ томъ числѣ въ московскомъ) мы находимъ въ постоянномъ употребленіи формы род.-вин. мен*я*, теб*я*, себ*я*; въ пинскомъ, переходномъ отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому, встрѣчаются рядомъ мен*е* и мен*я*; въ другихъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ обыкновенно слышатся формы на *ѣ*: мен*ѣ*, теб*ѣ*, себ*ѣ*; послѣднія впрочемъ изрѣдка являются и на сѣверѣ, при чемъ тамъ вмѣсто *ѣ* иногда слышится *и*: въ онежскихъ былинахъ: скидывайте съ себ*и* платьица цвѣтныи.

Затѣмъ, въ области мѣстоименнаго склоненія заслуживаютъ вниманія случаи смѣшенія однихъ мѣстоименныхъ основъ, твердыхъ, съ другими, мягкими. Великорусскія формы твор. ед. ч*ѣ*мъ, к*ѣ*мъ (древн. ч*и*мь, к*ы*мь, к*и*мь: Житіе Нифонта 1219 г.: повѣжь с к*ы*мь бесѣдовавъ 116; Прологъ 1262 г.: с к*ы*мь бесѣдуюши 87, ник*ы*мъ же видимъ 100; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: вывести послухы передъ к*ы*мь же купивъше 9) обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ твердыхъ основъ въ родѣ т*ѣ*мъ,

вслѣдствіе вліянія твердыхъ мѣстоименныхъ основъ на мягкія. Они не отличаются большою древностью, но первая изъ нихъ въ XIV в. въ московскомъ говорѣ уже существовала,—впрочемъ, рядомъ со старою формою ч*и*мъ. Въ духовной Семена Гордаго мы встрѣчаемъ послѣднюю: ч*и*мъ мя благословилъ отець; въ духовной Димитрія Донскаго находится первая: ч*ѣ*мъ.—Форма к*ѣ*мъ найдена нами въ Лѣствицѣ 1334 г.: ни надъ к*ѣ*мь же 8 об.

Цѣлый рядъ мѣстоименій съ твердою основою: *тъ*, *онъ*, *одинъ*, *самъ*, *инъ*, подобно именамъ, приняли въ именит. и винит. п. мн. ч. муж. и женск. р. окончаніе *ѣ* (то же, что въ вс*ѣ*) вмѣсто *ы* и *и*; такимъ образомъ вмѣсто древнихъ т*ы*, он*ы*, одн*ы*, сам*ы*, ин*ы*, т*и*, он*и* и т. д. явились новыя формы: т*ѣ*, он*ѣ*, одн*ѣ*, сам*ѣ*, ин*ѣ*. Эти формы мы находимъ изрѣдка въ памятникахъ XIII в.; онѣ уже нерѣдки въ памятникахъ XIV в.: Кормчая ок. 1282 г.: т*ѣ* (цари) спасаються 610; договоръ Новгорода съ Тверью 1314 г.: т*ѣ* (головы) поиду; духовная Семена Гордаго: т*ѣ* люди не надобны; Ев. 1355 г.: ины овца имамъ и т*ѣ* ми подобаѥть привести 154 об.; Прологъ 1356 г.: сам*ѣ* ядуще 92 об., бѣша святии т*ѣ* 94, он*ѣ* (бѣсы) хотяху 96, он*ѣ* же рѣша 97 об.; Ев. 1357 г.: он*ѣ* (посланные) възложиша руцѣ 107; Ев. 1358 г.: т*ѣ* утѣшаться, т*ѣ* наслѣдять землю, т*ѣ* насытятся и др. 32 об., 194; Лаврентьевскій сп. лѣтоп.: кто одолѣѥть мы ли он*ѣ* ли 45, печенѣзи тоняху ин*ѣ* въ инѣхъ рѣкахъ 147. Хотя въ настоящее время на нѣкоторыя изъ этихъ формъ (он*ѣ*, одн*ѣ*) принято смотрѣть какъ на формы исключительно женск. и средн. рода, но ни старые памятники, ни современный языкъ не даютъ права на такого рода взглядъ: у Котошихина: одн*ѣ* пушкари; въ онежскихъ былинахъ: он*ѣ* (богатыри) крестами помѣнялися, и т. п.; вообще народъ употребляетъ формы съ *ѣ* безразлично для всѣхъ трехъ родовъ. Формы т*ѣ*, он*ѣ* въ настоящее время свойственны всему великорусскому нарѣчію; одного образованія съ ними малорусск. т*ї*, вон*ї*, сам*ї* и т. п.

Нѣкоторыя мѣстоименія, принявшія окончаніе *ѣ* въ именит. и винит. множ. ч.,—въ творит. ед., родит., дат., творит. и мѣстн. множ. въ великорусскихъ говорахъ часто имѣютъ въ основѣ *и* на мѣстѣ древняго *ѣ*: великорусск. сам*и*мъ, сам*и*ми, сам*и*хъ,

одн*имъ*, одн*ими*, одн*ихъ* и т. п. (рядомъ: сам*ѣмъ*, одн*ѣмъ*); въ бѣлорусскомъ нарѣчіи тотъ же звукъ въ основѣ имѣетъ мѣстоименіе *весь*: вс*имъ*, вс*ихъ*, вс*ими*. Это *и* обязано своимъ происхожденіемъ вліянію мягкихъ мѣстоименныхъ основъ: сравни мо*ихъ*, тво*ихъ*. Трудно сказать, когда появились формы сам*имъ*, сам*ихъ*; формы вс*ихъ*, вс*имъ* мы видимъ нерѣдко въ зап.-русскихъ памятникахъ XIV в.: въ грам. Витовта 1383 г.: вс*ими* пожитки, вс*имъ* потомкомъ. Замѣчательно, что московскій говоръ прежде нѣсколько приближался къ бѣлорусскому нарѣчію: онъ имѣлъ формы вс*имъ*, вс*ихъ*, вс*ими*; такъ, въ духовной Ив. Калиты 1328 г. мы читаемъ: со вс*ими* волостьми, по вс*имъ* попьямъ. Въ старыхъ новгородскихъ вс*имь* (съ вс*имь* племенемь духовная Климента XIII в.), вс*ихъ* (двинская рядная XIV в.) и т. д. и въ современныхъ сѣв.-великорусскихъ вс*имъ*, вс*ихъ*, вс*ими* *и* можетъ восходить къ древнему *ѣ*.

На оборотъ, мѣстоименія, сохранившія *и* въ имен. и вин. мн.,—въ твор. ед., родит., дат., твор. и мѣстн. множ. иногда имѣютъ въ основѣ *ѣ*, на мѣстѣ древняго *и*: Пандекты 1296 г.: не с*ѣ*хъ токмо малыхъ 120 об.; кіевская Псалтырь 1397 г.: нечестьемъ сво*е*мь 98 об.; Мстижское Ев. XIV в. (Вил. Публ. Б.): всѣмъ сердцемь своѥмь 93 об.; псковская Псалтырь XIV в.: устъ моѥхъ; Новгородская лѣт.: стрыемь сво*е*мь 296; Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: оброки сво*е*ми; современн. великорусск.: твор. мо*е*мъ (не моѐмъ), с*ѣ*мъ, род.-мѣстн. мо*е*хъ, с*ѣ*хъ, дат. мо*е*мъ, с*ѣ*мъ, твор. мо*е*ми, с*ѣ*ми; так*е*хъ; до к*ѣ*хъ поръ (отсюда: до к*ѣ*ихъ —).

Нерѣдкія въ великорусскихъ говорахъ и обычныя въ говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ формы въ родѣ т*ы*хъ, одн*ы*хъ, сам*ы*хъ не имѣютъ никакого отношенія къ смѣшенію основъ; это—членныя мѣстоименныя формы, одинаковыя по образованію съ формами членныхъ прилагательныхъ: добр*ы*хъ и т. п.; они извѣстны въ памятникахъ съ давняго времени: съ одн*ы*мь духовная новгородца Климента XIII в.; т*ы*ми духовная Калиты.

Наконецъ должно упомянуть о заимствованіи основою мѣстоименія *чьто* у мѣстоименій *сь*, *мой* и друг. ихъ окончанія род. ед. и объ образованіи новой формы род. *чего* (Прологъ 1262 г.

80 об.). Эта форма, общая всему русскому языку, уже давно вытѣснила изъ употребленія древнюю форму род. *чьсо*.

Смѣшеніе падежей. Цѣлый рядъ измѣненій въ формальномъ строѣ русскаго языка имѣлъ своею причиною смѣшеніе падежей въ одномъ и томъ же склоненіи, или употребленіе однихъ падежныхъ формъ словъ въ значеніи другихъ падежныхъ формъ тѣхъ же словъ.

Именительный и звательный. Форму зват. пад. издревле имѣли только имена, и то не всѣ и не во всѣхъ числахъ. Она была свойственна только единственному числу существительныхъ муж. и женск. рода; множеств. и двойств. числа ея не имѣли, т. е. форма имен. п. этихъ чиселъ употреблялась, между прочимъ, въ значеніи зват. пад. Прилагательныя имѣли форму зват. п. рѣдко, и обыкновенно вмѣсто нея употреблялась форма имен. п. Сверхъ того, при рядѣ словъ, которыя должны бы были стоять въ формѣ зват. пад., иногда въ этой формѣ стояло только одно первое слово или нѣсколько первыхъ словъ, а остальныя имѣли формы имен. п. Наконецъ, славянскіе языки еще въ доисторическую эпоху утратили форму звательн. пад. отъ многихъ основъ на согласные звуки. Такимъ образомъ въ началѣ исторической эпохи русскій языкъ несомнѣнно имѣлъ форму зват. пад. въ единств. ч. только отъ основъ на *ъ*, на *о*, на *а* (едва ли всѣхъ: слова въ родѣ суд*и*, пустын*и*, кажется, не имѣли формы зват. п.) и на *ь* муж. и женск. р. Но въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма, кіевскихъ и новгородскихъ, мы уже встрѣчаемъ замѣну формы зват. пад. основъ на *о* и на *а* формою именит. п.: Остромирово Ев.: Мар'ѳ*а* Мар'ѳ*а* печешисѧ и мълвиши 217 об. (сравни въ ц.-слав. Зографскомъ Ев.: горе тебѣ Хоразин*ъ*, горе тебѣ Витъсаід*а* 14, 103); Минея 1095 г.: Захари*я* богодъхновене 45, Захари*я* священиче 47 и т. п.; Минея 1097 г.: Михаиле архистрати*гъ* 322; Путятина Минея XI в.: стрѣлу избьранѫ тя съкрываѭть Иѥреми*я* 2, Пелаги*а* прѣслав'ная попьрала ѥси 13 об.; Юрьевское Ев. ок. 1120 г.: лютѣ тебѣ Хоразин*ъ*, лютѣ тебѣ Виѳсаид*а* 43 об., 102 об., ты Каперънаум*ъ* сънидеши 43 об., 103; Галицкое Ев. 1144 г.: авва отъ*ць*, вся възможьна тобѣ суть 104; Пантелеймоново Ев. XII—XIII в.: Марф*а* Марф*а* печешися 207.

Памятники XIII—XIV в., сѣверно-русскіе, имѣютъ эту замѣну нерѣдко: Милятино Ев. 1215 г.: горе тебѣ Хоразинѣ 94; Тріодь Саввина до 1226 г.: радуитася Марѳ*а* и Мари*я* 68 об., отъврьзи ми зѣници, сынѣ Давыдовъ, съпасе нашь 164 об.; Ев. 1270 г.: врачь исцѣлися самъ; Ев. XIII в. Ярославскаго Архіерейскаго Дома № 1: горе тобѣ Хоразинѣ, горе тобѣ Вифсаид*а* 47, Иѥрусалиме Иѥрусалимѣ избивыи пророкы 74 об.; Ев. 1357 г.: радуися царь июдѣискъ 146, 148, Марѳ*а* Марѳ*а* печешися о мнозѣ 159; Ев. 1358 г.: горе тобѣ Хоразинѣ 41, Лазорь гряди вонъ 156 об., радуися царь июдѣискъ 184 об., 186, 186 об.; Ев. 1393 г.: лютѣ тебѣ Хорязинѣ 38 об., 92 об., Закхѣ*ѣ* слѣзи 124, Лазорь гряди 147 об.; Мстижское Ев. XIV в.: отроковиц*а* въстани 91, и др. Слово *братия* имѣетъ, вмѣсто формы зват., форму имен. особенно часто: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: брати*я* отъ сего разумѣѥмъ 131; Житіе Ѳеодосія Печ. XII в.: чада моя и брати*я* 38, обѣщаюся вамъ брати*я* 38 об.; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: шедъше брати*я* убиите и 2 об., брати*я* моя милая отъдаите 3 об., не дѣите мене брати*я* моя 5; Житіе Нифонта 1219 г.: се же мънѣ отьци и брати*я* повѣдающи 44, не мозѣмъ брати*я* прельститися 71; Апостолъ 1220 г.: тѣмъ брати*я* дължьници ѥсмъ 40, молю васъ брати*я* 59, препираюся брати*я* моя о васъ 72 об., молю вы брати*я* 74 об., 76 об. и т. п.; запись при Галицкомъ Ев. ок. 1266 г.: вы господо и брати*я*... чътѣте. Сравни въ церк.-слав. Супрасльской рукописи: идѣмъ брати*я* моя 12, брати*я* не възбоимъсѧ 52 и т. п. Трудно сомнѣваться, что въ великорусскихъ говорахъ въ XIV в. уже преобладала, въ значеніи зват. п.,—форма имен.; но, несомнѣнно, древнія формы зват. отъ нѣкоторыхъ словъ были еще въ полномъ употребленіи. Такова форма *господине*: былъ господин*е* рядъ, двинская рядная; господин*е* игуменъ, господин*е* Григории, запись Ев. XIV в. (Срезневскій, Св. и з. XX); она нерѣдко встрѣчается и послѣ XIV в.: Домострой: не подиви господин*е* 49; документы XVI в.

Современные великорусскіе говоры утратили почти совсѣмъ формы зват. п. (кромѣ Бож*е*, Господ*и* и пѣсенныхъ: ой же ты, рата*ю*-ратаюшко; ой же ты, Иванушко Дубрович*у*) и на мѣстѣ ихъ обыкновенно употребляютъ формы имен. п. Бѣлорусскіе и

малорусскіе говоры сохраняютъ и въ настоящее время въ обиліи формы зват. основъ на *ъ*, *о*, *а*, въ родѣ сынк*у*, кон*ю*, пан*е*, рыб*о*.

Рядомъ съ замѣною формы зват. пад. формою именит. пад., мы встрѣчаемъ и обратное явленіе—замѣну формы имен. п. муж. р. формою зват. п., наблюдаемое нами главнымъ образомъ въ древнихъ новгородскихъ памятникахъ. Первоначально, конечно, форма зват. пад. употреблялась вмѣсто формы имен. пад. только тогда, когда въ ней должно было стоять или собственное имя, или по крайней мѣрѣ слово, означающее одушевленный предметъ; но впослѣдствіи въ новгородскомъ говорѣ форма зват. п. въ значеніи именительнаго стала образовываться и отъ словъ, означающихъ предметы не одушевленные, и даже отъ мѣстоименій, прилагательныхъ и причастій (съ сохраненіемъ *к* передъ *е*). Мы читаемъ въ новгородскихъ памятникахъ: во вкладной Варлама Хутынскаго конца XII в.: въдал*е* Варлам*е*; въ Пантелеймоновѣ Ев. XII—XIII в.: блазнъ не хотию написан*е*, нъ дияволею пакостию, запись; Паремейникъ 1271 г.: писалъ азъ Олуферек 91, Богъ твок 124, 146 об., 253 об., былъ бы миръ твок 137 об., братъ мо*е* 139 об.,—твок 142, свѣтъ твок 149 об., рабъ твок 150 об., отьць мок 151, 162,—твок 164, царь тво*е* 169, спаситьль твок 227, сынъ твок 233; въ Кормчей ок. 1282 г.: Юрьк Володимѣричь, Юрьк сѣде 574 об.; въ Ев. 1355 г.: гнаше и Симон*е* и иже бяху с нимь 112; въ Новгородской лѣт.: заложи церковь Сьмьюн*е* Дыбачевиць 96, сърубиша церковь Къснятин*е* съ братомь 99, останък*е* разидеся, новгородьци останък*е* живыхъ послаша Гюргя 162, Иванк*е* Тимошкиниць 220, придоша... Петр*е* Водовиковиць 229; въ новгородской грам. 1392 г.: посадник*е* и весь господинъ велик*ы*и Новъгородъ, т*ъ* товаръ, что в Ругодивѣ порубилѣ, и противъ того товара..., дворъ ихъ погорѣл*е*; въ двинской рядной XIV в.: Завк*е* ста на судѣ, Савк*е* рче, Смен*е* Ночин*е* имал*е* по рукописанью и взял*е* у насъ...; въ двинскихъ купчихъ XIV в.: купи Игнат*е*, да Игнат*е*, Грихн*е* Даниловъ, Иван*е* Федоровичь, Онтан*е* Кузмин*е*, Климята Васильєв*е*, Зѣновеи Иванов*е*; въ новгородской духовной нач. XV в.: Максимк*е*, Яковк*е* (Акты Юр. 430). Памятники не новгородскаго происхожденія XII—XIV вв.

знаютъ употребленіе формы зват. п. муж. р. вмѣсто имен. п. почти исключительно въ собственныхъ именахъ, и то очень рѣдко: Златоструй XII вѣка: Игнатиѥ повелѣваѥть 51, святыи Николаѥ явися 67 об., сътвори святыи Николаѥ 68 и др. Въ памятникахъ самаго конца XIV в. и слѣдующихъ вѣковъ форма зват. на *е* вмѣсто формы именит. отъ собственныхъ именъ на *ій* встрѣчается въ огромномъ количествѣ: Новгородскій Тактиконъ 1397 г., списанный съ средне-болгарскаго оригинала: рече Богослов*е* Григориѥ 28 об., святыи Діонусь*е*, великыи Василь*е* 2 об. и т. п.; новгородскій Апостолъ 1495 г.: Корнилі*е* сотникъ 40, Корнилі*е* бѣ чая, срѣте ѥго Корнилі*е* 42 и т. п.; московскіе литературные памятники XV—XVII в. (особенно житія святыхъ: Игнаті*е*, Василі*е*). Эти формы едва ли могутъ быть признаваемы за чисто русскія; кажется, они перешли къ намъ изъ средне-болгарскаго языка вмѣстѣ съ поздними болгарскими текстами.

Кромѣ именит. пад., форма зват. п. въ новгородскихъ памятникахъ встрѣчается изрѣдка также въ значеніи винит. ед.: Паремейникъ 1271 г.: въ путе твоѥ 115 об., въ день третиѥ 134, пѣсъкъ въс краѥ моря 135 об., раздробляи хлѣбъ твоѥ 149, даси — 149 об., дьниця вѣсть чинъ своѥ 192, въ день 7-мыѥ 246; гр. 1392 г.: аже гдѣ изнаидуть или тать или товар*е*=товаръ.

Современный русскій языкъ знаетъ употребленіе зват. вм. имен. только въ пѣсняхъ: онежск. Петр*е*, Садк*е*, воронк*е*; бѣлорусск. улан*е*, панич*у*; малорусск. козач*е* и т. п.

Именительный и винительный. Какъ извѣстно, искони слова средняго рода имѣли одну и ту же форму какъ для именит., такъ и для винит. пад. всѣхъ чиселъ; слова муж. и женск. р. знали одну форму имен.-вин. п. для двойств. ч. Сверхъ того, въ славянскихъ языкахъ еще въ доисторическую пору ихъ существованія произошло, вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій, отожествленіе формъ именит. и винит. п. ед. ч. основъ на *ъ*, *о*, *ь* (сын*ъ*, вълк*ъ*, гост*ь*, кост*ь*) и имен.-вин. мн. ч. основъ на *а* и *ь* женск. р. (жен*ы*, кост*и*), а также началось употребленіе, въ основахъ на *ъв* и согласные муж. и женск. р., формъ вин. пад. ед. вмѣсто именит.: вин. кр*ъвь* вмѣсто имен. кр*ы* (эта форма имен.

п. ед. дошла до насъ только въ старо-польскихъ памятникахъ), вин. любъвь рядомъ съ имен. любы, вин. камень рядомъ съ имен. камы и т. п. Такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ въ первое время его исторіи всѣ формы имен. двойств. были вмѣстѣ съ тѣмъ формами вин. дв., большая часть формъ имен. ед. была тожественна съ формами винит. ед. и значительная часть формъ имен. множ. совпадала по звукамъ съ формами вин. мн. Въ XIII—XIV вв. нѣкоторыя формы имен. ед., несходныя съ вин. ед., въ родѣ любы, камы, повидимому, уже почти прекратили свое существованіе; по крайней мѣрѣ памятники не даютъ намъ основанія думать, чтобы въ XIII—XIV вв. они были распространены въ живомъ говорѣ. Только одна форма, и то видоизмѣненная,—форма имен. ед. церкви (изъ древней цьркы, церки) тогда еще была употребительна; она довольно часто встрѣчается въ Рязанской Кормчей 1284 г., въ спискахъ евангельскихъ текстовъ и—что особенно важно—въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт. (еще: смокви, Ев. 1393 г.). Въ то же время формы имен. п. множ. муж. р. стали уже смѣшиваться съ формами вин. мн., т. е. употребляться одни вмѣсто другихъ.

Нѣкоторое количество случаевъ употребленія формъ вин. множ. муж. р. въ значеніи именит. находится въ памятникахъ ранней эпохи: Святосл. Сборникъ 1073 г.: три друзи (не трие) 188; Архангельское Ев.: старьци людьскыи 98 об.; Юрьевское Ев.: дьни ти 67 об., 141, 167; Кормчая XII в. (Син. Библ. № 227): страньскыи попове 85 об.; Патерикъ Синайскій XII в. (Син. Библ.): пущени быхомъ три братия; Паремейникъ XII в. (Тип. Б. № 157): отимуться грѣхы 51; но эти случаи могутъ быть относимы на счетъ не русскаго, а церк.-слав. языка: сравни въ ц.-слав. Синайской Псалтыри им. мн. дьни 203, 220; въ Болонской Псалтыри: пѫти мои 370; въ Ассемановомъ Ев.: бракы бышѧ 9. Несомнѣнные примѣры смѣшенія им. и вин. мн. муж. р. встрѣчаются въ памятникахъ только съ XIII в., сѣверно-русскаго происхожденія.

Мы находимъ формы вин. вмѣсто формъ имен. (а вмѣстѣ и зват.) въ Житіи Нифонта 1219 г.: неислѣдованыя неизмѣрныя чины раставлени быша 113; въ Тріоди Саввиной до 1226 г.:

жьрьцѣ предаша 123 об., ликы ангельскыя веселяахуся 171; въ Прологѣ 1262 г.: друзии живы измани быша 60, въ немь же честьныя гвозды въложены суть 53 об., будуть устроѥни люди 75 об., звери снедають 108; въ Паремейникѣ 1271 г.: быша мі осьли и рабы 14, врази июдовы погыбнуть 83, изидуть вънуци аспидовы 92 об., вратници адовы 192, прави пути твои 214 об., будете ми люди 225 об.; въ Кормчей ок. 1282 г.: избрашася три браты 573 об., люди събираються 582, поють четвьрообразнии животы 594; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: люди́ вылѣзуть 13; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: инако съгрѣшающе в заточенье посылаемы суть 254, дарове овы суть... овы же суть отемлемы 290, рабы ражаються 313, фарисѣи сказаеми отълучены 360; въ Псалтыри 1296 г.: люди поучишася 3 об., вси пути господни 46; въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1314 г.: Юрьи Калѣка и вси талщикы (им. ед. тальщикъ), кто мои недругы; въ Ев. 1317 г.: гроби полны суть 50 об.; въ Ев. 1339 г.: моисѣѥвы ѥсмы ученици 23 об., очищаѥте... внутрь же полны грабленья, гроби... пoлъны суть костии 160 об., будуть острии пути 203; въ духовной Семена Гордаго: мои тивуни и посельскиѣ и ключники; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: отци мои душевныѣ; въ рязанской грам. послѣ 1356 г.: ямьщики ать не заимають людеи; въ Ев. 1354 г.: быша прикратилися дни ты 61 об., 80 об., будут бо дни ты печални 129 об., унци мои упѣтины (!) заколены 72; въ Ев. 1355 г.: вы отци игумены и попове, запись, люди сѣдящеи во тьмѣ 168; въ Ев. 1357 г.: своѣ не прияша 1, что стоите праздьны 43 об., прекратятся дни ты 62 об.; въ Ев. 1358 г.: хромии ходять прокаженыя очищаються 40 об., многи пророци въстануть 160; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: придоша рязаньскыѣ князи, и др.; въ Паремейникѣ 1378 г.: пути безумьныхъ правы 52, премудры созъдаша храмы, а безумны раскопаша 55 об., собрашася князи и упаты... вси князи странны 101; въ Ев. 1393 г.: вы печалны будете 27, что страшливы ѥсте 33, прокаженыя оцищаються 37 об., плевелы суть сынове непріязьнены 44 об., одержимы бяхуть 96 об.; въ двинской рядной XIV в.: виноваты ль ѥсте, ѥсмя невиноваты, посадники спросиша; въ Новгородской лѣтп.

измьроша коня вся 76, съдумавъше новгородьце показаша путь 115, одени въ бръне и коне ихъ, инии корабле стояху 137, ядяху люди листъ 162, меды изварены 232, сташа обоі послы 300.

На оборотъ, мы читаемъ формы имен. вм. формъ винит. въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: съзъвавъ князи и люди 144 об., идѣмъ въ ближьняя вьси и гради 147; въ Житіи Нифонта 1219 г.: князи имамъ 68 об.; въ Прологѣ 1262 г.: празднолюбьци (вин.) приведоша ми 14, держаще ножи и меци 35 об., положиша вси хлеби 120 об.; въ Паремейникѣ 1271 г.: грѣхы свои повѣдаша 44 об.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: на чюжии домы 201, єфиопьскыє образи черни въ багряни прѣложивъ 362, три єпископы старци привлекъ 388 об.; въ духовной Семена Гордаго: приказываю свои бояре; въ Псалтыри 1296 г.: въ боголюбивыя мужи, запись, подвигни черноризци и черноризицѣ 74 об.; въ Ев. 1355 г.: расыпа пѣнязи 4 об., прѣбысть яко три мѣсяци 155 об.; въ Ев. 1357 г.: будеть раздѣленъ... три на два а два на триє 81 об., съзывають другы и сусѣди 84, съзвавъ старѣишины и князи 113, пребысть яко три мѣсяци 173; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: пустити воробьи, нача вои совкупляти, удавиша кони (имен.) человѣци (вин.), и др.; Новгородская лѣт.: изищю муж(ѣ) новгородьстии 164, поимавъ стареишиє мужи новгородьстии 168, дары принесе кони и вельблуды 193, по Ярослава послове (вин.) послаша 286.

Въ XVI в. старыя формы имен. мн., теперь не существующія, повидимому, еще употреблялись въ живомъ говорѣ: Скорина: сапози имеите на ногахъ, Исходъ, 23; Судебникъ 1550 г.: пошлется на послуси. Въ грамотахъ конца XVI и XVII в. форма послуси встрѣчается еще часто въ формулѣ: „а на то послуси", но значеніе ея едва ли всегда было извѣстно писцамъ; по крайней мѣрѣ послѣ этой формулы иногда называется лишь одно лицо—свидѣтель.

Въ современномъ языкѣ мы почти совсѣмъ не находимъ древнихъ формъ имен. мн. существительныхъ муж. р. съ основами на *о* съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ и на *ъ*; они исчезли, и вмѣсто нихъ теперь во всемъ русскомъ языкѣ употребляются древнія формы винит. п.: волк*и*, труд*ы*, пут*и*, съ зна-

ченіемъ и имен., и вин. п. Равнымъ образомъ нѣкоторыя мѣстоименія имѣютъ, въ значеніи именит. и вин. мн. муж. р.,—древнія формы вин. мн.: великор. вс*ѣ*, т*ѣ*, он*ѣ*, одн*ѣ*, малор. вс*і* (*і* изъ *ѣ*), великор. и бѣлор. мо*ѣ*, тво*ѣ*, сво*ѣ*. Сверхъ того, малорусское нарѣчіе утратило древнія формы имен. мн. основъ на *о* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ и замѣняетъ ихъ древними формами вин. п.: кон*і* (*і* изъ *ѣ*), съ значеніемъ и имен., и вин. п. На оборотъ, въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ древнія формы имен. мн. основъ на *о* съ предъидущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ вытѣснили древнія формы вин. мн.; эти формы и формы имен. мн. нѣкоторыхъ мѣстоименій теперь имѣютъ также значеніе вин. мн.: луч*и*, мо*и*, тво*и*, сво*и*; кромѣ того, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи форма имен. мн. вс*и* есть также и форма вин. мн; Исключенія представляются съ одной стороны древними формами им. мн. основъ на *о* и нѣкоторыхъ мѣстоименій: черт*и*, сосѣд*и*, он*и*, сам*и*, одн*и*, рад*и* (отъ радъ), пьян*и* (В. Майковъ, Соч. 346), сыт*и*, изъ которыхъ *одни* употребляется въ значеніи какъ имен., такъ и винит., съ другой—древними формами вин. мн. основъ на *о* въ женц*ѣ́*, дожж*ѣ́*, пн*ѣ́*, изрѣдка встрѣчающимися въ бѣлорусскихъ говорахъ въ значеніи имен. мн.

Членныя прилагательныя и мѣстоименія въ настоящее время имѣютъ для имен. и вин. мн. муж. р. одни и тѣ же формы. Это или древнія формы имен. мн.: син*іи*, или древнія формы вин. мн.: добр*ыѣ*, или новыя смѣшанныя формы, составленныя какъ изъ именит. п. имени и винит. члена: син*іѣ*, такъ и изъ вин. имени и имен. члена: добр*ыи*. Смѣшанныя формы, свойственныя всѣмъ русскимъ говорамъ, извѣстны по памятникамъ со второй половины XIII в.: Рязанская Кормчая 1284 г.: ин*иѥ* деньѥ (имен.) 85; Пандекты 1296 г.: мирьс*кии* суще 42, мирьс*кыи* ѥсмы вси 45; Житіе Саввы Освящ. XIII—XIV в.: скитьс*кии* отци уставиша 35; Ев. 1354 г.: приведоша ему бѣсн*ыи* и раслабленыя 32, в мѣхы нов*ыи* 36, 65 об., рассадить вино мѣхы ветх*ыи* 65 об., 87; Лаврентьевскій сп. л.: послаша лѣнш*иѣ* мужи, мертв*ыи* срама не имамъ, сквозѣ половечьск*ыи* вои, и т. п. (часто); Новгородская лѣт.: черн*ыи* люди погнаша 267, приѣхаша послы татарьск*ыи* 271, посадивше мужи нарочит*ыи* (вин.) 305. Наше право-

писаніе употребляетъ изъ указанныхъ формъ только формы на *ѣ*, съ замѣною послѣдняго черезъ *е*: *ые*, *іе*; но въ живомъ великорусскомъ говорѣ формы на *и*, т. е. съ окончаніями *ыи*, *іи* пользуются несравненно большимъ распространеніемъ, чѣмъ формы на *ѣ*.

Къ числу случаевъ смѣшенія имен. и винит. пад. не слѣдуетъ относить употребленія формъ имен. ед. женск. р. при неопредѣленномъ наклоненіи, очень частаго въ грамотахъ до конца XVII в.: Милятино Ев. 1215 г.: достоить ли мужю жен*а* пустити 124; смоленскій договоръ 1229 г.: аже будѣте убитъ одн*а* гривн*а* серьбра заплатити, таков*а* правд*а* узяти; договоръ Новгорода съ Тверью 1270 г.: т*а* грамот*а* дати назадъ; договоръ Полоцка съ Ригою ок. 1300 г.: дати ему долг*ая*; духовная новгородца Климента XIII в.: взяти Климяте гривн*а* кунъ; Домострой XVI в.: сама бы знала како мук*а* сѣяти, како квашн*я* притворити, у крильца солом*а* переняти грязн*ая*, а ин*ая* класти, како кормити семь*я*, како поучяти мужу сво*я* жен*а*, како домъ устроити и всяк*ая* домашн*яя* порядн*я*; современныя московск. туда рук*а* подать, шутк*а* сказать, сѣв.-великор. надо душ*а* спасти, надо коров*а* купить и т. п. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ употребленіемъ именительнаго пад. (= подлежащаго) при неопредѣл. наклон. (=дополненіи), извѣстнымъ, кромѣ русскаго, также въ другихъ языкахъ, между прочимъ въ санскритскомъ и литовскомъ. Немногочисленные примѣры формъ имен. ед. женск. р. вмѣсто формъ вин., въ родѣ находящихся въ полоцкой грам. ок. 1300 года: есмь увѣдалъ любовь ваш*а* прав*ая* съ сыномь моимь; въ Новгородской лѣт.: даи Богъ исправити правд*а* новгородьск*ая* 218, даи Богъ молитв*а* кго свят*ая* всѣмъ крестьяномъ 225; въ двинской грам. XIV—XV в.: взялъ собѣ Степанъ полянк*а* (Ак. Юр. 271); въ Домостроѣ: соимя рубашк*а*, и даже въ современныхъ русскихъ говорахъ, — обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію оборота имепит. пад. съ неопредѣл. накл.

Нерѣдкія въ юго-западно-русскихъ документахъ XIV в. и слѣд. формы вин. и твор. ед. женск. р. на *а*: наш*а* печать завѣсили есмо, наш*а* присяг*а* и наш*а* вѣр*а* и честью, грамота 1388 г. (Archiwum... Sanguszków, I),—полонизмы; въ нихъ черезъ наше *а* передано польское носовое *а* (*ą*).

Родительный и винительный. Во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ мы встрѣчаемъ довольно частое употребленіе такъ называемаго родительнаго раздѣлительнаго (genitivus partitivus), т. е. употребленіе въ извѣстныхъ случаяхъ формъ родит. пад. вмѣсто формъ винительнаго: греческ. πίνειν οἴνοιο (Иліада), нѣмецк. des kalbes essen, франц. donner du vin, современн. русск. дать хлѣба, принести воды и т. п. При расширеніи такого употребленія родительнаго падежа, онъ сталъ являться вмѣсто винительнаго и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было яснаго понятія о раздѣленіи. Въ церковно-славянскомъ и древне-русскомъ языкахъ мы видимъ формы родит. пад. единств. ч. вмѣсто формъ винительнаго отъ именъ какъ означающихъ одушевленный предметъ, такъ и означающихъ предметъ не одушевленный, при глаголахъ и съ отрицаніемъ, и безъ отрицанія: Остромирово Ев.: грѧдѫшт*аого* къ мънѣ не иждენѫ вънъ. чьтѫ отц*а* моꙗ*его*, живот*а* вѣчьн*аого* имате; Слово о п. игор.: поостри сердц*а* сво*его*; новгородская грамота 1189—99 г. (по списку XIII в.): потвердихомъ мир*а* стар*ого*; Кириллъ Іерусалимскій XII—XIII в.: съзьда Иерусалим*а* 122 об.; Тріодь Саввина до 1226 г.: Христа за мир*а* молите 182 об.; Прологъ 1262 г.: старець труп*а* бьяше 93; Рязанская Кормчая 1284 г.: повелѣваꙗть нос*а* урѣзати 47, въсхытиста святительск*аго* сан*а*; смоленская грам. ок. 1230 г.: оже уръветь бород*ы* боярину; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: починить мост*а* ветх*аго* 23; Лаврентьевскій сп. лѣт.: възложиша на нь желѣз*а* горяч*а*; Ипатскій сп. лѣт.: емлета вѣр*ы*, бяшеть гнѣв*а* ему отдалъ и т. п. Въ древне-русскомъ языкѣ мы находимъ, сверхъ того, формы родит. дв. ч. мѣстоименій 1-го и 2-го лицъ (почти постоянно) и мѣстоименія *онъ* (часто) вмѣсто формъ винит.: Путятина Минея XI в.: *ваю* хвалимъ 12; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: *ваю* како похвалити 7 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: бѣда ожидаꙗть *наю* 136 об.; Ев. 1354 г.: Іанъ посла *наю* к тобѣ 90, кто въпрашаеть *ваю* 112, 138, срящеть *ваю* человѣкъ 138 об.; Лаврентьевскій списокъ л.: *наю* пустиши 173, мысля на *наю* 177, прия *ею* (двухъ княжичей) в любовь 368, и т. п. Само собою разумѣется, рядомъ съ родит. п. ед. ч. часто встрѣчается и винительный, особенно въ древнѣйшихъ памятникахъ и при

глаголахъ безъ отрицанія: Остромирово Ев.: прослави сынъ тво*и*, вѣрукши ли въ сынъ бож*ии*; договоръ Новгорода съ Тверью ок. 1265 г.: что ти пошло тивунъ сво*и* на своки чясти дьржати а новъгородьцъ на своки чясти дьржати; духовная новгородца Климента XIII в.: даю сив*ыи* жеребець, даите боровъ лутьш*ии*; Новгородская лѣт.: послаша къ Гюргеви по сынъ 55, прия Гюрги сыновьць въ миръ 56, по Фому посла по новоторожьск*ыи* посадникъ 160, убиша Овъстрата и сынъ его Луготу и вывьргоша *и* въ грѣблю мьртвъ 161, убиша Ивана братъ матѣквъ 180, подъ свят*ыи* Николу 213, нѣмцинъ убиша Данилу 232 и т. п.; галицкая грам. 1393 г.: дали шисть кобылъ а жеребець.

Съ теченіемъ времени употребленіе формъ родит. пад. вмѣсто формъ винит. распространилось и на множественное число, а также на мѣстоименія женск. рода единств. ч. Такъ, мы читаемъ въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ (по Успенскому Сборнику) XII в.: умысли съзьдати цьркъвь и съзьдавъ *кѣ*.... Но формы вин. мн. еще свободно употребляются какъ въ XIV в., такъ даже въ XV—XVI в.: приказываю сво*и* бояр*е*, духовная Семена Гордаго; судитъ игуменъ сво*и* люд*и* самъ, московская грамота 1455—62 г. (Акты Калачова, I, 103); про т*ѣ* дѣвк*и*, грам. 1541 г. (А. Юр. 47) и т. п.

Въ настоящее время формы родит. пад. употребляются вмѣсто формъ винит. въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) постоянно отъ всѣхъ словъ при глаголахъ съ отрицаніемъ; 2) постоянно отъ словъ муж. р., означающихъ одушевлённые предметы, или отъ замѣняющихъ ихъ мѣстоименій; 3) во множ. ч. отъ словъ женск. р., означающихъ одушевленные предметы, или отъ мѣстоименій; 4) въ ед. ч. отъ нѣкоторыхъ мѣстоименій женск. рода (великор. *её* или *ее*=*еѣ*, *тое*, *самое*, *одное*, *всее*); 5) отъ мѣстоименія *и* въ средн. р. (*его*, *ихъ*). Сравни въ Ев. 1357 г.: что отрѣшакта жрѣбя? она же рекоста яко Господь *кго* требукть 88; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: иже имате овца кдино... не изметь ли *кго* 38 об. Старыя формы вин. п. ед. и множ. чиселъ отъ словъ, означающихъ одушевленные предметы, встрѣчаются въ русскихъ говорахъ нашего времени чрезвычайно рѣдко: великор. отдать за мужъ, въ работник*и*, въ работниц*ы* и т. п.; но старыя формы

вин. двойств. ч. почти постоянно сохраняются: купить дв*а* кон*я*, дв*ѣ* коров*ы*. Формы род. ед. отъ словъ, означающихъ не одушевленные предметы, занимаютъ мѣсто винительнаго пад. болѣе часто: великор. дать раз*а*, тумак*а*, что грѣх*а* таить, бѣлорусск. мае рубл*я*, вынесъ гэт*ого* стол*а*, сцявъ (= стялъ) дуб*а* и т. п.

Обратное явленіе представляетъ употребленіе формы родит. ед. *чьсо* въ значеніи вин. и даже имен. п., начавшееся благодаря сходству этой въ своемъ родѣ единственной формы род. съ формами им.-вин. средн. р.: Архангельское Ев.: слава моя ни*ч'со* же ѥсть 4 об.; Юрьевское Ев.: нѣсть ни*чьсо* же таино 76, ни*чьсо* же достоино съмьрти обрѣтохъ 155; Добрилово Ев. 1164 г.: иже аще кльнѣться церковью ни*чсо* же ѥсть 78 об.; Ев. 1270 г.: ни въсхытить ихъ ни*чьсо* же 21; Пандекты 1296 г.: крада *чсо* ѥму въпадяше 79 об., и т. п. (рядомъ: *что* ради = чего ради, Прологъ 1262 г., Пандекты 1296 г. и др.). Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе ассимиляціи согласныхъ, форма *чсо* перешла въ *що* съ значеніемъ исключительно им.-вин.

Родительный и дательный-мѣстный. Смѣшеніе родит. пад. съ дат.-мѣстн. наблюдается только въ единств. числѣ въ словахъ женскаго рода. Какъ мы уже указали, древне-русскій языкъ, особенно новгородскій говоръ, зналъ употребленіе формъ родит. пад. женск. рода на *ѣ* отъ основъ на *а* съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ, т. е. онъ употреблялъ формы въ родѣ гривн*ѣ* вмѣсто гривн*ы*. При такомъ окончаніи форма родительн. пад. ед. ч. была по звукамъ тожественна съ формами дательнаго и мѣстнаго. Вслѣдствіе совпаденія формъ родит. съ формами дательн. и мѣстн. пад. образовалось въ великорусскихъ говорахъ (преимущественно въ тѣхъ, которые ведутъ свое начало отъ стараго новгородскаго) употребленіе формъ дательнаго и мѣстнаго падежей женскаго рода вмѣсто родительнаго съ одной стороны и родительнаго въ значеніи дательнаго и мѣстнаго—съ другой.

Старшіе памятники, исключительно новгородскаго происхожденія имѣютъ главнымъ образомъ формы дат.-мѣстн. ед. на мѣстѣ формъ родит.: Стихирарь 1157 г.: въ ручѣ своѥго сына и влады*цѣ* 183; Паремейникъ 1271 г.: извести и-земли ѥгупѣтс*тѣи* 210 об.; договоръ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: отъ вла-

ды*цѣ*; Прологъ 1356 г.: ис темници телесьн*ѣи* 54 об.; Новгородская лѣт.: у Вълѣнѣ у рѣ*цѣ*, боле кръви не пролья крьстьяньс*тѣи* 86, у свят*ѣи* Богородици 103, безъ влады*цѣ* 216; Ипатскій сп. л.: отъ свят*ѣи* Софьѣ 332.

Формы родит. въ значеніи дат.-мѣстн. появляются съ XIV—XV в. въ памятникахъ также новгородскаго происхожденія: въ Сильвестровскомъ Сборникѣ конца XIV в.: на онои стран*ы*; въ Прологѣ 1400 г.: ко святыма Козм*ы* и Дамьяну, запись; въ Ипатскомъ сп. лѣтоп.: поклонилъся еси нашему старѣйшин*ы* 138; въ 2-ой Новгородской лѣтописи по списку XVII в.: о опришнин*ы*, въ деревни Княжщин*ы*, на Вѣшер*ы* рѣки, въ земшин*ы* (Новгородскія лѣтописи, 98, 99, 105, 106); въ Словѣ о п. игор.: тяжко ти голов*ы* кромѣ плечю; въ пѣсняхъ, записанныхъ на русскомъ сѣверѣ (вѣроятно, въ Холмогорахъ) для Ричарда Джемса въ XVII в.: охте мнѣ, молод*ы*, горѣвати. Сверхъ того, мы читаемъ въ псковской грамотѣ 1483 г. (по сп. XVI в.): дали Климят*ы* соцкому, по псковской пошлин*ы* (Акты Юр. № 2). Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ слышится нерѣдко: въ моей дружин*ы*, ко дружин*ы*, къ Нѣпр*ы* рѣкѣ, по изб*ы*, по правд*ы*, по истин*ы*; точно также слышится въ южно-великорусскомъ путивльскомъ говорѣ: къ жен*ы*, на трав*ы*, къ удов*ы*, и коегдѣ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Смѣшеніе род. съ дател.-мѣстн. мы наблюдаемъ не только въ области существительныхъ женск. р., но и въ области прилагательныхъ членныхъ: новгородская грам. 1189—1199 г. по списку XIII в.: оже съгренеть (сброситъ) чюже*е* женѣ повои с головы, оже тяжа родить в ыно*е* земли въ городѣхъ; духовная Семена Гордаго: въ Юрье(в)ско*е* волости; Ипатскій сп. л.: по мило*е* своеи дчери; новгородскій актъ XVII в.: къ Пробоин*ые* улицы (Акты Калачова, II, 392).

Дательный и творительный. Смѣшеніе дат. и твор. пад., причины котораго для насъ неясны, наблюдается только во множ. числѣ. Случаи его, встрѣчаемые въ древнихъ памятникахъ, внушаютъ къ себѣ мало довѣрія и похожи на ошибки или описки: новгородск. Служебникъ XIV в. (Рум. М. № 399): даруи Боже молящи*ми*ся съ нами спѣние жития 16, сътвори нама

знаменик 30 (твор. вмѣсто дат.), со всими боящимися тебе и хранящи*мъ* заповѣди твоя 33 об. (дат. вм. твор.); новгородск. Служебникъ 1400 г.: даруи Боже и молящи*мися* с нами спѣянию житья 32 (твор. вм. дат.); Ипатскій сп. лѣт.: како будеть обѣи*ми* на*ми* годно... годно ли ти миръ... 256. Нѣкоторые современные сѣв.-великорусскіе говоры, знающіе мѣну *ц* и *ч*, употребляютъ формы дат. и тв. мн. смѣшанно, одни вмѣсто другихъ: съ дрова*мъ*, съ ва*мъ*, къ на*ми*, по поля*ми*; въ другихъ сѣв.-великорусскихъ говорахъ, а также кое-гдѣ въ южно-великорусскомъ (курскій говоръ) и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, встрѣчаются только формы дат. вмѣсто формъ твор.: съ на*мъ*, съ пташка*мъ* куропатка*мъ* и т. п.

Смѣшеніе чиселъ. Это смѣшеніе всего болѣе касается формъ двойственнаго числа съ одной стороны и единств. и множ. съ другой. Въ древнѣйшую пору жизни славянскихъ языковъ двойственное число имѣло полное количество формъ и употреблялось въ нихъ такъ же, какъ въ языкахъ санскритскомъ и греческомъ, именно въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда было числительное *два* или *оба*, 2) когда поименовывались или перечислялись два лица или предмета, 3) когда говорилось о предметахъ парныхъ— глазахъ, ногахъ, рукахъ, родителяхъ и т. п. Употребленіе формъ двойств. ч. въ указанныхъ случаяхъ мы находимъ въ древнерусскихъ памятникахъ до XIV в. включительно: при *два* или *оба*: Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: за мѣхъ *двѣ* нога*тѣ* 59; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *два* братеник*а* утекла, уби *два* сын*а* кго, съ *двѣма* сын*ома*, розоидошася *обѣ* свобод*ѣ* и т. п.; при перечисленіи двухъ лицъ или предметовъ: Лаврентьевскій сп. л.: съ сын*ма* свои*ма* Юргемъ и Володимеромъ, видѣ стоящ*а* мученик*у* Бориса и Глѣба, к тѣ*ма* мученик*ома* Борису и Глѣбу, и т. п.; при упоминаніи парныхъ предметовъ: Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: въ томъ бѣста родител*я* святаго 2; Житіе Нифонта 1219 г.: изуваше сапог*а* сво*я* 29; Лаврентьевскій сп.: подъ пазу*сѣ* 76, и т. п. Въ немногихъ случаяхъ слова, означающія парные предметы, издревле употреблялися въ двойств. числѣ и тогда, когда мы ожидали бы формъ множ. числа; такъ, въ Лаврентьевскомъ сп. мы читаемъ: Богъ вдалъ есть въ руц*ѣ*

наши. Сверхъ того, одинъ древній памятникъ—Новгородская лѣт. по сп. XIV в.—имѣетъ древнія формы двойств. ч. вмѣсто единств.; онъ, поименовывая два лица, употребляетъ двойств. ч. не только для относящагося къ нимъ сказуемаго или опредѣленія, но и для нихъ самихъ, обоихъ или одного: перенесена быста Борис*а* и Глѣб*а* (вмѣсто Борис*ъ* и Глѣб*ъ*) 8, на канонъ святою Петр*у* и Павл*у* (вмѣсто Петр*а* и Павл*а*) 74, на святую царю Констянтин*у* и Елены (вм. Костянтин*а*) 118, попъ святую Костянтин*у* и Елены 204. Нѣчто подобное мы читаемъ въ одной изъ приписокъ къ псковскому Ирмолою 1344 г.: о господина Козма и Дамиян*а* (вм. Дамиян*ъ* или Дамиян*е*), и въ одномъ мѣстѣ Лаврентьевскаго сп. лѣт.: до дву десяту и шест*ью* 27. Сравни въ санскритѣ māt*arā*pit*arā*, двѣ формы двойств. числа, = мать и отецъ (Delbrück, Syntaktische Forschungen, IV, 19).

Но съ теченіемъ времени рядомъ съ формами двойств. числа мы начинаемъ встрѣчать формы множеств. числа: Житіе Нифонта 1219 г.: помози рабо*мъ* свои*мъ* Ивану и Олексию написавшема книги сия, запись; духовная в. кн. Ивана Ивановича: из дву жеребь*евъ*; Ев. 1354 г.: нечистыма рукама рекше неумвены*ми* 76 об.; грамота Даніила Холмскаго 1376 г.: з обема берег*и*; Лаврентьевскій сп. л.: розоидошася обѣ свободѣ бесерменьск*ихъ*, имѣита послушанье к старѣишимъ ваю, иже *васъ* на добро учать, и т. п.; духовная Димитрія Донскаго: два ковша золот*ы*, изъ двою мо*ихъ* жеребь*евъ*, мо*и* два жеребья; двинская грам. XIV в.: обима истч*и*; грамота Свидригайла 1438 г.: двема коп*ьи*. Формы имен. п. двойств. ч. мѣстоименій 1-го и 2-го лицъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, какъ и въ церковно-славянскихъ, очень часто замѣняются формами множ. ч.: Остромирово Ев.: рече женама: не боите *вы* сѧ; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: *вы* небесьная чловѣка ѥста, *вы* князя княземъ 7 об.; Пантелеймоново Ев. XII—XIII в.: *вы* глаголета 25, коѥго духа ѥста *вы* 10; Житіе Саввы Освященнаго XIII в.: оба *вы* 92 об.; Паремейникъ 1271 г.: *вы* самѣ вѣста 145 об. (сравни въ Прологѣ 1262 г.: ангелъ не обрящеть *ва* 15, азъ отлучаю *ва* 18 об.). При этомъ иногда мы видимъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда форма двойств. числа стоитъ въ именит. или винительн.

пад.,—находящаяся съ нею въ тѣсной связи форма множ. числа имени прилагательнаго или мѣстоименія стоитъ не въ именительн. или винительн., а въ родительн.; такъ, въ западно-русской приплскѣ къ Луцкому Ев., XV в., мы читаемъ: застали ѥсмо 2 гривеньце злот*ыхъ*; въ грамотѣ Свидригайла 1422 г.: по два гроши польск*ихъ*; въ западно-русскомъ Лѣтописцѣ переяславскомъ XV—XVI в.: по двѣ кунѣ чрън*ыхъ* 12; въ Библіи Скорины: вделаемъ два кружки злат*ыхъ*; въ 2-й Новгородской лѣт. XVII в.: горіло два двора пуст*ыхъ* 117. Сравни современн. два богат*ыхъ* человѣка, двѣ зл*ыхъ* собаки (хотя рядомъ: два богат*ые* человѣка, и т. д.).

Въ то же время числительное *двѣнадцать*, прежде прилагательное, измѣнявшееся по родамъ и согласовавшееся съ именами и мѣстоименіями въ родѣ и падежѣ двойственн. числа: дъ*ва* на десять ученик*а*, дъв*ою* на десять ученик*у*, дъв*ѣма* на десять ученик*ома* и т. д.,—превратилось въ существительное (какъ *пять*, *десять*, *двадцать*) и стало сочиняться съ именемъ въ родит. п. множ. ч., вмѣстѣ съ тѣмъ утративъ способность измѣняться по родамъ: Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: имѣяше сынов*ъ* 12, л. 1; Милятино Ев. 1215 г.: съзъвавъ дъва на десяти ученик*ъ* своихъ 97 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: бѣ с нимь 12 бѣс*овъ* инѣхъ 122 об.; Тріодь 1311 г.: въздрадуються ученик*ъ* два на десять 42; сравни въ Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.: призъва *оба* на десяте ученик*ъ* сво*ихъ* 110.

Мало по малу старыя формы двойств. ч., кромѣ формъ имен.-винит., исчезли и ихъ мѣсто заняли или соотвѣтствующія имъ старыя формы множ. ч., или вновь образовавшіяся, новыя формы, также множ. ч. Такъ, формы дв*у*—дв*ою* (род.-мѣстн.), дв*ѣма*, оч*ью*, оч*има* и т. п. были вытѣснены вновь образовавшимися по образцу формъ множ. ч. формами дву-*хъ* (форма двойств. ч. *дву* съ окончаніемъ *хъ*, тѣмъ же, что въ и*хъ*, мои*хъ*), дву-*мъ*, дву-*мя* или дву-*ми*, оч*ей*, оч*амъ*, оч*ами*, оч*ахъ* (сравни кост*ей* и т. д.).

Формы имен.-винит. двойств. ч. муж. р. на *а* въ великорусскихъ говорахъ остались древнія (но: два рубл*и*), а формы именит.-винит. женск. и средняго рода почти всѣ образовались вновь.—

И тѣ и другія стали употребляться не только при числительномъ *два*, но и при *три* и *четыре*.

Формы именит.-винит. двойств. ч. муж. р. на *а* вполнѣ совпадали какъ по звукамъ, такъ и по ударенію съ формами родит. ед. Это послужило причиною образованія формъ именит.-винит. двойственн. женск. и средн. р. по образцу формъ родит. ед. тѣхъ же родовъ. Такимъ образомъ, напр., вмѣсто древней формы двойств. числа жен*ѣ* явилась тожественная съ формою род. ед. новая форма жен*ы́*. Подобнаго рода формы мы знаемъ по памятникамъ съ начала XIV в.: духовная Ив. Калиты: двѣ чар*ы*, двѣ чашк*и* кругл*ы*, двѣ гривенк*и*; Ев. 1355 г.: веземъ 2 рыб*ы* 52 об.; Ев. 1357 г.: приимъ двѣ рыб*ы* 45, двѣ цат*ы* 104; Паремейникъ XIV в. (Троицк. Л.): поятъ 2 жен*ы* 22; Ипатскій сп. л.: двѣ жен*ы* 450.— Формы дв. ч. средняго рода въ именит.-винит. пад. отожествились съ формами муж. р., т. е. получили окончаніе *а* (вмѣсто *ѣ*): Паремейникъ 1271 г.: лѣтъ 9 сътъ и дв*а*надьсять 62 об., лѣтъ 9 сътъ и дв*а* 63; Пандекты 1296 г.: двѣ послушани*я* 37; духовная новгородца Климента XIII в.: даю дв*а* сел*а*; дух. Ивана Калиты: далъ блюдо серебрьно а дв*а* мал*ая*; Прологъ 1356 г.: обрѣтохъ 2 слов*а* 32; Ев. до 1362 г.: аще кто поиметь тя поприще ѥдино иди с нимъ дв*а* 26 об.; Тактиконъ 1397 г.: чтень*я* двѣ 12, дв*а* варень*я* 14 об.; Ев. 1399 г.: дв*а* ок*а* имущю 98; Новгородская лѣт.: дв*а* лѣт*а* 334. Впрочемъ, въ XIV в. еще сохранялись въ великорусскихъ говорахъ и старыя формы двойств. ч. средн. рода; такъ, въ духовной Ив. Калиты мы читаемъ: 2 сел*ѣ* коломеньскии, 2 блюдц*и*; а форма дв*ѣ* ст*ѣ* существуетъ даже и теперь.

Форма женск.-средн. р. дв*ѣ*надцать въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ вытѣснила древнюю форму муж. р. дв*а*надцать; наоборотъ, въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ форма дв*а*надцать стала употребляться вмѣсто дв*ѣ*надцать (Ев. 1317 г., вѣроятно, западно-русское: дв*а* на десяте ко*ш*ниць 62).

Формы им.-вин. дв. муж. р. на *а* въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ въ настоящее время почти исчезли: два стол*ы*; сравни въ галицкой грамотѣ 1393 г.: два хрест*ы* серебная; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: да ему... ина два город*ы* 257; у Скорины: два кружк*и* златыхъ и т. п.; формы им.-вин. дв. женск. р. на *ѣ* въ остаткахъ

еще сохраняются: бѣлор. дзвѣ *нозѣ*, тры *копѣ*, малорусск. дві *нозі*, три *годині*. То же въ южно-великор. путивльскомъ: два *дворы*, двѣ, три, четыре *сосѣ* (отъ соха).

Сѣверно-великорусскіе говоры, потомки стараго новгородскаго говора, сохраняютъ употребленіе старыхъ формъ творит. пад. двойственнаго числа—съ значеніемъ множеств. ч.: рѣшотками желѣзны*ма*, песками рудожолты*ма* и т. п. (очень рѣдкое въ старыхъ памятникахъ; однако въ грам. 1578 г.: съ Васильевы*ма* дѣтми, А. Юр. 130). Сравни въ Новгородской лѣтописи XIV в. форму дат. мн.: по всѣмъ церква*ма*. Бѣлорусскіе и малорусскіе говоры имѣютъ также нѣкоторое количество формъ твор. п. на *ма* какъ старыхъ, съ значеніемъ двойств. ч.: очи*ма*, плечи*ма*, такъ и новыхъ, съ значеніемъ мн. ч.: бѣлор. слезы*ма*, малор. двери*ма*.

Смѣшеніе родовъ проникло главнымъ образомъ въ область именъ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій и почти не коснулось именъ существительныхъ. Оно состояло въ томъ, что формы именит.-винит. множ. муж. р. именъ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій въ томъ случаѣ, когда они не были тожественны по звукамъ съ формами женск. и средн. р., замѣнили собою эти послѣднія и такимъ образомъ стали употребляться при существительныхъ всѣхъ трехъ родовъ. Мы находимъ формы муж. р. вмѣсто формъ женск. въ Житіи Нифонта 1219 г.: въспущая хвалы всякоя чистоты исполнен*і* 122; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: книгы тро*і*, 50, дьяконисы истязан*і* будуть 59, сущ*и* в ніхъ дьяконисы причтен*и* будуть 56, (жены) да быша любимы был*и* 175; въ духовной новгородца Климента XIII в.: на сво*и* рукы; въ Ев. 1339 г.: аще быша силы был*и* 99; въ дух. в. кн. Ивана Ивановича: дѣти (женск. р.) мо*и*; въ Ев. 1354 г.: аще быша был*и* силы бывшая в тобѣ 41, бу*і* (дѣвы) рѣша 82 об., вѣтви омладѣл*и* будуть 130, блажен*и* неплодови 142 об., жены бяше пришл*и* 143 об.; въ Ев. 1355 г.: аще быша был*и* силы моя 34, жены ужасн*и* быша 149; въ Ев. 1358 г.: обители суть мно*зи* 28 об., жены *и*же бяху ицѣлен*і* 93, двери затворен*и* суть 99; въ Паремейникѣ 1378 г.: списаны быша книгы *сіи*, запись; въ Ев. 1393 г.: жены бяху прішл*і* 140, и т. п.—Формы муж. р. вмѣсто формъ *средн. р.* читаются нами въ дух. в. кн. Ив. Ивановича: *тѣ* села,

что ми ся достал*и* мѣста рязаньская; въ дух. Димитрія Донскаго: съ тѣми селы котор*ыѣ* тягл*и* къ Костромѣ; въ дух. Василія Димитріевича: села княгининск*ие* пошл*ые*, вс*ѣ* села федоровск*ие*; въ Ев. 1358 г.: дѣла зл*и* суть 8, помышленья зл*и* исходять 78 об.; въ Тактиконѣ 1397 г.: сказания собран*и* 13; въ Псалтыри XIV в. (Рум. М. № 327): уста полн*ы* горести; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: знаменья... не суть писан*ы*; въ Ев. XIV—XV в. (Спб. Дух. Ак. № 7): ѥвангеліа воскресн*ыи* заутрен*ии* 142. Впрочемъ, въ памятникахъ не только XIV вѣка, но и XV—мы еще часто встрѣчаемъ употребленіе старыхъ формъ имен.-винительнаго множ. средняго рода именъ прилагательныхъ и мѣстоименій; такъ, въ духовной Ивана Ивановича мы находимъ: изъ тѣхъ селъ котор*ая* будуть..., ин*ая* мѣста рязаньск*ая* отъмѣньн*ая*; въ духовной Димитрія Донскаго: по т*а* же мѣста, по котор*ая* мѣста; въ грамотѣ Свидригайла 1438 г.: вс*я* т*ая* мѣста; въ грамотѣ Казимира 1452 г.: *тая* имѣнья (Archiwum... Sanguszków, I); въ сѣверно-русской гр. 1517 г.: по котор*ая* мѣста (Акты Калачова, II, 490).

Въ настоящее время имена прилагательныя, причастія и мѣстоименія въ именит. и винит. множ. имѣютъ одни и тѣ же окончанія для всѣхъ трехъ родовъ; изъ нихъ прилагательныя, причастія и мѣстоименія членныя имѣютъ четыре окончанія: старое окончаніе именительнаго мужеск. р. *іи*, старое окончаніе винительн. мужеск. р. *ыѣ* и два окончанія смѣшанныхъ *іѣ* и *ыи*; такимъ образомъ мы говоримъ теперь совершенно одинаково: люди, вещи, села хорош*іе*, хорош*іи*. Ученіе нашихъ грамматикъ о томъ, что формы на *ые*, *іе* (=др.-русск. *ыѣ*, *іѣ*)—формы мужеск. р., а формы на *ыя*, *ія* (*я*=церк.-сл. ѧ)—формы женск. и средн. р., не имѣетъ подъ собою никакого основанія.

Причастія прошедшаго времени, такъ называемыя спрягаемыя (на *лъ*), которыя употребляются теперь исключительно какъ сказуемыя, сохранили, для подлежащихъ всѣхъ родовъ, только одну старую форму — форму мужеск. р., такъ что мы говоримъ теперь шл*и*, ѣхал*и*, дал*и* при подлежащихъ и муж. и женск. и средн. р.

Вліяніе однихъ падежей на другіе. Явленія, имѣющія своею причиною вліяніе однихъ падежей на другіе въ одномъ и томъ же

склоненіи, весьма немногочисленны. Къ числу ихъ принадлежатъ новыя формы множ. ч. въ родѣ великор. черт*ей*, черт*ямъ*, сосѣд*ей*, сосѣд*ямъ*, холоп*ей* и т. д., замѣнившія собою, приблизительно въ XVI в., старыя формы черт*ъ* или черт*овъ*, черт*омъ* или черт*амъ* и т. д. вслѣдствіе вліянія формъ имен. мн. черт*и*, сосѣд*и*, холоп*и* (сравни гост*и* — гост*ей* — гост*ямъ*). Къ числу ихъ принадлежатъ также и слѣдующія образованія.

Дательный и мѣстный пад. на **кѣ** *и т. п.* Слова, имѣющія передъ гласнымъ основы (передъ *о* или *а*) гортанный согласный, въ нѣкоторыхъ падежахъ: въ мѣстн. ед. и мн. муж. и ср. р., въ дат. и мѣстн. ед. женск. р. (а также въ им.-вин. дв. женск. и ср. р.), еще въ обще-славянскій періодъ утратили этотъ гортанный и замѣнили его соотвѣтствующимъ свистящимъ или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зубнымъ: вѫл*ц*ѣ, вѫл*ц*ѣхъ, рѫ*ц*ѣ, жень*ст*ѣ. Но всѣ прочія падежныя формы подобныхъ словъ сохранили свой гортанный, и ихъ вліяніе на падежныя формы съ свистящимъ или зубнымъ повело къ тому, что въ этихъ послѣднихъ гортанный появился вновь, заступивъ мѣсто свистящаго или зубнаго. Такимъ образомъ вліяніе формъ вълкъ, вълка и т. д. вызвало замѣну формъ вѫл*ц*ѣ, вѫл*ц*ѣхъ формами вѫл*к*ѣ, вѫл*к*ѣхъ. Формы дат. и мѣстн. п. съ гортаннымъ встрѣчаются уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: въ чловѣчьс*к*ѣи души 132, золобѣ жень*ск*ѣ 174 об.; Святославовъ Сб. 1076 г.: въ добротѣ жень*ск*ѣи 175, зълобѣ жень*ск*ѣ 180 об.; Минея 1096 г.: рабу своѥму Дъмъ*к*ѣ, запись; Слова Григорія Богослова XI в.: вос*к*ѣ 188 об.; Златоструй XII в.: по царьс*к*ѣи заповѣди; Лѣствица XII в. (Рум. М. № 198): на дъс*к*ѣ 176 об.; Житіе Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: въ чьрньчьс*к*ѣмь житии 16 об., въ селѣ манастырьс*к*ѣ 25 об.; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ: въ княжении Пиньс*к*ѣ 1, Смолиньс*к*ѣ 7, въ русьс*к*ѣи сторонѣ 7 об.,—земли 9 об., въ русьс*к*ѣ земли 8; Выголексинскій Сборникъ XII—XIII в.: о прельсти хрьстияньс*к*ѣи, о Студиис*к*ѣмь манастыри; договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: у Смольнѣс*кь* (*кь*=*кѣ*); Кормчая ок. 1282 г.: въ Изборьс*ке* 573 об.; духовная новгородца Климента: на Борь*ке*, и т. п. Памятники XIV в., по преимуществу сѣверно-русскіе, имѣютъ гортан-

ные вмѣсто свистящихъ и зубнаго уже нерѣдко (между прочимъ, Тактиконъ 1397 г.: о праздни*к*ѣх 24; Новгородская лѣт.: въ плътьни*к*ихъ 117). Мало по малу формы съ гортанными настолько распространились, что въ той или другой мѣрѣ вытѣснили древнія формы. Послѣднія совсѣмъ исчезли въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ и въ части говоровъ южно-великорусскихъ (въ московскомъ и ближайшихъ), но сохраняются въ такихъ южно-великорусскихъ говорахъ, какъ орловско-курскій, въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ: въ ру*ц*ѣ́ — въ ру*ц*і, при доро*з*ѣ — при доро*з*і, на вер*сѣ* и т. п. (рядомъ: на рѣч*к*ѣ — на річ*к*і).

Дательный-мѣстный и творительный пад. ед. ч. на оей и т. п. Формы род. п. ед. женск. р. членныхъ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій нѣкогда оканчивались у насъ на *оѣ, ѣѣ*: добр*оѣ*, син*ѣѣ*, т*оѣ*. Когда въ великорусскомъ нарѣчіи въ нѣкоторой части этихъ формъ исчезъ конечный *ѣ* и такимъ образомъ получились формы добр*ой*, син*ей*, т*ой*,—эти послѣднія оказали вліяніе на формы, сохранившія свой *ѣ*, и передали имъ свой конечный *j*, такъ что образовались новыя формы род. единств. добр*оей*, син*еей*, т*оей*. Звуковая близость окончаній *оей*, *еей* съ окончаніями дат.-мѣстн. и твор. ед. *ой*, *ей* повела къ тому, что формы въ родѣ добр*оей* получили значеніе не только род., но также и дат.-мѣстн. и твор. п. ед. женск. р. Далѣе формы род.-дат.-мѣстн.-твор. женск. р. въ родѣ добр*оей* оказали вліяніе на формы мѣстн. ед. муж.-ср. р., которое имѣло своимъ результатомъ образованіе формъ мѣстн. ед. муж.-ср. на *оемъ*, *еемъ*, въ родѣ добр*оемъ*.

Формы на *оей*, *оемъ* и т. п. мало извѣстны по памятникамъ. Мы можемъ указать только на Тактиконъ 1397 г.: въ всяк*оемъ* безъпристрастии 23, и на верхотурскій актъ 1663 г.: съ т*оей* деревни.

Современные великорусскіе говоры знаютъ въ обычномъ употребленіи только формы мѣстоименія *тъ*: московск. въ т*о̆ей*, съ т*о̆ей*, въ т*о̆емъ*; формы прилагательныхъ весьма часто употребляются въ пѣсняхъ (особенно въ былинахъ): по той дорогѣ прямоѣж*жеей*, во славн*оемъ* городѣ во Кіевѣ и т. п.

Бѣлорусское нарѣчіе знаетъ только мѣстоименныя формы женск. рода то*ей* и то*ёй*, одн*оей* и одн*оёй*, употребляющіяся въ значеніи род.-дат.-мѣстн.-твор. пад. Одинъ старый западно-русскій памятникъ—полоцкая гр. 1405 г. имѣетъ форму мѣстн. ед. (въ) вся*коимъ* дѣлѣ, которая показываетъ, что въ бѣлорусскомъ нарѣчіи прежде могла существовать и форма мѣстн. муж.-ср. р. то*емъ*, то*ёмъ*.

Сходныя малорусскія формы: род. ед. женск. р. т*оєі*, твор. т*оєю* и т. п., кажется, имѣютъ съ великорусскими формами только случайное сходство и образовались подъ вліяніемъ формъ въ родѣ м*оєі*, м*оєю*. Употребляющіяся рядомъ съ ними формы род. т*і*єі, т*и*єі, твор. т*і*єю, т*и*єю заимствовали свои *і* и *и*, по всей вѣроятности, изъ формъ дат.-мѣстн. т*і*й, твор. т*и*мъ и друг.

Именительный ед. *судья и т. п.* Нѣкоторое количество формъ имен. ед. женск. р. имѣло въ древности въ славянскихъ языкахъ окончаніе *и*: сѫди*и*, пустын*и*, больш*и* (сравнит. степ.), бывъш*и* (прич.) и т. п.; прочія падежныя формы были по окончаніямъ тожественны съ соотвѣтствующими формами мягкихъ основъ на *а*. Это въ русскомъ языкѣ повело къ образованію, рядомъ съ древними формами на *и*, — новыхъ формъ имен. ед. на *а*, которыя мы находимъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: Остромирово Ев.: яко же мъл'н*ия* исходить 145 об.; Святославовъ Сборникъ 1076 г.: суди*я* неправьдьныи 228 об.; Минея 1095 года: мълни*я* 171, млъни*я* 207; Архангельское Евангеліе: млънь*я* 121 об.; Житіе Ѳеодосія Печерскаго по списку XII в.: братия ту сущ*ая* 11 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: лани*я* 79 (=церк.-слав. ални*и*); смоленская гр. ок. 1230 г.: судь*я*; Ев. 1270 г.: церкы святящ*ая* злато 46, мълни*я* 47 об.; Кормчая ок. 1282 г.: судь*я* 587, риза бывш*я* на Христѣ 610 об.; Прологъ 1356 г.: удари ѥго бѣснующ*ая*ся 74 об.; Ев. 1358 г. 39 об., Ев. до 1362 г. 30 об., Мстижское Ев. XIV в. 31: душа болш*а* ѥсть пища. Формы на *а* мало по малу совсѣмъ вытѣснили изъ употребленія формы на *и*, кромѣ формъ въ родѣ пустын*и*, которыя мы находимъ не только въ памятникахъ XIV—XV в.: дух. Ив. Ивановича: княгин*и* Ульяна; Лаврент. сп.: княгин*и* 441; московская грам. 1429—32 г. (Лебедевъ, 2): язъ княин*и* княжа

Андреева;—но даже въ памятникахъ XVII в.: у Котошихина: боярын*и* честная 14, и въ современномъ русскомъ языкѣ: сѣв.-вр. княгин*и* (рядомъ съ новыми формами на *а*: Домострой: государын*я*, рабын*я*).

Вліяніе именъ собирательныхъ. Цѣлый рядъ измѣненій въ области великорусскаго склоненія имѣлъ своею причиною то, что формы именит. пад. ед. нѣкоторыхъ именъ существительныхъ собирательныхъ женск. и средняго рода получили значеніе формъ именит. множ. мужеск. и средняго р.; одни изъ этихъ именъ, женск. рода, оканчивались на *а*, *ья*; другія, средн. р., имѣли окончаніе *ье*.

Собирательное *господá* въ старомъ русскомъ языкѣ склонялось вполнѣ правильно,—какъ жен*а*. Въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г. мы читаемъ: аже закупъ бѣжить отъ господ*ы* 12; въ новгородской грамотѣ 1270 г.: холопъ почнеть вадити на господ*у*; въ Новгородской лѣтописи: кланяемся вамъ господ*ѣ* своеи; въ духовной кіевскаго князя Андрея Владимировича 1446 г.: при томь былъ архимандритъ и иныхь господ*ы* нашее старцевъ много; у Скорины: прошу васъ господ*о* моя, Бытіе, 33. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ *господа* склоняется какъ существительное женск. р. ед. ч. Въ сербскомъ яз. это слово сохраняетъ и до сихъ поръ свое старое склоненіе. Одинаково съ нимъ измѣнялись по падежамъ собирательныя *сторожа* (сравни церк.-слав. *стража*, польск. *stróża*), *хозяева*; послѣднее въ старыхъ памятникахъ не встрѣчается, но, судя по суффиксу, оно нѣкогда принадлежало къ числу собирательныхъ, какъ татар*ва*, жидо*ва*, лист*ва*, рже*ва* (=рожь, сѣверно-великор.).

Собирательныя съ окончаніемъ *ья*: *княжья* (откуда *князья*), *братья*, *зятья*, *дядья*, *шурья*, *дружья* (откуда *друзья*), также нѣкогда склонялись въ единств. числѣ, какъ слова женск. р. Мы читаемъ въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: отъ всякоя княжь*я* 47 въ Новгородской лѣт.: вся княжь*я* руськая, позванъ полотьскою княжь*ею* 100; въ Лаврентьевскомъ сп.: со всею князь*ею* 376, 379; сравн. старо-чешское knězie: snidu sě vyšehrazská knězie (Hradecký Rukopis, 9), соврем. польск. księża: księża są w poszanowaniu;—въ духовной в. кн. Ив. Ивановича: кого ми дасть Богъ зятью

по чепи имъ золотѣ; въ новгородской грамотѣ нач. XV в.: приказываю шурьи своеи Ивану и Василью (Акты Юр. 430); въ двинской грамотѣ XV в.: с шурiею своею (Акты Калачова, I, 440); въ грамотѣ 1584 г.: съ дядьею; въ актѣ 1625 г.: въ шурьѣ своее мѣсто, и др. Слово *братья* встрѣчается въ памятникахъ въ формахъ единств. ч. очень часто: Поученiе Владимира Мономаха: отъ братья моея, чти молодыя яко братью; Лаврентьевскiй сп. лѣт.: еже ся створи въ насъ въ братьи.—Нѣкоторыя изъ приведенныхъ словъ женск. р. сохранились и до настоящаго времени въ единств. ч.; такъ, напр., слово *братья* употребляется теперь въ единств. ч. въ значенiи монастырскаго братства; слово *сторожа* употребляется въ томъ же числѣ въ значенiи стража.

Собирательныя на *ье* въ старое время склонялись только въ единств. ч., какъ поле. Въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт., напримѣръ, мы находимъ различныя падежныя формы ед. ч. отъ собирательныхъ *столпье* (огородиша столпеемь, со столпья), *деревье* (по деревью извѣшати), *колье* (городъ съ кольемъ), *трупье* (в ысподи трупья). Формы ихъ множ. ч. встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ чрезвычайно рѣдко и, вѣроятно, перешли въ нихъ изъ церк.-слав. оригиналовъ: Галицкое Ев. 1144 г.: другая падоша на каменьихъ 27 об.; Патерикъ Синайскiй XII в. (Син. Б.): быша камения въврьжена 8 об.; Ряз. Кормчая 1284 г.: въ дрѣвѣхъ и въ каменьихъ 358 об. (сравни въ церк.-слав. Марiинскомъ Ев.: на каменеихъ). Многiя изъ этихъ словъ сохранили еще и теперь старое склоненiе: *тряпьё*, *дубьё* и т. п.

Собирательныя, главнымъ образомъ муж. и женск. р., въ старое время нерѣдко имѣли при себѣ глаголъ или опредѣленiе во множ. числѣ. Въ Сказанiи о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: приобрѣтоша братия 2; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: по сихъ братьи, отвѣщавше дружина рекоша, собрашася дружина, гдѣ *суть* дружина наша ихъже послахомъ по тя, братья наша исѣчена *суть*, приѣхаша ростовьская земля и т. п.; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: дружинѣ не вѣдущимъ его; въ посланiи м. Никифора къ Владимиру Мономаху: отвръжени быша латина; въ Прологѣ 1262 г.: придоша срацина воквать 78 об. Тожественное согласованiе собира-

тельныхъ мы находимъ также въ церк.-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ: въ Супрасльской рукописи: народъ поидошѧ на нь, стоѩщ*иимъ* и зьрѩшт*иимъ* народу; въ Остромировомъ Ев.: народъ стоѩ и слышавъ глагола*ахѫ*.

Вслѣдствіе такого употребленія, формы именит. п. ед. ч. нѣкоторыхъ собирательныхъ женск. р. получили значеніе формъ множеств. числа; т. е. форма именит. ед. *господа* сдѣлалася формою именит. множ. ч. къ именит. ед. *господинъ*; формы *братья*, *зятья*, *дядья*, *друзья* (или—какъ сохранилось въ разныхъ великорусскихъ говорахъ—*дружья*)—формами именит. множ. къ именит. ед. *братъ*, *зять*, *дядя*, *другъ*. Равнымъ образомъ формы имен. ед. нѣкоторыхъ словъ средн. р., предварительно принявшія окончаніе *я* вмѣсто *е*: деревь*я*, камень*я*, коль*я* и т. п., сдѣлались формами именит. множ. ч. къ именит. ед. *дерево*, *камень*, *колъ*. Подобныя формы встрѣчаются въ намятникахъ XIV в.; такъ, въ Ев. 1358 г. мы читаемъ: аще будуть струпь*я* (=трупь*я*) 161.

Новыя формы именит. множ. ч. на *а*: господ*а*, сторож*а*, брать*я*, деревь*я*, вызвали образованіе цѣлаго ряда другихъ формъ именит. множ. ч. на *а* съ предшествующимъ или твердымъ, или мягкимъ согласнымъ, или *j*; такъ, по образцу господ*а*, образовались формы именит. множ. колокол*а*, город*а*, таган*а* (Хожденіе Антонія Новгородскаго по сп. XV—XVI в., въ изд. Савваитова: в колокол*а* звонять 34; Лѣтопись Аврамки 1495 г.: город*а* поимаша нѣмѣчкія 159; Домострой XVI в.: котлы и горшки... таган*а* и решотки 125), погреб*а*, дом*а*, рог*а*, писар*я* и т. п.; по образцу брать*я*—формы сыновь*я*, сватовь*я*, кумовь*я* и т. п.; по образцу деревь*я*—формы полѣнь*я*, стуль*я*, пень*я*. Сверхъ того, нѣкоторыя изъ старыхъ формъ имен. множ. на *е*, благодаря вліянію новыхъ формъ именит. множеств. на *а* (брать*я*), стали оканчиваться также на *а*: древян*я* (Лаврентьевскій сп. л. 11), поѣзжан*я*, дворян*я*, татаров*я* (у Котошихина).

Новыя формы имен. множ., естественно, повели къ образованію значительнаго количества новыхъ формъ косвенныхъ падежей того же числа, быстро вытѣснившихъ собою старыя. Какъ скоро, напримѣръ, мѣсто формы именит. множ. господи*е* было занято формою господ*а*, немедленно образовались новыя формы родит.

множ. господъ, дат. господ*амъ*, твор. господ*ами*, которыя быстро вытѣснили старыя формы господ*ій*, господ*ѣмъ*, господ*ьми*; форма хозя*ева*, сдѣлавшись формою имен. мн. и занявъ мѣсто старой формы хозя*е*, повела къ образованію новыхъ формъ хозя*евъ*, хозя*евамъ* и т. д., которыя вытѣснили старыя формы хозя*й*, хозя*ямъ* (послѣдняя впрочемъ еще существуетъ: честь хозя*ямъ* отдала, Пушкинъ). Количество подобныхъ формъ косвенныхъ падежей довольно значительно; къ нимъ принадлежатъ, между прочими формы брат*ьевъ*, синов*ей*, синов*ьямъ*.

Время появленія новыхъ формъ—XIV в. Мы читаемъ въ духовной Ивана Калиты: по всимъ поп*ьямъ*; въ Тактиконѣ 1397 г., списанномъ съ средне-болгарскаго оригинала: брать*ямъ*, брать*ями*, брать*яхъ* (часто); въ Апостолѣ 1495 г. (Рум. Муз.): возвѣстите брат*іамъ* 50; въ Житіи Сергія, написанномъ Епифаніемъ, по сп. XVI в. (изд. арх. Леонида): брат*іамъ*, —*ами* (очень часто); въ Ипатскомъ сп. лѣт.: съ шюрь*ями* своими 224.

Надо замѣтить, что всѣ указанныя новообразованія принадлежатъ исключительно великорусскому нарѣчію и чужды нарѣчіямъ бѣлорусскому и малорусскому.

Измѣненія въ склоненіи именъ числительныхъ. Кромѣ замѣны древнихъ формъ род. *дву*, тв. *двѣма* новыми формами дву*хъ*, дву*мя*, дву*ми*, о которой былъ упомянуто выше, и кромѣ образованія новыхъ формъ косвенныхъ падежей великорусск. род. тр*ёхъ*, четыр*ёхъ* (вмѣсто древнихъ тр*ии*, тр*еи*, четыр*ъ*), твор. тре*мя*, четырь*мя* (по образцу дву*мя*), малор. род. дв*охъ*, тр*ёхъ*, пят*ёхъ*, десят*ёхъ*, дат. дв*омъ*, пят*ёмъ*, десят*ёмъ*, твор. дв*ома*, тр*ёма*, пять*ма*, десять*ма* и т. п., склоненіе именъ числительныхъ потерпѣло значительныя измѣненія.

Сложныя числительныя количественныя, въ родѣ *одинъ на десять*, *пять на десять*, *пять десятъ*, *шесть десятъ*, въ древнюю эпоху склонялись такъ, что только первая ихъ часть измѣнялась по падежамъ: Святославовъ Сб. 1073 г.: съборъ святыихъ съта и шест*и* десятъ и пяти отьць; Житіе Ѳеодосія Печерскаго по списку XII вѣка: бѣ уже съвъкупилося братия до пят*и* на десяте; Лаврентьевскій сп. л.: сем*ью* десятъ жерелъ, по сем*и* *десятъ женъ*, и т. п. Но съ теченіемъ времени обѣ части числи-

тельныхъ въ родѣ *одинъ на десять* слились одна съ другою настолько тѣсно, что образовали одно цѣлое, которое стало склоняться какъ *десять*, измѣняя или одну вторую часть, или и первую часть, и вторую: гал.-вол. Поликарпово Ев. 1307 г.: двѣ*ма* на десять*ма*; новгор. Ев. до 1362 г., псковское Лукино Ев. 1409 г.: двѣ*ма* на десять*ма*; Ев. 1393 г : двѣ*ма* на 10-*ма* 104; молдавская грамота 1412 г.: тыхъ дв*ухъ*надцать сотъ золотыхъ (Уляницкій); у Котошихина: будутъ лѣтъ пят*и*надцат*и* или сем*и*надцат*и*. Точно также и въ числительныхъ въ родѣ *пять десятъ* вторая часть отожествилась съ *десять* и, подобно первой части, стала правильно измѣняться по падежамъ: пят*и* десят*и*, пят*ью* десят*ью* и т. п.

Сложныя числительныя *два десяти*, *три десяте*, *четыре десяте*, въ древности склонявшіяся въ обѣихъ частяхъ въ двойств. или множ. ч., замѣнили формы десят*и* и десят*е* формою ед. ч. десят*ь*, послѣдовали за числительными въ родѣ *пять десятъ* и стали склоняться какъ эти послѣднія, измѣняя или обѣ части, или одну первую, или одну вторую часть: Архангельское Ев. 1092 г.: възвратишася седмь десят*ь* 134, до осми десят*ь* 157; Паремейникъ 1271 г.: поидоста оба и три десят*ь* мужь 12 об., ковьчегъ тридесят*и* лакътъ 72; Рязанская Кормчая 1284 г.: по трехъ десят*ь* лѣтѣхъ 293; Ев. 1354 г.: треми десят*ь* 67 об.; Ев. 1357 г.: два десят*ь* и пять стадии 8, бѣ яко трии десят*ь* лѣтъ 64 об.; Ев. 1358 г.: взврати три десят*ь* сребреникъ 185, четырьдесят*ью* шестью лѣтъ 5 об.; Ев. до 1362 г.: три десят*ь* 35 об., 151 об.; Ев. 1399 г.: два десят*ь* и пять стадии 2 об.; гал.-вол. Луцкое Ев. XIV в.: не оставить ли девяти десят*ї* и девяти 45.

Въ современномъ русскомъ языкѣ сложныя числительныя *одиннадцать*, *двѣнадцать* или (по-бѣлорусски и малорусски) *дванадцать* и т. д., *двадцать*, *тридцать* не измѣняются по родамъ и склоняются какъ *десять*, а сложныя числительныя *пятьдесятъ*, *шестьдесятъ* и т. д. склоняются въ обѣихъ частяхъ, во второй—такъ же какъ *десять*.

Числительное *сто*, обыкновенно сохраняющее древнее склоненіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ превратилось въ несклоняемое

слово: великор. о ст*о* человѣкахъ, малор. ст*о* хлопами (сравни въ гал.-вол. Типографскомъ Ев. XII—XIII в. № 6: три ст*о* 143; въ кіевскомъ Ев. 1411 г.: о ст*о* овець 147 об.; въ южно-русск. Пересопницкомъ Ев. XVI в : о ст*о* овець).

То же произошло съ тѣми числительными количественными, которыя вошли въ составъ сложныхъ числительныхъ порядковыхъ и въ настоящее время употребляются только въ именит. пад. ед. ч. Въ старомъ языкѣ на мѣстѣ этихъ числительныхъ количественныхъ обыкновенно были числительныя порядковыя, имѣвшія правильныя формы склоненія: въ четвьрьтодесятьнοѥ и второѥ лѣто (Святосл. Сборникъ 1073 г. 250); шестьдесятьныя и шестыя олѵмпиады (род. ед., Кириллъ Іерусалимскій XII в. 122 об.); въ тридесятьноѥ и шестоѥ лѣто (Апостолъ 1220 г. 7); въ четвертѣмь и осмьдесятнѣмь правилѣ (Ряз. Кормчая 1284 г. 66 об.); лѣта тисячного трисотного осмдесятого третего (западнорусск. грам. 1383 г.); в лѣто двѣсотное и третее (зап.-русск. Четья 1489 г.); шестисотого и первого лѣта (Скорина, Бытіе, 19 об.). Съ теченіемъ времени, такъ какъ на мѣстѣ числительныхъ порядковыхъ могли иногда находиться числительныя количественныя въ род. пад.: подъ лѣтомь божія пароженья тисячего трипсотъ шистьцятого шестого (галицкая купчая 1366 г.); въ лѣто 3-ѥ тысущи въ 700-ѥ и 70-ноѥ 1-ѥ (коломенская Палея 1406 г. 58 об.), въ лѣто семоѥ тысящѣ (гал.-вол. Ефр. Сиринъ 1492 г.), в лѣто осмое тисяшчи двадцать первого году (зап.-р. грам. 1513 г.); — то вмѣсто порядковыхъ числительныхъ стали являться количественныя, и уже не въ родит., а въ именит. п.; такъ, мы читаемъ: лѣта шестьтысячного девятьсотъ пятьдесятъ первого (зап.-р. грам. 1443 г.); лѣто шестьтысячное девятьсотное семдесятъ седмое (зап.-р. грам. 1468 г.); року тысяч*а* и чотыр*и*ста и деветьдесятого второго (зап.-р. грам. 1492 г.). Въ настоящее время въ сложныхъ порядковыхъ числительныхъ только одна послѣдняя часть есть дѣйствительно порядковое числительное, которое измѣняется по родамъ и падежамъ, а остальныя части являются постоянно въ видѣ числительныхъ количественныхъ, остающихся неизмѣнно въ формѣ имен. пад. ед.: двадцать *первый*, — *первого*, — первому и т. д.

Потеря склоненія. Нечленныя склоняемыя причастія настоящ. и прошедш. врем. дѣйствит. зал. и нечленныя формы прилагательныхъ сравнительной степени съ теченіемъ времени утратили способность измѣняться по родамъ, числамъ и падежамъ и лишились большей части своихъ падежныхъ формъ.

Причастія стали употребляться неправильно, не согласуясь съ именами въ родѣ, числѣ и падежѣ, довольно рано. Мы читаемъ въ Святославовомъ Сб. 1073 г.: повелѣ мнѣ прѣмѣну сътворіті рѣчи, инако набъдяшт*е* тождьство разумъ, запись; въ Юрьевскомъ Ев.: подобьни чловѣкомъ чающ*е* господа 123 об.; въ Златострyѣ XII в.: брашьно ѥже ти идущ*и* довълно будеть 75 об.: въ Житіи Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: оному съповѣдающ*и* ми 8, повелѣ ѥдиному отъ братии... несъш*е* въсыпати 27; въ Пантелеймоновомъ Ев. XII—XIII в.: яко самому вълѣзъш*е* въ корабль сѣдѣти 67 об.; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: видѣ смоковьницу имущ*и* листвиѥ 127; въ Житіи Нифонта 1219 г.: многашьды ми послушающ*е* молитвы ѥго 22, бѣда ѥму бѣ велика движющ*е* нозѣ 29, се мънѣ правьдьнику повѣдающ*е* 44 об., помоливъш*и*ся ѥпископъ старьцю 74, оному въ молитвѣ пребывающ*е* 114, горе инокомъ имущ*и* злато 140 об., исправ*я* чтѣте, запись; въ договорѣ Смоленска съ Ригою 1229 г.: русину не ставити дѣтьского не явивъш*е* старость латиньскому; въ Прологѣ 1262 г.: Богъ покаявш*е*ся ниневгитяномъ пощадѣ 25, сыну издаявъш*и* нищимъ 99, отъ съгрѣшении прѣставшімъ и въ истину покаявъся 104, ангелу рекш*е* имъ 110, хрьстьяномъ послушающ*е* словесъ, запись; въ Русской Правдѣ по списку ок. 1282 г.: ѥже далъ ѥму господинъ плугъ, тъ то погубивъш*и* ѥму платити 18; въ Пандектахъ 1296 г.: въ бещестии намъ бывш*е* 27 об., вземш*е* кому древо 31, многомъ хотящимъ и не могущ*е* 53 об., убогому въземъшю и досажающ*е* 81 об.; въ Ев. 1354 г.: не убоитеся убивающихъ тѣло а души не могущ*е* убити 38 об., бысть ему възлежащ*е* в дому 45, купцю іщущ*е* бісера 47 об., яко народу дивитися видящ*и* нѣмыя глаголюща 50 об., Ісусъ отшед*ши* скрыся 157 об.; въ Ев. 1358 г.: (теща симонова) став*ъ* и служаше 86, слышав*ши* Ісусъ чюдися 90 об.; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: идуч*и* ми сѣмо 5, забывъ молвяхуть 361, Володимеричи

лиш*а*ся Рюрика ѣхаша 396, татарове станы своѣ урядив*ъ* идоша 439, и друг. Въ большей части приведенныхъ примѣровъ мы видимъ формы им. ед. и имен. множ. (съ окончаніями древнимъ *е* или новымъ *и*) на мѣстѣ формъ косвенныхъ падежей всѣхъ родовъ и чиселъ и, сверхъ того, формы имен. ед. на мѣстѣ имен. мн. и на оборотъ.

Въ настоящее время русскій языкъ имѣетъ двѣ падежныя формы причастій—старую форму имен. ед. муж. р.: вид*я*, увидѣв*ъ*, и новую, съ окончаніемъ *и*, форму им. мн. муж. р.: иду*чи*, видѣв*ши*, которыя употребляются безразлично, всего чаще при именахъ и мѣстоименіяхъ въ имен. п., но иногда также при именахъ и мѣстоименіяхъ въ косвенныхъ падежахъ: поздравляю васъ обручив*шись*, причастив*шись*, не уч*ась* въ попы не ставятъ (=не учащагося), будетъ ее (лошадь) не пив*ши* гнать (=не пившую, Кохановская, Кир. Петровъ), видѣли молодца сяду*чи*, не видѣли молодца поѣду*чи*; или внѣ связи съ именами и мѣстоименіями: благодар*я* этому, не смотр*я* на это, случилось...., имѣ*я* это въ виду, суд*я* по всему, можно думать...., иначе говор*я*, выражаясь точнѣе...., и т. п.

Наши грамматики называютъ эти не измѣняемыя причастныя формы дѣепричастіями.

Сравнительная степень. Потеря большей части падежныхъ формъ прилагательными сравнительной степени началась не позже XIII в.; по крайней мѣрѣ неправильное (безъ согласованія) употребленіе формъ им.-вин. ед. ср. р. и им. мн. муж. р. мы встрѣчаемъ уже нерѣдко въ памятникахъ XIII и XIV в.: Златоструй XII в.: не ѥси богатѣѥ Давыда 21; смоленская гр. 1229 г.: аже капь льгч*е* будѣть; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: творите ѥго сына огневи двѣгубѣѥ васъ; Ев. 1270 г.: ѥму же вячь*ши* отда 70 об.; Кормчая ок. 1282 г.: не вкусить ѥретикъ тѣла христова иже невѣрнѣѥ жидовъ и бѣсовъ несмысльнѣѥ 458 об.; Ряз. Кормчая 1284 г.; Пандекты 1296 г.: нѣсть солъ бол*е* пославшаго и 38, єсть ли кто сильнѣѥ бога 147; Ев. 1354 г.: колми человѣкъ луч*ши* овьчати 54, луч*ше* бо ти ѥсть внити 54; Ев. 1355 г.: въ кую годину лучь*ши* ѥму бысть 8 об., будуть послѣдняя горш*е* *первыихъ 36 об.;* Ев. 1357 г.: мнозихъ птиць су*леи* ѥсте 31,

поиметь седмь духъ инѣхъ лютѣи*ши* себе 35, ѥгда кто честнѣѥ тебе будеть званыхъ 94 об.; Ев. 1358 г.: нѣсть ученикъ выш*е* учителя 38 об., кая ѥсть заповѣдь первѣ*и* всѣхъ 131; Лаврентьевскій сп. л.: ты еси старѣ*е* 356; Паремейникъ 1378 г.: премудръ премудрѣѥ будеть 18; Луцкое Ев. XIV в.; дух. Димитрія Донскаго: будеть боле или мень*ши*.

Современный русскій языкъ знаетъ только двѣ формы сравнит. степени—старую имен.-вин. единств. средн. р.: выш*е*, сильнѣ*е*, и старую имен. множ. муж. рода: лучь*ше*, боль*ше*, которыя употребляются безразлично.

Членъ. Вѣроятно, немногимъ извѣстно, что въ русскомъ языкѣ былъ и даже есть членъ. Это не тотъ членъ *и*, который мы видимъ въ именахъ прилагательныхъ членныхъ; это—указательное мѣстоименіе *тъ*, которое въ качествѣ члена употребляется также въ ново-болгарскомъ языкѣ. Членъ *тъ* прежде ставился иногда передъ тѣмъ словомъ, къ которому онъ относился, иногда послѣ этого слова; послѣднее было, кажется, чаще. Первоначально членъ вполнѣ правильно измѣнялся по родамъ и числамъ, такъ что въ имен. п. ед. слова муж. р. имѣли при себѣ членъ *тъ*, слова женск. р.—*та*, слова средн. р.—*то*, въ родит. п.—*того*, въ дат.—*тому* и т. д.: смердовъ жалуете и ихъ конии, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ *тотъ* орати лошадью *тою*, и приѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь *ту*; два ляха легоста.... и поѣха Ярославъ.... идѣ же ляха *та* ловяшета его (Ипатскій сп. 191, 207). Это правильное употребленіе на сѣверѣ Руси сохранялось еще въ XVII в.; по крайней мѣрѣ мы его находимъ въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума: бѣда-*та* на церковь-*ту* пришла, болши тое суздѣлицы-*той* вѣдаю, сынъ онъ дьяволь... надъ просвирою-*тою* молитву батьку-*тому* своему говоритъ предъ переносомъ-*тѣмъ*, которые младенцы-*тѣ* отъ еретиковъ-*тѣхъ* крещены, такъ же бы надобно царя-*тово* Алексѣя постричи (очень часто). Но членъ въ русскомъ языкѣ не получилъ такого развитія, какъ въ ново-болгарскомъ, и съ теченіемъ времени сталъ выходить изъ употребленія, такъ что сохранился въ скудныхъ остаткахъ. Въ современномъ литературномъ языкѣ и въ большей части русскихъ

говоровъ онъ сохранилъ только одну форму средн. р. и превратился въ несклоняемую частицу *то*, которая ставится безразлично при формахъ всѣхъ родовъ, чиселъ и падежей и съ которою рядомъ изрѣдка, при имен.-вин. ед. муж. рода, употребляется и правильная форма муж. рода: мосто-*тъ* нашъ каковъ, въ ученьи проко-*тъ* не великъ. Литературный языкъ XVIII в. знаетъ еще форму вин. ед. женск. р. *ту*: надобно быть смѣлу и смѣлость-*ту* дѣлаетъ сивуха (Аблесимовъ). Въ нѣкоторыхъ говорахъ, главнымъ образомъ въ сѣверно-великорусскихъ, остатки члена сохранились въ большемъ числѣ; такъ, въ шадринскомъ говорѣ (Пермской губ.) мы находимъ склоненіе члена въ такомъ видѣ: мужико-*тъ*, мужика-*то*, мужику-*ту*, мужикомъ-*то*, о мужикѣ-*то*, мужики-*тѣ*, мужиковъ-*то*, мужикамъ-*то*, мужиками-*тѣ*, о мужикахъ-*ту*; дорога-*та*, дороги-*то*, дорогѣ-*то*, дорогу-*ту*, дорогой-*ту*, дорогѣ-*то*, дороги-*тѣ*, дорогъ-*ту*, дорогамъ-*ту*, дорогами-*тѣ*, о дорогахъ-*ту* (Пермскій Сборникъ, II, 183). Въ тѣхъ же говорахъ — кажется, исключительно въ пѣсняхъ (въ былинахъ) — мы встрѣчаемъ всѣ формы члена передъ тѣми словами, къ которымъ онъ относится: про *того* Илью про Муромца, сѣлъ на *то* окошечко косящато, безъ бою, безъ драки, безъ *того* кроволитья великого, посадилъ на *ты* на цѣпи на желѣзныи, поѣхалъ во *тое* Подолье лиходѣево и т. п. (сравни у болгаръ: я сиималъ *тога* добра коня, — *тия* мужка дѣца, извади *туй* остру саблю, пие *тое* ладно вино и т. п.).

Судьба формъ на *ѣи* **и** *ыи*, **на** *ѣи* **и** *ии*. Древнѣйшіе русскіе памятники имѣютъ по два окончанія для имен. ед. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій муж. рода и для род. множ. нѣкоторыхъ именъ всѣхъ родовъ, по преимуществу муж. и женск. р. Одна пара этихъ окончаній — *ыи* и *ии* — встрѣчается чрезвычайно часто: им. ед. добр*ыи*, син*ии*, род. мн. гост*ии*, кост*ии*; другая пара — *ѣи* и *ѣи* —, напротивъ того, является лишь въ немногихъ памятникахъ, и то очень рѣдко; при этомъ окончаніе *ѣи*, нерѣдкое въ памятникахъ церковно-славянскихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ можетъ считаться перешедшимъ въ русскіе тексты изъ ихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ. Мы *читаемъ въ* Минеѣ 1095 г.: мощ*ѣи* (род. мн. отъ мо*щь*) 172;

въ Минеѣ 1096 г.: печалгі 145; въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: духъ божьи, сынъ божьи 6 об., свѣтъ вельи 7, не въста больи Іоана 23 и т. п., отъ четырь еваггельи 1 об., пощься дньи 40 и нощьи 6 об., не отъпущяюте человѣкомъ съгрѣшеньи ихъ 12, стадо свиньи 17 об., людьи сихъ 28, трьи съвѣдѣтель 39 об., начяло болѣзньи 53. Памятники послѣдующаго времени, XIII—XIV в., сохраняютъ обѣ пары окончаній, изъ которыхъ первая въ нихъ по прежнему господствуетъ, а вторая—передаваемая не только черезъ ыи и ьи, но и черезъ *ои* и *еи* — встрѣчается сравнительно рѣдко. Мы находимъ ыи или *ои* въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: вьсякыи убивыи васъ 4 об., изиде умьрыи 152 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: т*ои* же умре 31; въ Житіи Нифонта 1219 г.: пречистыи тъ дѣтищь 118 об., блаженыи рече 139 об.; въ Ев. 1270 г.: тыи исповѣда 2 об.; въ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 г.: тыи человѣкъ 3 об.; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: т*ои* конь (рядомъ: тыи товаръ); въ Ев. 1339 г.: князь велик*ои*, запись; въ Прологѣ 1356 г.: т*ои* же мя всади 91 об., т*ои* же грѣхъ 93 об.; въ грам. Кирилло-Бѣлозерскаго мон. 1395 г. (Акты Калачова, I): келарь стар*ои*, Михаила посельск*ои* Рукиньск*ои*, манастырьск*ои* казакъ, друг*ои* камень; въ двинскихъ грам. XIV в.: на черьмховыи кустъ, на берьзов*ои* пень; въ Ев. XIV в. (Троицк. Л. № 5): никотор*ои* же пророкъ 71 об.; въ Новгородской лѣт.: княжь дѣцк*ои* 237.—Окончаніе ьи или *еи* читается въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: чьі образъ 115 об., третьи дьнь 150 об., вьсѣхъ заповѣдьи 130; въ смоленской гр. 1229 г.: с*еи* миръ; въ Ев. 1270 г.: дн*еи* 5 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: у дѣт*еи* 15, бес тр*еи* кунъ 16; въ Пандектахъ 1296 г.: владущьи (им. ед.) 137 об.; въ духовной новгор. Климента XIII в.: свин*еи*; въ договорѣ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: что волостьи новгородьскыихъ, ни волостьи роздавати, отъ тѣхъ волостьи, людьи не выводити; въ договорѣ 1317 г.: люд*еи*; въ Ев. 1355 г.: не с*еи* кость древодѣлинъ сынъ 40, въ огнь не угасущ*еи* 90 об.; въ Ев. 1357 г.: стадо свиньи 36, 54 об., съгрѣшеньи вашихъ 115; въ южно-русской грамотѣ 1359 г.: грош*еи*; въ Лаврент. сп. л.: ты еси старѣйш*еи* братъ 145; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: двер*еи*; въ Паремейникѣ (вѣроятно, мос-

ковскомъ) XIV в. (Троицк. Л.): звѣр*еи* 14, 15, 30, люд*еи* 27, и т. п.

Въ великорусскихъ памятникахъ XV в. еще господствуютъ окончанія *ый* и *ий*, но окончанія *ой* и *ей* также уже нерѣдки; достаточно отмѣтить въ грамотѣ в. кн. Василія Дмитріевича до 1425 г.: судъ смѣстн*ой*; въ грамотѣ до 1428 г.: волъ бур*ои* да друг*ои* черн*ои*; въ гр. кн. Юрія Дм. 1433 г.: манастырьск*ои* прав*ои* и виноват*ои* человѣкъ (Акты Калачова, I, 440, 91, 543, 93); въ московской гр. 1447 — 1453 г.: Ефимъ Бородат*ои*; въ гр. ок. 1490 г.: посельск*ои*, дворьск*ои* (Лебедевъ, 4, 8); въ Канонникѣ 1457 г.: попъ старіиш*ои* 85 об.; въ письмѣ Герасима къ Іосифу Волоцкому 1489 г.: мѣсячн*ои* и посн*ои* (стихирари; М. Дух. Ак. № 144); въ Библіи арх. Геннадія 1499 г.: Василь ерусалимьск*ои*, Гридя исповѣдницк*ои*, Климентъ архангельск*ои*, запись; въ Ипатскомъ сп. л.: тысячк*ои* 220, 231, Володимеръ галичьск*ои* 284, 285. Малорусскіе и бѣлорусскіе памятники этого вѣка имѣютъ иногда въ род. множеств. окончаніе *ей*: южно-русск. грамота 1438 г.: грош*еи*; южно-русск. гр. 1424 г.: свин*еи*, и т. п.

Мало по малу въ великорусскихъ говорахъ формы на *ой*, *ей* получили преобладаніе надъ формами на *ый* и *ій*, и въ настоящее время все великорусское нарѣчіе не знаетъ окончаній *ый* и *ій* подъ удареніемъ, а сѣверной его части эти окончанія чужды и при отсутствіи ударенія: обще-великор. слѣп*ой*, худ*ой*, самъ-трет*ей*, гост*ей*, кост*ей*, свин*ей*, сѣв.-великор. добр*ой*, умн*ой*, син*ей*. Бѣлорусскіе говоры не знаютъ окончанія *ой*, а окончаніе *ей* встрѣчается въ нихъ только въ формахъ родит. ед. То же въ говорахъ малорусскихъ, съ тою лишь разницею, что окончаніе род. мн. *ей* въ нихъ употребляется рядомъ съ окончаніемъ *ій*.

Судьба окончаній им. ед. и родит. множ. вполнѣ тожественна съ судьбою нѣкоторыхъ словъ и глагольныхъ формъ.

Древне-русскіе памятники имѣютъ слова *стрыи* дядя, родител. *стрыя* и т. д., и *стрьи*, *стрья*. До XV вѣка первое встрѣчается весьма часто, второе—рѣже: Рязанская Кормчая 1284 г.: стр*ь*я 283, 327 об. и др.; Новгородская лѣт.: стр*ь*емь 78, стр*ь*я 61, 81 (при стр*ы*емь 296 и др.); Прологъ 1356 г.: стр*о*и, стр*о*еви

77 об.; Лаврентьевскій сп. л.: стр*оя* 158, и т. п. Въ XV в. въ великорусскихъ памятникахъ (между прочимъ, въ Ипатскомъ сп. л.) второе является уже весьма часто.

Въ памятникахъ до XV в. попадаются рядомъ формы *мыю*, *крыю*, *мыкшь* и т. д. и *мъю*, *кръю*, *мъкшь*, первыя часто, вторыя рѣдко: Минея 1097 г.: покръкть 426; Путятина Минея XI в.: кръяся 66 об.; Паремейникъ XII в. (Тип. Библ. № 157): покръкть 42 об., покръкмъ 53 об.; Пантелеймоново Ев. XII—XIII в.: откръкться 108; Ев. XII—XIII в. (Рум. М. № 104): умъють 59; Прологъ 1262 г.: мъя 13 об., мъяся 86, кръяхуся 15 об., кр*ъя* 32 об., кръкші 50 об., покръкть 54 об., съкръють 83, по— 98; Паремейникъ 1271 г.: откръкть 100 об.; Пандекты 1296 г.: умъю 38, мъющихъся 128 об.; Ев. 1317 г.: мъяшеся 9; Ев. 1323 г.: умъю 167 об.; Ев. 1393 г.: откр*о*кться 35 об.; Служебникъ XIV в. (такъ наз. Антонія Римлянина): умъю 21; Новгородская лѣт.: кръяшеся 133, и т. п. Современные великорусскіе говоры уже не знаютъ формъ *мыю*, *крыю* и т. п.; они имѣютъ только м*ою* (или мъю), кр*ою*.

Цѣлый рядъ словъ въ древнюю эпоху оканчивался у насъ на *ии* и на *ьи*, на *ия* и на *я*: зм*ии* и змь*и* (Псалтырь 1296 г.: змьи сь 221 об.; Новгородская лѣт.: змь*и* видѣша лѣтящь 155), руч*ии* (Новгородская л.: руч*ия* 13) и ручь*и* (тамъ же: ручь*я* 53, 87), зм*ия* и змь*я* (Добрилово Ев. 1164 г.: змью 126 об.), ш*ия* и шь*я* (Житіе Нифонта 1219 г.: съ шьи своихъ 63 об.; Пандекты 1296 г.: на шью 36; Новгородская лѣт.: къ шьи 42) и т. п. Формы съ *и* въ памятникахъ до XV вѣка обычны; формы съ *ь*—рѣже. Въ настоящее время великорусское нарѣчіе уже совсѣмъ не знаетъ первыхъ; они вытѣснены изъ употребленія вторыми: зм*ѣй* (*ѣ* вм. *е*), руч*ей*, ш*ея*.

Формы повелит. накл. глаголовъ *бью*, *пью* и т. п. нѣкогда звучали б*ии*, п*ии*, б*ии*те, п*ии*те и бь*и*, пь*и*, бьите, пьите, причемъ первыя въ старшихъ памятникахъ употребляются часто, вторыя— чрезвычайно рѣдко (Ев. 1270 г.: яжь и пьи). Современные великорусскіе говоры уже не знаютъ б*ий* и т. д. и имѣютъ исключительно формы съ *е*: б*ей*.

X. Исторія формъ спряженія.

Русскій языкъ въ древнѣйшую эпоху своего историческаго существованія имѣлъ простыя формы настоящаго времени (они употреблялись также съ значеніемъ будущаго вр.), имперфекта, сигматическаго аориста, повелительнаго наклоненія, и цѣлый рядъ сложныхъ формъ: будущаго времени, прошедшаго, давнопрошедшаго, сослагательнаго наклоненія. Сверхъ того, въ немъ было значительное количество формъ неопредѣленнаго накл. и причастій. Такимъ образомъ русскій языкъ въ древности былъ гораздо болѣе богатъ глагольными формами, чѣмъ въ настоящее время; иначе говоря, русскій языкъ на памяти исторіи потерялъ часть своихъ глагольныхъ образованій.

Потеря глагольныхъ формъ. Едва ли не первыми были потеряны формы *имперфекта*. Нерѣдкія въ спискахъ съ церковнославянскихъ оригиналовъ, въ русскихъ житіяхъ, лѣтописяхъ и т. п., они вовсе не встрѣчаются ни въ грамотахъ, ни въ Русской Правдѣ. Вслѣдствіе этого мы лишены возможности опредѣлить сколько-нибудь точно время исчезновенія русскаго имперфекта и должны ограничиться предположеніемъ, что въ XIII—XIV вв., въ тѣхъ вѣкахъ, къ которымъ относится большая часть нашихъ древнихъ грамотъ, онъ или уже совсѣмъ не существовалъ въ живомъ говорѣ, или употреблялся очень рѣдко. Современный русскій языкъ не знаетъ ни одной формы, въ которой можно было бы признать потомство древняго имперфекта.

Употребленіе *аориста* въ древне-русскихъ памятникахъ сходно съ употребленіемъ имперфекта. Формы аориста встрѣчаются весьма часто въ переводныхъ памятникахъ, въ лѣтопи-

сяхъ и т. п., но въ грамотахъ они рѣдки. Мы читаемъ, напримѣръ, въ новгородской грамотѣ 1262—63 г.: отлож*ихомъ*, докончахъмъ, постав*ихомъ*; въ смоленской грамотѣ 1284 г.: грамота псана *бысть*; въ духовной новгородца Климента XIII в.: писахъ; въ духовной Ив. Калиты: напис*ахъ*; въ двинскихъ актахъ XIV в.: куп*и*, залож*и*, позв*а*, спрос*иша*, сряд*ишася*, д*аша*, изоид*е* та пять лѣтъ; точно также въ Русской Правдѣ по списку ок. 1282 г.: отлож*иша*, устав*иша* 2. Мѣсто аориста въ грамотахъ и въ Русской Правдѣ обыкновенно бываетъ занято формами прошедшаго сложнаго. Если мы возьмемъ Мстиславову грамоту 1130 года, мы въ ней не найдемъ ни одной формы аориста, но встрѣтимъ, на мѣстѣ аориста, четыре раза формы прошедшаго сложнаго: повелѣлъ ѥсмь, язъ далъ, далъ ѥсмь, велѣлъ ѥсмь. Въ смоленской грамотѣ 1229 г., въ самомъ ея началѣ, нѣтъ ни одной формы аориста, но стоитъ цѣлый рядъ формъ прошедшаго сложнаго: умьрлъ, уздумалъ, прислалъ, было, ѥхали, утвѣрдили, урядили, было любо и т. д. Въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г., довольно большой по объему, формы прошедшаго времени нерѣдки, но это все формы прошедшаго сложнаго, а не аориста: пришли, поведали, еси отъялъ, былъ, бывалъ, заблудилъ, хотелъ и др. То же въ Русской Правдѣ: этотъ памятникъ, при двухъ приведенныхъ формахъ аориста, имѣетъ рядъ формъ прош. вр.—исключительно прош. сложнаго. По всей вѣроятности, формы аориста вышли изъ употребленія вскорѣ послѣ XIV вѣка (новгородская грамота 1471 г.: пріе*хаша*; псковская гр. 1483 г.: оправ*ихомъ*, повин*ихомъ*, да*хомъ*, А. Юр. № 2).

Въ современномъ языкѣ остатки ихъ чрезвычайно рѣдки. Одна правильная форма аориста встрѣчена нами въ онежскихъ былинахъ (у Рыбникова): *бысть* князь веселъ и радостенъ; нѣсколько искаженныхъ находятся въ тѣхъ же былинахъ: (конь) какъ будетъ въ Индіи во богатыи, *заржай* голосомъ лошадинымъ (заржа*й* вмѣсто заржа). Сверхъ того, одна форма аориста сохранилась до нашихъ дней въ видѣ частицы, междометія: Тише, *чу*, гитары звонъ... Да, *чу*, и къ завтренѣ звонятъ.... *Чу*! Дальній выстрѣлъ.... Если мы вникнемъ въ смыслъ только

что приведенныхъ стиховъ, то увидимъ, что частица *чу* употребляется у насъ приблизительно съ значеніемъ слышишь; такимъ образомъ она можетъ быть отожествлена съ формою 2-го лица аориста отъ глагола *чути*. Замѣчательно, что въ сербскомъ языкѣ, въ пѣсняхъ, форма 2-го лица аориста *чу* нерѣдко употребляется съ значеніемъ настоящаго времени: oj, *чу* ли ме=слышишь ли меня.

Слѣдя за формами аориста по памятникамъ, мы можемъ замѣтить, что въ послѣднее время своего существованія они подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, формы 3-го л. множ. числа аориста стали смѣшиваться съ формами 3-го лица ед. ч. имперфекта, т. е. въ нихъ вмѣсто *ша* стало являться окончаніе *ше*: Милятино Ев. 1215 г.: птица небесьныя позоба*ше* ѥ 87 об.; новгородское Ев. XIII в. (Публ. Б. f. 8): придоша и позоба*ше* 1 об.; Ев. 1317 г.: позоба*ше* 37, 78; новгородская гр. 1372 г.: повелѣ*ше*, посла*ше*; Ев. 1393 г.: я*ше*; Новгородская лѣт. XIV в.: въсажа*ше* 24, видѣ*ше* 130; новгородская Псалтырь XIV в. (Публ. Б. f. 4): обя*ше* 19; зап.-русская Четья 1489 г.: мнози послуша*ше* ее, родители мои честя*ше*; у Скорины формы на *ше* очень часты: сопротиви*ше*ся, моли*ше*ся, збего*ше*ся (при подлежащихъ во множ. ч.).—Затѣмъ, мы видимъ употребленіе формъ аориста 3-го лица множ. ч. съ окончаніемъ того же лица имперфекта: Ев. 1339 г.: приведо*ху* 88 об.; новгор. Ев. XIV в. (Рум. М. № 434): исцѣли*ху*ся 68; псковское Лукино Ев. 1409 г.: придо*ху*; Скорина: слузи теши*ху* его, поклони*ху*ся, взя*ху*, ходи*ху* и т. п. Сравни въ Ев. 1354 г.: жены бя*ше* (= бя*ху*) пришли 143 об. — Въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ памятникахъ XIV—XVI в. мы находимъ смѣшеніе формъ 3-го лица ед. ч. аориста съ формами настоящ. времени, такъ что формы аориста являются съ окончаніемъ *ть*; Ев. 1339 г.: възложи на ня руцѣ и отъиде*ть* 57 об.; Ев. 1355 г.: Илья приде*ть* и створиша ѥму ѥлико хотѣша 89, не знаяше дондеже роди*ть* сынъ свои первенѣць 162 об.; Ев. 1358 г.: Илья приде*ть* и створиша ѥму ѥлико хотѣша 123; Ев. 1393 г.: посла воя своя... градъ ихъ зажьже*ть* 69 об., онъ утверди*ть* лице своѥ 91 об.; 2-ая Новгородская лѣт. XVII в.: посла... а самъ

ид*еть*, воздвиж*еть* и т. п.; сравни въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: тыи села доста*шет*ца (А. Юр. 273); въ псковскомъ Прологѣ 1425 г. (Синод. Б.): се купи*шеть* книгы сия староста и игуменъ и вси черньци. Формы аориста на *ху* и на *тъ*, вѣроятно, принадлежатъ книжному языку, и сомнительно, чтобы онѣ когда-нибудь существовали въ живомъ говорѣ. Памятники поздніе, XVI и XVII в., нерѣдко имѣютъ совершенно неправильное употребленіе формъ аориста: формы, напримѣръ, 1-го лица употребляются вмѣсто формъ 2-го, формы единств. числа вмѣсто множеств., и т. п.; такъ, въ соловецкихъ рукописяхъ (житіяхъ святыхъ) XVI—XVII в. мы читаемъ: жена же моли*ша*, мы обрѣто*хъ*; въ послѣсловіи къ печ. моск. Апостолу 1644 г.: мы слухи наши отврати*ша*; въ 2-й Новгородской лѣт. XVII в.: садъ весь изгорѣ*ша*, овому тимя изгорѣ*ша*, а иному чрево погорѣ*ша*, иные в воде потопа*ше* 65; у Котошихина: Иванъ Грозный сына своего смири на оный свѣтъ, пробиша его осномъ своимъ. Приведенныя формы показываютъ, что въ XVI—XVII в. формы аориста уже перестали быть понятными даже для русскихъ грамотеевъ.

Формы *давнопрошедшаго*, какъ указано выше, въ русскихъ памятникахъ являются въ двухъ видахъ. Изъ нихъ формы перваго вида, въ составъ которыхъ входилъ имперфектъ или аористъ вспомогательнаго глагола, прекратили свое существованіе вмѣстѣ съ имперфектомъ и аористомъ; формы же втораго вида сохранялись довольно долго, и, напр., въ Библіи Скорины мы видимъ употребленіе ихъ вполнѣ правильное: *насадилъ былъ* Богъ рай=въ латинскомъ текстѣ: plantaverat paradisum; Аманъ *пришелъ былъ* предъ палату=въ латинскомъ текстѣ: Aman intraverat; розгневалися суть на Сихема, яко срамоту *былъ учинилъ* Израилеви, и т. п. То же въ московской грамотѣ 1455—62 г.: язъ *велѣлъ былъ* ихъ судити... а нонича есми ихъ пожаловалъ (Акты Калачова, I, 103); въ грамотѣ арх. Геннадія 1490 г.: которые еретикы *были покаялися*,... всѣ сбѣжали (Р. Истор. Библ., VI, 768); въ грамотѣ 1504 г.: мы *пошли были* тѣхъ потесовъ класти, доколѣ грамоты не привезли; въ грам. 1525 г.: Якушъ у поля *сталъ былъ* да отъ поля сбѣжалъ (А. Юр. 22, 35); въ московской разрядной книгѣ 1615 г. (Времен-

никъ Общ. ист. и др., III, 3): козаки *были* на службу *пошли*, а нынѣ воротилися. Кое-какіе остатки этихъ формъ существуютъ даже и теперь, въ современныхъ говорахъ, съ значеніемъ простаго прошедшаго; такъ, въ сказкахъ мы находимъ: *жилъ былъ*: въ онежскихъ былинахъ: эти королю *были* рѣчи не *понравились*; никого не *наглядѣлъ* тутъ *былъ*. Несомнѣнно, современныя великор. онъ *было пошелъ*, одинъ *было* прохожій камень *взялъ* и т. п. также восходятъ къ формамъ давнопрошедшаго.

Формы *сослагательнаго наклоненія* въ старомъ языкѣ состояли изъ формъ причастія прошедшаго на *лъ* и формы *быхъ*. Ихъ мы видимъ, напр., въ слѣдующихъ примѣрахъ: аж *быхъмъ* что тако *учинили*, аж *бы* миръ твьрдъ *былъ*, аж *бы нальзлъ* правду (смол. грам. 1229 г.), а *быстe пустили* жито (полоцк. гр. ок. 1300 г.), то есть тобе достоино аже *бы* тые люди *казнилъ*, какъ то *бышь* инии людье *боялися* кто лихую думу подъдаваеть, аже *бы* ты у своемь слове *стоялъ*, а нашю братию *проводилъ бы*, мы *быхомъ* не *поминали* того коня (грам. рижанъ ок. 1300 г.). Здѣсь формы сослагательнаго употреблены вполнѣ правильно: аж *быхъмъ учинили*—правильная форма 1-го лица множ. ч.; аж *бы былъ*—правильная форма 3-го лица ед. ч.; *быстe пустили*—правильная форма 2-го лица мн. ч. Подобныя правильныя формы постоянно встрѣчаются въ большей части памятниковъ до XIV в. включительно; рядомъ съ ними, въ меньшей части тѣхъ же памятниковъ, изрѣдка являются неправильныя формы, состоящія изъ разныхъ формъ причастія на *лъ* и изъ *бы*—формы 2-го и 3-го л. ед. ч., утратившей свое первоначальное значеніе формы 2-го и 3-го л. ед. ч. и сдѣлавшейся частицею, которая стала указывать на условность. Такимъ образомъ старая форма сослагательнаго наклоненія стала превращаться въ форму прошедшаго сложнаго съ неизмѣняемою частицею *бы*. Первые памятники, въ которыхъ мы встрѣчаемъ частицу *бы*, относятся къ XIII—XIV в.: Милятино Ев. 1215 г.: аще *бы* въ Турѣ быша силы былы 22; Ев. 1339 г.: аще *бы* мя быстe вѣдали 16, аще *бы* слѣпи были 20 об., аще *бы* в Туре быша силы были 99; духовная Семена Гордаго: лихихъ *бы* есте людии не слушали, слушали *бы* есте отца нашего владыки; Ев. 1354

г.: аще Богъ отецъ вашь бы былъ любили *бы* мя ксте 16, —любили *бы* мя быстe 18; Ев. 1358 г.: грѣха *бы* не быша имѣли 13 об., 179, 179 об.; Ев. до 1362 г.: аще мя быстe знали, знали *бы* быстe и отца 122 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: въ дне *бы* есте пришли 191; Ев. 1399 г.: аще *бы* вы слѣпи были 13, аще *бы* въ Турѣ быша силы былы *бы* бывъшая въ ваю 75; Мстижское Ев. XIV в.: аще *бы* быстe вѣры имали 8, аще быхъ не *бы* имъ дѣлъ створилъ 10 об., аще не *бы* прикратилися дни ты 55 об., аще *бы* ся не прикратили дни тѣ 71 об.; Ипатскій сп. л.: вы *бы* есте повѣдалѣ 440. Въ памятникахъ болѣе позднихъ мы видимъ употребленіе и тѣхъ и другихъ формъ; такъ, въ Библіи Скорины мы встрѣчаемъ правильныя формы: да *быхомъ* ходили, а *быхъ* позналъ; но рядомъ находятся и неправильныя: да *бы* горели светила, а *бы* были выбавени люди, сложили *бы* есте. Въ нѣкоторыхъ современныхъ русскихъ говорахъ (малорусскихъ) правильныя формы сослагательнаго наклоненія существуютъ и до сихъ поръ, но въ массѣ другихъ говоровъ они исчезли, и на мѣстѣ ихъ мы находимъ формы прошедшаго сложнаго съ частицею *бы*. Послѣдняя часто является въ такомъ тѣсномъ соединеніи съ различными союзами, что ее можно считать составною частью союзовъ; таковы союзы *чтобы*, *дабы*, *абы*. Употребленіе ихъ замѣчается уже въ памятникахъ XIV в.; такъ, въ духовной Семена Гордаго мы читаемъ: пишу вамъ се слово того дѣля, *чтобы* не перестала память родителии нашихъ и наша; въ грамотѣ Кейстута послѣ 1341 г.: *абы* вамъ не закажали; въ молдавской грам. 1388 г.: просимъ, *штобы* есте учинили (сравни: моливъ, *а быша* проводили, Новгородская лѣт. 324; про то же званъ Покровъ праздникъ, *што быхомъ* знали, Четья 1489 г. 52; того дѣля, *что быша* познали, Ипатскій сп. л. 433).

Формы *будущаго совершеннаго* (futurum exactum), состоявшія изъ формъ причастія прошедшаго на *лъ* и формы *буду*, мы находимъ въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: кто *будеть началъ* тому платити; аже кто познаеть своє, что *будеть погубилъ*, а что *будеть* съ нимъ *погыбло*, то же кему начнеть платити, и т. п.; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: *будуть тобе*

людье тую думу *подѣдали*, тоть не у честь тебе дали; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: аще кде *буду изгрубилъ*, запись; въ духовной Семена Гордаго: что *буду судилъ* а того вы не восчинаите, кого *буду прикупилъ* или хто ми ся *буде* въ винѣ *досталъ* или хто ся *будеть* у тѣхъ людеи *женилъ*, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ ѥсмь волю; въ Ев. 1355 г.: аще *будемъ* грубо *написали*, зап.; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: аще ли *взялъ будеть*, елико *далъ будеть* на немъ. Съ теченіемъ времени подобныя формы будущаго совершеннаго исчезли какъ отдѣльныя глагольныя образованія, и ихъ составная часть—формы *буду*, *будешь* и т. д. замѣнились формою 3-го лица ед. *буде* или *будетъ*, которая стала употребляться какъ союзъ, съ значеніемъ *если*. Таково употребленіе формы *будетъ*, напр., въ актѣ 1615 г.: а *будетъ* мы *учнемъ* (*будетъ*=если); таково же употребленіе *буде, будетъ* въ современныхъ великорусскихъ говорахъ.

Нѣкоторое количество формъ потеряно *будущимъ сложнымъ*. Будущее сложное въ древне-русскомъ языкѣ состояло изъ неопредѣленнаго наклоненія глагола и формы настоящаго времени *буду*, или *иму*, или *хочу*, или *начьну* (*почьну*).

Формы изъ неопредѣленнаго наклоненія и *буду* были особенно распространены и встрѣчаются часто въ древнихъ памятникахъ, какъ и въ современномъ языкѣ.—Формы съ глаголомъ *иму* встрѣчаются довольно часто въ старыхъ памятникахъ, какъ въ сѣверно-русскихъ, такъ и въ западно- и южно-русскихъ,—въ лѣтописяхъ, житіяхъ, грамотахъ и т. п.; такъ, въ Житіи Ѳеодосія Печ. XII в.: не *имуть* ти *створити* 19 об.; въ рижской грамотѣ ок. 1284 г. мы читаемъ: аже *иметь жялобитися* насъ кто; въ духовной Ив. Калиты: а ци *імуть искати* татарове волостии; въ духовной Семена Гордаго: хто сю грамоту *иметь рушити*; въ духовной Ив. Ивановича: а ци по грѣхомъ *имуть* изъ орды *искати* Коломны; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: не *имамъ* уже *царствовати*. Вслѣдствіе своего широкаго распространенія въ древности, формы будущаго времени съ *иму* сохранились въ остаткахъ до настоящаго времени. Въ вологодскомъ, костромскомъ и ярославскомъ говорахъ великорусскаго нарѣчія мы слышимъ: *иму дѣлать*, *нему дѣлать* и т. п. Сход-

ныя формы существуютъ и въ малорусскихъ говорахъ: *му іти*, *співати му*, *робити му* и т. п.—Формъ изъ неопредѣленнаго н. и *хочу* было меньше; въ грамотахъ мы ихъ почти не встрѣчаемъ (грамота рижанъ ок. 1300 г.: мы *хочомъ* Богу жяловатися); но въ Несторовой лѣтописи они нерѣдки: *благословити* тя *хотять* сынове рустии (=тебя благословятъ), како азъ *хочу* инъ законъ *прияти* единъ (= какъ я приму), аще убью брата моего *имѣти* тя *хочю* во отца мѣсто, еда ли топерво *хощеть быти* се, и т. п. (Лаврентьевск. сп.). Въ настоящее время формы будущаго времени съ глаголомъ *хочу* въ русскомъ языкѣ уже неизвѣстны. — Формы съ *начьну* были, кажется, сравнительно рѣдки: Мстиславова грамота 1130 г.: даже которыи князь *почьнеть хотѣти* отъяти (= захочетъ); Русская Правда по списку ок. 1282 г.: а что будеть съ нимь погыбло то же кму *начнеть платити* 7 (= заплатитъ); Лаврентьевскій сп. лѣт.: аще ты познаеши и *радовати почнешь*, дружина *смѣятися начнуть*. Современный языкъ не знаетъ употребленія *начну* какъ вспомогательнаго глагола, и формы будущаго въ родѣ приведенныхъ въ немъ уже не существуютъ.

Сверхъ этихъ формъ, русскій языкъ утратилъ всѣ глагольныя формы *двойственнаго числа*. Въ старомъ русскомъ яз. формы двойств. числа глагола употреблялись или тогда, когда подлежащее было въ формѣ двойственн. числа, или когда было два подлежащихъ, каждое въ единственн. ч.: отьць и мати сына своего *плакастася*; Никонъ и другыи чьрньць *отъидоста* (Житіе Θеодосія Печ. по списку XII в.); рече Редедя къ Мьстиславу: что ради *губивѣ* дружину, *снидевѣ* ся сама боротъ; Всеволодъ и Мстиславъ *стояста* и *познаста* брата своего; брате, поѣди Ростову, а оттолѣ миръ *възмевѣ* (Лаврент. сп. л.). Но уже съ XIII в. мы встрѣчаемъ, при подлежащемъ въ двойственн. числѣ или при двухъ подлежащихъ въ единственн. ч.,—сказуемое во множеств. числѣ; такъ, въ смоленской грам. 1229 г.: та два была... кхали; въ записи Ев. 1355 г. два писца говорятъ о себѣ: аще *будемъ* грубо написали; въ Ев. 1358 г.: двѣ птицѣ *продаються* 38 об., та (Іаковъ и Іо.) *готоваша* 64 об., *бѣаша* отягченѣ очи 149; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣтоп.: *розоидошася*

объ свободѣ, и т. п. Въ настоящее время формы двойств. числа не существуютъ въ достовѣрныхъ остаткахъ; можно считать за форму 2-го или 3-го л. дв. ч. отъ глагола *быти* то *ста*, которое слышится въ великорусскихъ выраженіяхъ въ родѣ мы-*ста* это знаемъ („всѣ ли здѣсь? спросилъ незнакомецъ. Всѣ ли-*ста* здѣсь, повторилъ староста. Всѣ-*ста*, отвѣчали граждане“. Пушкинъ, Лѣтопись с. Горохина), въ пожалуй-*ста* и т. п., но вопросъ о значеніи и происхожденіи этой частицы, существовавшей уже въ XVII в. (Розыскное дѣло о Ѳ. Шакловитомъ 1689 г. I, 24),—вопросъ спорный.

Сокращеніе формъ прошедшаго сложнаго. Формы прошедшаго сложнаго нѣкогда состояли изъ формъ причастія прошедшаго, такъ называемаго спрягаемаго (на *лъ*), и вспомогательнаго глагола *есмь*. Первоначально вспомогательный глаголъ измѣнялся правильно по лицамъ и числамъ; но очень рано формы 3-го лица всѣхъ чиселъ прошедшаго сложнаго стали употребляться безъ него, такъ какъ въ немъ не чувствовалось особенной надобности. Формы безъ вспомогательнаго глагола мы встрѣчаемъ въ церк. славянскомъ языкѣ, напримѣръ, въ Супрасльской рукописи: показа добляя мати яко учениими благыѩ вѣры *въскръмила* (безъ *ѥстъ*); васъ не землѣ *покрыла* ни небо приѩтъ (безъ *ѥстъ*). Они нерѣдки въ древне-русскихъ памятникахъ, какъ въ текстахъ, списанныхъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ (между прочимъ въ Свят. Сборникѣ 1073 г.), такъ и въ грамотахъ, записяхъ и т. п.: надпись на Тмутороканскомъ камнѣ 1068 г.: Глѣбъ князь *мѣрилъ* море по леду (безъ *ѥстъ*); запись Юрьевскаго Ев. ок. 1120 г.: Угриньць *псалъ*; смоленская грамота 1229 г.: коли Алъбрахтъ владыка ризкии *умьрлъ*, *уздумалъ* князѣ смольнескыи, *прислалъ*, та два *была* у Ризѣ, изъ Ригы *ѥхали*. Послѣдняя грамота заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ формъ прошедшаго сложнаго 3-го лица безъ вспомогательнаго глагола, и въ ней нѣтъ ни одной формы со вспомогательнымъ глаголомъ. То же мы наблюдаемъ въ другихъ памятникахъ: въ смоленской грам. ок. 1230 г.: тому за нь платити кто и *изетялъ* (изрубилъ); въ новгородской гр. 1262—63 г.: что ся *учинило* тяже; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: се нашь *доспѣлъ*,

что ради вѣче *было*, отець ти *умьрлъ*, бысть сѣча зла яка же не *была* въ Руси, въ се же лѣто Всеславъ рать *почалъ*, се половци *росулися* по земли.

Рядомъ съ формами 3-го лица прошедшаго сложнаго безъ вспомогательнаго глагола, мы обыкновенно находимъ въ старыхъ памятникахъ формы 1-го и 2-го лицъ со вспомогательнымъ глаголомъ; такъ, въ новгородской гр. 1262—63 г. мы читаемъ: которыхъ дворць *въпросили* ваша братья посли (безъ *суть*), а тѣхъ ся *ѥсмы отступили*; на чемь *цѣловали* отци ваши и наши крестъ (безъ *суть*)...; иноѥ грамоты у насъ нѣтуть ни *потаили ѥсмы*; въ духовной Климента XIII в.: *далъ ѥсмь. взялъ ѥсмь*; не *было* у мене брата ни сыну (безъ *есть*); въ смоленской гр. 1284 г.: *судилъ есмь*, *выдалъ есмь*; ту *были* бояре, отъ немець *были* на суде, *искали* колокола (безъ *суть*), печатникъ *печаталъ*, писець княжь *псалъ* (безъ *есть*); въ новгородской гр. ок. 1294 г.: *ѥсте присылали*; князь великыи *послалъ* к вамо сына (безъ *есть*). Такого рода двоякое употребленіе формъ сложнаго прошедшаго не могло долго продолжаться: формы 3-го лица оказали вліяніе на формы 1-го и 2-го лицъ, и послѣднія также стали превращаться въ неполныя формы, т. е. употребляться, подобно формамъ 3-го лица, безъ вспомогательнаго глагола. Этому много способствовало развившееся употребленіе личныхъ мѣстоименій въ качествѣ подлежащаго.

Если мы обратимъ вниманіе на употребленіе личныхъ мѣстоименій въ другихъ языкахъ, то замѣтимъ, что въ языкахъ латинскомъ и греческомъ они употребляются сравнительно рѣдко, гораздо рѣже, чѣмъ, напр., во французскомъ. То же мы видимъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Если мы будемъ наблюдать употребленіе личныхъ мѣстоименій въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, то увидимъ, что въ нихъ въ большей части случаевъ личныя мѣстоименія отсутствуютъ; напр., въ Житіи Θеодосія Печерскаго XII в. мы читаемъ: аще хощеши видѣти и, да идеши нынѣ въ домъ (безъ *ты*); много си жалю ѥго ради (безъ *я*); глагола ѥи яко много молихы и (безъ *я*); аще хощеши видѣти мя по вся дни, иди въ сии градъ, и тако приходящи сѣмо видиши мя (безъ *ты*). Если мы обратимся къ грамотамъ

и лѣтописямъ XII, XIII, XIV вв., то и тамъ замѣтимъ то же отсутствіе личныхъ мѣстоименій: въ Лаврентьевскомъ сп. л.: можеши ся с нимъ бороти; по что губите себе, коли можете престояти насъ, аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити намъ, имѣемъ бо кормлю отъ землѣ; се уже хочемъ померети; можемъ главы своя сложити за тя; хочемъ ся еще бити; печенѣзи мняще, яко предатися хотять, и т. п. Употребленіе личныхъ мѣстоименій 1-го, 2-го, 3-го л. наблюдается всего чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда эти мѣстоименія находятся подъ логическимъ удареніемъ (сравни латинск. и греческ. яз.): Житіе Ѳеодосія Печерскаго XII в.: мати ѥго съповѣда ѥдиному отъ братия, *азъ* же отъ него вся си слышавъ...; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: оже кто възищеть кунъ на друзѣ, а *онъ* ся начнеть запирати 10; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *азъ* Бога познахъ и радуюся, аще *ты* познаеши, и радоватися почнешь, аще вы сего укора не жаль, *азъ* единъ погыну; аще одолѣеши *ты*, то возмеши имѣнье мое, аще ли *азъ* одолѣю, то възму твое; *вы* есте братья единого отца. Сверхъ случаевъ въ родѣ приведенныхъ, мѣстоименія 1-го и 2-го лицъ нерѣдко употреблялись тогда, когда при нихъ находилось приложеніе: запись Юрьевскаго Ев. около 1120 г.: *азъ* грѣшьныи Ѳеодоръ напсахъ; запись Мстиславова Ев.: *азъ* грѣшьныи рабъ написахъ, *азъ* рабъ божии... съписахъ; Мстиславова гр. 1130 г.: се *азъ* Мьстиславъ повелѣлъ ѥсмь; а се *я* Всеволодъ далъ ѥсмь; *ты* игумене и *вы* братиѣ молите; однако въ припискѣ 1116 г. въ Лаврентьевскомъ сп. л.: игуменъ Силивестръ написахъ книгы си. Но иногда въ древне-русскихъ памятникахъ личныя мѣстоименія стоятъ какъ-бы безъ всякой надобности; такъ, въ Мстиславовой грамотѣ мы читаемъ: *вы* дължьни ѥсте молити Бога; въ грамотѣ рижанъ около 1300 г.: аже не отложишь лишнего дѣла, *мы* хочомъ Богу жяловатися; *мы* свое обиды не положимъ; ныне *мы* ся тобе молимъ, и т. п.

Такое употребленіе личныхъ мѣстоименій способствовало тому, что формы прошедшаго сложнаго стали терять вспомогательный глаголъ и въ 1-мъ и во 2-мъ лицахъ, причемъ отсутствіе вспомогательнаго глагола восполнялось личнымъ мѣстои-

меніемъ; такъ, напр., въ Пандектахъ Антіоха XI в. мы читаемъ: *ты осклабилъся*, а она въсмиялася 43 об.; въ Мстиславовой грам.: *язъ далъ* рукою своѥю (безъ *ѥсмь*); въ приискѣ XII—XIII в. въ Уставѣ церк. Син. Б. № 330: *язъ былъ* на низу; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: *мы* вашее братие не *обидѣли* ни *грабили* (безъ *ѥсмъ*); *ты* его товаръ *узялъ* (безъ *ѥси*); *ты* ему не *далъ*; *ты* ему *велѣлъ* продати; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: *ты* ему добра *хотѣлъ*, и т. п. Рядомъ съ формами безъ *ѥси*, но съ *ты*, мы находимъ въ грамотѣ рижанъ довольно значительное количество случаевъ употребленія полныхъ формъ прошедш. сложнаго, т. е. съ *ѥси*, но безъ *ты*.

По мѣрѣ того, какъ употребленіе личныхъ мѣстоименій все увеличивалось и увеличивалось,—становилась все менѣе и менѣе потребность въ употребленіи полныхъ формъ прошедшаго сложнаго, и наконецъ эти формы были совершенно вытѣснены изъ живаго говора. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить съ точностью, когда исчезли эти формы; но въ актахъ XVI—XVII в. мы еще встрѣчаемъ полныя формы 1-го и 2-го лицъ прошедшаго сложнаго; такъ, во вкладной 1567 г. мы читаемъ: *далъ есми*; въ новгородской грам. 1577 г.: *дали есмя*; въ новгородской грам. 1579 г. *продалъ есмь*; въ Домостроѣ по сп. XVI в.: *ночевала есмь*, а тамо *есмь* и не *поспѣла* 75; въ свадебномъ чинѣ XVII в. при Домостроѣ: *изволили естя* 178. Впрочемъ современный языкъ сохраняетъ скудные остатки старыхъ полныхъ формъ прошедшаго сложнаго; они встрѣчаются главнымъ образомъ въ языкѣ пѣсенъ какъ на сѣверѣ Руси, такъ и на югѣ.

Исторія формъ настоящаго времени. Формы настоящаго времени (съ значеніемъ какъ настоящаго, такъ и будущаго вр.) въ древности имѣли три ряда окончаній: 1) *мь*, *си*, *сть*..., 2) *у* (*ю*), *ешь*, *еть*..., 3) *ю*, *ишь*, *ить*...

Формъ съ окончаніями перваго ряда было мало и прежде, а въ настоящее время они сохраняются въ еще меньшемъ количествѣ: великорусск. (московск.): *дамъ*, *ѣмъ*, *дастъ*, *ѣстъ*, *естъ*, *вѣстъ*, *дадутъ*, *ѣдятъ*; бѣлор. *дамъ*, *ѣмъ*, *дасú*, *ѣсú*, *дасцъ*, *ёсцъ* (=есть), *дамо́*, *ѣмо́*, *дасцé* (*дасцó*, съ мягкимъ *ц*), *ѣсце* (*ѣсцó*), *дадуцъ*, *ѣдуцъ*; малор. *дамъ*, *jімъ*, *вімъ*, *дасú*, *jісú*, *вісú*,

єсú, *дасть*, *ј̈ість*, *віcть*, *дамó*, *ј̈імó*, *вімó*, *дасте́*, *ј̈істе́*, *вісте́*, *дадуть*, *ј̈ідять*, *відять*. Кромѣ того, великорусскія пѣсни удерживаютъ формы *есú*, *есте́*, и въ разныхъ в.-русскихъ говорахъ сохранились формы 2-го лица—*дасú*, *ѣсú*, *есú*.

Мѣсто нѣкоторыхъ древнихъ формъ настоящ. вр. глаголовъ *дамь* и *ѣмь* теперь занято соотвѣтствующими формами повелительнаго-желательнаго наклоненія съ значеніемъ настоящ. вр. Великорусск. да*шь*, ѣ*шь*, малор. *дашь*, *ј̈ішь*—не что иное какъ формы 2-го л. ед. повелительн.-желательнаго накл., звучавшія въ древнее время да*жь*, ѣ*жь*. Само собою разумѣется, причиною измѣненія въ значеніи этихъ формъ послужила фонетическая близость или даже тожество окончаній *жь* и *шь*. Точно также великорусскія и бѣлорусскія формы 1-го и 2-го л. мн. ч. да*димъ*, ѣ*димъ*, да*дите*, ѣ*дите*—собственно формы повелительнаго-желательнаго наклон., получившія значеніе изъявит. накл. настоящаго времени потому, что ихъ окончанія тожественны съ окончаніями формъ 1-го и 2-го л. множ. въ родѣ *бранимъ*, *браните*. Появленіе формъ повел.-желат. накл. въ значеніи настоящ. вр. относится приблизительно къ XIV в.; по крайней мѣрѣ мы знаемъ двѣ такихъ формы—одну въ Псалтыри XIV в. (Публ. Б., f. 4, л. 5): до избытка ѣ*ши*, гдѣ окончаніе *ши* (вм. *шь*) явилось, конечно, вслѣдствіе того, что писецъ хотѣлъ дать русской формѣ церковно-славянскую окраску, другую въ Новгородской лѣт.: или не вы*дадите*, язъ вамъ не князь 267.

Рядомъ съ древнею формою 2-го л. ед. настоящ. вр. *хочешь* теперь употребляются формы *хочь* и *хошь*. Первая широко распространена въ великорусскихъ говорахъ и постоянно употребляется въ говорахъ малорусскихъ: живи коли *хочь* (Кохановская), чи не *хочь* по чарці, коли не *хочь* обідать, такъ..., що *хочь* роби (Квітка); вторая, происшедшая изъ первой подъ вліяніемъ формъ 2-го л. на *шь*, извѣстна только въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ, между прочимъ въ московскомъ; она не отличается древностью и мы можемъ указать ее только въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума (VIII, 92) и въ сказкѣ объ Урусланѣ Лазаревичѣ XVII в. („Лѣтописи“ Тихонравова I, 108, 110, 113). Должно замѣтить, что соотвѣтствующая нашей *хочь*

церк.-слав. форма *хошти* (съ *и*, какъ въ повелит. дажд*и* и т. п.) также не рѣдко употребляется съ значеніемъ настоящаго врем. (между прочимъ въ Румянц. Лѣствицѣ XII в. 30 об.).

Окончанія наст. вр. *у* (*ю*), *ешь*, *етъ*..., *ю*, *итъ*, *итъ*... сохранились почти вполнѣ, и только въ акающихъ говорахъ, тамъ, гдѣ эти окончанія не имѣютъ на себѣ ударенія, произошло смѣшеніе одного спряженія съ другимъ; такимъ образомъ мы теперь произносимъ, напримѣръ, формы 2-го лица ед. ч. 1-го спряженія (безъ ударенія на концѣ) тожественно съ формами того же лица 2-го спряженія: встан*ешь* одинаково съ люб*ишь*, и т. п.; формы 3-го лица мн. ч. глаголовъ 2-го спряженія теперь у насъ обыкновенно звучатъ какъ формы 1-го спряженія: лю*бютъ*, смотр*ютъ*, одинаково съ пиш*утъ*. Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ нерѣдки случаи перехода окончанія 3-го л. единств. глаголовъ 1-го спряженія во 2-ое спряженіе: гон*е*, лов*е*, и т. п.

Къ числу слѣдствій смѣшенія одного спряженія съ другимъ не слѣдуетъ относить такихъ двоякихъ формъ, какъ бѣг*у*, бѣг*утъ* (1-е спряженіе), бѣж*ишь*, бѣж*итъ*, бѣж*атъ* Сл. о п. иг. (2-е спр.); хоч*у*, хоч*ешь*, хоч*етъ*, хоч*емъ*, хоч*ете* (1-е спр.), хо*тимъ*, хот*ите*, хот*ятъ* (2-е спр.). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ соединеніемъ формъ двухъ спряженій, которыя нѣкогда существовали въ языкѣ во всей своей полнотѣ и употреблялись безразлично, съ одинаковымъ значеніемъ. По всей вѣроятности, къ числу глаголовъ, имѣвшихъ прежде два спряженія, относится и глаголъ *дышу*: въ старомъ языкѣ онъ измѣняется исключительно по 1-му спряженію: дыш*ешь*, дыш*утъ*, тогда какъ въ современномъ языкѣ (впрочемъ только у поэтовъ) онъ иногда образуетъ формы и по 2-му спряженію: груди нѣжныя дыш*а́тъ*, Держав.; въ ней все дыш*и́тъ* божественной красою, Козловъ, Абид. невѣста.

Сверхъ этихъ явленій, въ исторіи формъ наст. вр. можно отмѣтить нѣсколько случаевъ вліянія однихъ формъ одного и того же спряженія на другія, а также вліянія на формы наст. вр. формъ неопред. накл. и причастія прошедшаго. Формы 1-го л. ед. и 3-го л. множ. повліяли на другія формы въ тѣхъ случаяхъ, когда согласный въ этихъ формахъ былъ отличенъ отъ

согласнаго въ формахъ 2-го и 3-го л. ед., 1-го и 2-го лицъ множ.; образовавшіяся такимъ образомъ новыя формы нерѣдки въ великорускихъ говорахъ (между прочимъ, въ московскомъ) и встрѣчаются въ говорахъ бѣлорусскихъ; въ нихъ, напримѣръ, при пе*к*у, пе*к*утъ слышится пе*к*ёшь, пе*к*ётъ и т. д. На оборотъ, формы 1-го ед. и 3-го мн. въ нѣкоторыхъ случаяхъ испытали на себѣ вліяніе другихъ формъ; вслѣдствіе чего, напримѣръ, при мо*ж*ешь, мо*ж*емъ получилися формы 1-го ед. мо*ж*у, 3-го мн. мо*ж*уть, распространенныя въ малорусскихъ говорахъ и не чуждыя также бѣлорусскимъ. — Вліяніе на формы настоящ. вр. формъ неопредѣленнаго наклоненія и причастія мы находимъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ случаевъ; такъ, въ старомъ языкѣ, при неопредѣленныхъ наклоненіяхъ пл*ы*ти, сл*ы*ти, д*у*ти (церк.-славянск. дѫти), были формы настоящ. вр. пл*о*ву, сл*о*ву, д*ъм*у; рядомъ съ ними, вслѣдствіе вліянія неопредѣленнаго наклоненія и причастія, образовались новыя формы наст. вр., господствующія теперь въ великорусскомъ нарѣчіи: сл*ы*ву, пл*ы*ву, д*у*ю (бѣлорусск. дму, дмешь).

Далѣе, въ исторіи формъ наст. вр. мы можемъ остановиться на судьбѣ формъ 3-го л. ед. и мн. ч. Въ др.-русскомъ языкѣ 3-е л. ед. и мн. или имѣло окончаніе *тъ*, или было безъ этого окончанія: буде*тъ* и буд*е*, буду*тъ* и буд*у*; но формы съ *тъ* значительно преобладали надъ формами безъ *тъ*. Послѣднія встрѣчались сравнительно рѣдко; мы читаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ: въ записи Остромирова Ев.: напиш*е*; въ записи Минеи 1095 г.: обрящ*е*; въ припискѣ къ Юрьевскому Ев.: вѣдаѥ; въ Сборникѣ Святослава 1073 г.: ѥ, бѫд*е*, нарицаѥ, биваѥ, бол*и*, с*у*, и т. п. Само собою разумѣется, формы безъ *тъ* Святославова Сборника и другихъ памятниковъ, списанныхъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ, если не всѣ, то многія, могутъ быть считаемы за принадлежащія не русскому, а церк.-славянскому языку. Въ болѣе позднихъ сѣверно-русскихъ памятникахъ подобныя формы встрѣчаются, но сравнительно рѣдко (между прочимъ, въ новгородской гр. 1315 г.: поид*у*, множ.); въ галицко-волынскихъ памятникахъ они болѣе часты (особенно 3-го л. ед. ч.); такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: ѥ, приход*и*, досто*и*,

су, им*у*; въ Холмскомъ Ев. XIII—XIV в.: ѥ, буд*е*, куп*и*, прос*я*, въсхыт*я*. Формы на *тъ* сохранились во всемъ русскомъ языкѣ, причемъ въ части великорусскихъ говоровъ ихъ конечный согласный отвердѣлъ, а въ большей части бѣлорусскихъ говоровъ мягкое *т* перешло въ *ц*. Формы безъ *тъ* встрѣчаются также во всемъ русскомъ языкѣ, но въ великорусскомъ нарѣчіи они сравнительно рѣдки; въ малорусскихъ говорахъ формы ед. ч. безъ *тъ*, на *е*, очень часты: нес*е*, буд*е* и т. п. (но несе*тця*, люб*ить*, буд*уть*): то же можно сказать о юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ. Литературный языкъ почти не знаетъ формъ безъ *тъ*; нѣсколько находящихся въ немъ глагольныхъ формъ безъ *тъ* какъ бы утратили свое глагольное значеніе: *нѣ*-ту=нѣсть ту (часто и въ старыхъ памятникахъ), *не*льзя (старое *нѣ*-льзѣ) =нѣсть льзѣ, *нѣ́*-чего, *нѣ́*-кого, *нѣ́*-чему, *нѣ́*-кому (Новгородск. лѣт. 256: *нѣ*-чимь)=нѣтъ ничего и т. д., *нѣ*-што=развѣ, если (договоръ кор. Казимира 1483 г.: а *нѣ*што што Богъ измыслитъ, ино имъ... Акт. З. Р. I, № 80; сравни съ *нѣ* въ *нѣ*што—*есть* въ *если*), *буде*=будеть, если, *дѣ* изъ дѣк=дѣкть, 3-е л. ед. ч. отъ глагола *дѣяти* говорить.

Формы настоящаго времени нерѣдко имѣютъ значеніе будущаго времени. Употребленіе ихъ съ этимъ значеніемъ началось въ глубокой древности, и въ древне-русскихъ памятникахъ они употребляются почти такъ же, какъ и въ современномъ языкѣ, т. е. однѣ формы настоящаго являются въ нихъ съ значеніемъ настоящаго времени, другія — съ значеніемъ будущаго; сверхъ того, въ нихъ есть нѣкоторое количество формъ, которыя имѣютъ значеніе и настоящ. времени, и будущаго: Остромирово Ев.: слъньце *мъркнетъ* и луна не дасть свѣта 145 об.=померкнетъ, Лаврентьевскій сп. л.: поѣди ис Переяславля; пакы ли не поидешь добромъ, *иду* на тя ратью 406; псковская грамота 1483 г.: насъ части лишаютъ, а проѣзду не *дадутъ* (А. Юр. № 2); сѣв.-великор. грам. ок. 1490 г.: люди *купятъ* и продаютъ (А. Юр. стр. 9); разрядная книга 1615 г. (Временникъ Общ. ист. и др. III, 1): *дадутъ*=даютъ. Сравни современн. *бѣгу*, *крещу*, *рожу*, *женю*, *молвлю* и т. п., поэтическое *паду* (у Пушкина): поколѣнья восходятъ, зрѣютъ и *падутъ* (наст. вр.); *паду*

стрѣлой пронзенный (будущее вр.); даже форма *будетъ*, при безличномъ употребленіи, можетъ имѣть значеніе не только будущаго вр., но и настоящаго (=довольно, достаточно).

Исторія формъ повелительнаго наклоненія. Формы повелительнаго накл. (собственно желательнаго) отправляли въ древности, какъ и теперь, функціи какъ повелительнаго, такъ, отчасти, желательнаго и сослагательнаго накл. Формы 1-го л. ед. повелит. н. исчезли изъ употребленія еще въ глубокой древности, и мы находимъ только самые скудные остатки ихъ въ языкѣ древнерусскихъ памятниковъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ (Толстовская Псалтырь XII в.: *бѫдѣмь* 184); формы 3-го л. множ. ч. также исчезли и неизвѣстны даже въ остаткахъ; такимъ образомъ до насъ дошли только формы 2-го и 3-го л. ед., 1-го и 2-го дв. и мн. ч. Формы повелит. н. въ древне-русскомъ языкѣ имѣли троякія окончанія: 1) нѣкоторые глаголы имѣли во 2-мъ и 3-мъ л. ед. окончаніе *ь*, въ 1-мъ л. мн.—*имъ* и во 2-мъ л. множ.—*ите*: дажь, дад*имъ*, дад*ите*; ѣжь, ѣд*имъ*, ѣд*ите*; вижь, вид*имъ*, вид*ите*; вѣжь и т. д.; изъ этихъ формъ двѣ въ настоящее время сохраняются въ литературномъ языкѣ: съ значеніемъ повелит. н.—*ѣшь* и въ качествѣ частицы *вишь*; форма *дажь* въ значеніи повелит. н. уже въ XIV в. была непонятна переписчикамъ, и они обыкновенно, вмѣсто нея, писали *даи же*: Поликарпово Еванг. 1307 г.: хлѣбъ нашь *даи же* намъ днесь 89 об.; Ев. 1355 г.: *даи же* ми воды пити, *даи же* ми воду сию 14, *даи же* славу Богу 19 и др.; впрочемъ, кое-гдѣ на нашемъ сѣверѣ, кажется, еще сохраняется выраженіе *дажь Богъ*=дай Богъ (Барсовъ, Слово о п. игор., I, 367); 2) нѣкоторые глаголы имѣли окончанія *и*, *имъ*, *ите*: гляд*и*, гляд*имъ*, гляд*ите*; наконецъ 3) остальные глаголы оканчивались на *и*, *ѣмъ*, *ѣте*: вед*и*, вед*ѣмъ*, вед*ѣте*.

Различныя формы повел. н. оказали другъ на друга вліяніе, и такимъ образомъ создалось нѣсколько новыхъ формъ.

Формы 2-го и 3-го лицъ на *жь* оказали вліяніе на свои формы 2-го л. множ. и создали новыя формы 2-го мн. на *жьте*; такъ, подъ вліяніемъ формы ви*жь* явилась форма ви*жьте* (Кормчая XIII—XIV в. Рум. Муз. № 230, л. 136 об., Сборникъ XIII—

XIV в. Общ. ист. и древн. 25 об., 33; Ипатскій сп. л. 207); форма вѣ*жь* послужила къ образованію формы вѣ*жьте* (тотъ же Сборн. 42, увѣ*жьте* 29; повѣ*жьте* Лаврент. сп. л. 68); форма ѣ*жь* дала начало современной формѣ ѣ*жьте* (ѣшьте). Затѣмъ формы 2-го—3-го ед. на *жь* и новыя формы 2-го мн. числа на *жьте* оказали вліяніе на формы повелит. наклон. на *и*, *имъ*, *ите*, *и*, *ѣмъ*, *ѣте*, что повело также къ образованію новыхъ формъ. Ихъ мы видимъ часто уже въ памятникахъ XIII и XIV в.: гал.-вол. Ев. XII—XIII в. Никольскаго мон. № 150: починте мало 36; гал.-вол. Галицкое Ев. ок. 1266 г.: украдь, оставьте, обидьте, въверьзьте; гал.-вол. Холмское Ев. XIII — XIV в.: прилежь (вм. прилеж*и*), наполньте, видьте, въстаньте, будьте, останьтеся; гал.-вол. Луцкое Ев. XIV в.: прекдьмы, сядьте, плачьтеся; зап.-русск. грамота Кейстута послѣ 1341 г.: будте; у Скорины: поведь, приедь, помольте, молвь ему и т. п. Въ настоящее время подобныя формы широко распространены во всемъ русскомъ языкѣ и могутъ считаться обще-русскими: встань, встаньте, сядь, сядьте и т. п. Рядомъ съ этими формами сохранились (когда удареніе было на конечномъ слогѣ) и старыя формы: великорусск. люб*и*, люб*и*те, смотр*и*, смотр*и*те.

Формы 1-го и 2-го мн. на *ѣмъ*, *ѣте* (вед*ѣмъ*) и на *имъ*, *ите* (гляд*имъ*) также оказали другъ на друга вліяніе. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ мы находимъ формы въ родѣ ищ*ѣ*мъ (вм. ищ*и*мъ), ищ*ѣ*те (вм. ищ*и*те), вяж*ѣ*мъ, вяж*ѣ*те; хотя онѣ встрѣчаются только въ спискахъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ, но едва ли возможно сомнѣваться, что они существовали и въ живомъ русскомъ языкѣ; по крайней мѣрѣ относительно древняго галицко-волынскаго говора можно сказать навѣрное, что онѣ въ немъ были нерѣдки. На это указываютъ такія новыя формы 1-го и 2-го лицъ мн. повелит. н., которымъ подобныхъ нѣтъ въ церк.-славянскихъ памятникахъ и которыя могутъ быть названы собственно галицко-волынскими: Галицкое Ев. ок. 1266 г.: прост*ѣ*те, запись; Поликарпово Ев. 1307 г.: отвал*ѣ*те; Луцкое Ев. XIV в.: хран*ѣ*теся, твор*ѣ*те, мол*ѣ*теся. Подобнаго рода формы мы находимъ также въ западно-русской Четьѣ 1489 г.: пуст*ѣ*те, помол*ѣ*мся, твор*ѣ*мъ; но эта Четья по

всей вѣроятности—списокъ съ галицко-волынскаго оригинала; впрочемъ сравни въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: подад*ѣ*мъ (будущ. вр.) 68. Что до современнаго языка, то рефлексомъ новыхъ формъ на *ѣмъ*, *ѣте* (ищ*ѣ*те, отвал*ѣ*те) являются обычныя малорусскія формы въ родѣ ищ*і*те, отвал*і*те, съ *і* изъ *ѣ*.

Въ свою очередь формы на *имъ*, *ите* (гляд*имъ*, гляд*ите*), вмѣстѣ съ формами ед. ч. на *и* (гляд*и*, вед*и*), оказали вліяніе на формы на *ѣмъ*, *ѣте* (вед*ѣмъ*, вед*ѣте*) и повели къ образованію новыхъ формъ въ родѣ вед*и*мъ, вед*и*те, бер*и*мъ, бер*и*те. Послѣднія встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, по преимуществу новгородскихъ: Остромирово Ев.: привед*и*те 73, остан*и*теся 230; Минея 1095 г.: почьрьп*и*мъ 111; Минея 1097 г.: въсъл*и*мъ 313; Слово Ипполита объ антихристѣ XII в.: рьц*и*те. Памятники XIII—XIV в., сѣверно-русскіе, имѣютъ ихъ уже довольно часто; Милятино Ев. 1215 г.: привед*и*те 41 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: поид*и*вѣ 31 об., 151 об., побѣгн*и*мъ 90; духовная новгородца Климента: възм*и*те; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: съвед*и*теся 7; грамота рижанъ ок. 1284 г.: шл*и*те (древн. съл*ѣ*те); Ев. 1317 г.: чт*и*те, запись, сбер*и*те, принес*и*те, призов*и*те; Ев. 1355 г.: ид*и*те, привед*и*те, рц*и*те, въверз*и*те; Новгородская лѣт.: ид*и*та, поид*и*те, приим*и*те, помоз*и*те, и друг. Старыя формы на *ѣмъ*, *ѣте* были еще въ полномъ употребленіи въ сѣверно- и зап.-русскихъ говорахъ въ XIII—XIV в.: смоленская гр. ок. 1297 г.: буд*е*те со мною въ любви; грамота рижанъ около 1300 г.: буд*ѣ*те готови; они нерѣдки въ Лаврентьевскомъ сп. лѣтоп. Съ теченіемъ времени формы 2-го мн. на *ѣте*, сохраняющіяся въ малорусскомъ нарѣчіи (съ *і* на мѣстѣ *ѣ*), были вытѣснены совсѣмъ въ великорусскихъ и въ большинствѣ случаевъ въ бѣлорусскихъ говорахъ формами на *ите*. Формы 1-го мн. на *ѣмъ*, живущія еще въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, исчезли почти совсѣмъ въ великорусскомъ и малорусскомъ, и ихъ мѣсто заняли близкія къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ формы 1-го мн. настоящаго вр. съ значеніемъ будущаго. Древнѣйшій случай употребленія формы настоящаго въ качествѣ формы повелит. н. мы находимъ въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в., гдѣ мы читаемъ: сърящ*о*мъ

(*о* изъ *е*)=εἰςδεξώμεθα; въ Прологѣ 1262 г. мы имѣемъ: подражаѥмъ мудрыя дѣвы 84 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт. не разъ имѣетъ формы наст. вр. вмѣсто формы повел.: поид*е*мъ высадимъ дружину свою; рече Мстиславъ дружинѣ своей: поид*е*мъ на ня, и т. п. Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи обыкновенно слышится: пойд*ё*мъ, бер*ё*мъ и т. п. (при тульск. поид*е*мъ, съ *е*, и т. п.); въ малорусскомъ нарѣчіи соотвѣтствующія формы обыкновенно оканчиваются на *емо*.

Говоря о формахъ повелительнаго накл., мы должны упомянуть о вліяніи на эти формы другихъ глагольныхъ образованій, главнымъ образомъ формъ настоящаго времени. Нѣкоторыя формы повелительнаго наклоненія въ древности имѣли передъ окончаніемъ свистящій звукъ, т. е. въ нихъ слышалось *ц*, *з*, *с*, тогда какъ въ формахъ настоящаго вр. слышался или одинъ изъ гортанныхъ *к*, *г*, *х*, или шипящій *ч*, *ж*, *ш*. Вслѣдствіе вліянія формъ настоящаго вр. формы повелительнаго накл. съ свистящимъ звукомъ стали исчезать, уступая мѣсто новымъ формамъ или съ гортаннымъ, или съ шипящимъ звукомъ. Такъ явились современныя великорусскія ля*г*ъ, ля*г*те (по образцу ви*ж*ь, вста*н*ь, вста*н*ьте), пе*к*и, пе*к*ите, помо*г*и, помо*г*ите, которыя заняли мѣсто древнихъ формъ, звучавшихъ ля*з*и, ля*з*ѣте, пь*ц*и, пь*ц*ѣте, мо*з*и, мо*з*ѣте, и которыя восходятъ по древности къ XIV в.: Паремейникъ XIV в. Троицк. Лавр. № 4: стре*г*и моѥго входа 33. Такъ явились современныя малорусскія формы пе*ч*и, пе*ч*імо, пе*ч*іте, бѣлорусская помо*жи*, которыя, судя по даннымъ памятниковъ, не отличаются особенною древностью; впрочемъ въ Ипатскомъ сп. лѣт. читается: стере*жи* 456; въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: Боже помо*ж*ы 40.

Формы повелительнаго наклоненія въ славянскихъ языкахъ издревле отправляли функціи желательнаго и сослагательнаго накл., по преимуществу въ придаточныхъ предложеніяхъ. Такое употребленіе формъ повелит. накл. встрѣчается, между прочимъ, въ церк.-славянскомъ и древне-русскомъ яз. Въ церковно-славянской Супрасльской рук. мы находимъ ф. повелительн. н., напр., въ выраженіи: въспомѧнемъ добрѫ дѣтель мѫжь, да подвигнѣмъ сѧ

на подражаниѥ, гдѣ форма повелит. н. соотвѣтствуетъ латинскому сослагательному: ut nos *incitemus*. Въ гал.-вол. Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: иде же аще *вълѣзѣте*, ту пребудете; въ гал.-вол. Типографскомъ Ев. XII—XIII в. № 6: вонь же градъ колижьдо *вънидѣте*,... ѣдите 105; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: за кормилца 12 гривьнъ и за кормилицю, хотя си *буди* холопъ или роба 4; здѣсь формы повелит. н. *вълѣзѣте* и др. употреблены также въ значеніи греческаго и латинскаго сослагательнаго. Въ „Вопрошаніи“ Кирика по сп. ок. 1282 г. мы находимъ выраженіе: аще и мьртвыя *въскрешаи* не можеть попомь быти (Русская Историч. Библіотека, VI, 46); здѣсь форма 3-го ед. повелит. накл. соотвѣтствуетъ греческому желательному. Главное, повелительное значеніе формъ повелительн. накл. сохраняется ими въ современномъ русскомъ яз. во всей полнотѣ; значеніе же желат.-сослагат. накл. всѣхъ лицъ и чиселъ въ немъ имѣетъ главнымъ образомъ одна форма, форма 2-го—3-го л. ед. ч.: *скажи* я ему слово, онъ сдѣлаетъ все; *скажи* ты..., *скажи* онъ...., *скажи* мы...., и т. д.; *захоти*, такъ (онъ) былъ бы дѣловой; какъ мѣсяцъ ни *свѣти*, а все не солнца свѣтъ, и т. п.

Исторія формъ страдательнаго залога. Какъ въ литовскомъ, такъ и въ славянскихъ языкахъ формы страдательнаго и возвратнаго залога издревле образовывались чрезъ присоединеніе къ формамъ дѣйствит. зал. возвратнаго мѣстоименія; но въ то время, какъ литовскій яз. имѣетъ форму этого мѣстоименія, прикрѣпленную къ глагольнымъ формамъ и отличную по звукамъ отъ формъ того же мѣстоименія, когда оно употребляется отдѣльно,— въ славянскихъ языкахъ мы видимъ свободное употребленіе возвратнаго мѣстоименія, такъ что глагольная форма употребляется сама по себѣ, а мѣстоименіе само по себѣ; при этомъ послѣднее можетъ стоять и передъ глаголомъ, и послѣ глагола, и непосредственно рядомъ съ глаголомъ, и черезъ одно или нѣсколько словъ отъ него.

Въ древне-русскомъ языкѣ употребленіе мѣстоименія *ся* предъ глаголомъ было столь же обычно, какъ и послѣ глагола. Оно

было свойственно всѣмъ древне-русскимъ говорамъ, и мы читаемъ въ кіевской Мстиславовой грамотѣ 1130 г.: донелѣ же *ся* миръ *състоить*, кто *ся изоостанеть* въ манастыри; въ смоленской гр. 1229 г.: что *ся дѣѥть*; въ смоленской гр. ок. 1230 г.: притьча *ся пригодить*; въ новгородской гр. ок. 1262 г.: что *ся учинило* тяже, тѣхъ *ся ѥсмы отступили*, гдѣ *ся* тяжа *родить*; въ московской духовной Ивана Калиты: что *ся остало*, тыми *ся подѣлять* сынове мои; въ московской духовной Семена Гордаго: хто *ся будеть* у тѣхъ людии *женилъ*; въ Новгородской лѣт.: копая подъ другомь яму самъ *ся* в ню ввалить 271. Рядомъ съ употребленіемъ мѣстоименія *ся* передъ глаголомъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ случаевъ употребленія *ся* послѣ глагола, какъ непосредственно за глаголомъ, такъ и чрезъ одно слово; напримѣръ, въ записи Сборника Святослава 1073 г. мы читаемъ: *коньчяшяся* книгы сия; въ припискѣ къ Юрьевскому Ев.: *възвратихъся*, *съконьчася* вьсе дѣло; въ смоленской гр. 1229 г.: *трудилися* дъбрии людиѥ,, *починаѥться* правда, *извиниться*, *розгнѣваѥться*, *биѥться*; въ смоленской грамотѣ ок. 1230 г.: ать *управяться* сами; въ духовной вел. кн. Ив. Ивановича: *подѣляться*. Свободное употребленіе мѣстоименія *ся* во всемъ русскомъ языкѣ продолжалось довольно долго: въ XVII в. мы нерѣдко его видимъ въ памятникахъ южно-русскихъ, въ XVI в.—въ памятникахъ великорусскихъ, въ родѣ московск. Судебника 1550 года: чтобы *ся* недѣльщики не *отпирали*, или Домостроя: не *слегло* бы *ся*, все то *ся пригожаетъ*. Великорусскія пословицы сохраняли его даже въ XVIII в.: сборникъ пословицъ 1758 г.: аще за друга *ся поручаешь*, свою душу другу полагаешь.

Въ настоящее время въ значительномъ большинствѣ русскихъ говоровъ мы находимъ *ся* прикрѣпленнымъ къ глагольной формѣ и поставленнымъ послѣ глагола,—и только сравнительно немногіе, по преимуществу западные говоры малорусскаго нарѣчія еще сохраняютъ свободное употребленіе возвратнаго мѣстоименія.

Теперь намъ нужно сказать нѣсколько словъ о судьбѣ тѣхъ формъ, которыя обыкновенно причисляются къ глагольнымъ формамъ, но которыя вѣрнѣе было бы называть отглагольными,—о судьбѣ формъ неопредѣленнаго наклоненія и причастій.

Исторія формъ неопредѣленнаго наклоненія. Изъ двухъ древнихъ формъ древне-русскаго неопредѣленнаго наклоненія, формы на *ти* (*чи*) господствуютъ въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, какъ въ книгахъ, списанныхъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ, такъ и въ грамотахъ; формы на *ть* (*чь*), напротивъ того, встрѣчаются въ нихъ сравнительно рѣдко. Но чѣмъ болѣе памятники приближаются къ нашему времени, тѣмъ чаще формы на *ть* намъ встрѣчаются, тѣмъ болѣе онѣ получаютъ преобладаніе. Вытѣсненіе ими формъ на *ти* вполнѣ естественно, такъ какъ русскій языкъ вообще предпочитаетъ употреблять болѣе краткія формы. Въ нашемъ литературномъ языкѣ формы на *ти* рѣдки и являются только тогда, когда удареніе стоитъ на конечномъ *и*: ид*ти́*, нес*ти́*, вез*ти́*, вес*ти́*; но и въ этомъ случаѣ рядомъ съ ними обыкновенно употребляются также краткія формы: не*сть*, вез*ть* и т. д.; кромѣ подобныхъ формъ на *ти*, въ литературномъ языкѣ изрѣдка встрѣчаются архаизмы въ родѣ пе*чи́* (бѣда, коль пироги начнетъ *печи* сапожникъ...). Въ великорусскихъ говорахъ формы на *ти* также рѣдки, но пѣсни сохраняютъ ихъ еще въ большомъ количествѣ. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи формы на *ти* неособенно рѣдки; въ однихъ изъ малорусскихъ говоровъ они господствуютъ, въ другихъ—встрѣчаются рѣже, чѣмъ формы на *ть*.

Формы такъ наз. супина на *тъ* въ церк.-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ употребляются исключительно при глаголахъ движенія и встрѣчаются довольно часто до самаго конца XIV в.: смоленская гр. 1229 г.: латинину не звати русина на полѣ бит*о*ся (*о* вм. *ъ*); смоленская гр. ок. 1230 г.: немьчичю не льзѣ позвати на поле русина битъся; договоръ Новгорода съ Тверью 1265 г.: ездити звери гонитъ; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: идеть искатъ кунъ; западно-русская гр. Кейстута послѣ 1341 г.: а быхомъ пустили търговатъ, по-

идеть торговатъ; Лаврентьевскій списокъ лѣт.: иде учитъ, посла два варяга прикончатъ, мы не цѣловатъ ихъ приѣхали, снидевѣ ся сама боротъ, пришли есьмы воеватъ, и т. п. (нерѣдко); Палея 1406 г. (нерѣдко). Въ современномъ языкѣ мы не находимъ никакихъ достовѣрныхъ остатковъ этого супина; есть, правда, въ одномъ изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ формы неопредѣленнаго наклоненія на *тъ*, но онѣ могутъ быть объясняемы какъ древнія формы на *ть* съ отвердѣвшимъ *т*.

Мѣсто супина на *тъ* въ настоящее время занято или неопредѣленнымъ накл.—супиномъ на *ть*, или неопредѣл. накл. на *ти*. Формы на *ть* у насъ издревле употреблялись рядомъ съ формами на *тъ*, въ одномъ съ ними значеніи; замѣна формъ на *тъ* формами на *ти* также началась въ глубокой древности. Мы, напримѣръ, читаемъ въ Остромировомъ Ев.: идѫ уготова*ти* мѣсто 45 об.; посъла призва*ти* 80 об.; въ Юрьевскомъ Ев.: не придохъ положи*ти* мира 41 (сравни въ Зографскомъ Ев.: придъ да*ти* 111). Памятники съ чистымъ русскимъ языкомъ также знаютъ употребленіе неопредѣленн. н.: смоленская грам. 1229 г.: ѥхали тверди*ти* миръ; договоръ Дмитрія Донскаго 1372 г.: пошли люди жалова*тися*, и т. п. Позднѣе, въ памятникахъ XV—XVI в., замѣна формъ на *тъ* формами на *ти* встрѣчается очень часто; такъ, московское Ев. 1389—1425 г. (Публ. Б.) постоянно употребляетъ формы на *ти*.

Формы неопредѣленн. накл. въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣсколько отличались по звукамъ основы отъ формъ настоящ. вр. и другихъ; вслѣдствіе этого, когда произошло вліяніе вторыхъ формъ на первыя, явилось нѣсколько новыхъ формъ неопредѣл. н. Такова форма *идти*, образовавшаяся изъ древней *ити* вслѣдствіе вліянія формы и*д*у и т. п. и встрѣчающаяся уже въ памятникахъ XIV в.: Ев. 1358 г.: вни*д*ьти 66, вни*д*ти, прои*д*ти 66 об., и*д*ти 75 об., при*д*ти 90, преи*д*ти 111 и др.; Ев. XIV в. (Публ. Б. f. 6): и*д*ти 3, при*д*ти 8; она слышится во всемъ современномъ великорусскомъ нарѣчіи (и*т*ти, и*т*тить) и въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ (и*ци*и). Таковы формы въ родѣ ле*г*чи, пе*к*чи, мо*г*и, пе*к*ги встрѣчающіяся и въ вели-

корусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, но особенно распространенныя въ малорусскомъ.

Исторія причастій. Причастія настоящ. времени въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ имѣютъ форму именит. пад. ед. ч. муж. р. съ окончаніемъ *а* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ церк.-славянскій языкъ имѣетъ окончаніе *ы*,—слѣдовательно, съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ. Формы въ родѣ ид*а*, мог*а* еще нерѣдки въ памятникахъ XIV в. (между проч. въ грамотахъ и лѣтописяхъ), но потомъ исчезаютъ, когда именно,—за неимѣніемъ данныхъ мы не можемъ опредѣлить. Въ современномъ русскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ этихъ формъ, если не считать формы *мога* и нѣкоторыхъ именъ существительныхъ.

Мѣсто формъ на *а* очень рано стали занимать новыя формы причастій настоящ. вр. съ окончаніемъ *я*: ид*я*, нес*я*, которыя образовались вслѣдствіе вліянія на формы въ родѣ ид*а*, нес*а*—формъ въ родѣ люб*я*, емл*я*. Формы на *я* мы находимъ какъ въ памятникахъ, списанныхъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ (въ Тріоди 1311 г.: зов*я* 73), такъ и въ грамотахъ и лѣтописяхъ; напримѣръ, въ грамотѣ рижанъ около 1300 г. мы читаемъ: ид*я*, вед*я*; въ новгор. грамотѣ ок. 1305 г.: повьрг*я*; въ двинской рядной XIV в.: рк*я* (=ц.-слав. рек*ы*, древне-русск. рьк*а*); въ Новгородской лѣт.: ид*я* 40, рек*я* 193, 208, жд*я* 205. Эти формы на *я* съ теченіемъ времени широко распространились въ языкѣ и вытѣснили формы на *а*. Изъ послѣднихъ сохранилась лишь одна форма *мога*, извѣстная въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ и, можетъ быть, существующая также въ нѣкоторыхъ великорусскихъ (В. Майковъ: кто кого *смога*, такъ тотъ того въ рога. Соч. 171).

Причастія на *а*, *я* первоначально были исключительно причастіями настоящаго времени: прохождааше исцѣлѧ вьсакъ недѫгъ Остромирово Ев. 68 об. (=исцѣляя); прѣбываше задав*я* (=давя) клеврѣта, аще бы искус*я* (=искушая) пришьлъ, Константинъ Болгарскій XII—XIII в. 98, 102; рака ста не поступ*ячи* (=поступая), Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ XII в. 11. Но съ теченіемъ времени, между тѣмъ какъ одни изъ нихъ, образованныя отъ глагольныхъ основъ съ длительнымъ оттѣнкомъ, сохранили свое

древнее значеніе,—другія, бывшія по своимъ основамъ въ связи съ глаголами совершеннаго вида, въ цѣломъ рядѣ случаевъ утратили значеніе настоящаго вр. и сдѣлались причастіями прошедшаго врем. (=греческ. причаст. аориста). Мы находимъ ихъ уже въ памятникахъ XIII и XIV в. употребляющимися одинаково съ причастіями прошедшаго времени на *ъ*, *въ*; такъ, въ смоленской гр. ок. 1230 г. мы читаемъ: дѣтьскыи не исправить возм*а* мьзду (=взявъ); въ записи Пантелеймонова Ев. XII—XIII в.: исправ*яче* чьтѣте (=исправивше); въ Прологѣ 1262 г.: мощи ѥя възм*я* Акакии и погрѣбѣ 17, заим*я* ноздри пльваше 50 об., тъ поим*я* мя въсаді въ тьмницю 83; въ новгородской гр. ок. 1305 г.: отъѥхалъ городъ повьрг*я* (=бросивъ); въ Лаврентьевскомъ сп. л.: створи нарядъ утвердивъся крестнымъ цѣлованьемъ с ними и честь возм*а* у нихъ 359, пожг*а* городъ възвратися 368, посла его пристав*я* къ нему своѣ мужи 384, князь внид*а* в волость поима городы 393, упереди Романъ скоп*я* полкы и въѣха в рускую землю, а володимерци лиш*а*ся Рюрика ѣхаша... 396, и т. п.; въ Новгородской лѣтописи: иде князь поим*я* съ собою мужи новгородьскыя 201, поиде князь поим*я* съ собою новгородце 271, соім*я* ризу 282 и т. п. Въ современномъ русскомъ языкѣ причастныя формы на *я* употребляются въ одномъ значеніи съ формами причастій прошедшаго вр., и мы говоримъ прид*я* рядомъ съ пришедъ, принес*я*, привед*я* рядомъ съ принесши, приведши. Нашъ литературный языкъ знаетъ, съ значеніемъ прош. вр., только употребленіе старыхъ формъ имен. ед. ч. на *я*; старыхъ формъ именительнаго множественнаго ч. на *че*, *чи*, встрѣчающихся въ памятникахъ XVII в. (Котошихинъ: поиду*чи* въ походъ=пошедши), въ немъ уже не существуетъ.

Въ судьбѣ причастій прошедшаго вр. обращаютъ на себя вниманіе тѣ явленія, которыя имѣютъ своею причиною вліяніе причастій съ окончаніемъ *въ*, въ родѣ люби*въ*, да*въ*, на причастія съ окончаніемъ *ъ*, въ родѣ начьн*ъ*, възьм*ъ*, шьд*ъ*, и на оборотъ. Глаголы, въ древности имѣвшіе въ основѣ неопред. накл. носовой гласный: *възѧти*, *начѧти*, *клѧти* и т. п., въ древности имѣли причастія на *мъ* и *нъ*: възь*мъ*,—ше, начь*нъ*,—ше, кль*нъ*,—ше. Эти формы были весьма распространены въ старомъ языкѣ и

нерѣдки въ памятникахъ; такъ, напримѣръ, въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г. мы читаемъ: е*мъ*, сне*мъ*, е*мъ*шо. Они сохранились въ современныхъ русскихъ говорахъ или въ древнемъ своемъ видѣ, или въ нѣсколько измѣненномъ: взё*м*ши или вз*ям*ши. Рядомъ съ ними, по образцу формъ люби*въ*, да*въ*, развились новыя формы съ тою основою, что въ неопред. накл., и съ окончаніемъ *въ*: взя*въ*, нача*въ*, закля*въ* и т. п. Мы находимъ ихъ прежде всего въ спискахъ съ церк.-слав. оригиналовъ: въ Словахъ Григорія Богослова XI в.: *явъ* 67, из*явъ* 19, по*явъ* 231, въз*явъ* 172 об., 331 об., закл*явъ* 84 об., расп*явъ* 198 об.; въ Юрьевскомъ Ев.: *явъ* за руку отроковицѧ 86; въ гал.-вол. Ев. Никольскаго мон. XII—XIII в.: *явъ* по руку слѣпьця 83. Современные русскіе говоры (особенно великорусскіе) употребляютъ ихъ весьма часто, а въ литературномъ языкѣ они господствуютъ.—Съ этими формами одинаковы по образованію новыя формы причастій отъ глаголовъ съ основою въ неопредѣленн. наклон. на какой-либо согласный, особенно на *д* и *т*. Большая часть старыхъ причастій отъ этихъ глаголовъ на *дъ* и *тъ* теперь уже исчезли изъ литературнаго языка и замѣнились въ немъ новыми на *въ*; такъ, напримѣръ, старыя формы ѣ*дъ*, ѣ*д*ше, сѣ*дъ*, сѣ*д*ше, укра*дъ*, укра*д*ше замѣнились вновь образованными формами ѣ*въ*, ѣ*в*ши, сѣ*въ*, сѣ*в*ши, укра*въ*, укра*в*ши; въ великорусскихъ народныхъ говорахъ эти новообразованія распространены еще больше, чѣмъ въ литературномъ яз.: вё*в*ши, пришо*в*ши.

Великорусскіе и бѣлорусскіе народные говоры (но не литературный яз.) знаютъ еще другія вновь образованныя формы причастій прошедш. вр., въ которыхъ на мѣстѣ древняго *в* находится *м*: породи*м*ши, заплака*м*ши, сказа*м*ши, напоё*м*ши и т. п. (Писемскій, Горькая судьбина: раздыша*м*шись, услыша*м*ши, броси*м*ши); они обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ въ родѣ взе*мъ*, взе*м*ше.

Причастія страдательнаго зал. прошедшаго вр., будучи нечленными, звучатъ у насъ всегда съ однимъ *н*: дѣла*нъ*, дѣла*на*, дѣла*но*, а будучи членными,—могутъ быть и съ однимъ, и съ двумя *н*: дѣла*н*ый и дѣла*нн*ый. Обыкновенно, когда удареніе находится на 3-мъ слогѣ отъ конца, нами предпочитаются формы

съ однимъ *н*: пи́са*н*ый, бро́ше*н*ый, свя́за*н*ый; а когда удареніе стоитъ на второмъ слогѣ отъ конца, мы употребляемъ чаще формы съ двумя *н*: принесе́*нн*ый, приведе́*нн*ый, спасе́*нн*ый, почте*нн*ый. Русскій яз. древнѣйшей эпохи не зналъ формъ съ двумя *н*. Они сравнительно новы и обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію отпричастныхъ прилагательныхъ на *ьнъ*. Послѣднія мы видимъ въ церковно-слав. Саввиномъ Ев.: повелѣ*ньная* 50, и въ Синайскомъ Требникѣ: неизглагола*ненъ*, — *нънааго*, нераскаа*ненъ*, неисписа*ненъ*, осѫжде*нна*, и др. Нѣсколько такихъ прилагательныхъ мы находимъ въ русскихъ памятникахъ, списанныхъ съ церк.-славянскихъ и средне-болгарскихъ оригиналовъ: въ Минеѣ 1095 г.: явле*ньная* 64, недрѣма*ньну* 137; въ Тріоди постной XII в. (Синод. Б. № 319): неиздрече*ньныи* 17 об., осквьрнева*ньно* 19 об., въздьржа*ньно* 118 об. и т. п. (съ нотами надъ *ъ*); въ Апостолѣ 1220 г.: испыта*нною*, благопоказа*ньною* 5 и т. п.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: о оглаше*нънихъ* 80 об., неислѣдова*ньнаго* 213 об., съчта*ньная* 244 и др.; въ Пандектахъ 1296 г.: истлѣ*ньныхъ* 47 об.; въ Новгородской лѣтоп. есть отпричастное прилагательное несказа*ньнъ* 305; въ современномъ русскомъ языкѣ мы имѣемъ: открове*нный*, открове*ненъ*, бездыха*нный*, обыкнове*нный* и т. п. Эти отпричастныя прилагательныя оказали вліяніе на причастія на *нъ*, слѣдствіемъ чего было образованіе причастныхъ формъ съ двумя *н*, восходящее по памятникамъ къ XIII в.: Галицкое Ев. ок. 1266 г.: избра*ньныя* 105, 124, 124 об.,—ыхъ 124; кіевская Псалтырь 1397 г.: избра*ннымъ* 122, окова*нныя* 127 об. и др.; Мстижское Ев. XIV в.: избра*ньныхъ* 50, 55 об.,—ыя 56; зап.-русск. Четья 1489 г.: препояса*нныи* 63 об., рече*нныи* 68, исцѣле*нныи* 68 об.

Судьба формъ глагола *быти*. Въ яз. греческомъ и латинскомъ формы настоящ. вр. глагола *бытъ* въ качествѣ сказуемаго, какъ извѣстно, употребляются довольно правильно; но и въ нихъ есть предложенія, въ которыхъ мы не находимъ сказуемаго *есть*, *суть*; это по преимуществу—поговорки, изреченія, которыя всегда излагаются по возможности кратко: δὶς παῖδες οἱ γέροντες; οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη (Гомеръ); οἶνος ἀλήθεια; summum jus summa injuria; triste lupus stabulis; varium et mutabile semper femina и т. п.

Въ новыхъ европейскихъ языкахъ, при довольно правильномъ употребленіи формъ настоящ. вр. глагола *быть*, въ поговоркахъ, изреченіяхъ также замѣчается отсутствіе сказуемаго; такъ, въ нѣмецкихъ поговоркахъ мы иногда не находимъ глагола: ein mann—ein wort; besser ein sperling in der hand, als zwei auf dem dache. Если мы обратимся къ древне-русскому языку, то увидимъ въ немъ то же: бѣда аки въ Роднѣ (Лаврентьевскій сп. л.); луче ми смерть ни курское княженіе; злато красота женамъ; не потка въ root потках нетопырь, не звѣрь въ звѣрехъ ожь (=ежъ); орелъ царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами (Моленіе Даніила Заточника по сп. Ундольскаго конца XV в.). Въ другихъ языкахъ подобнаго рода опущеніе формъ *есть*, *суть* не нашло себѣ широкаго распространенія, но въ русскомъ яз. оно получило значительное распространеніе, при чемъ перешло въ обычную рѣчь. Отсутствіе сказуемаго 3-го лица мы находимъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: запись Святославова Сборника 1073 г.: оже ти собѣ не любо, того и другу не твори; запись Свят. Сборника 1076 г.: иде же криво, братиѥ, исправивъше чьтѣте; новгородская грамота 1189 — 1199 г. по сп. XIII в.: ходити нѣмьчьмь в Новгородъ безъ пакости, ити гостю домовь, оже родится тяжа... рубежа не творити, нѣмчина не сажати в погребъ Новѣгородѣ... нъ емати свое у виновата; смоленскій договоръ 1229 г.: товаръ ѥго свобо(де)нъ на вѣдѣ и на березѣ, ся грамота утвьржена пьчатию; смоленскій договоръ ок. 1230 г.: рядъ мои съ немьци таковъ, вольное тързгование имъ въ Ризѣ; Лаврентьевскій сп. лѣтоп.: уже мнѣ мужа не крѣсити, добра ли вы честь, нама ихъ не перебороти, земля твоя яко и земля наша, срете я на бродѣ кдѣ нынѣ Переяславль, се дружина у тебе отня, се лежить сѣверянинъ а се варягъ а дружина своя цѣла (часто; то же въ Ипатскомъ и др. сп.). Впрочемъ, рядомъ съ этими случаями отсутствія формъ *есть*, *суть*, мы имѣемъ часто въ старыхъ памятникахъ и ихъ присутствіе; такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: ся грамота *ѥсть* выдана; въ грамотѣ рижанъ 1284 г.: ныне то *есть* ведомо, рижяне *суть* невиновати, та правда *есть* промежи насъ и васъ; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: не тако *есть* миръ доконцанъ; въ Лаврентьевск.

сп. лѣт.: люба ми *есть* рѣчь, ловища ея *суть* по всеи земли, Руси *есть* веселье пити, вѣра наша свѣтъ *есть*, бози ваше древо *суть* и т. п.; въ Моленіи Даніила Заточника по сп. Ундольскаго конца XV в.: храбра борзо добудеши, а умныи дорогъ *есть*; кому ти *есть* Переяславль, а мнѣ Гореславль; луче ми *есть* тако скончати животъ свои; ино *есть* лодія, а иное корабль; ино ти *есть* уменъ, а ино безуменъ. Въ настоящее время формы 3-го л. глагола *быть* почти исчезли изъ русскаго яз., такъ что мы имѣемъ цѣлый рядъ предложеній безъ сказуемаго. Форма *суть* въ народномъ языкѣ совсѣмъ не встрѣчается (уродливыя выраженія, въ родѣ яко-бы народнаго выраженія гр. А. К. Толстаго: кто *мы* такіе *суть*, ему чужды); а форма *есть* употребляется главнымъ образомъ съ значеніемъ *имѣется*, *существуетъ*: *есть* книга, *есть* дѣло, причемъ, будучи сказуемымъ, можетъ имѣть при себѣ подлежащее во множ. ч.: *есть* книги, *есть* дѣла (сравн. др.-русск. *суть* ми орудия въ Руси=*есть* у меня дѣла, Новгородская лѣт. XIV в. 159; *суть* у него сынове, Лаврентьевскій сп. л. 26; *суть* ны с тобою рѣчи, *суть* ми ѣще орудьица, Ипатскій сп. л. 340, 364; также сравн. греческ. ἔστι ἔμοιγε καὶ βωμοί и т. п.; Kühner, Ausfürliche Gramm. d. gr. Spr., II², § 368). Употребленіе формы *есть* съ главнымъ значеніемъ (связки), существующее еще въ литературномъ языкѣ, — рѣдко въ яз. народномъ; между прочимъ, на нашемъ сѣверѣ эта форма иногда имѣетъ значеніе 1-го и 3-го л.: *есть я* старъ казакъ, *я* неженатый *есть* (въ былинахъ). Сравн. въ Ев. 1399 г.: азъ и отецъ ѥдино ѥ*сть* 14 (описка?).

Опущеніе формъ *есть*, *суть* повело къ опущенію формъ *есмь*, *еси*, *есмъ*, *есте* послѣ того, какъ при этихъ формахъ утвердились личныя мѣстоименія (Лаврент. сп. л.: *ты* князь ли *еси*, *азъ есмь* мужь его 65). Оно восходитъ по меньшей мѣрѣ къ XIV в.: Лаврентьевск. сп. л.: *мы* недужи противу вамъ стати 68 (то же въ Ипатскомъ и другихъ сп.), *азъ* имъ противенъ 23, *ты* господинъ, *ты* отецъ 367 и др., безъ *есмъ*, *есмь*, *еси*. Литературный языкъ не знаетъ формъ 1-го и 2-го л., но въ великорусскихъ говорахъ (исключительно въ пѣсняхъ) встрѣчаются двѣ изъ нихъ: ой ты гой *еси*, вы дочери *есте* купецкія, а въ малорусскомъ нарѣчіи одна: добре *еси*, мій кобзарю...

Формы *нѣсмь*, *нѣси* и т. д., кромѣ формы *нѣ*=нѣтъ, давно вышли изъ живаго употребленія и уже въ концѣ XIV в. были, повидимому, непонятны. По крайней мѣрѣ писецъ Ев. 1399 г. очень часто (почти постоянно) замѣняетъ древнія *нѣсмь* и пр. сложными *не есмь*: нѣ есть 6 об., нѣ ѥсьмь 8 об., нѣ есмь 22, нѣ есте 11 об.

XI. Удареніе.

Мы имѣемъ очень мало данныхъ для исторіи русскаго ударенія древней эпохи. Хотя греческій литургическій уставъ IX — X в., давшій начало нашему уставному письму XI—XIV в., постоянно имѣлъ ударенія, тѣмъ не менѣе ихъ нѣтъ въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ. Старшій русскій памятникъ съ нѣкоторымъ количествомъ удареній—Ев. XIII—XIV в. Публ. Б. (q. 2), списанное съ средне-болгарскаго оригинала. Одни изъ его удареній совпадаютъ съ современными русскими и съ церковными: ви́дѣ два́ бра́та 6 об., єди́нь, твои́хь 8 об., лани́ту 9, должникомь на́шимь, ізба́ви, си́ла, сла́ва 10 и т. п.; другія, напротивъ того, поражаютъ своею странностью: си́хь мали́хь, реченно бысть древни́мъ 7 об., си́яєть, аще люби́те любящая вы 9, изъ оче́се 11 об. и т. п. За нимъ слѣдуетъ нѣсколько памятниковъ XIV в., или восходящихъ къ средне-болгарскимъ оригиналамъ, или имѣющихъ въ своемъ правописаніи слѣды южно-славянскаго вліянія. Въ XV в. ударенія въ нашихъ рукописяхъ становятся нерѣдкими, а въ XVI и XVII в. они представляютъ уже обычное явленіе.

Въ виду недостатка въ матеріалѣ, мы можемъ говорить о древнѣйшей исторіи нашего ударенія отчасти на основаніи фонетическихъ явленій, въ родѣ опущенія гласныхъ (оно часто свидѣтельствуетъ объ исконномъ отсутствіи ударенія на опущенномъ звукѣ), но главнымъ образомъ — на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя даетъ намъ сравненіе русскаго ударе́нія съ удареніемъ другихъ языковъ, какъ не-славянскихъ — санскритскаго, греческаго, литовскаго, такъ особенно славянскихъ. Изъ послѣднихъ польскій и чешскій языки почти вполнѣ утратили

древнее удареніе и замѣнили его новымъ; польскій имѣетъ его почти всегда на 2-мъ слогѣ отъ конца, чешскій — всегда на 1-мъ, начальномъ слогѣ слова. Въ другихъ славянскихъ языкахъ—сербскомъ (главнымъ образомъ въ его западномъ, чакавскомъ нарѣчіи), словинскомъ и ново-болгарскомъ сохраняется много остатковъ или слѣдовъ древняго ударенія.

Природа ударенія бываетъ двоякая. Языки санскритскій и греческій, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, имѣли удареніе хроматическое, основанное на повышеніи голоса. Оно извѣстно теперь въ нѣкоторыхъ восточныхъ языкахъ. Современные западно-европейскіе языки имѣютъ удареніе экспираторное, выдыхательное, которое основывается на усиленіи голоса. По всей вѣроятности, въ обще-индоевропейскомъ языкѣ было хроматическое удареніе, для долгихъ гласныхъ то восходящее, или повышающееся ($\bar{a} = a\acute{a}$), то нисходящее, или понижающееся ($\bar{a} = \acute{a}a$). Это хроматическое удареніе должно было перейти изъ обще-индоевропейскаго языка въ обще-славянскій (какъ перешло въ греческій) и въ немъ превратиться въ хроматическо-экспираторное (едва ли не сходное съ тѣмъ, которое было въ латинскомъ и существуетъ теперь въ литовскомъ и сербскомъ). Русскій языкъ, выступившій на историческое поприще лишь со скудными остатками древнихъ долгихъ звуковъ и потомъ, при исчезновеніи изъ произношенія массы глухихъ (*ъ* и *ь*), въ одной, сѣверо-восточной своей части совсѣмъ не пріобрѣтшій новыхъ долгихъ гласныхъ, въ другой, юго-западной—пріобрѣтшій ихъ лишь на короткій сравнительно срокъ, быть можетъ, въ историческое время еще обладалъ удареніемъ хроматическо-экспираторнымъ, но вѣроятно, очень давно замѣнилъ его тѣмъ самымъ выдыхательнымъ удареніемъ, которое существуетъ въ немъ теперь.

Удареніе можетъ быть свободнымъ и несвободнымъ. Свободное удареніе—то, которое находится въ различныхъ словахъ на различныхъ частяхъ словъ; несвободное удареніе прикрѣпляется къ одному или къ немногимъ извѣстнымъ мѣстамъ словъ: въ однихъ языкахъ мы видимъ его всегда на начальномъ слогѣ, въ другихъ—всегда на концѣ слова (во французскомъ языкѣ); въ латинскомъ яз. оно стоитъ на 3-мъ слогѣ отъ конца при

2-мъ краткомъ, и на 2-мъ, когда онъ долгій; въ нѣмецкомъ яз. удареніе ставится или на гласномъ корня, или на главномъ аффиксѣ, вообще на наиболѣе существенной части слова. Свободное удареніе можетъ быть полнымъ и неполнымъ. Неполное удареніе наблюдается, напримѣръ, въ греческомъ яз.: въ немъ удареніе не идетъ отъ конца дальше 3-го слога при конечномъ краткомъ и дальше 2-го слога при конечномъ долгомъ. Полнѣйшая свобода въ удареніи наблюдается въ яз. санскритскомъ и русскомъ. Въ санскритскомъ языкѣ мы нерѣдко находимъ удареніе на 5-мъ, даже на 7-мъ слогѣ; въ русскомъ яз. мы имѣемъ удареніе на всевозможныхъ слогахъ; такъ, оно находится на 4-мъ слогѣ отъ конца въ словѣ человѣ́ческаго, на 5-мъ слогѣ въ ми́лостивые, ми́лостиваго, на 6-мъ — въ всеми́лостивѣйшему, вы́двинувшіеся, на 7-мъ—въ воспи́тывающіеся; скла́дывающіеся. Сверхъ того, русскій языкъ имѣетъ значительное количество словъ, могущихъ терять удареніе. Именно, цѣлый рядъ существительныхъ, нечленныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ соединеніи съ предлогами становится энклитиками, передавая предлогамъ удареніе: по́дъ носъ, за́ мужъ, на́ руку, за́ ногу, по́ двору, на́ берегъ, на́ сторону, за́-ново, и́з-красна, и́з-зелена, на́-веселѣ, про́-что, за́-что, во́все; сравни въ среднеболгарской Хлудовской Псалтыри XV в. № 2: въ́ земли 109 об., на́ земли 11 об., о́тъ землѧ 138 об., до́ вѣка 101, 102 и др. Небольшая группа глагольныхъ формъ прошедшаго времени (муж. и ср. р. ед. ч. и множ. ч. также можетъ превращаться—въ соединеніи съ *не* и *ни*—въ энклитики: не́ (ни) былъ, не́ было, не́ были, не́ взялъ, не́ взяло, не́ взяли, не́ бралъ, не́ брали, не́ далъ, не́ дали, не́ спалъ, не́ спали и т. п. (еще ф. 3 л. ед. не́ вѣсть и причастія: не́ видя, не́ глядя, не́ хотя), а другая группа тѣхъ же формъ муж. р. ед. ч.—въ соединеніи съ мѣстоименіемъ *ся*—можетъ дѣлаться проклитиками, уступая удареніе мѣстоименію: взял-ся́, принял-ся́, занял-ся́, брал-ся́, спил-ся́, поклял-ся́, завил-ся́ (рядомъ: взя́л-ся и т. п.). Сравни въ названной выше Псалтыри: въмѣнисѧ́ 101, възвратисѧ́ 108 об. (аор.). Наконецъ древняя форма сослагательнаго накл., нынѣшняя частица *бы* постоянно употребляется у насъ какъ эн-

клитика: кто́-бы, что́-бы, о́нъ-бы, е́сли-бы, сказа́лъ-бы и т. п. По всей вѣроятности, индоевропейское удареніе было столь же свободно, какъ и удареніе санскритское и русское, такъ что русское удареніе по своей свободѣ — остатокъ глубокой древности.

Если мы обратимся къ частностямъ, то увидимъ, что русскій яз. сохранилъ много обще-славянскаго и даже обще-индоевропейскаго. Слово, напр., не́бо звучитъ у насъ съ удареніемъ на 2-мъ слогѣ; то же удареніе въ новоболгарскомъ не́бо, въ санскр. na'bhas, въ греческомъ νέφος; слѣдовательно, русское слово сохранило древнее удареніе, находящееся и въ другихъ славянскихъ и индоевропейскихъ яз., иначе говоря,—сохранило обще-славянское и обще-индоевропейское удареніе. Интересно сравнить русское и обще-славянское сто́ съ санскр. çata'm, греч. ἑκατόν; русск. сноха́ съ санскр. snuša', греческ. νυός; русск. вы́дра съ греческ. ὕδρα; русск. рука́ съ новоболг. ръка́, литовск. ranka'. Равнымъ образомъ небезъинтересно сравненіе сербск.-чакавск. видро́, вино́, зима́, гниздо́, бида́, ново-болгарск. жи́то, жена́, гора́, крило́, ребро́ и т. п. съ русск. ведро́, вино́, зима́, гнѣздо́ и проч. Если мы взглянемъ на систему склоненій именъ женскаго рода съ удареніемъ въ имен. ед. на послѣднемъ слогѣ, то увидимъ, что подобно русскому, литовскій языкъ ставитъ удареніе различно въ различныхъ падежахъ; такъ, при именит. рука́, борода́, зима́ мы имѣемъ винит. ру́ку, бо́роду, зи́му, точно такъ же, какъ въ литовскомъ при именит. ranka', barzda', žëma', винит. пад. звучитъ ra'nką, ba'rzdą, žë'mą.

Хотя русскій яз. сохранилъ немало обще-славянскаго и даже обще-индо-европейскаго, но не слѣдуетъ думать, чтобы въ области русскаго ударенія все было обще-славянскимъ или обще-индоевропейскимъ. По нашему мнѣнію, русскій яз. потерпѣлъ довольно много измѣненій въ области ударенія. Эти измѣненія въ значительной степени свойственны и другимъ славянскимъ яз.; т. е. русскій языкъ во многихъ своихъ новшествахъ совпалъ съ другими славянскими яз., что понятно: измѣненія въ удареніи во всѣхъ славянскихъ яз. произошли отъ однихъ и тѣхъ же при-

чинъ—отъ исчезновенія глухихъ и *и* въ концѣ словъ и отъ вліянія однихъ именныхъ и глагольныхъ формъ на другія.

Въ обще-индоевропейскомъ языкѣ должно было быть много случаевъ ударенія на концѣ словъ, на гласныхъ основы ŭ, *ă* и ĭ.

Въ санскритскомъ языкѣ слова съ основою на ŭ мужеск. рода, особенно имена прилагательныя, почти всегда являются съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: sūnú's сынъ, gurú's тяжелый, mrdú's мягкій, svādú's сладкій, açú's быстрый. Многія изъ греческихъ существительныхъ и почти всѣ прилагательныя на υς имѣютъ удареніе также на послѣднемъ слогѣ: βαρύς, ἡδύς, ὠκύς, εὐρύς. Въ литовскомъ яз. всѣ слова на *us* звучатъ съ удареніемъ на концѣ: medú's медъ, sunú's сынъ, viršú's верхъ, aštrú's остръ, saldú's сладокъ, budrú's бодръ, mandrú's мудръ и т. п. Несомнѣнно, общеславянскій и затѣмъ русскій яз. имѣлъ значительное количество словъ съ основою на *ъ*, которыя впослѣдствіи утратили свое старое склоненіе и перешли въ склоненіе основъ на *о*; также несомнѣнно, эти слова должны были имѣть удареніе на конечномъ слогѣ, т. е. на *ъ*. Такимъ образомъ общеславянскія и русскія слова медъ, сынъ, вьрхъ, мѫдръ и т. п. должны были въ древности имѣть удареніе на конечномъ *ъ*.

Литовскій яз. не имѣетъ ни одного слова съ окончаніемъ *as* и съ удареніемъ на конечномъ слогѣ; это, вѣроятно, новая черта въ литовскомъ удареніи, которая явилась вслѣдствіе вліянія однихъ словъ съ окончаніемъ *as* на другія. Въ санскритскомъ и греческомъ яз. количество словъ съ основою на *ă* и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ весьма значительно. Всѣ прилагательныя съ суфф. *ra* постоянно имѣютъ въ нихъ удареніе на концѣ: rudhirás красный, iširás сильный, çithirás свободный; καθαρός, πιερός, ἱερός, μακρός. Это заставляетъ думать, что русскія слова, образованныя посредствомъ суффикса *ra*, могли нѣкогда имѣть удареніе на конечномъ *ъ* и только съ теченіемъ времени, вслѣдствіе исчезновенія *ъ*, перенесли свое удареніе на ближайшій слогъ; т. е. что прилагательныя въ родѣ добръ, хытръ, щедръ, сыръ въ древнее время могли звучать: добръ́, хытръ́, щедръ́, сыръ́.—Слова съ суффиксомъ *la* въ санскритск. и греческ. яз. въ большинствѣ случаевъ имѣютъ удареніе также

на концѣ: sthulás, salilás, bahulás; ἁμαλός, χθαμαλός, τυφλός. Возможно, что многія изъ русскихъ словъ съ тѣмъ же суффиксомъ нѣкогда также имѣли удареніе на концѣ: кислъ′, рыхлъ′, теплъ′, причаст. былъ′, жилъ′.—Далѣе, причастія съ суффиксомъ *ta* въ санскритск. и греческомъ яз. очень часто бываютъ съ удареніемъ на концѣ: gatás пройденный, ditás связанный, çrutás извѣстный; βατός, γνωστός, κλυτός. Русскія прилагательныя и причастія съ суффиксомъ *ta* также могли имѣть удареніе на концѣ: пустъ′, густъ′, тълстъ′, святъ′, литъ′.

Если мы обратимся къ словамъ съ основою на ĭ, то сопоставленіе словъ русскихъ съ литовскими можетъ намъ показать, что многія русскія слова съ основою на *ь* имѣли удареніе, подобно литовскимъ, на послѣднемъ слогѣ: gentís—зять′, naktís—ночь′, žvërís—звѣрь′, žąsís—гусь′, ašís—ось′ и т. п.

Такимъ образомъ сопоставленіе данныхъ русскаго яз. съ данными другихъ индо-европейскихъ яз. показываетъ, что русскій яз. могъ имѣть удареніе на *ъ* и *ь*, впослѣдствіи исчезнувшихъ.

На то же указываютъ данныя славянскихъ языковъ. Ново-болгарскій языкъ сохранилъ во многихъ именахъ удареніе на конечномъ глухомъ *ъ* или *ь*: медъ′-т (*т*—членъ: церк.-слав. медъ-*тъ*), дъбъ′-т (церк.-слав. дѫбъ-тъ), мостъ′-т, димъ′-т, умъ′-т, светъ′-т, мъжъ′-т (ц.-слав. мѫжь-тъ), дъждъ′-т, дне́-с (ц.-слав. дьнь-сь), ноште́-с (*е* изъ *ь*). Ново-болгарскія прилагательныя членныя нерѣдко имѣютъ удареніе на конечномъ слогѣ, на *и*= ц.-слав. *ы*, въ основу котораго легъ старый *ъ*: криви′-јът, леви′-јът, луди′-јът глупый, живи′-јът и т. п., изъ кривъ′и-тъ, лѣвъ′и-тъ, лудъ′и-тъ, живъ′и-тъ.

Если мы обратимся къ русскому языку, то увидимъ въ немъ самомъ нѣсколько данныхъ, показывающихъ, что глухой нѣкогда имѣлъ на себѣ удареніе: дне́-сь, поче́-сь, ономе́-дни (=дьнь′-сь, ночь′-сь, ономь′-дьни, мѣстн. ед.); имен. ед. прилагательныхъ мужеск. род. съ удареніемъ на концѣ, въ родѣ великорусск. сыро́й, удало́й, жило́й, густо́й, пусто́й, живо́й, слѣпо′й; сѣв.-великор. крѣпко́й, жарко′й, гладко′й, толсто′й (*о* изъ *ъ*);

малорусск. жарки'й, живи'-й, густи'й, толсти'й, сліпи'й (*и*=*ы* изъ *ѣ*).

Въ виду сказаннаго становится несомнѣннымъ, что въ древне-русскомъ яз. удареніе во многихъ случаяхъ было не то, какое мы находимъ въ настоящее время.

Вліяніе словъ, въ которыхъ исчезъ неударяемый конечный глухой, повело къ исчезновенію ударяемаго конечнаго глухаго; отсюда, естественно, произошло передвиженіе ударенія отъ конца къ началу слова, т. е. вм. вьрхъ', добръ', явились формы им. ед. ве'рхъ, до'бръ. Само собою разумѣется, такого рода перенесеніе ударенія отъ конца къ началу въ тѣхъ формахъ, гдѣ конечный слогъ состоялъ изъ глухаго звука (главнымъ образомъ въ формѣ имен. п. ед. ч.), могло повліять на удареніе во многихъ другихъ формахъ, гдѣ не было въ концѣ глухаго звука. Такъ, представляется вѣроятнымъ, что формы, напримѣръ, род. пад. зя'тя, но'чи, вéрха, до'брого—формы новыя, замѣнившія древнія зяти', ночи', вьрху', добро'го, что они перенесли свое удареніе съ болѣе близкаго на дальнѣйшій слогъ подъ вліяніемъ новаго ударенія въ имен. ед.—зя'ть, но'чь, вéрхъ, до'бръ.

Конечно, подобныя новыя формы не вполнѣ вытѣснили древнія. Отсюда въ современномъ языкѣ рядомъ архаизмы и новообразованія: южно-великор. бѣго'мъ, круго'мъ, толко'мъ (потолкуемъ толко'мъ), шаро'мъ (покати) и бѣ'гомъ, кру'гомъ, то'лкомъ, ша́ромъ; изъ печи', въ печи', въ чести', въ части', на знати', въ любви' и изъ пéчи, въ пéчи, въ чéсти, въ ча́сти, въ зна́ти въ любо'ви; перво'й, въ-первы'е (сравн. сперва́), часто'й, зачасту'ю и пéрвый, пéрвые, ча́стый, ча́стую; мило'й, удало'й, Толсто'й (фамилія) и ми'лый, уда́лый, то'лстый; с-проста́ и с-про'ста; высоко', далеко', глубоко' и высо'ко, далéко, глубо'ко; сибирск. было', малорусск. було' (при великор. было'й) и великор. бы'ло. Кажется, можно признать вполнѣ вѣроятнымъ, что изъ двухъ варіантовъ въ родѣ вышеприведенныхъ тотъ отличается большею древностью, который менѣе сходенъ съ формою имен. ед. на *ъ* или *ь*. Точно также изъ великорусскихъ формъ ворота́ и воро'та, знамена́ и знамéна, вѣроятно, первыя древнѣе вторыхъ, образовавшихся

подъ вліяніемъ формъ род. мн. воро́тъ (изъ воротъ́), знаме́нъ (изъ знаменъ́).

Кромѣ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, гдѣ можно предполагать перенесеніе ударенія на одинъ слогъ впередъ, есть нѣкоторое количество случаевъ, гдѣ удареніе было, повидимому, перенесено съ конечнаго слога не на 2-ой, а на 3-ій слогъ.

Это—слова съ полногласіемъ: бе́регъ, го́лодъ, го́лосъ, со́лодъ и т. п. На перенесеніе въ нихъ ударенія съ конечнаго на 3-ій отъ конца слогъ указываютъ ново-болгарскія данныя и русскія членныя прилагательныя. Въ ново-болгарскомъ яз. слова брегъ́-т, гладъ́-т имѣютъ удареніе на концѣ; въ средне-болгарской Хлудовской Псалтыри XV в. № 2 мы находимъ форму твор. ед. гласо́мь 69 об., 133 и др. (отмѣтимъ также лит. saldùs сладкій); въ русскомъ яз., вмѣсто ожидаемыхъ бере́гъ, голо́дъ (изъ берегъ́, голодъ́), имъ соотвѣтствуютъ бе́регъ, го́лодъ. Русское вороно́й показываетъ, что нечленная форма во́ронъ имѣла нѣкогда удареніе на концѣ; на то же указываютъ прилагат. золото́й, дорого́й, молодо́й, холосто́й, болого́й при сопоставленіи его съ нечленными формами зо́лотъ, до́рогъ и пр. Всѣ эти слова муж. рода. Подобное явленіе мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ словахъ средняго рода съ удареніемъ на концѣ: брашно́, благо́, злато́, дръво́, чръво́; въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующія слова имѣютъ удареніе на 3-мъ слогѣ: бо́рошно, бо́лого, зо́лото и т. д. (сравни у насъ серебро́ и се́ребро, зелено́ вино и зе́лено).

Это—прилагательныя въ родѣ свѣ́телъ, гро́зенъ, до́лженъ, ду́ренъ, кра́сенъ, ро́венъ, си́ленъ, сми́ренъ, чу́денъ, че́стенъ. Ихъ варіанты: свѣте́лъ, грозе́нъ, долже́нъ, дуре́нъ, красе́нъ, рове́нъ, силе́нъ, смире́нъ, чуде́нъ, безъ сомнѣнія, сравнительно съ ними—архаизмы: сравни хите́ръ, уме́нъ (хи́теръ и у́менъ не существуютъ); но они также не сохранили древняго ударенія; послѣднее должно было быть на конечномъ слогѣ и сохранилось въ нечленныхъ формахъ им. ед. женск. и ср. р. свѣтла́—свѣтло́ и т. д. и въ формахъ дурно́й, смирно́й, чудно́й, честно́й (сравн. греч. прилагательныя на ινός: ἀληθινός и т. п.). Вѣроятно,

удареніе на начальномъ слогѣ появилось прежде всего въ не существующихъ теперь формахъ свѣ́тлъ и т. д. (изъ свѣтьлъ́), которыя оказали вліяніе на параллельныя формы свѣте́лъ и т. д.

По всей вѣроятности, мы имѣемъ такія же вторичныя новообразованія въ формахъ твор. ед. сы́номъ, ве́рхомъ. Первичныя новообразованія должны были звучать сыно́мъ, верхо́мъ (послѣдняя форма у насъ еще существуетъ какъ нарѣчіе), а древнѣйшими формами должны были быть формы сынъмь́ (срв. лит. sunumì), вьрхъмь́.

Вліяніе однихъ формъ на другія могло произвести измѣненіе ударенія между прочимъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ не было исчезновенія конечнаго глухаго.

Вѣроятно, цѣлый рядъ нечленныхъ формъ им. ед. женск. р. имѣетъ новое удареніе на концѣ: велика́, слаба́, синя́, и т. п.; древнія формы могли имѣть удареніе на тѣхъ слогахъ, гдѣ оно является въ им. ед. муж. р. Здѣсь мы, повидимому, имѣемъ дѣло съ вліяніемъ древнихъ рядовъ въ родѣ до́бръ (изъ добръ́)—добра́, те́плъ (изъ теплъ́)—тепла́, бы́лъ (изъ былъ́)—была́ на древніе ряды въ родѣ си́нь—си́ня.

Вѣроятно, то или иное количество членныхъ формъ род. п. ед. муж.-ср. р. прилагательныхъ имѣютъ также новое удареніе (то же, что въ имен. ед.): сухо́го, дурно́го, хи́трого и т. п.; въ древнихъ формахъ, какъ видно изъ современныхъ фамилій, = формъ род. п. ед., сохранившихъ древнее удареніе: Сухово́, Дурново́, Благово́, Хитрово́, — удареніе могло находиться на конечныхъ слогахъ (сравни удареніе числительнаго третьево́-дни́ и мѣстоименій: его́, моего́ и пр.).

Можно еще указать на рядъ падежныхъ формъ существительныхъ, какъ единственнаго, такъ особенно множественнаго числа, по преимуществу новообразованій, какъ на имѣющія такія ударенія, въ древности которыхъ позволительно сомнѣваться. Такъ, передъ нами по всей вѣроятности новыя ударенія въ формахъ мн. ч.: погребо́въ, погреба́мъ, погреба́ми, острово́въ, острова́мъ и т. д. (вліяніе имен. мн. погреба́, острова́), учителе́й, учителя́мъ и т. д. (вліяніе им. мн. учителя́), и въ формахъ мѣстн. ед.: въ погребу́, на острову́. Сверхъ того, замѣчается

вліяніе другъ на друга трехъ рядовъ двусложныхъ существительныхъ женск. р. на *a*: 1) съ имен. и вин. ед. съ удареніемъ на концѣ (жена́—жену́), 2) съ имен. ед. съ удареніемъ на концѣ и вин. ед. съ удареніемъ на начальномъ слогѣ (рука́—ру́ку) и 3) съ имен. и вин. ед. съ удареніемъ на начальномъ слогѣ (су́ша—су́шу). Отсюда двоякія формы имен. ед. великорусск. гри́ва и грива́, гу́ба(гу́ба—не дура) и губа́, по́чва и почва́, ту́ча и туча́, великор. нѣ́га и малор. ніга́, вин. ед. великор. и́збу и избу́, зо́рю и зорю́, ко́су и косу́, ро́су и росу́, по́лу и полу́, между которыми иногда трудно выдѣлить архаизмы и новообразованія. Конечно, появленіе новаго ударенія въ имен. ед. ведетъ за собою появленіе новаго ударенія въ род. и другихъ падежахъ единств. ч.

Наконецъ существуетъ взаимное вліяніе трехъ родовъ глаголовъ такъ называемаго 2-го спряженія: 1) имѣющихъ всѣ формы настоящаго времени съ удареніемъ на концѣ (пою́—пои́шь), 2) имѣющихъ форму 1 л. ед. съ удареніемъ на концѣ и прочія формы съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ (гоню́—го́нишь) и 3) имѣющихъ во всѣхъ формахъ настоящаго времени удареніе на предпослѣднемъ слогѣ (слы́шу—слы́шишь). Отсюда также различіе въ ударенiи: ве́ртишь и верти́шь, ка́тишь и кати́шь, крѣ́пишь и крѣпи́шь, кру́шишь и круши́шь, му́тишь и мути́шь, ро́дишь и роди́шь, со́лишь и соли́шь, за-тво́ришь и твори́шь, моло́тишь и молоти́шь, воро́тишь и возврати́шь, хоро́нишь и храни́шь, гово́рю—гово́ришь и говорю́—говори́шь. Выдѣленіе архаизмовъ и новообразованій здѣсь также затруднительно (срв. въ средне-болгарской Хлудовской Псалтыри XV в. № 2: съкру́шиші 3, смѧ́тить 3, възвра́тѧтсѧ 5 об., съхра́ниши 10 об.).

Измѣненія въ удареніи свойственны всему русскому яз. Отсюда единство ударенія въ большей части русскихъ говоровъ (наибольшее уклоненіе отъ обще-русскаго ударенія наблюдается въ говорахъ угорско-малорусскихъ, подвергшихся вліянію языковъ словацкаго и польскаго), которому ни мало не мѣшаетъ ни существованіе въ одномъ и томъ же говорѣ словъ и формъ съ различными удареніями: ми́лый и мило́й, ле́гокъ и лего́къ, сча́стливъ

и счастли́въ, дѣ́вица и дѣви́ца, высо́ко и высоко́, дале́ко и далеко́, из-дале́ка и из-далека́, в-займы́ и в-за́ймы, по у́тру и по утру́, смо́тря (у Пушкина) и смотря́,—ни различіе въ мѣстѣ ударенія немногихъ словъ великорусскихъ и малорусскихъ, южно-великорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ, въ родѣ великор. до́чка и малорусск. дочка́, сибирск.-великор. дочка́; южно-великор. жа́ркій (при жарко́е) и малорусск. жарки́й, сѣв.-вр. жарко́й; южно-вр. то́лстый и малор. толсти́й, сѣв.-вр. толсто́й; южно-вр. крѣ́пкій, малорусск. крі́пкий и сѣв.-вр. крѣпко́й; сѣв.-вр. и моск. родно́й и южно-вр. ро́дный (у Кольцова), малор. рі́дний. Главныя свойства ударенія, его свобода, его переходъ съ одного слога на другой при склоненіи и спряженіи, наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, его мѣсто—одни и тѣ же во всемъ русскомъ языкѣ.

XII. Заключеніе.

Мы изложили исторію звуковъ и формъ русскаго языка—главную и важнѣйшую часть исторіи языка—и должны сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Ходъ развитія русскаго языка представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Русскій языкъ древнѣйшей эпохи былъ *одинъ* языкъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ дѣлился на говоры, изъ которыхъ говоры сѣверо-западнаго угла древней Руси—новгородскій, псковскій, смоленско-полоцкій—выдѣлялись въ отдѣльную группу, благодаря особенностямъ своего консонантизма. Прочіе говоры—говоры южной, западной и сѣверо-восточной части Руси—были почти тожественны, и всѣ ихъ отличительныя черты заключались въ различной звуковой окраскѣ очень немногихъ словъ (до*жжь* и до*жчь*) и въ различныхъ окончаніяхъ очень немногихъ формъ (ѥс*мъ* и ѥс*мо*).

Исчезновеніе глухихъ *ъ* и *ь* повело къ раздѣленію русскихъ говоровъ на двѣ группы—юго-западную и сѣверо-восточную. Большая часть древнихъ говоровъ: новгородскій, псковскій, смоленско-полоцкій, западно-русскій, средне-русскій и, вѣроятно, кіевскій, утративъ въ массѣ случаевъ глухіе, черезъ это не потерпѣли никакихъ важныхъ измѣненій въ своемъ вокализмѣ; напротивъ того, въ меньшинствѣ говоровъ, точнѣе—въ говорѣ галицко-волынскомъ, исчезновеніе глухихъ повело къ тому самому явленію, которое имѣло мѣсто въ сосѣднихъ съ нимъ западнославянскихъ языкахъ, польскомъ и чешскомъ,—къ образованію долгихъ гласныхъ.

Долгія *е* и *о*, возникшія въ галицко-волынскомъ говорѣ (*пе̄чь*, *ко̄нь* и т. п.), сначала отличались отъ краткихъ *е* и *о* (*пӗчь*, *ко̆нь*), оставшихся въ прочихъ русскихъ говорахъ, только количествомъ, и вслѣдствіе этого не могли быть сколько-нибудь значительною, рѣзкою особенностью. Но мало по малу долгота *е* и *о* повела къ измѣненію качества этихъ звуковъ какъ въ неударяемыхъ, такъ и въ ударяемыхъ слогахъ. Къ XIV в. въ значительной части галицко-волынскаго говора долгія *е* и *о* превратились въ *і̂* и *у* (*пі̂чь*, *кунь*) или въ дифтонги; къ тому же времени въ немъ совершился переходъ *ѣ* въ *і̂* и отожествленіе древнихъ *и* и *ы*. Между тѣмъ въ сѣверо-восточной группѣ русскихъ говоровъ не имѣло мѣста ни одно изъ названныхъ явленій. Такимъ образомъ произошло обособленіе двухъ частей русскаго языка—юго-западной и сѣверо-восточной, иначе говоря,—окончательное образованіе нарѣчія малорусскаго съ одной стороны и великорусско-бѣлорусскаго съ другой, изъ которыхъ каждое затѣмъ стало самостоятельно развивать дальнѣйшія особенности въ области какъ звуковъ, такъ отчасти и формъ.

Сѣверо-восточная часть русскаго яз. въ свою очередь распалась на двѣ группы. Въ XIV в. получило свое начало аканье, или измѣненіе качества неударяемыхъ *о*, *а*, *е*. Оно явилось въ южной группѣ сѣверо-восточной части, оставшись чуждымъ группѣ сѣверной, и такимъ образомъ великорусско-бѣлорусское нарѣчіе раздѣлилось на говоры акающіе—южно-великорусско-бѣлорусскіе (древній западно-русскій говоръ, смоленско-полоцкій и часть средне-русскаго) и на говоры окающіе — сѣверно-великорусскіе (древній новгородскій говоръ и часть средне-русскаго). Въ XV в. аканье было уже сильно и отдѣленіе другъ отъ друга говоровъ акающихъ и окающихъ уже завершилось.

Затѣмъ послѣдовало раздѣленіе южной группы сѣверо-восточной части. Приблизительно въ XVI в. начался переходъ въ западныхъ говорахъ этой группы мягкихъ *д* и *т* въ *дз* и *ц*. Такимъ образомъ въ нихъ явилась новая звуковая особенность, оставшаяся чуждою говорамъ восточнымъ той же группы; благодаря ей и нѣкоторымъ мелкимъ звуковымъ чертамъ (*г*=*h*, твер-

дость *р*), послѣдовало отдѣленіе говоровъ бѣлорусскихъ, съ *дз* и *ц*, отъ говоровъ южно-великорусскихъ, съ мягкими *д* и *т*.

Каждая изъ названныхъ частей русскаго языка имѣетъ крупныя особенности, отсутствующія въ другихъ частяхъ. Напримѣръ, многіе говоры малорусскаго нарѣчія имѣютъ *і* тамъ, гдѣ великорусское и бѣлорусское нарѣчія сохраняютъ древнія *е* и *о* (*пічь*, *кінь*=*печь*, *конь*); на оборотъ, все малорусское нарѣчіе удерживаетъ древнія *е* и *о* въ слогахъ безъ ударенія, замѣненныя въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ черезъ *и*, *а* (*печи́*, мѣстн. отъ *пічь*, *коня*=*пичи́*, *пячи́*, *каня*).

Рядомъ съ такого рода особенностями, отличающими одно нарѣчіе или говоръ отъ другаго, есть много важныхъ чертъ, общихъ разнымъ нарѣчіямъ и говорамъ и соединяющихъ ихъ въ одно цѣлое.

Всѣ русскія нарѣчія и говоры сохраняютъ исконныя особенности русскаго языка—полногласіе, *ч* изъ *т*, *л* послѣ губныхъ изъ *j*, формы дат. ед. прилагательныхъ на *ому* и т. п.

Цѣлый рядъ явленій, развившихся въ русскомъ яз. въ историческую эпоху, свойственъ также всему русскому яз. Это—исчезновеніе глухихъ, большая часть слѣдствій исчезновенія глухихъ, переходъ сохранившихся глухихъ въ *о* и *е*, переходъ *е* въ *о*, неорганическое смягченіе гортанныхъ передъ *ы*, смѣшеніе основъ, смѣшеніе падежей и т. д.

Другія историческія явленія русскаго яз. находятся въ большей части русскихъ говоровъ. Почти все великорусское, все бѣлорусское и часть малорусскаго нарѣчія имѣютъ въ концѣ словъ согласные глухіе на мѣстѣ звонкихъ. Все бѣлорусское, все малорусское и часть великорусскаго нарѣчія мѣняютъ *у* и *в* и имѣютъ *г*=*h*. Во многихъ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ *ж*, *ш* и *ц* звучатъ твердо. Всѣ великорусскіе и всѣ бѣлорусскіе говоры имѣютъ *е* вмѣсто древняго ударяемаго *ѣ*, и т. д.

Общія черты сближаютъ между собою русскія нарѣчія на столько, что сходство ихъ другъ съ другомъ замѣчается даже предубѣжденнымъ глазомъ. Уже давно обращено вниманіе на

близость сѣверно-великорусскаго и малорусскаго нарѣчій (сохраненіе *о* безъ ударенія и вообще неударяемыхъ гласныхъ). Точно также давно замѣчены черты общія нарѣчіямъ бѣлорусскому и малорусскому, что дало поводъ даже включать первое въ составъ втораго. Близость южно-великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій столь велика, что не требуетъ никакихъ указаній или доказательствъ. Вообще по своему взаимному сходству русскія нарѣчія могутъ быть соединены въ слѣдующія 4 пары:

сѣверно-великорусское	и	малорусское,
сѣверно-великорусское	и	южно-великорусское,
южно-великорусское	и	бѣлорусское,
бѣлорусское	и	малорусское.

Около XVI вѣка русскій языкъ въ значительной части своихъ чертъ, звуковыхъ и формальныхъ, былъ уже тѣмъ, чѣмъ онъ является въ наши дни. Послѣ этого времени къ числу особенностей русскихъ говоровъ не прибавилось ничего важнаго, точно также, какъ ничего и не убавилось. Измѣненія произошли только въ территоріальномъ расположеніи разныхъ частей русскаго языка.

Малорусское нарѣчіе, первоначально занимавшее большой уголъ между Чернымъ моремъ, Дунаемъ и Карпатами и еще до XVI в. расширившееся въ своихъ предѣлахъ, въ этомъ столѣтіи и слѣдующихъ значительно подвинулось къ востоку и югу и заняло земли отъ Днѣпра до Дона и побережье Чернаго моря, при чемъ кое-гдѣ смѣшалось съ южно-великорусскимъ нарѣчіемъ и образовало новые говоры.

Южно-великорусское нарѣчіе, которымъ говорили жители сравнительно небольшой области между верховьями Волги, Дона, Донца, Днѣпромъ и Окою, съ XVI в. начало медленно подвигаться съ одной стороны на востокъ—къ Волгѣ, съ другой на югъ и мало по малу приблизилось къ Азовскому и Каспійскому морямъ. Сверхъ того, сдѣлавшись, въ лицѣ одного изъ своихъ говоровъ—московскаго, языкомъ правительства, литературы и науки, оно нашло себѣ представителей во всѣхъ концахъ русскихъ владѣній.

Сѣверно-великорусское нарѣчіе, къ XVI в. уже занимавшее всю сѣверную часть Поволжья, нынѣшнюю Вологодскую, Олонецкую, отчасти Архангельскую, Вятскую и Пермскую губ. и, сверхъ того, перешедшее въ область древняго псковскаго говора,—съ этого столѣтія также значительно расширило свои границы. Покореніе Казанскаго царства повело къ движенію въ его предѣлы сѣверно-великорусскихъ колонистовъ, которые затѣмъ двинулись отчасти на югъ (ихъ потомки, мѣняющіе звуки *ц* и *ч*, теперь живутъ, между прочимъ, въ Тамбовской и Пензенской губерніяхъ), но главнымъ образомъ на востокъ—въ Пріуралье и Сибирь.

Бѣлорусское нарѣчіе, уже выдвинувшееся нѣсколько на сѣверъ—въ смоленско-полоцкую область, послѣ XVI в. почти не измѣнило своихъ границъ. Можно указать лишь на распространеніе его немного на востокъ, въ нынѣшнюю Черниговскую губ., въ такъ называемое Задесенье, гдѣ „литовское“ нарѣчіе стало слышаться, вѣроятно, не ранѣе XVII в.

Около того же времени—около XVI в.—исчезли говоры кіевскій и псковскій и сократился въ своемъ территоріальномъ объемѣ говоръ смоленско-полоцкій.

Слѣды перваго теряются очень рано, въ XII—XIII в., и трудно опредѣлить, насколько онъ пережилъ страшный погромъ Батыя. Памятники послѣ-татарскаго времени, XIV—XV в., писанные въ Кіевѣ, не даютъ намъ ясныхъ указаній. Кіевская Псалтырь 1397 г. написана человѣкомъ пришлымъ, великоруссомъ; Ев. 1411 г. (кіевскій Николо-Пустынскій монастырь) представляетъ списокъ съ средне-болгарскаго оригинала, съ малымъ количествомъ руссизмовъ (между которыми *ѣ* въ гд*ѣ* 144 об., нигд*ѣ* 260, прѣш*ѣ*дше 44, нѣст*ѣ* 65, вѣст*ѣ* 228 об., з*ѣ*млѣ 135 об., з*ѣ*мли 212 об., *е* въ о б*е*снѣмъ 2 об., на п*е*сцѣ 22, въ запов*е*дехъ 152 об. и др.); языкъ вкладной кн. Долголдата Долголдатовича 1427 г. (вписана въ Ев. 1411 г.; Срезневскій, Св. и з., LXV)—оффиціальный западно-русскій; духовная кн. Андрея Владимировича 1446 г. (Румянц. Муз.) не заключаетъ въ себѣ никакихъ достовѣрныхъ ни малоруссизмовъ, ни бѣло-

руссизмовъ; наконецъ, грамота кіевскаго князя Семена Александровича 1459 г. (снимокъ съ нея на сквозной бумагѣ находится въ архивѣ Кіевской Археографической Коммиссіи; издана, неособенно точно, у Антоновича и Козловскаго: „Грамоты великихъ князей литовскихъ съ 1390 по 1569 г.,“ Кіевъ, 1868), выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ и написанная на оффиціальномъ западно-русскомъ яз., имѣетъ нѣкоторое количество малоруссизмовъ: вс*ю*и отчизнѣ, д*и*дизнѣ, при томъ вс*ю*мъ, *у*нъ (=онъ), прит*и*съненьемъ, зав*и*шеньемъ; но ихъ присутствіе вполнѣ можетъ быть объяснено предположеніемъ, что княжескій писарь былъ пришлый въ Кіевъ человѣкъ, волынскій уроженецъ, и вообще служитъ крайне слабымъ доказательствомъ принадлежности кіевскаго населенія половины XV в. къ малорусскому племени. Сверхъ того, относительно грамоты 1459 г. неизвѣстно, въ оригиналѣ дошла она до насъ, или въ старой копіи. Во всякомъ случаѣ, если древній кіевскій говоръ еще сохранялся до XV вѣка, нашествія Эдигея и Менгли-Гирея на Кіевъ и вообще частыя вторженія крымской орды въ кіевскую область должны были уменьшить число говорившихъ имъ настолько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины и должны были принять ихъ говоры, вмѣстѣ съ ихъ мѣстными словами и названіями. Отсюда около Днѣпра уменшительныя собственныя имена на *съ*, *ся*: Петру*съ*, Мару*ся*, которыхъ нѣтъ въ старыхъ кіевскихъ памятникахъ и вмѣсто которыхъ въ послѣднихъ употребляются чуждыя современному малорусскому нарѣчію уменьшительныя на *ша*: Мьсти*ша* (=Мьстиславъ?), Путь*ша* (=Путята?), Рать*ша* (=Ратьмиръ?), Волод*ша* (=Володиславъ, Ипат. сп. лѣт. 34, 92, 229, 346), Свято*ша* (=Святославъ; сравни въ галицко-волынской лѣтописи: Волъдри*съ*=Володарь? Ипат. сп. 509; сравни тамъ же: Блю*съ*, Миту*са*=Блю*съ*, Миту*ся*?). Отсюда у жителей Черкасскаго уѣзда Кіевской губ. слово *гуцали́* (это—искаженное галицк. *гуцули*), употребляемое ими для своихъ сосѣдей на востокѣ, и слово *буци* (это—искаженное старое галицк. *бойци* бойки), которымъ они пользуются для означенія сосѣдей съ запада—подолянъ (Труды этнографич.-

статистическ. экспедиціи въ зап.-русскій край, собр. Чубинскимъ, т. VII, вып. II, 463). Отсюда наконецъ для кіевской области („Руси“ по преимуществу древней эпохи) и для земель къ востоку отъ Днѣпра названіе „Малая Русь“, которое принадлежало первоначально западной части кіевскаго княжества — Галичинѣ (выдѣлилась изъ кіевскаго княжества въ концѣ XI в.) и Волыни (выдѣлилась около половины XII в.) и употреблялось уже въ XIII и XIV столѣтіяхъ (Μικρὰ Ρωσσία у грека Кодина, конца XIII в., Russia minor въ грамотѣ волынскаго князя Юрія 1335 г., Μικρά Ρωσσία въ документахъ на греческомъ языкѣ XIV в. Русск. Историч. Библ., VI, прилож.). Это названіе въ XIV в. то означало одну галицко-волынскую землю (грамота Ольгерда 1371 г.: „*Кіевъ*, Смоленскъ, Тверь, *Малая Русь*“. Р. И. Библ., VI, прилож., 140), то уже распространялось и на Кіевъ (постановленіе Константинопольскаго патріаршаго собора 1354 г.: „городъ въ *Малой Руси*, называемый *Кіевъ*“. Р. Ист. Б. VI, 63).

Псковскій говоръ несомнѣнно еще существовалъ въ началѣ XVI в.; по крайней мѣрѣ псковская грамота 1483 г. (дошедшая въ копіи XVI в., Акты Юр., № 2) и двѣ псковскихъ Палеи, 1494 и 1518 г. (Рум. Муз.; вторая — списокъ съ первой) еще имѣютъ въ своемъ языкѣ псковскія особенности. Но послѣ этого времени мы не находимъ уже никакихъ достовѣрныхъ его слѣдовъ. Причины его исчезновенія неизвѣстны. Исторія псковской земли не указываетъ, чтобы въ XV в. или въ слѣдующихъ она испытала какіе бы то ни было погромы (кромѣ нашествія Баторія) или страшныя бѣдствія, вслѣдствіе которыхъ она могла бы лишиться древняго населенія и сдѣлаться удобнымъ мѣстомъ для поселенія колонистовъ съ востока (впрочемъ псковскій лѣтописецъ XVI в. не разъ жалуется на притѣсненія московскихъ чиновниковъ и запустѣніе псковской земли: „быша дьяки мудры, а *земля пуста*“, подъ 1528 г.; Полн. с. р. лѣт. IV, 297; писцовая книга 1585—1588 гг. также указываетъ на сильное запустѣніе псковскихъ пригородовъ; Чечулинъ, Города московскаго государства въ XVI в., 82). Вслѣдствіе этого намъ приходится ограничиться констатированіемъ факта.

Смоленско-полоцкій говоръ въ началѣ XV в. несомнѣнно еще существовалъ въ Полоцкѣ. Когда онъ исчезъ изъ большей части мѣстъ древнихъ смоленской и полоцкой областей, мы не имѣемъ возможности указать; равнымъ образомъ намъ остаются неизвѣстными и причины вытѣсненія его изъ этихъ областей бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. Здѣсь мы опять стоимъ лицомъ къ лицу съ недостаткомъ историческихъ данныхъ, явленіемъ обычнымъ, если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ.

Изъ литературы предмета.

Abel. Gross- und Kleinrussisch. Aus Ilchester-Vorlesungen über vergleichende Lexicographie, gehalten an der Universität Oxford. Uebersetzt von R. Dielitz. Leipzig und Berlin. 1885 (срв. «Кіевскую Старину» 1885 г. № 11).—Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej. Томы II, VII, VIII. Lwów, 1870—80. — Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Изд. подъ редакціею Н. Калачева. Три тома. Спб. 1857—1884. — Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. I. Спб. 1863. — Амфилохій архим. Описаніе Евангелія 1092 г. М. 1877.—Описаніе Юрьевскаго Евангелія 1118—1128 г. М. 1877.—Четвероевангеліе Галичское 1144 г., сличенное съ древлеславянскими рукописными евангеліями XI—XVII в. и печатными Острожскимъ 1571 и Кіевскимъ 1788 г., съ греческимъ евангельскимъ текстомъ 835 г. Три тома. М. 1883 (указатель погрѣшностей въ текстѣ Галицкаго Ев. у Воскресенскаго: Къ вопросу о славянскомъ переводѣ евангелія. Спб. 1888).—Аппель. О бѣлорусскомъ нарѣчіи (Р. Филол. Вѣстн. 1880 г. № 2).—Archiwum Książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. I. Lwów, 1887. — Билярскій. Судьбы церковнаго языка. Часть 2-ая. О Кирилловской части Реймскаго Евангелія. Спб. 1848.—Богородицкій. Гласные безъ ударенія въ обще-русскомъ языкѣ. Казань, 1884. — Курсъ грамматики русскаго языка. Фонетика. Варшава, 1887 г. — (Бодянскій). Богословіе св. Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна экзарха болгарскаго по харатейному списку Моск. Синод. Библіотеки. М. 1878.—Бодуэнъ-де-Куртенэ. Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки. Выпускъ I. Воронежъ, 1877.—Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Выпускъ I. Воронежъ, 1882.—Брандтъ. Грамматическія замѣтки. Томъ I. Изданіе 2-ое. Спб. 1886.—Начертаніе славянской акцентологіи Спб. 1880.—Brückner. Ein weisrussischer Codex miscellaneus der Gräflich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen (Arch. für slav. *Phil. IX).—Будиловичъ.* Изслѣдованіе языка древне-славянскаго

перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи XI в. Спб. 1871 (срв. Журн. Мин. Нар. Пр. 1872 г. №№ 8, 11).—Буслаевъ. Историческая грамматика русскаго языка. Изданіе 4-ое. М. 1875.—Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. М. 1861.—Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи славянскихъ письменъ («Матеріалы для исторіи письменъ», изд. Московскаго Университета. М. 1855).—Верхратскій. Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen (Archiv für slav. Phil., III).—Владимировъ. Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. (по рукописямъ Соловецкой Библіотеки). Казань, 1878. — Wolter. Einige Eigenthümlichkeiten des Galizischen Aprakosevangelium vom Jahre 1266 (Archiv für slav. Philologie, VI).—Воскресенскій. Древній славянскій переводъ апостола и его судьбы до XV в. М. 1879.—Востоковъ. Филологическія наблюденія. Издалъ И. Срезневскій. Спб. 1865.—Особенность просторѣчія (Извѣстія Академіи Наукъ, VIII).—Hankiewicz. Ein Beitrag zur Lehre von kleinrussischen Accent. — Ueber den Accent der Verba im Kleinrussischen (Archiv für slav. Ph. II).—Hanusz. Ueber die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen (Arch. für slav. Ph. VII). —Головацкій. Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русского въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ («Науковый Сборникъ, издаваемый литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы». Львовъ, 1865—1867, и отд., Львовъ, 1867). — Гротъ. Филологическія разысканія. Два тома. Изданіе 3-е. Спб. 1885.—Дювернуа. О критическомъ значеніи Архангельскаго Евангелія (Журн. Мин. Н. Пр. 1878 г. № 10).—Житецкій. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1875 (срв. «Отчетъ о 20-мъ присужденіи уваровскихъ наградъ», стат. Потебни).—Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Часть 1-я. Кіевъ, 1889.—Kayssler. Die Lehre vom russischen Accent. Mit Rücksicht auf die Accentuationssysteme verwandter Sprachen. Berlin, 1866. —Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. М. 1886 (срв. Ж. Мин. Н. Пр. 1887 г. № 5). — Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи (Р. Филол. Вѣстн. 1890 г. №№ 2, 4). — Козловскій. Изслѣдованіе о языкѣ Остромирова Евангелія. Спб. 1885 (срв. Ж. Мин. Н. Пр. 1886 г. № 1).—Колосовъ. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Варшава, 1876.—Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава, 1878. — Почему въ род. пад. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій окончаніе *го* смѣнилось на *во*? (Филолог. Зап. 1877 г., вып. 2). Кочубинскій. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній: конс. + *л, р* + *ъ, ь* + конс. Двѣ книги. Одесса, 1877—78.—Какъ долго жилъ рус-

скій супинъ? (Филолог. Зап. 1872 г., вып. 4). — Крыжановскій. Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. Изслѣдованіе языка и сравнительная характеристика текста. Кіевъ, 1889.—Купріановъ. Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской Софійской библіотеки (Извѣстія Ак. Н., т. VI, и отд., Спб. 1857). — Лавровскій П. А. О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. Спб. 1852.—Описаніе семи рукописей Императорской Публичной Библіотеки (Чтенія Моск. Общ. ист. и др. 1858 г., кн. 4). — О русскомъ полногласіи (Извѣстія Ак. Н., VII).—Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями (Журн. Мин. Нар. Пр. 1859 г. № 6).—О Реймскомъ Евангеліи («Опыты филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института 6-го выпуска». Спб. 1852).—Лебедевъ. Славянскій переводъ книги Іисуса Навина по сохранившимся рукописямъ и Острожской библіи. Спб. 1890.—Leskien. Das russische дву*мя*, тре*мя*, четырь*мя* (Archiv für slav. Ph., I).—Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. Изданъ кн. М. Оболенскимъ. М. 1851.—Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку. Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1888.—Новгородскія лѣтописи (такъ наз. Новгородская вторая и Новгородская третья лѣтописи). Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1879.—Лѣтопись Аврамки въ «Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей», т. XVI. Спб. 1889. — Малининъ. Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII вѣка Императорской Публичной Библіотеки. Кіевъ, 1878.—Malinowski. Ueber die Endung des Gen. Sing. masc.-neutr. des pronominalen und zusammengesetzten Declination im Russischen und Kašubischen (Kuhn's Beiträge zur vergl. Sprachforschung, VIII). — Maretić. Slavenski nominalni akcent s obzirom na litavski, grčki i staroindijski (Rad Jugoslav. Akademije, CII, 1890).— Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 4 тома. Wien, 1875—83. Русскій переводъ 3-го тома, подъ редакціею проф. Брандта: «Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ». 5 выпусковъ. М. 1884—87 (срв. Журн. Мин. Нар. Пр. 1886 г. № 4).— Die Sprache der ältesten russischen Chronisten, vorzüglich Nestor's («Sitzungsberichte» Вѣнской Ак. Н., XVI).—Напьерскій. Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. Найдены въ Рижскомъ Архивѣ. Спб. 1857.—Недешевъ. Историческій обзоръ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ (Русск. Филолог. Вѣстн. 1884 г. № 3; срв. Журн. Мин. Н. Пр. 1885 г. № 6).—Ogonowski. Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg, 1880 (дополненіе: «Rozprawy i sprawozdania» Краковской Ак. Н. по филологич. отдѣл., X).—Pastrnek. Die altrussischen und čechischen

Participia auf *a* (Arch. für slav. Ph. XIII).—Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку (изданная посредствомъ свѣтопечати). Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1872.—Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку (изданная посредствомъ свѣтопечати). Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1871. —Помяловскій. Житіе св. Саввы Освященнаго въ древне-русскомъ переводѣ. По рукописи Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1890.—Поповъ. Синтаксическія изслѣдованія. I. Именительный, звательный и винительный. Воронежъ, 1881.—Попруженко. Замѣтки о языкѣ новгородской служебной Минеи 1095 г. (Филолог. Записки 1889 г., вып. 3—4).—Потебня. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Воронежъ, 1866.—Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. Воронежъ, 1871.—Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Томы I—II. Воронежъ, 1876; Варшава, 1880. — Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Изданіе 2-ое. Харьковъ, 1889.—Smal-Stockij. Ueber den Jnhalt des Codex Hankensteinianus. Wien, 1886. — Ueber die Wirkungen der Analogie in der Declination des Kleinrussischen (Archiv für slav. Ph. VIII—IX).—Соболевскій. Изслѣдованія въ области русской грамматики. Варшава, 1881.—Очерки изъ исторіи русскаго языка. Кіевъ, 1884 (дополненія: Русск. Филол. Вѣстн. 1884 г. № 3, 1888 г. № 2).—Источники для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ (Журн. Мин. Н. Пр. 1885 г. № 2).—Смоленско-полоцкій говоръ въ XIII—XV вв. (Р. Филолог. Вѣстн. 1886 г. № 1).—Одна особенность стараго новгородскаго говора (ib. 1886 г. № 4).—Малорусское *бути* (ib. 1882 г. № 3).—Начальное русское *о*=ц.-сл. ѥ (ib.; 1882 г. № 4, 1885 г. № 1).—Къ исторіи русскихъ акающихъ говоровъ (ib., 1884 г. № 3).—Славянское *тысяча* (ib., 1885 г. № 1).—Русское *чу*.—Русскія причастія на *нный* (ib., 1886 г. № 1).—Кирилловская часть Реймскаго Ев. (ib., 1887 г. № 3).—Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Т. I. М. 1813. Т. II. М. 1819.—Срезневскій И. И. Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. 1-е изданіе. Спб. 1850; 2-е изд. Спб. 1887.—Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вв.). Общее повременное обозрѣніе. 1-е изданіе. Спб. 1863; 2-е изданіе. Спб. 1882.—Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1865—1880 гг. Спб. 1885.—Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ (Записки Ак. Н., XI—XXXIX, и отд. Спб. 1867—1881). — Срезневскій В. И. Древній славянскій переводъ псалтыри. Изслѣдованіе его текста и языка по рукописямъ XI—XIV вв. Спб. 1877.—Vetter. Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen. Jnaugural-Dissertation. Leipzig, 1883. —Фортунатовъ. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprache (Arch. für

sl. Ph. IV).—Шахматовъ. Beiträge zur russischen Grammatik (ib., VII).—Schmidt Joh. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. T. 2-й. Weimar, 1875.—Ягичъ. Четыре палеографическія статьи. Спб. 1884 (срв. Журн. Мин. Н. Пр. 1885 г. № 2).—Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889 (срв. Р. Филол. Вѣстн. 1889 г. № 4).—Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus (Archiv für slav. Ph. I).—Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen *е*, *ѣ*, *ѧ* in den slavischen Sprachen (ib., V).—Zur Berichtigung der altrussischen Texte (ib. VI).

Другія библіографическія указанія—выше, глава II. Смотри также ст. Котляревскаго: «Объ изученіи древней русской письменности» (Филолог. Зап. 1879—1880 гг.).

Приложеніе.

I. Образцы древне-русскаго склоненія XI вѣка.

	Единств. ч.	Двойств. ч.	Множеств. ч.
Им.	вълкъ	вълка	вълци, вълкове
Род.	вълка	вълку	вълкъ, вълковъ
Дат.	вълку, вълкови	вълкома	вълкомъ
Вин.	вълкъ, вълка	вълка	вълкы
Твор.	вълкъмь	вълкома	вълкы
Мѣстн.	вълцѣ	вълку	вълцѣхъ.
Зват.	вълче		

Им.	конь	коня	кони
Род.	коня	коню	конь, коневъ?
Дат.	коню, коневи	конема	конемъ
Вин.	конь, коня	коня	конѣ
Твор.	коньмь	конема	кони
Мѣстн.	кони	коню	конихъ.
Зват.	коню		

Им.	путь	пути	путьє, путиє
Род.	пути	путью, путию	путьи, путии
Дат.	пути	путьма	путьмъ
Вин.	путь	пути	пути
Твор.	путьмь	путьма	путьми
Мѣстн.	пути	путью, путию	путьхъ.
Зват.	пути		

Им.	жена	женѣ	жены
Род.	жены	жену	женъ
Дат.	женѣ	женама	женамъ
Вин.	жену	женѣ	жены
Твор.	женою	женама	женами
Мѣстн.	женѣ	жену	женахъ.
Зват.	жено		

Им.	душа	души	душѣ
Род.	душѣ	душю	душь
Дат.	души	душяма	душямъ
Вин.	душю	души	душѣ
Твор.	душею	душяма	душями
Мѣстн.	души	душю	душяхъ.
Зват.	душе		

Им.	кость	кости	кости
Род.	кости	костью, костию	костьи, костии
Дат.	кости	костьма	костьмъ
Вин.	кость	кости	кости
Твор.	костью, костию	костьма	костьми
Мѣстн.	кости	костью, костию	костьхъ.
Зват.	кости		

Им.	мати	матери?	матере, матери
Род.	матере, матери	матерью? материю?	матеръ, матерьи? материи?
Дат.	матери	матерьма?	матерьмъ
Вин.	матерь	матери?	матери
Твор.	матерью, материю	матерьма?	матерьми
Мѣстн.	матере?, матери	матерью? материю?	матерьхъ.
Зват.	мати		

Им.-вин.	имя	имени, именѣ	имена
Род.	имене, имени	имену?	именъ
Дат.	имени	именьма, именема	именьмъ, именемъ

Твор.	именьмь	именьма, именема	именьми?, имены
Мѣстн.	имене?, имени	имену?	именьхъ, именѣхъ.

Им.	горожяне
Род.	горожянъ
Дат.	горожяньмъ?, горожяномъ, горожямъ
Вин.	горожяни, горожяны
Твор.	горожяньми, горожяны, горожями
Мѣстн.	горожяньхъ?, горожянъхъ, горожяхъ.

	Муж. р.		
Им.	добръи, добрыи	добрая	добрии
Род.	доброго	доброю	добрыхъ, добрыихъ
Дат.	доброму	добрыма, добрыима	добрымъ, добрыимъ
Вин.	добръи, добрыи, доброго	добрая	добрыѣ
Твор.	добрымь, добрыимь	добрыма, добрыима	добрыми, добрыими
Мѣстн.	добромь, добрѣмь	доброю	добрыхъ, добрыихъ.

	Женск. р.		
Им.	добрая	добрѣи	добрыѣ
Род.	доброѣ, добрыѣ	доброю	добрыхъ, добрыихъ
Дат.	доброи, добрѣи	добрыма, добрыима	добрымъ, добрыимъ
Вин.	добрую	добрѣи	добрыѣ
Твор.	доброю	добрыма, добрыима	добрыми, добрыими
Мѣстн.	доброи, добрѣи	доброю	добрыхъ, добрыихъ.

	Средн. р.		
Им.-вин.	доброѥ	добрѣи	добрая.

	Муж. р.		
Им.	синьи, синии	синяя	синии
Род.	синего	синею	синихъ, синиихъ
Дат.	синему	синима, синиима	синимъ, синиимъ
Вин.	синьи, синии, синего	синяя	синѣѣ
Твор.	синимь, синиимь	синима, синиима	синими, синиими
Мѣстн.	синемь	синею	синихъ, синиихъ.

	Женск. р.		
Им.	синяя	синии	синѣѣ
Род.	синеѣ, синѣѣ	синею	синихъ, синиихъ
Дат.	синеи	синима, синиима	синимъ, синиимъ
Вин.	синюю	синии	синѣѣ
Твор.	синею	синима, синиима	синими, синиими
Мѣстн.	синеи	синею	синихъ, синиихъ.

	Средн. р.		
Им.-вин.	синеѥ	синии	синяя.

	Муж. р.		
Имен.	тъ, тътъ	та	та
Род.	того	тою	тѣхъ
Дат.	тому	тѣма	тѣмъ
Вин.	тъ, тътъ, того	та, тою	ты
Твор.	тѣмь	тѣма	тѣми
Мѣстн.	томь	тою	тѣхъ.

	Женск. р.		
Имен.	та	тѣ	ты
Род.	тоѣ	тою	тѣхъ
Дат.	тои	тѣма	тѣмъ
Вин.	ту	тѣ	ты
Твор.	тою	тѣма	тѣми
Мѣстн.	тои	тою	тѣхъ.

	Средн. р.		
Им.-вин.	то	тѣ	та.

	Муж. р.		
Имен.	(и)	(я)	(и)
Род.	юго	ѥю	ихъ
Дат.	юму	има	имъ
Вин.	и,-ь, юго	я, ѥю	ѣ
Твор.	имь	има	ими
Мѣстн.	юмь	ѥю	ихъ.

	Женск. р,		
Имен.	(я)	(и)	(ѣ)
Род.	ѥѣ	ѥю	ихъ
Дат.	ѥи	има	имъ
Вин.	ю	и	ѣ
Твор.	ѥю	има	ими
Мѣстн.	ѥи	ѥю	ихъ.

	Средн. р.		
Им.-вин.	ѥ	и	я.

Имен.	дъва, дъвѣ
Род.	дъвою, дъву
Дат.	дъвѣма
Вин.	дъва, дъвѣ
Твор.	дъвѣма
Мѣстн.	дъвою, дъву

Им.	язъ, я	вѣ	мы
Род.	мене	наю	насъ
Дат.	мънѣ, ми	нама	намъ, ны
Вин.	мене, мя	наю	ны, насъ
Твор.	мъною	нама	нами
Мѣстн.	мънѣ	наю	насъ.

Им.	ты	ва?	вы
Род.	тебе	ваю	васъ
Дат.	тебѣ, тобѣ, тебе, ти	вама	вамъ, вы
Вин.	тебе, тя	ва? ваю	вы, васъ
Твор.	тобою	вама	вами
Мѣстн.	тебе, тебѣ, тобѣ	ваю	васъ.

Род.	себе
Дат.	себѣ, собѣ, себе, си
Вин.	себе, ся
Твор.	собою
Мѣстн.	себе, себѣ, собѣ.

II. Образцы древне-русскаго спряженія XI вѣка.

	Настоящ. время.		
1-е л.	веду	ведевѣ, ведева	ведемъ, ведемы, ведемо, ведеме
2-е л.	ведешь	ведета	ведете
3-е л.	ведеть, веде	ведета	ведуть, веду.

	Имперфектъ.		
1-е л.	ведяхъ	ведяховѣ, ведяхова	ведяхомъ,—ы,—о,—е
2 е л.	ведяше	ведяста, ведяшета, ведяшьта?	ведясте, ведяшете, ведяшьте?
3-е л.	ведяше,-ть		ведяху, ведяхуть.

	Аористъ.		
1-е л.	ведохъ	ведоховѣ, ведохова	ведохомъ, — мы, — мо, — ме
2-е л.	веде	ведоста	ведосте
3-е л.	веде	ведоста	ведошя.

Повелит. накл.

1-е л.		ведѣвѣ, ведѣва	ведѣмъ, —мы, —мо, —ме
2-е л.	веди	ведѣта	ведѣте.
3-е л.	веди		

Будущее сложное.

буду, иму, хочю, начьну вести, весть, и т. д.

Будущее совершенное.

буду велъ, —а—о, и т. д.

Прошедш. сложное.

ѥсмь велъ, —а, —о, и т. д.

Давнопрошедш.

1. бяхъ (бѣхъ) велъ, —а, —о, и т. д.
2. ѥсмь былъ велъ, —а—а, —о—о, и т. д.

Сослагат. накл.

быхъ велъ, —а, —о, и т. д.

Неопредѣл. накл.

вести, весть.

Супинъ.

вестъ, весть.

Причастіе наст.

веда, ведучи, веда, род. ведуча, ведучѣ, ведуча...
ведаи, ведучия, ведучеѥ, род. ведучего, ведучеѣ, ведучего...

Причаст. прош. склон.

ведъ, ведъши, ведъ, род. ведъша, ведъшѣ, ведъша...
ведъи (ведыи), ведъшия, ведъшеѥ, род. ведъшего, ведъшеѣ, ведъшего...

Причаст. прош. спряг.

велъ, —а, —о.

Причастіе страдат. наст.

ведомъ, —а, —о.

Причастіе прош. страд.

веденъ, —а, —о.

	Настоящ. время.		
1-е л.	ѥсмь, ѥсми	ѥсвѣ, ѥсва	ѥсмъ, ѥсмы, ѥсмо, ѥсме, ѥсмя?
2-е л.	ѥси	ѥста	ѥсте
3-е л.	ѥсть, ѥ, ѥсти?	ѥста	суть, су.

	Настоящ. время.		
1-е л.	дамь	давѣ, дава	дамъ, дамы, дамо, даме
2-е л.	даси	даста	дасте
3-е л.	дасть, да	даста	дадять, дадя, дадуть, даду.
	Повелит. накл.		
1-е л.		дадивѣ, дадива	дадимъ, дадимы, дадимо, дадиме
2-е л.	дажь	дадита	дадите.
3-е л.	дажь		

УКАЗАТЕЛЬ.

